

ISSN 1817-7085

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

2024/3

Философия П права

№ 3 (110)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2024

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Алексеева Л.А., Майорова С.А. ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИИ В РОССИИ	7
Гаврилова Ю.А. «РУССКИЙ МИР» КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ИДЕЯ	15
Карнаушенко Л.В. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	22
Костюнина О.В. СВОБОДА КАК КРЕДИТ ДОВЕРИЯ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	30
Минникоев И.В. УЗАКОНЕННЫЕ И НЕУЧТЕННЫЕ ФОРМЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПОЛНОМ СОБРАНИИ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	39
Хужин А.М., Мазаева Д.К. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ	47
Хужина О.Н. ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АБРИС ОБЩЕПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	53

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Благовещенская М.А. УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА НАСТАВНИЧЕСТВА	60
Григорян Д.К., Геращенко А.В. РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ ЛГБТ-ДВИЖЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАН	67
Жбанова С.А., Понежина Л.Ю., Копыл Д.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОКАЗАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДАНАМ, ПРИВЛЕКАЕМЫМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	72

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Гнетнев И.Г., Лисунова Д.С. БАЗОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ	79
Пономарева Н.В. ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	84

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Азарова Е.С. СПЕЦИФИКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ	90
Бабушкин А.А. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ЛИЦАМИ, СКЛОННЫМИ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	95
Батоев В.Б. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ СЕРВИСА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА БАЗЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «ПАУТИНА»	102
Давыдов В.О. ПРЕСТУПНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ	109
Дмитриев Д.Б., Донская О.Г., Литвинова Ю.И. СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	116
Дятлов Г.А. СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	123
Иванов П.И. К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ «ЦИФРОВОГО ПРЕСТУПНИКА»	128

Комаров И.М., Рудин А.П. О ТЕОРИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	136
Кулешова А.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА	140
Курилов С.И. НАРУШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ	144
Лозовский Д.Н. ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (СТ. 210.1 УК РФ): ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ	151
Мирошниченко А.Ю., Короленко И.И. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ ДОПИНГА В СПОРТЕ	158
Пахомов С.В., Зинovieва Н.С. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДОКУМЕНТАХ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	164
Рудов М.В., Сорокун Н.С. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ЗА ПЕРИОД С 2019 ПО 2023 ГОД	172
Фетищева Л.М., Шараева Я.А., Солонникова Н.В. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	180
Чихрадзе А.М. СИСТЕМА БЛОКЧЕЙН: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	187

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Герашенко И.Г., Герашенко А.И. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	193
Контарев А.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЧАСТЬ 1. ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ)	199

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Григорьев Е.В. ОНТОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	207
Рожковский В.Б. ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ: ОЦЕНКИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЗАПАДА (И.В. КИРЕЕВСКИЙ, В.Ф. ЭРН, А.С. ПАНАРИН)	214

Главный редактор
Д.В. Тишин, канд. юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора
С.В. Пахомов, доктор юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: vkovalchuk8@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюн.мвд.рф>

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-gf.ru
Индекс – 79848.

Цена свободная.

Выпускающий редактор: *В.А. Ковальчук*

Корректор: *Л.Н. Кожоридзе*

Компьютерный набор и верстка – *Е.Е. Пелехатой*

Подписано в печать 24.09.2024. Выход в свет 27.09.2024.

Формат 60x84 1/8. Объем 27,5 п. л. Набор компьютерный.

Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная. Бумага офисная. Усл.-печ. л. 25,58. Первый завод 99. Тираж 300 экз. Заказ № 124.

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Alekseeva L.A., Majorova S.A. DETERMINANTS OF CORRUPTION IN RUSSIA	7
Gavrilova Yu.A. «THE RUSSIAN WORLD» AS A PHILOSOPHICAL AND LEGAL IDEA.....	15
Karnaushenko L.V. SOCIAL JUSTICE AND LEGAL REGULATION: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS	22
Kostyunina O.V. FREEDOM AS A CREDIT OF TRUST IN EXPERIMENTAL LEGAL RELATIONS	30
Minnikes I.V. LEGALIZED AND UNRECORDED FORMS OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE COMPLETE COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE	39
Khuzhin A.M., Mazaeva D.K. INDIVIDUAL LEGAL REGULATION AS A MEANS OF OVERCOMING UNCERTAINTY IN LAW.....	47
Khuzhina O.N. TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN LAW: METHODOLOGICAL OUTLINE OF A GENERAL LEGAL RESEARCH.....	53

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Blagoveshchenskaya M.A. MANAGERIAL COMPETENCIES OF THE HEAD OF THE INTERNAL AFFAIRS BODY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DEVELOPMENT OF THE MENTORING INSTITUTE	60
Grigoryan D.K., Gerashchenko A.V. THE ROLE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PROMOTING LGBT MOVEMENTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES.....	67
Zhbanova S.A., Ponezhina L.Yu., Kopyl D.V. SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF PROVIDING PROFESSIONAL LEGAL ASSISTANCE TO CITIZENS BROUGHT TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY	72

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gnetnev I.G., Lisunova D.S. BASIC CLASSIFICATION OF TRADEMARKS	79
Ponomareva N.V. FORMS OF ABUSE OF LAW IN CORPORATE LEGAL RELATIONS	84

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Azarova E.S. SPECIFICS OF LAW ENFORCEMENT DISCRETION	90
Babushkin A.A. THEORETICAL AND LEGAL MODEL OF THE SYSTEM OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE CONTROL OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OVER PERSONS PRONE TO COMMIT CRIMES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY	95
Batoev V.B. ABOUT SOME ASPECTS OF USING THE SERVICE TO AUTOMATE THE ACTIVITIES OF CENTERS FOR AUTOMATED FIXATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC ON THE BASIS OF SPECIAL SOFTWARE «WEB» IN COMBATING CRIME	102
Davydov V.O. CRIME AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FORENSIC PREDICTION OF FAVORABILITY FACTORS	109
Dmitriev D.B., Donskaya O.G., Litvinova Yu.I. MODERN CRIMINAL POLICY OF RUSSIA: THEORY AND REALITY	116
Dyatlov G.A. THE STATE OF CRIMINAL LAW REGULATION OF CYBERCRIMES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	123
Ivanov P.I. ON THE QUESTION OF THE IDENTITY OF THE «DIGITAL CRIMINAL».....	128
Komarov I.M., Rudin A.V. ON THE THEORY OF CRIME INVESTIGATION	136

Kuleshova A.V. FORENSIC FORECASTING OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE ACTIVITIES OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS	140
Kurilov S.I. VIOLATION OF LEGALITY IN THE PROCEDURAL ACTIVITY OF CRIME INVESTIGATION BODIES OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM	144
Lozovsky D.N. OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY (ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION	151
Miroshnichenko A.Yu., Korolenko I.I. INTERNATIONAL LEGAL COUNTERACTION TO DOPING IN SPORTS	158
Pakhomov S.V., Zinovieva N.S. PATTERNS OF REFLECTION OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN DOCUMENTS OF FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF AGRO-INDUSTRIAL ORGANIZATIONS	164
Rudov M.V., Sorokun N.S. CRIMINOLOGICAL FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND CERTAIN SUBJECTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT FOR THE PERIOD FROM 2019 TO 2023	172
Fetishcheva L.M., Sharaeva Ya.A., Solonnikova N.V. THE LEGAL SITUATION AND PROBLEMS OF COUNTERING CORRUPTION CRIMES COMMITTED IN INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM	180
Chikhradze A.M. BLOCKCHAIN SYSTEM: FORENSIC ASPECT	187

5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES (POLITICAL SCIENCES)

Gerashchenko I.G., Gerashchenko A.I. STATE POLICY ON STRENGTHENING TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES (METHODOLOGICAL ASPECT)	193
Kontarev A.A. ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION (PART 1. EXPERIENCE IN DEFINING THE CONCEPT)	199

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Grigorov E.V. THE ONTOLOGY OF INTERNATIONAL LAW	207
Rozhkovsky V.B. SLAVOPHILE TIME: ASSESSMENTS OF THE CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE WEST (I.V. KIREEVSKY, V.F. ERN, A.S. PANARIN)	214

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Алексеева Лилия Алексеевна

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, lillilia@mail.ru

Майорова Светлана Анатольевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация, plavalaguna@inbox.ru

Введение: настоящая статья посвящена анализу коррупциогенных проявлений. Были изучены факторы, способствующие появлению коррупции. Автор указывает на необходимость разработки качественной законодательной базы для борьбы с коррупцией. В статье также отмечается, что гражданское общество и его институты играют важную роль в сокращении коррупции.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили исследования современных историков и юристов-правоведов в интересующей области исследования. Использовались общенаучные методы (описание, анализ, синтез, индукция), частнонаучные методы познания правовых явлений (юридико-догматический метод, метод анализа нормативных правовых текстов).

Результаты исследования: в статье выявлены и систематизированы наиболее значимые факторы, влияющие на существование коррупции.

Выводы и заключения: знание коррупциогенных факторов позволяет системно и целенаправленно воздействовать на них с целью нейтрализации.

Ключевые слова: коррупция, факторы, государственные служащие, органы государственной власти, законодательство, профессионализм, противодействие.

Для цитирования: Алексеева Л. А., Майорова С. А. Детерминанты коррупции в России / Л. А. Алексеева, С. А. Майорова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 7–14.

Original paper

DETERMINANTS OF CORRUPTION IN RUSSIA

Alekseeva Lilia Alekseevna

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Majorova Svetlana Anatolyevna

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: this article is devoted to the analysis of corruption-generating manifestations. The factors contributing to the emergence of corruption were studied. The author points out the need to develop a high-quality legislative framework for combating corruption. The article also notes that civil society and its institutions play an important role in reducing corruption.

Materials and methods: the material base of the article was made up of studies by modern historians and legal scholars in the area of interest. General scientific methods (description, analysis, synthesis, induction), specific scientific methods of understanding legal phenomena (legal-dogmatic method, method of analyzing normative legal texts) were used.

Results of the study: the article identifies and systematizes the most significant factors influencing the existence of corruption.

Findings and conclusions: knowledge of corruption-generating factors allows us to systematically and purposefully influence them in order to neutralize them.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Keywords: corruption, factors, civil servants, government bodies, legislation, professionalism, counteraction.

*For citation: Alekseeva L. A., Majorova S. A. Determinants of corruption in Russia / L. A. Alekseeva, S. A. Majorova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 7–14.**

Современная российская коррупция представляет собой сложное политико-социальное явление, обусловленное [1, с. 6–12] сочетанием исторических, экономических, политических и социокультурных факторов. Причины коррупции многообразны, но представляется возможным все причины отнести к нескольким блокам социальных отношений.

Первый блок факторов, способствующих появлению, существованию и интенсивному развитию коррупции, составляют политические факторы. Одним из них, в частности, будет выступать монополизация власти государством. Это приводит прежде всего к отсутствию эффективного механизма государственного контроля и баланса интересов. Власть становится менее открытой и прозрачной, что создает основу для осуществления коррупционных схем. Непрозрачность принятия решений увеличивает риск того, что такого рода решения принимаются узким кругом лиц, в том числе, с коррупционными мотивами. Отсутствие оппозиции и политической конкуренции влечет за собой отсутствие стимулов для проведения антикоррупционных расследований и кампаний. Вместе с тем монополизация власти не может быть признана автоматическим катализатором коррупции, а находится в зависимости от других факторов (экономических, социально-культурных, политических), поскольку только монополизацией власти политические факторы не исчерпываются.

Еще одним политическим фактором, способствующим существованию коррупции, могут быть признаны чрезмерные полномочия государственных служащих. В юридической литературе справедливо подчеркивается, что бюрократизм, во многом детерминированный феноменом усмотрения, является питательной средой для коррупции [7, с. 143–145]. Чиновники с чрезмерными полномочиями, с одной стороны, слабо контролируются со стороны вышестоящих инстанций, а с другой – обладают расширенными возможностями по принятию значимых решений самостоятельно без консультаций и одобрения со стороны коллег

или вышестоящего органа, что увеличивает риск коррупции. Чиновники с чрезмерными полномочиями могут контролировать доступ к информации, что усложняет возможности правоохранительных органов обнаруживать и расследовать коррупционные действия. Кроме того, чиновники, имеющие большую власть, нередко создают исключения или привилегии для себя, своих знакомых и бизнес-партнеров. Наличие широкого круга полномочий в определенной сфере позволяет становиться в данных сферах «ключевыми игроками», делая их влияние особенно ценным.

К числу политических факторов можно отнести низкую эффективность осуществления управленческой деятельности, которая характеризуется целым рядом аспектов, оказывающим влияние на коррупцию. Так, несмотря на декларируемый принцип гласности деятельности государственных органов, принятие большинства управленческих решений является «непрозрачным», что позволяет латентно злоупотреблять властью и извлекать разного рода выгоды при принятии решений.

Демократическое и подлинно правовое государство предполагает наличие активного участия граждан в контроле за деятельностью органов власти, что закономерно влечет ограничение простора для занятия коррупционной деятельностью. Кроме того, свободный доступ к сведениям о деятельности различных органов государственной власти уменьшает возможности для коррупции, поскольку общественность может контролировать и анализировать деятельность органов государственной власти.

Низкий уровень профессионализма государственных служащих также может выступать в качестве коррупциогенного фактора, поскольку, с другой стороны, наличие профессионально подготовленных и достойно оплачиваемых государственных служащих снижает их мотивацию к получению взяток. Вместе с тем можно согласиться с мнением Е.Е. Немерюк, что в российской действительности имеет место проблема отсутствия определенной шкалы критериев оценки эффективности или неэффективности

работы госслужащих, в связи с чем реальная оценка деятельности государственных служащих, а также возможности их привлечения к ответственности существенно ограничены [12, с. 610].

Кроме того, недостаточный профессионализм чиновников приводит к непониманию законов и правил, подлежащих применению, что создает возможность их неправильного применения и возможности для коррупции. Низкий профессиональный уровень снижает способность принимать обоснованные и беспристрастные решения. Чиновники, имеющие невысокий профессиональный уровень, более подвержены влиянию внешних стимулов, включая взятки.

Отсутствие профессиональной этики может выступать провоцирующим фактором к участию в коррупционных схемах. Значимость профессиональной этики в противодействии коррупции была осознана достаточно давно, что привело к появлению нормативно закрепленных антикоррупционных стандартов. Профессиональная этика представляет собой систему этических знаний и практических рекомендаций, сориентированных на управленческую деятельность. Это образцы лучшего опыта нравственного решения конкретных управленческих проблем [11, с. 36]. Аккумулируя принципы, заложенные в нормативных правовых актах, закрепляющих этические стандарты для различных видов государственной и муниципальной службы, в целом можно отметить, что они сводятся к требованиям реализации в своей деятельности законности, справедливости, беспристрастности, независимости, личной ответственности служащего за свои действия [2, с. 106–109].

Также приходится отмечать, что низкий уровень профессионализма не позволяет чиновникам в полной мере осознавать возложенную на чиновника государством ответственность, что может привести к злоупотреблениям властью. В ряде случаев непрофессионализм чиновников приводит к излишним или неопределенным процедурам, создающим условия для коррупции, для преодоления которых субъекты правоотношений будут искать пути «укорочения» процессов через взятки или другие коррупционные практики. Чиновники, не отличающиеся высоким профессионализмом, могут быть менее подготов-

лены к давлению со стороны внешних факторов, включая бизнес, криминальные группировки или политические интересы. Отсутствие профессионального подхода к своим обязанностям приводит к нежеланию и неспособности внедрять прозрачные и открытые процедуры.

Беспристрастная и независимая судебная система занимает одно из центральных мест в реализации антикоррупционной политики. Анализ состояния и борьбы с коррупцией в ряде зарубежных стран свидетельствует о том, что если судебная система работает независимо и эффективно, то коррупционеры закономерно подвергаются наказанию, что выступает дисциплинирующим фактором. С сожалением приходится констатировать, что несмотря на ряд проведенных судебных реформ деятельность современной судебной системы не может получить высокой оценки. В ряде случаев деятельность современного суда оценивается не как ориентированная на упрочение законности, а как ориентированная на интересы и приоритеты тех, кто обеспечивает судьям высокий уровень благосостояния [13].

Недостаточная развитость рыночной системы вынуждает субъектов экономической деятельности пользоваться незаконными источниками обеспечения необходимыми ресурсами. В условиях экономической нестабильности или кризиса закономерно происходит падение реальных доходов, в том числе государственных служащих, что является стимулом к незаконному обогащению. При таком недостаточном финансировании государственные служащие стремятся «монетизировать» свои властные полномочия. Пользуясь своим должностным положением, коррупционеры создают такие условия ведения хозяйственной деятельности, при которых участники рынка вынуждены вступать с должностными лицами (от которых зависит выполнение хозяйственных сделок) в коррупционные отношения [8, с. 74]. Справедливой представляется позиция О.С. Белокрыловой и М.А. Вахтиной, подчеркивающих, что низкая эффективность антикоррупционных мер обусловлена существующим нарушением принципа социальной справедливости – обеспечения равенства возможностей и ухудшение конкурентной среды [3, с. 12].

Очевидной является взаимосвязь между коррупцией и слабостью институтов

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

государственного управления, которые оказываются не в состоянии эффективно контролировать и пресекать коррупцию. Слабая юридическая система и неэффективное правоприменение порождают безнаказанность коррупционеров.

Вместе с тем стоит заметить, что даже в странах с высоким уровнем социального и экономического развития коррупция может существовать, однако отставание в социально-экономическом развитии существенно усиливает влияние негативных факторов.

Таким образом, эффективная управленческая деятельность, основанная на принципах демократизма, гласности, профессионализма и привлечения общественности к управлению и контролю за ним, способна значительно снизить уровень коррупции в государстве.

Вторая группа факторов, оказывающих влияние на состояние коррупции, – это законодательные несовершенства. Несмотря на предпринятые Россией попытки приведения законодательства к общемировым антикоррупционным стандартам, качество российского законодательства и его правоприменительная практика вряд ли могут быть признаны эффективными. В качестве значимой коррупционной проблемы в сфере законодательства в юридической литературе указывается на чрезмерную свободу подзаконного нормотворчества [17, с. 84–88; с. 200]. Страны с четко определенными и реально применяемыми законами о борьбе с коррупцией, как правило, имеют более низкие уровни этого проявления.

В настоящее время законодательство, направленное на противодействие коррупции, многочисленно и неоднородно. Между различными нормативными правовыми актами отсутствуют согласованность и внутренние связи, что создает ощутимые сложности для правоприменителей, поскольку при такой разнородности актов сложно создать единый отлаженный механизм борьбы с коррупцией. В ряде случаев имеет место противоречивость антикоррупционного законодательства Конституции РФ [9, с. 253].

Кроме того, возможности для злоупотреблений создают недостаточно четко определенные или неурегулированные области деятельности государственных служащих. С другой стороны, четко установленные и стандартизированные процедуры административной

деятельности органов государственной власти существенно снижают вероятность возникновения «серых зон», в которых могут иметь место коррупционные проявления.

Так, можно согласиться с О.В. Беляевой, что недостаточность регламентации института кадрового резерва на федеральном уровне порождает недостаточную регламентацию или ее отсутствие и на муниципальном уровне. В результате в некоторых случаях нормативные акты, регламентирующие этот институт на муниципальном уровне, могут содержать коррупциогенные факторы [4, с. 92–98].

Очевидно, что пробелы в законодательстве и нечеткость формулировок могут привести к различным интерпретациям закона, что предоставляет возможность, с одной стороны, коррумпированным лицам оправдывать свои действия, а с другой стороны, затрудняет со стороны правоприменительных судебно-следственных органов привлечение коррупционеров к ответственности.

Законодательные пробелы могут приводить к тому, что лица, совершившие коррупционные нарушения, останутся безнаказанными. Это подрывает доверие к деятельности государственных органов в целом, порождает либо правовой нигилизм в обществе, либо терпимое отношение к коррупции как обыденному явлению. Как верно отмечает Е.Е. Румянцева, в современной правоохранительной работе пресечение коррупционных преступлений выстраивается по негласным правилам именно вокруг взятки, хотя федеральное законодательство трактует коррупцию широко, емко – как получение выгоды от незаконного использования должностного положения [14, с. 118].

Таким образом, для борьбы с коррупцией важно не только наличие строгих законов, но их качество, полнота и четкость, а также эффективное применение. Наличие пробелов в законодательстве серьезно может затруднить эту борьбу.

Третья группа факторов – социально-экономические. Нестабильная политика в сфере экономического сектора оказывает достаточно заметное влияние на рост коррупции. Так, нестабильная экономическая политика приводит к частым изменениям законодательства, что создает неопределенность для бизнеса. В свою очередь такого рода неопределен-

ность заставляет субъектов экономических отношений искать более короткие пути через коррупционные схемы, чтобы обойти непонятные или противоречивые нормы. Кроме того, если правила меняются часто и непредсказуемо, то доступ к информации или преимущественному положению может стать ценным. Это приводит к увеличению взяток и другим формам коррупции, поскольку компании будут стремиться обеспечить себе выгодные условия. В условиях нестабильности бизнес может видеть коррупцию как способ «застраховаться» от непредсказуемых изменений, заключая неформальные договоренности с государственными чиновниками. Отставание в социально-экономическом развитии также представляет собой фактор, способствующий увеличению коррупции. Так, в условиях ограниченности каких-либо ресурсов (финансовых, экономических) повышается конкурентная борьба за них, что создает благоприятную почву для взяточничества и коррупционных практик.

Отставание государства в сфере образования приводит к недостаточной осведомленности граждан о своих правах и свободах, что делает их уязвимыми перед коррупционными действиями. Как справедливо отмечается в литературе, «образование» и «коррупция» находятся в обратной корреляции друг с другом. Это означает, что чем сильнее борьба с коррупцией, тем меньше она влияет на сам процесс получения образования и тем выше уровень образования в стране. Чем большее число граждан имеет качественное образование, тем сложнее ввергнуть общество в образовательно-коррупционную «яму» [6, с. 142–156].

Также стоит заметить, что существует тесная связь между коррупцией и теневой экономикой, они являются так называемыми социально-экономическими близнецами. Теневая экономика, конечно, порождает тотальную коррупцию, а коррупция в свою очередь создает расцвет теневой экономики. Теневая экономика – деятельность субъектов хозяйствования, которая развивается вне государственного учета и контроля. Стоит отметить, что теневая экономика может существовать в больших масштабах, лишь при условии коррумпированности всех систем государственной власти. «Питательная» среда коррупции формируется свободными, неучтенными, в том числе

приобретенными незаконным путем деньгами, которые образуются как результат преступлений в сфере экономики [10, с. 289–292], что становится возможным в условиях нестабильного рынка.

Отставание в социально-экономическом развитии нередко предполагает высокий уровень безработицы, что влечет за собой коррупционные риски при устройстве на работу, а также при конкурировании за различные социальные блага. Кроме того, экономическая нестабильность и неопределенность могут выступать в качестве стимула к быстрому обогащению. В периоды экономической нестабильности заработная плата государственных служащих оказывается недостаточной, что провоцирует их к поиску дополнительных источников доходов, в том числе и нелегальных, включая взяточничество.

Четвертую группу факторов можно назвать социокультурными. Необходимо обратить внимание и на низкий уровень правовой культуры современного российского общества, который также может способствовать распространению коррупции. Действительно, недостаточная осведомленность граждан о своих правах и свободах делает их уязвимыми в случаях вымогательства взятки. Низкая правовая культура приводит к апатии и нежеланию бороться с коррупционными проявлениями. Е.Г. Телегина справедливо отмечает, что для современного российского общества характерно представление о коррупции как о неизбежном явлении, что порождает фактическое принятие населением коррупционной действительности [16, с. 38–40]. Действительно, в обществе с низким уровнем правовой культуры коррупционные проявления могут рассматриваться как норма или неизбежное зло, а попытки изменить общество не имеют смысла. Согласно исследованиям, проведенным в 2017 г. Т.М. Судаковой в г. Иркутске, на вопрос о том, допустимо ли решать личные проблемы с помощью коррупции, 59 % опрошенных ответили, что готовы решать свои проблемы именно таким способом [15, с. 17–20].

Низкий уровень правовой культуры порождает слабую социальную ответственность, при которой борьба с коррупцией представляется как исключительная задача государства, а не общества и граждан. В условиях

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

низкой правовой культуры население боится заявлять о коррупционных правонарушениях, поскольку отсутствует вера в защиту со стороны государственно-властных структур. Таким образом, для борьбы с коррупцией важно не только создавать нормативную базу для противодействия ей, но и формировать в обществе важность соблюдения законов и нетерпимость к их нарушениям.

Значительную роль в сокращении коррупции играет гражданское общество и его институты. Многие исследователи сходятся во мнении, что в России именно неразвитость институтов гражданского общества является одной из первопричин коррупции. Так, гражданское общество может следить за действиями государственных органов, должностными лицами государственных предприятий, учреждений, организаций, обнаруживая и предавая огласке факты совершения коррупционных нарушений. Более того, группы гражданского общества могут оказывать давление на власть в целях принятия антикоррупционных мер и наказания коррупционеров. Развитое гражданское общество посредством организации различных образовательных кампаний повышает осведомленность граждан о коррупции, наносимом ей ущербе и способах борьбы с ней. Группы гражданского общества могут участвовать в разработке и совершенствовании антикоррупционного законодательства, а также требовать от государства большей прозрачности при проведении финансовых операций, в бюджетной и иных сферах, связанных с распределением финансовых средств. Через проводимые кампании и свои действия гражданское общество может влиять на общественное мнение, формируя нетерпимое отношение к коррупционным проявлениям.

Кроме того, гражданское общество может создавать платформы для диалога между государством, обществом и гражданами по во-

просам коррупции. Таким образом, наличие активного и развитого гражданского общества способно существенным образом ограничить коррупционные проявления, создавая дополнительные механизмы контроля и ответственности. Стоит отметить, что всегда легче предупредить преступление, чем потом разбираться с его последствиями. Именно поэтому общество должно участвовать в общественном контроле, а государство в максимальной степени способствовать повышению нравственного, материального и культурного уровня развития и благосостояния населения, обязательно привлекать институты гражданского общества в борьбе с коррупционными правонарушениями.

Отсутствие независимых средств массовой информации можно признать в качестве косвенного фактора, провоцирующего коррупцию, поскольку в условиях ограниченного доступа к информации коррупционные схемы остаются вне сферы внимания институтов гражданского общества и порой правоохранительных органов. В ряде случаев проведения журналистских расследований, которые освещаются в СМИ, коррупционные преступления становятся не просто известными широкой общественности, но и лицам, совершившим их, становится сложнее избежать ответственности. Анализируя роль СМИ в противодействии коррупции, в частности, отмечается, что из различных информационных порталов, социальных сетей, видеохостингов можно получить информацию о передовых технологиях, делиться опытом, размещать антикоррупционные расследования, обнародовать и популяризировать свой случай в коррупционной деятельности [5, с. 224]. Правильное использование возможностей и преимуществ средств массовой информации и Интернета способно оказать значительное влияние на борьбу с коррупцией.

Список источников

1. Алексеева Л.А. Роль органов внутренних дел в противодействии коррупции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2(83).
2. Ахметова Н. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции // Власть. 2009. № 6.
3. Белокрылова О.С., Вахтина М.А. Что порождает коррупцию: институциональная

References

1. Alekseeva L.A. The role of internal affairs bodies in combating corruption // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2020. № 2 (83).
2. Akhmetova N. The role of professional ethics in preventing corruption // Power. 2009. № 6.
3. Belokrylova O.S., Vakhtina M.A. What gives rise to corruption: an institutional system or human essence? (to the question of the nature of opportunistic

система или человеческая сущность? (к вопросу о природе оппортунистического поведения) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4.

4. Беляева О.В. Проблемные вопросы муниципальной службы в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4(89).

5. Булгакова Д.В. К вопросу о роли средств массовой информации и интернета в противодействии коррупции в Российской Федерации // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Международной научно-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Тамбов, 2021.

6. Ивашкин Н.С. Коррупция и ее влияние на качество образования в современной России // Ценности и смыслы. 2022. № 4(80).

7. Касаева Т.В. Дискреционные полномочия государственного служащего в аспекте противодействия коррупции // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. 2015.

8. Комаров В.Ф., Морозова Н.А. Коррупция как аспект явления «фiasco рыночного механизма» // Мир экономики и управления. 2016. № 1.

9. Коновалов В.А. О некоторых пробелах правового противодействия коррупции в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11(172).

10. Купрещенко Н.П., Филатова И.В. Проблема борьбы с коррупцией – ключевое направление обеспечения экономической безопасности страны в условиях нестабильности экономики // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4.

11. Куракин А.В. Этические принципы служебного поведения государственных служащих как способ предупреждения коррупции // Современное право. 2003. № 2.

12. Немерюк Е.Е. Профессиональная деятельность государственных служащих как проблема функционирования государственной службы // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук: материалы VIII Международной научной конференции. Саратов, 2020.

13. Поляков Н.М. Коррупция в судебной системе и методы борьбы с ней. // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. 2017.

behavior) // State and municipal administration. Scientific notes. 2014. № 4.

4. Belyaeva O.V. Problematic issues of municipal service in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. № 4 (89).

5. Bulgakova D.V. On the Role of Mass Media and the Internet in Combating Corruption in the Russian Federation // Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako: Proc. of the V International Scientific and Practical. Conf.: in 2 vols. Vol. 1. Tambov, 2021.

6. Ivashkin N.S. Corruption and its Impact on the Quality of Education in Modern Russia // Values and Meanings. 2022. № 4 (80).

7. Kasayeva T.V. Discretionary Powers of a Civil Servant in the Aspect of Combating Corruption // Combating Corruption: Public Policy and Civil Society. 2015.

8. Komarov V.F., Morozova N.A. Corruption as an Aspect of the Phenomenon of «Fiasco of the Market Mechanism» // The World of Economics and Management. 2016. № 1.

9. Konovalov V.A. On Some Gaps in Legal Counteraction to Corruption in Russia // Bulletin of the Orenburg State University. 2014. № 11 (172).

10. Kupreshchenko N.P., Filatova I.V. The Problem of Combating Corruption is a Key Direction of Ensuring the Country's Economic Security in the Context of Economic Instability // Bulletin of Economic Security. 2016. № 4.

11. Kurakin A.V. Ethical Principles of Official Conduct of Civil Servants as a Way to Prevent Corruption // Modern Law. 2003. № 2.

12. Nemeryuk E.E. Professional Activities of Civil Servants as a Problem of the Functioning of the Civil Service // Modern Cultural and Educational Space of the Humanities and Social Sciences: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Saratov, 2020.

13. Polyakov N.M. Corruption in the Judicial System and Methods of Combating It. // Criminal Law and Criminology; criminal-executive law. 2017.

14. Runyantseva E.E. Gaps in Russian anti-corruption legislation and unspoken rules for combating corruption // State and society. 2017. № 3 (119).

15. Sudakova T.M. Anti-corruption education in determining corruption crime. // Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: collection of materials from the conference (April 20-21, 2017) Krasnoyarsk, 2017.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

14. Румянцева Е.Е. Пробелы российского антикоррупционного законодательства и негласные правила борьбы с коррупцией // Государство и общество. 2017. № 3(119).

15. Судакова Т.М. Антикоррупционное просвещение в детерминации коррупционной преступности. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: сб. по материалам конференции (20–21 апреля 2017 г.) Красноярск, 2017.

16. Телегина Е.Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия коррупции // Юридические науки и политология. 2017. № 6.

17. Телегина Т.Д. К вопросу о целесообразности введения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / сост. Е.Р. Россинская. М., 2010; Корякин В.М. Коррупция в Вооруженных Силах : теория и практика противодействия. М., 2009.

16. Telegina E.G. Legal consciousness and legal culture as a tool for combating corruption // Legal sciences and political science. 2017. № 6.

17. Telegina T.D. On the advisability of introducing anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts // Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts / compiled by E.R. Rossinskaya. Moscow, 2010; Koryakin V.M. Corruption in the Armed Forces: Theory and Practice of Counteraction. Moscow, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Лилия Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Майорова Светлана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseeva Lilia Alekseevna, PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Oryol 302027 Russian Federation.

Majorova Svetlana Anatolyevna, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Ankudinovskoe shosse, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.

«РУССКИЙ МИР» КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ИДЕЯ

Гаврилова Юлия Александровна

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация, gavrilova_ua@volsu.ru

Введение: в статье исследуется проблема философско-правового анализа и осмысления феномена «Русский мир». Отечественная философия права имеет глубокие духовно-нравственные традиции рассмотрения сущностных, содержательных и смысловых вопросов развития русского государства и права. В ценностном словаре русской философии права не нашлось места для такой концептуальной идеи, как «Русский мир». Вероятно, это объяснялось нецелесообразностью постановки данного вопроса в Российской империи и Советском Союзе, так как идеи российского подданства и союза наций и народностей органично вплетались в правовую идеологию актуальных на тот момент отечественных государственных форм и институтов. В 1990–2000 гг. тема «Русского мира» приобрела геополитический статус, поскольку на территории стран СНГ остались проживать миллионы наших соотечественников, нуждающихся в дипломатической, культурно-языковой и юридической защите. В связи с этим необходим целостный философско-правовой взгляд на эту проблему.

Материалы и методы: в работе используются философские принципы историзма, развития предмета исследования, объективности. При изучении происхождения идеи «Русского мира» применяется генетический подход. Общенаучные методы анализа и синтеза используются для раскрытия его сложной структуры, формально-юридический – для анализа действующего законодательства о языке, культуре и др. компонентах «Русского мира», культурно-исторический – для раскрытия исторического контекста формирования «Русского мира», экстраполяции – для концептуализации правовых форм бытия «Русского мира» в современный период.

Результаты исследования: «Русский мир» анализируется как концептуальная философско-правовая идея, имеющая богатое семантическое содержание. Опираясь на традиционные элементы дореволюционной «русской идеи», данная конструкция эволюционирует как самостоятельная.

Выводы и заключения: в результате исследования установлено, что для русского народа, являющегося по своему составу и вероисповеданию полиэтническим и многоконфессиональным, необходим интегрирующий ценностно-идеологический массив в виде русского языка, русской культуры и общей исторической судьбы соотечественников, а в целом механизмы государственно-правовой реализации и нормативного совершенствования концептуальной идеи «Русский мир» должны стать предметом серьезного философско-правового исследования.

Ключевые слова: «Русский мир», русская идея, философия права, русский язык, русская культура, общая историческая судьба, полиэтничность, многоконфессиональность.

Для цитирования: Гаврилова Ю. А. «Русский мир» как философско-правовая идея / Ю.А. Гаврилова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 15–21.

Original paper

«THE RUSSIAN WORLD» AS A PHILOSOPHICAL AND LEGAL IDEA

Gavrilova Yulia Alexandrovna

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article examines the problem of philosophical and legal analysis and understanding of the «Russian World» phenomenon. Domestic philosophy of law has deep spiritual and moral traditions of considering essential, substantive and semantic issues of the development of the Russian state and law. In the value vocabulary of Russian legal philosophy there was no place for such a conceptual idea as the «Russian World». This was probably explained by the inappropriateness of raising this issue in the Russian Empire and the Soviet

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Union, since the ideas of Russian citizenship and the union of nations and nationalities were organically woven into the legal ideology of the domestic state forms and institutions that were relevant at that time. In 1990-2000 the theme of the «Russian World» acquired a geopolitical status, since millions of our compatriots remained living on the territory of the CIS countries, in need of diplomatic, cultural, linguistic and legal protection. In this regard, a holistic philosophical and legal view of this problem is needed.

Materials and methods: *the work uses the philosophical principles of historicism, development of the subject of research, and objectivity. When studying the origin of the idea of the «Russian World», a genetic approach is used. General scientific methods of analysis and synthesis are used to reveal its complex structure, formal-legal methods are used to analyze the current legislation on language, culture and other components of the «Russian World», cultural-historical methods are used to reveal the historical context of the formation of the «Russian World», extrapolation – for the conceptualization of the legal forms of existence of the «Russian world» in the modern period.*

Results of the study: *«Russian World» is analyzed as a conceptual philosophical and legal idea with rich semantic content. Based on traditional elements of the pre-revolutionary «Russian idea», this design is evolving as an independent one.*

Findings and conclusions: *as a result of the study, it was established that for the Russian people, who are multi-ethnic and multi-confessional in their composition and religion, an integrating value-ideological array is needed in the form of the Russian language, Russian culture and the common historical fate of compatriots, and in general the mechanisms of state-legal implementation and normative improvement of the conceptual idea «Russian World» should become the subject of serious philosophical and legal research.*

Keywords: *«Russian World», Russian idea, philosophy of law, Russian language, Russian culture, common historical destiny, multi-ethnicity, multi-confessionalism.*

For citation: *Gavrilova Yu. A. «The Russian World» as a Philosophical and Legal Idea / Yu. A. Gavrilova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 15–21.*

Понятие «Русского мира» имеет древние истоки становления, зарождаясь в «Слове о законе и благодати» Иллариона, «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве» и т. д. Оно неизбежно воспроизводилось в дальнейшем в точках бифуркации и выбора путей государственно-правового развития России (например, в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского второй половины XVI в). Наконец, в Петровских реформах первой четверти XVIII в., спорах западников и славянофилов первой трети XIX в., теории культурно-исторических типов А.С. Лаппо-Данилевского и интеллектуальном поиске русской религиозной философии, в концепции советского образа жизни эта тема постоянно появлялась в научно-образовательном, политическом, идеологическом поле развития государства.

Современный период развития мирового хозяйства, политики и права вновь актуализировал потребность в использовании представлений о «Русском мире». Кто мы и что несем всем народам планеты, в чем мы похожи и чем от них отличаемся, за что нас любят и одновременно ненавидят – все эти вопросы в высочайшей степени злободневные, в чем не возникает никаких сомнений.

«Русский мир» – это концептуальная философско-правовая идея, представленная как собирательное понятие, связанное с правовыми

и моральными ценностями, традициями, идеями и установками, мировосприятием, мироощущением и картиной мира, которые характерны для русских людей, русской земли, русской страны, русского народа, русской цивилизации.

На наш взгляд, «Русский мир» – это более широкая концептуальная конструкция, чем «русская идея». Он включает в себя все названные компоненты «русскости» в качестве неотъемлемых частей и является не столько модернизированной версией русской идеи [1, с. 13], сколько самостоятельной концептуальной структурой, концептуальным каркасом. При этом «Русский мир» с точки зрения философии права – это в известной степени существенная часть российской государственно-правовой действительности; идея, реализованная на практике посредством определенных инструментов и механизмов. Этим она и отличается от абстрактного идеала трансцендентальной «русской идеи», не всегда связанной с конкретными механизмами претворения высших правовых смыслов в социальную и человеческую реальность.

С учетом многоаспектности содержания «Русского мира» выскажем гипотезу, что имеется определенная полевая структура этой концептуальной идеи: твердое ценностно-понятийное ядро, к которому мы отнесем русский

язык, русскую культуру и общую историческую судьбу соотечественников, а также «защитный пояс», который граничит с ядром и включает представления о полиэтничности и многоконфессиональности русского народа. Следовательно, философско-правовая характеристика «Русского мира» охватывает государственно-правовое (нормативное) и социально-политическое (идеологическое и ценностное) оформление фундаментальных предпосылок и условий существования его элементов.

Тысячелетняя эволюция русского языка характеризуется сочетанием единства и дифференциации составляющих его элементов. Объединение восточнославянских племен вокруг Киева в IX–X вв. способствовало формированию единого для них древнерусского языка, а земель Северо-восточной Руси вокруг Москвы в XIV–XV вв. – выделению великорусского (старорусского) языка. С середины XVII в. по XVIII в. происходит постепенное становление национального русского языка и выработка его литературной нормы, что подтверждается «Российской грамматикой» М.В. Ломоносова (1755 г.)

Одновременно захват южнорусских и западнорусских земель и их нахождение в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в течение XIII–XVIII вв. привело к языковым трансформациям: выделению сначала малорусского и белорусского наречий, а затем медленному формированию самостоятельных национальных украинского и белорусского языков. Тем не менее общий лингвогенез великорусской, малорусской и белорусской народностей коренится в древнерусском (восточнославянском) языке, а их дифференциация обусловлена территориальной динамикой и межкультурными коммуникациями.

Исторически русский язык стал основой духовности и культурного единства народов и людей, проживающих на территории русских земель. На русском языке говорили не только этнические русские, но и инородцы и даже иноверцы, проживавшие на Руси (в России), вследствие чего он превратился в инструмент подлинного межнационального

общения, этноконфессиональной и культурно-образовательной интеграции населения.

Расширение московских земель с середины XVI в. до конца XVII в. в сторону Сибири и Дальнего Востока приводило также к взаимодействию и обогащению великорусского языка и языков народов, входивших в состав Русского (Российского) государства. Но уверенно можно говорить, что языковая рецепция пошла на пользу главным образом языкам народов России, поскольку русский язык, обладая официальным государственным статусом и расширенным набором значимых социальных функций, внес существенный вклад в развитие этих языков, оказавших на русский язык пусть и меньшее, но определенное обратное влияние.

Именно с учетом данной исторической логики в 2020 г. внесены поправки в ст. 68 Конституции РФ о том, что «русский язык как государственный язык РФ – это язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»¹. Причем государствообразующий характер русского народа вопреки западным утверждениям об «имперских русских амбициях» означает интегрирующее и консолидирующее начало в отечественной этноязыковой общности людей.

Русский язык является предметом философско-правового анализа как экзистенциальная ценность для русского человека, поэтому русский язык нуждается в обеспечении выживания, сохранении языковой самобытности и уникальности. Защита русского языка от современных попыток «отмены», дискриминации, «засорения» чуждыми элементами осуществляется как во внешнеполитической сфере, так и во внутреннем законодательстве путем установления государственных гарантий его функционирования и правовой защиты². Наряду с государственными языками РФ и республик в составе РФ установлены гарантии свободного выбора и равноправного использования родного языка гражданами и компактно проживающими малочисленными этническими сообществами³.

В связи с этим целесообразно распространить государственные гарантии «чистоты» русского языка от иностранных заимствований

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 (в ред. от 04.10.2022)). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

² О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (в ред. от 28.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

³ О языках народов Российской Федерации: закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (в ред. от 13.06.2023) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ний, установленные для русского государственного языка, на государственные языки республик и языки народов России, что будет способствовать сохранению их уникальности, повышению роли в культурно-гуманитарном сотрудничестве индивидов, народов и стран.

В программных документах Российской Федерации провозглашается задача укрепления статуса русского языка в странах, исторически связанных с Россией⁴.

Значение философско-правового дискурса о русском языке состоит в том, что он предлагает разработку и обсуждение адекватных и жизнеспособных моделей нормативно-правового обеспечения эволюции современного русского языка. Прежде всего, совершенствование ценностного потенциала русского языка проявляется в нацеленности нормативного регулирования на формирование единого русскоговорящего медиапространства.

Президент РФ В.В. Путин еще в послании Федеральному Собранию 2007 г. сказал, что русский мир соединяет родных соотечественников не только в России, но и в других странах, для которых свойственны ощущение, сопричастность, вовлеченность в особое ментальное пространство Отечества, Родины или «Русского мира»⁵.

Когда мы говорим о русской культуре как части русского мира, мы подразумеваем три составляющие. Во-первых, это общее русское мировоззрение, специфический менталитет, складывающийся на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Во-вторых, особенности русского национального характера. В-третьих, русский быт, уклад и образ жизни.

Решениями Президента РФ нормативно закреплён перечень традиционных духовно-нравственных ценностей страны⁶. Из этого перечня надо отдельно выделить ценности, издавна составляющие «изюминку» традиционного русского взгляда на мир, направленного на возвышение жизни, утверждение правды и достижение социальной справедливости.

В содержании русского национального характера можно выделить синкретично присутствующие в нем черты: 1) ратного воин-

ского подвига: национальная стойкость, мужество, терпение, выносливость; 2) морали: простодушие, кротость, честность, открытость, щедрость; 3) религиозности: созерцание чувством и сердцем, осознание греховности, очищение от грехов и покаяние на исповеди, страдание, жертвенность, духовное восхождение в поисках абсолютного добра; 4) философствования: стремление к благодати, человечность. Русский национальный характер являлся эмпирическим базисом для философско-правового осмысления специфики русского общественного правосознания и национального самосознания.

Русский быт всегда строился вокруг основополагающего понятийного ряда «дом – родители – дети – семья – Родина». Причем взаимоотношения членов большой русской семьи, заменившей в древнерусском обществе кровнородственные связи, традиционно опирались на принципы любви, добра, справедливости и смирения, преданности Родине. Здесь характерной является метафора «русской печи», символизирующая тепло домашнего очага, которое сохраняется до тех пор, пока отношения в доме построены на счастье, радости и уюте. Жизнь в ладу, добрососедстве и мире во внутрисемейных отношениях эксплицируется русской культурой на отношения с окружающими социальными сообществами, народами и цивилизациями. Тем самым роль русской философии права, рефлексирующей над этими процессами, приобретает вселенские масштабы.

Русский образ жизни также основывается на идее созидательного коллективного труда и общинного ведения хозяйства, сочетающего личный успех и общественное благо. Трудовая деятельность тесно переплетена с нравственным долгом, божественным промыслом, честью и совестью работодателя, работника, предпринимателя. Нарушение моральных обязательств в процессе труда чревато «муками» совести: морально воспитанный русский человек предпочтет потерять часть прибыли и заработать в дальнейшем, но оказать помощь нуждающимся и сохранить честь и совесть [13, с. 165].

⁴ Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 03.11.2015 № Пр-2283). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522> (дата обращения: 15.05.2024).

⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Главное, что мы постоянно обнаруживаем при знакомстве с русской культурой, – это приоритет духовных начал над материальными, что отразилось в мощных нравственных корнях отечественной философско-правовой традиции конца XIX – начала XX века.

«Русский мир» включает в себя единство исторической памяти и будущей судьбы народов России. Это связано с тем, что общее историческое прошлое, культурно-историческое наследие, обычаи, традиции и идеалы составляют ценностные, цивилизационные характеристики «Русского мира» [2, с. 47].

Составной частью единой общероссийской истории является эпоха правления первых русских князей, хотя и иноземных по происхождению; альтернативных центров объединения русских земель, на которое, кроме Москвы, претендовали Киев, Тверь и Великий Новгород; история Великого княжества Литовского, включавшего в свой состав до 80 % русскоговорящего населения Литвы, Белоруссии, большей части Украины и многих современных территорий РФ (Курская, Брянская, Смоленская, Калужская области); бывшие территории Улуса Джучи (Казанское, Астраханское, Сибирское ханства).

Вместе с тем исторический опыт развития Руси (России) проецируется на будущее, задает предпочтительную траекторию развития и желаемый образ страны в международном сообществе [3, с. 3020]. Модель будущей России имеет разные черты. Но важнейшими задачами являются развитие талантов молодежи и сохранение национальной идентичности, поскольку ни без молодежи, ни без идентичности будущего у страны нет.

В связи с этим поправки 2020 г. в ст. 67.1 Конституции РФ отвечают духу и смыслу философско-правовых размышлений о будущем России, истоках «Русского мира», о государственно-правовых механизмах самосохранения и развития русской цивилизации, направлены на защиту исторической правды, преемственности поколений и обеспечение сохранения исторической памяти о защитниках Отечества.

Историческое развитие русского народа проходило на сложном переплетении разных исторических событий, направлений государственно-правовой эволюции, судеб не только русского этноса, но и тесно связанных с ним соседних народов. Часть этих народов

оказалась интегрированной в этнонациональное и этнокультурное пространство России⁷.

Опираясь на идею, что в понятии русского мира объединен ряд культурно-исторических и цивилизационных особенностей, дополнительно выделим такую черту, как полиэтничность русского народа. Она означает, что нельзя соотносить русский мир с историей жизни и развития только русского этноса. Внутренняя полисемантическая структура русского народа состоит из русской этнической общности и населения различных этносов, исторически проживающих на общих русских землях, входящих в понятие многонационального русского народа. В связи с этим констатируется особая историческая миссия русского народа объединять людей разных национальностей внутри страны и призывать к мирному сотрудничеству другие народы.

Большое значение в сохранении и поддержании конкурентоспособности русского мира принадлежит религиозным основаниям. К истокам концептуальной идеи «Русский мир» можно также отнести православие, богопокровительство, выраженное в статусе Русской православной церкви (далее – РПЦ) как правопреемника традиций византийской церкви и всей православной христианской культуры.

Православие – это одна из терпимых и конструктивных религиозно-идеологических систем, которая никогда, в сущности, не навязывалась народам других конфессий и не «стирала» их веру с лица земли, из памяти живущих поколений. Православие внесло вклад в развитие добросовестных ненасильственных отношений с иноверцами, предложив в русской философии истории, философии культуры и философии права идеи соборности и Богочеловечества. Соборность трактуется как свободный союз верующих, взаимно понимающих и доверяющих друг другу, имеющих самодостаточный дух и мышление, нацеленных на самосовершенствование внутреннего мира и непрерывное преображение души.

Русская идея «обождения» человека, выраженная в религиозных исканиях отечественных философов, формулировалась вокруг важных этических принципов любви, смирения и преданности как реализации «Царства Божия на Земле» [12, с. 17, 172]; трудового воспроизведения «праведной» жизни человека до грехо-

⁷ О национально-культурной автономии: федеральный закон № 74-ФЗ от 17.06.1996 (в ред. от 01.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Соб. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

падения [5, м. 74–85]; человеческого творчества как повторения и подражания Богу [4, с. 317].

Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, неизменными условиями межрелигиозного диалога между православными, мусульманами и лицами иных конфессий являются сохранение религиозной идентичности, укрепление русского мира, защита жизненного и духовного потенциала русского народа [7]. Исходя из этого, великая объединительная миссия православия – это центральный элемент жизнеспособности и перспективности русского мира.

В современной геополитической обстановке для защиты и поддержания «Русского мира» необходимо интенсифицировать применение юридических форм и организационно-идеологических средств осуществления функций государства.

Юридические формы охраны «Русского мира» представлены конституционно-правовыми механизмами защиты территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации (военного, информационного, духовного) и отраслевыми режимами юридической ответственности: международно-правовой, уголовной и административной.

Наряду с этим сегодня объективно складывается деление международного сообщества на дружественные России и недружественные страны. Все более рельефно просматривается сочетание как запретно-разрешительных действий России (в ответ на соответствующие меры недружественных государств), так и гуманитарных технологий в контексте «мягкого» права.

Приводится мнение, что при адаптации универсальных прав человека в националь-

ных правовых системах приоритет остается за национально-культурной идентичностью и ценностями [9, с. 159; 6, с. 54], а потому, думаем, вопрос имплементации идеи и института прав человека в русский мир является предметом философии права.

А вот как понимают «Русский мир» ученые из новых присоединенных территорий – Донецкой и Луганской народных республик. Одни авторы прямо пишут, что «Русский мир» – это цивилизация, т. е. понятие предельно широкое по сравнению с другими подобными понятиями [11, с. 86]. По мнению других авторов, действительно необходимо правовое закрепление понятий «Русский мир», «русский народ», «русская идея» и пр. [8, с. 39].

В заключение отметим, что в юридической литературе предлагается смысл русской идеи, чтобы не подражать Западу и Востоку, а на основе использования своеобразного географического положения России найти самостоятельный путь развития, основанный на защите национальных интересов в историко-культурном и государственно-правовом аспектах [10, с. 12].

Таким образом, «Русский мир» представляет собой концептуальную философско-правовую идею, которую можно считать современным транслятором смыслов и ценностей русской политико-правовой и нравственной культуры. Потребности обеспечения внутренней безопасности страны и защиты от экзистенциальных внешних угроз в тяжелый период современной российской истории подтверждают особую актуальность и непреходящую ценность этого мировоззренческого феномена.

Список источников

1. Алейникова С.М. «Русский мир» как «русская идея»: ключевые признаки и императивы // Социология религии в обществе позднего модерна. 2019. Т. 8.
2. Алимов А.В. Концептуальные основы Русского мира в социально-политической системе России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4(117).
3. Батанова О.Н. Русский мир как реальность и цивилизационный проект // Право и политика. 2008. № 12.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

References

1. Aleynikova S.M. «Russian World» as a «Russian idea»: key features and imperatives // Sociology of religion in late modern society. 2019. V. 8.
2. Alimov A.V. Conceptual foundations of the Russian world in the socio-political system of Russia // Society: politics, economics, law. 2023. № 4(117).
3. Batanova O.N. Russian world as reality and civilizational project // Law and Politics. 2008. № 12.
4. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. Moscow, 1989.
5. Bulgakov S.N. Philosophy of farming. Moscow, 2009.

5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009.
6. Воронков К.И., Захарцев С.И., Сальников М.В. Идея добра и всеобщего союза в контексте русского мира // Теория государства и права. 2022. № 3 (28).
7. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на соборном съезде ВРНС 27 марта 2024 г. URL: <https://vrns.ru/news/vystuplenie-svyateyshego-patriarkha-kirilla-na-vneocherednom-sobornom-sezde-vsemirnogo-russkogo-naro/> (дата обращения: 15.05.2024).
8. Кравцов А.С. Правовые основы формирования идеи «русский мир» // Донецкие чтения-2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Донецк, 2017.
9. Рыбаков О.Ю. Права человека: от истоков философско-правовой мысли к современной геополитической реальности // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 12(205). Т. 76.
10. Савенков А.Н., Жуков В.Н. Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6.
11. Свириденко А.А., Бабичева Н.А. Понятие «русского мира» в контексте становления государственности Луганской народной республики // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. 2018. № 2-1.
12. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений В.С. Соловьева: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 3.
13. Федин И.Г. Интегрирующее значение правового концепта Русского мира «совесть» при его развитии в юридической деятельности России и стран Центральной Азии // Социокультурный потенциал и перспективы развития Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии: материалы Международной научно-практ. конф. (27–29 марта 2019 г.). Барнаул, 2019.
6. Voronkov K.I., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. The idea of good and universal union in the context of the Russian world // Theory of State and Law. 2022. № 3(28).
7. Speech by His Holiness Patriarch Kirill at the cathedral congress of the VRNS on March 27, 2024. URL: <https://vms.ru/news/vystuplenie-svyateyshego-patriarkha-kirilla-na-vneocherednom-sobornom-sezde-vsemirnogo-russkogo-naro/> (date of access: 15.05.2024).
8. Kravtsov A.S. Legal basis for the formation of the idea of the «Russian world» // Donetsk readings-2017: Russian world as a civilizational basis for the scientific, educational and cultural development of Donbass: materials of the International scientific. conf. students and young scientists. Donetsk, 2017.
9. Rybakov O.Yu. Human rights: from the origins of philosophical and legal thought to modern geopolitical reality // Lex Russica (Russian law). 2023. № 12(205). V. 76.
10. Savenkov A.N., Zhukov V.N. Russian idea in the philosophy of law // State and law. 2023. № 6.
11. Sviridenko A.A., Babicheva N.A. The concept of the «Russian world» in the context of the formation of statehood of the Lugansk People's Republic // Law and legal consciousness in the period of armed conflicts. 2018. № 2-1.
12. Soloviev V.S. Readings on God-Humanity // Collected Works of V.S. Solovyov: in 10 v. 2nd ed. St. Petersburg, 1912. V. 3.
13. Fedin I.G. The integrative significance of the legal concept of the Russian world «conscience» during its development in the legal activities of Russia and the countries of Central Asia // Sociocultural potential and prospects for the development of the Russian world in the transboundary space of Central Asia: materials of the International Scientific and Practical. conf. (March 27–29, 2019). Barnaul, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилова Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права. Волгоградский государственный университет. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, 100.
ORCID: 0000-0002-8055-4710

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavrilova Yulia Alexandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law. Volgograd State University. 100, Universitetskiy av., Volgograd 400062 Russian Federation.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Карнаушенко Леонид Владимирович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, karnl@mail.ru

Введение: в статье исследуются различные подходы к пониманию социальной справедливости, а также ее взаимосвязи с общим направлением правового регулирования общественных отношений в России. Автор рассматривает позиции зарубежных и отечественных ученых, в том числе О. Хеффе, Дж. Роулза и С.С. Алексеева, в вопросе о проявлениях социальной справедливости в правовой системе.

Материалы и методы: в процессе работы был использован комплекс общенаучных методов, которые наряду с формально-юридическим и юридико-герменевтическим подходами позволили автору проанализировать интерпретации и проявления социальной справедливости в политико-правовом поле.

Результаты исследования: философско-правовое исследование социальной справедливости подтверждает, что она представляет собой широкую категорию, охватывающую все элементы общественных взаимодействий и их идеальное состояние. Социальная справедливость должна обеспечивать гармонию между развитием общественных связей и качеством их правового регулирования.

Выводы и заключения: правовое регулирование, основываясь на социальной справедливости, создает равновесие между законностью и своеволием, учитывая воздействие этических и религиозных стандартов. Господство права, опирающееся на общественные связи, не всегда приводит к справедливым результатам, что подчеркивает важность анализа справедливости в контексте социального равенства. В итоге справедливость в праве выступает не только как основной принцип, но и как средство правового упорядочения отношений, нацеленное на философско-правовую оценку поступков в рамках юридической системы, способствующее укреплению законности и правовой культуры.

Ключевые слова: доктрина социальной справедливости, правосудие, правовое регулирование, справедливость, философия.

Для цитирования: Карнаушенко Л. В. Социальная справедливость и правовое регулирование: философско-правовой анализ / Л. В. Карнаушенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 22–29.

Original paper

SOCIAL JUSTICE AND LEGAL REGULATION: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Karnaushenko Leonid Vladimirovich

Krasnodar University of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, karnl@mail.ru

Introduction: the article examines various approaches to understanding social justice, as well as its relationship with the general direction of legal regulation of social relations in Russia. The author examines the positions of foreign and domestic scientists, including O. Heffe, J. Rawls and S.S. Alekseev, on the issue of manifestations of social justice in the legal system.

Materials and methods: in the course of the work, a set of general scientific methods was used, which, along with the formal-legal and legal-hermeneutic approaches, allowed the author to analyze the interpretations and manifestations of social justice in the political and legal field.

Results of the study: philosophical and legal research of social justice confirms that it is a broad category covering all elements of social interactions and their ideal state. Social justice should ensure harmony between the development of social relations and the quality of their legal regulation.

Findings and conclusions: legal regulation, based on social justice, creates a balance between legality and arbitrariness, taking into account the impact of ethical and religious standards. The rule of law, based on social connections, does not always lead to fair results, which emphasizes the importance of analyzing justice in the context of social equality. As a result, justice in law acts not only as a basic principle, but also as a means of legal regulation of relations, aimed at the philosophical and legal assessment of actions within the legal system, contributing to the strengthening of legality and legal culture.

Keywords: doctrine of social justice, justice, legal regulation, justice, philosophy.

For citation: Karnaushenko L. V. Social justice and legal regulation: philosophical and legal analysis / L. V. Karnaushenko // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 22–29.

Тематика социальной справедливости давно освещена в научно-правовых публикациях национального и международного уровня, однако продолжает оставаться в центре внимания, особенно в контексте текущего, по мнению многих исследователей, несправедливо организованного мирового порядка [1, с. 7]. Сейчас ситуация значительно усложняется тем, что человечество вступило в период вооруженных противостояний (пока локальных), что подтверждает необходимость изучения философской составляющей концепции социального равенства, с определенным вниманием к другим элементам, таким как право. В связи с этим рассмотрение позиций зарубежных и отечественных ученых о социальной справедливости, в том числе в философско-правовом измерении, представляется особо актуальным.

Так, профессор О. Хеффе полагает, что право служит не только инструментом осуществления свободы, но также представляет собой критерий политической и этической равноправности, указывая на значимость морального элемента в правовой системе [2, с. 211]. Указанная точка зрения находит поддержку в работах академика В.С. Нерсисянца, который в целом поддерживал идею о взаимосвязи между правом и моралью, подчеркивая, что только при условии включения морали право может основываться на принципах справедливости [3, с. 85].

Профессор С.С. Алексеев утверждает, что право не может существовать без этического и духовного начала [4, с. 640], добавляя при этом, что важно помнить о нравственных основах в юридической практике.

Вообще справедливость в целом и социальная справедливость в частности для отечественного политико-правового пространства – распространенные категории, имеющие давнюю историю. В допетровской Руси

справедливость ассоциировалась с понятием «правда», «праведность», когда ключевыми характеристиками справедливого поведения как простого человека, так и представителя власти являлись соответствие моральным, религиозным и этическим стандартам и социальным ожиданиям, которые в свою очередь тесно переплетались с юридическими нормами. Западная же традиция практически не знала такой трактовки справедливости, но основывалась на термине «юстиция», трактовавшемся как связь с правом, с законодательным предписанием. Дореволюционная энциклопедическая трактовка слова «справедливость» также тяготела к категории «правда», но уже применительно к судопроизводству, которое должно было вестись «по истине», «по закону» [5, с. 380].

Сегодня вопрос справедливости интересует не только специалистов в области права, философии, социологии и других сферах научного знания; эта проблема привлекает активное внимание большинства граждан. Происходящие в настоящее время глубокие изменения во всех областях общественной жизни естественно ведут к усовершенствованию деятельности по реализации прав государственными органами и их представителями, повышению ответственности за принимаемые управленческие решения. Все это немыслимо без внедрения принципа равноправности в профессиональную деятельность всех упомянутых структур, что становится обязательным из-за необходимости устранения негативных явлений, возникающих в процессе применения этих решений, подтверждением чему служит значительное количество нарушений законности.

Рассматривая философское понимание данного феномена, нельзя обойти стороной и доктрину социальной справедливости Джона Роулза [6, с. 24]. Роулз разрабатывает

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

представления фундаментальных теоретиков контракталистской традиции, таких как Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо и И. Кант, предлагая современное толкование норм общественной организации. Он утверждает, что автономные и логичные особи должны стремиться не только к личному интересу, но и к праведному делению благ в рамках общества.

Основываясь на принципе «вуали неведения», Роулз предлагает, что субъекты в идеальном исходном состоянии должны определять принципы праведности, которые устанавливают базовые права и обязательства и распределяют основные социальные блага, такие как свободы, возможности, доходы и собственность [7]. Он выделяет два главных принципа: приоритет свободы и приоритет справедливости и благополучия. Согласно Роулзу, праведное общество должно предоставлять каждому лицу равные шансы для улучшения своего статуса, даже если это приводит к определенным экономическим диспропорциям, при условии, что такие диспропорции способствуют общему благу.

Роулз подчеркивает значимость общественного соглашения и кооперации, что, по его убеждению, является обязательным условием для поддержания социального порядка и праведности. Он утверждает, что основные структуры общества должны действовать таким образом, чтобы гарантировать всем участникам удовлетворительный уровень жизни, который способствует совместной работе и праведной аллокации ресурсов [8, с. 120].

Следовательно, концепция Роулза служит основой для современного понимания социальных прав, поскольку в определенной степени обосновывает и предлагает параметры для юридического и морального устройства общества, ориентированного на равенство и справедливость.

Разнообразные интерпретации концепта справедливости активно изучаются и другими представителями научного сообщества, что также требует детального рассмотрения. Например, представитель либерального направления Рональд Дворкин связывает определение справедливости с толкованием основополагающего принципа равенства, рассматриваемого им через призму этического равенства, включающего равное почтение и одинаковую заботу о всех членах общества.

Г.Ю. Канарш акцентирует внимание на этико-моральных проблемах, возникающих в деятельности политико-правовых структур, подчеркивая необходимость воздействия государства на социальные и экономические процессы при одновременной необходимости сокращения его вмешательства в личные аспекты жизни граждан для коррекции указанных недостатков [9].

Фома Аквинский описывал справедливость как моральную добродетель, отталкиваясь от системы взаимоотношений между индивидами, в то время как Г. Гроций представлял справедливость как основной принцип совместного существования. Б. Спиноза и Т. Гоббс утверждали, что справедливость возможна только в рамках государственной структуры [10, с. 70].

Проблематика обобщения современных подходов к справедливости заключается в ее многогранности, поскольку одно и то же понятие в истории включает философские, этические, юридические и социопсихологические аспекты, что усложняет ее единое толкование.

Современные исследователи часто акцентируют внимание на ценностном аспекте справедливости, при этом большинство философов согласно с тем, что справедливость является ключевой ценностью, хотя существует и противоположное мнение, наиболее ярко выраженное Г. Кельзенем, отрицающим ценностное содержание справедливости. Российский мыслитель В.Е. Давидович называет справедливость «вечной ценностью», лежащей в основе высших общепринятых идеалов [11]. М.Н. Руткевич подчеркивает, что справедливость отражает моральные и юридические стандарты, указывая на соответствие или несоответствие законам, нормам права и общественной морали [12, с. 20].

Довольно часто в науке обосновывается позиция о том, что справедливость способствует пониманию того баланса, который должен быть выстроен в отношении качества правового регулирования ключевых сфер общественной жизни и уровня развития социальной коммуникации.

Исходя из приведенных мнений и позиций, можно утверждать, что справедливость есть «обширная категория», изучаемая многоаспектно и глобально. В связи с этим в первую очередь феномен справедливости отражается

именно в международном праве. В таких основополагающих документах, как Устав ООН, подчеркивается весомость справедливости как основы для мирового порядка, способствующего миру и стабильности на глобальном уровне. В частности, ст. 1 Устава ООН подчеркивает важность урегулирования международных конфликтов в соответствии с принципами справедливости, что является основой для предотвращения межгосударственных разногласий.

Похожие положения о справедливом разрешении конфликтов присутствуют в Декларации принципов международного права 1970 г., принятой по итогам Хельсинкской встречи, и в других важных международных актах [14]. Представленные документы обязывают государства не только придерживаться норм международного права, но и действовать в соответствии с духом справедливости, учитывая интересы всех членов международного сообщества [15, с. 23].

Следующая область правового регулирования, отражающая основополагающий принцип справедливости, – правосудие. Сущность правосудия определяется урегулированием юридических диспутов между сторонами, где такие споры ограничены лишь вопросами законодательного характера. Независимо от культурных и исторических разнообразий в определении того, что признается «правовым», юридические инстанции любого общества занимаются рассмотрением только тех требований, которые удовлетворяют этому стандарту.

Решения, вынесенные этими органами, чтобы квалифицироваться как акты правосудия, должны иметь определенные характеристики. Во всех анализируемых определениях правосудия ключевым аспектом, по мнению их авторов, является справедливость или соответствие закону (иногда указываются оба атрибута сразу). Данное явление объясняется тем, что правосудие по своей сути является «правильным судом», «судом, основанным на законе». Справедливость здесь выступает как фундаментальный принцип права, его настоящая основа, превращая закон в формализованное воплощение справедливости. Таким образом, термин «справедливость» в этом контексте обладает более глубоким значением, чем просто «право». Если судебное реше-

ние формально соответствует закону, но является несправедливым, то оно не может считаться правосудным.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что само понятие «справедливость» культурно обусловлено, и если для западной юридической традиции, происходящей из античности (заметим, что как в древнегреческом, так и в латинском языке «справедливость» и «правосудие» обозначаются одним словом – греч. δίκαιο, лат. *justicia*; этот факт сохраняется в большинстве романских и германских языков), характерным выражением справедливости является принцип «каждому свое», то другие культуры могут базировать свои представления о справедливости на различных принципах, таких как социальная или даже космическая гармония [16, с. 177].

Конституционное закрепление справедливости, как политико-правовой категории, в XX столетии берет свое начало в Основном законе Индии 1949 г., где государство провозгласило курс на достижение такого социального уклада, который основывается на трех проявлениях справедливости: политической, экономической и социальной [17]. Похожим образом к закреплению конституционных принципов справедливости подходили Египет (Конституция 1971 г.) [18], Бразилия (Конституция 1988 г.) [20] и ряд иных государств [19].

Российская Конституция 1993 г. в общих чертах воспринимает учение о справедливости, указывая о ней прямо в преамбуле (в плане веры в добро и справедливость) и в статье о формировании системы пенсионного обеспечения граждан (норма, принятая в ходе референдума 2020 г., закрепила принцип справедливости применительно к системе пенсионного обеспечения). Косвенно же влияние принципа справедливости в нормах Конституции РФ можно видеть в ст. 7, провозглашающей Россию социальным государством [21]. Безусловно, даже этого количества норм достаточно, чтобы в определенной степени обеспечить стабильность социально-экономической и духовно-культурной основ конституционного строя [22, с. 10].

Если говорить об отраслевом регулировании, то понятие «справедливость» встречается в большинстве отраслей права, в том числе в гражданском [23, с. 40]. При этом в

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Гражданском кодексе РФ законодатель не зафиксировал конкретное определение понятия «справедливость», хотя его активно применяют в правоприменительной деятельности в процессе формирования решений суда. Согласно п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ, в случаях, когда применение аналогии закона невозможно, права и обязанности участников определяются на основе общих принципов и смысла гражданского законодательства, а также критериев добросовестности, разумности и справедливости [24].

Дополнительно категории добросовестности, разумности и справедливости активно используются при прямом урегулировании гражданских правоотношений. Также в некоторых случаях эти категории явно упоминаются в законодательстве как основания для судебного решения в определенных гражданских делах. Например, в п. 3 ст. 451 Гражданского кодекса РФ обсуждаются последствия расторжения договора по причине существенного изменения обстоятельств, а в ст. 602 и 662 ГК РФ регулируются вопросы по объему обязательств по договору пожизненного содержания с иждивением и оплате стоимости неотъемлемых улучшений, совершенных арендатором предприятия.

Рассматривая принцип социальной справедливости и его формально-юридическое закрепление в уголовном процессе, следует выделить в первую очередь стремление законодателя придать любому приговору помимо признаков законности и обоснованности, также признак справедливости. В этом смысле можно обратиться к ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), где устанавливается, что приговор суда должен быть справедливым. При этом в ч. 2 указанной статьи справедливость приговора ассоциируется с соответствием его требованиям УПК РФ и правильностью применения уголовного закона. Отсюда напрашивается вывод о смешении принципа законности и справедливости в рамках уголовно-процессуального права. С теоретико-правовых позиций указанная ситуация видится несколько тавтологичной, а сама конструкция нормы стр. 297 УПК РФ – не соответствующей высоким стандартам и правилам юридической техники. Кроме того, подобная ситуация не вяжется с утверждением ряда исследователей уголовно-процессуального законодательства.

К примеру, П.А. Лупинская утверждает, что именно справедливость является тем принципом или идеей, которая законодателем представлена как важнейшая правовая категория, которая должна быть в основе каждой стадии уголовного процесса [26, с. 77]. Однако такую роль выполняет принцип законности, а трактовка справедливости в УПК РФ лишь повторяет сущностные характеристики этого ключевого межотраслевого принципа.

Чтобы избежать подобных упреков, законодателю следовало бы, на наш взгляд, обратиться к таким категориям, как мораль и этика, и в определенной степени (насколько это возможно в рамках уголовного процесса) связать ключевые этапы уголовно-процессуальной деятельности с вышеобозначенными проявлениями социальной справедливости. Понятно, что в рамках отраслевых наук, таких как уголовный процесс либо же гражданский процесс, внедрить теоретико-правовые и философско-правовые концептуальные разработки отечественной доктрины (труды И.А. Ильина, В.С. Соловьева о праве как юридически оформленной морали, к примеру) нелегко, но хотя бы в минимальном объеме это следовало бы отразить в ключевых кодифицированных актах.

В результате закрепленные в Основном законе РФ характеристики социальной справедливости имели бы свое непосредственное отражение в отраслевом законодательстве, что только усилило бы уровень правоприменения в нашем государстве.

Интересной в контексте настоящего исследования представляется позиция А.Э. Амастьянц, который весьма обоснованно и с учетом практического опыта полагает, что справедливость в уголовном процессе можно увидеть в «присутствии нравственного смысла» в нормах уголовно-процессуального законодательства, в моральной обоснованности всего судопроизводства. Безусловно это так, при этом подобные домысливания и аксиологические доработки довольно сложно интегрировать как в непосредственно текст судебных решений и приговоров, так и в текст кодифицированных актов, регламентирующих ключевые этапы процессуальной деятельности судов в России.

Своеобразным выходом из ситуации могла бы стать работа по дальнейшему осмыслению социофилософских категорий, прямо или косвенно связанных с положениями уголовно-

но-процессуального закона. А.Э. Амасьянц среди таких называет защиту личности от незаконных обвинений, разумность срока уголовного судопроизводства, уважение чести и достоинства участников процесса и т. д. [27, с. 105].

Подводя итоги философско-правовому анализу социальной справедливости и направлений формально-юридического ее закрепления в отечественном законодательстве, можно отметить в первую очередь, что в современной России изучение взаимосвязи справедливости и законности по-прежнему является приоритетной задачей [28, с. 190]. Социальная справедливость, оставаясь ключевой ценностью для населения, значительно влияет на отношение к государственным институтам и политической верхушке, подчеркивает А.М. Колядин [29, с. 86]. Синтез же справедливости и истины, объединяющий в себе правду и этичность, лежит в основе российской культурно-правовой традиции. Глубокий анализ связи между правом и справедливостью представлен в работах известных российских юристов, таких как Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин, В.С. Соловьев и др.

Справедливость приобретает особую значимость в социальной жизни, когда она воплощена в научных формах, способствуя философскому осмыслению и общественному признанию. Исследование классических и

современных интерпретаций справедливости позволяет выявить ее роль в регулировании общественных отношений.

Философский анализ справедливости показывает, что она является обширной категорией, охватывающей все аспекты общественных взаимодействий и их идеальное состояние. Правовое регулирование, основанное на справедливости, обеспечивает баланс между законностью и произволом, учитывая влияние моральных и религиозных норм. Верховенство закона, хотя и выступает некой гарантией эффективности общественных отношений, не всегда ведет к справедливым результатам, подчеркивая необходимость оценки справедливости в общем контексте социальной справедливости. Именно социальная справедливость, понимаемая в рамках современного этапа эволюции политической организации, способствует пониманию того баланса, который должен быть выстроен в отношении качества правового регулирования ключевых сфер общественной жизни и уровня развития социальной коммуникации.

В заключение отметим, что справедливость в праве выступает не только как базовый принцип, но и как инструмент правового регулирования, направленный на философско-правовую оценку действий в рамках правовой системы, способствуя укреплению законности и правовой культуры.

Список источников

1. Глазков В.А. Социальная справедливость как правовая ценность // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2016. № 1.
2. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположение критической философии права и государства. М., 1994.
3. Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции. М., 1986.
4. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски решения. М., 2001.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2007. Т. 3.
6. Кочкаров Р.М. Философско-правовой анализ понятий справедливости и права // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2015. № 4.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Ч. 1. Теория. Гл. 1. Справедливость как честность. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642/6643#t10> (дата обращения: 27.07.2024).

References

1. Glazkov V.A. Social justice as a legal value / / Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. 2016. № 1.
2. Heffe O. Politics. Law. Justice. Fundamentals of critical philosophy of law and state. Moscow, 1994.
3. Nersesyants V.S. Law in the system of social regulation. Moscow, 1986.
4. Alekseev S.S. Ascent to law. Search for a solution. Moscow, 2001.
5. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Moscow, 2007. Vol. 3.
6. Kochkarov R.M. Philosophical and legal analysis of the concepts of justice and law // Education. Science. Innovations: Southern dimension. 2015. № 4.
7. Rawls J. Theory of Justice. Part 1. Theory. Ch. 1. Justice as Fairness. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642/6643#t10> (date of access: 27.07.2024).

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

8. Фролов В.Б. Особенности социальных прав: философско-правовой аспект сквозь призму «Теории справедливости» Дж. Ролза // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 8(72).

9. Канарш Г. Справедливость. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-2> (дата обращения: 01.08.2024).

10. Довлатбекян Г.С. Справедливость в современном праве как этико-социальные и философско-правовые категории // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 6.

11. Давидович В.Е. В зеркале философии. Ростов н/Д, 1997.

12. Руткевич М.Н. Социалистическая справедливость // Социологические исследования. 1986. № 3.

13. Устав ООН (полный текст). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 27.07.2024).

14. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 27.07.2024).

15. Кочкаров Р.М. Философско-правовой анализ понятий справедливости и права // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2015. № 4.

16. Костогрыззов П.И. Понятие правосудия: философско-правовой анализ // Государство и право. 2019. № 10.

17. Конституция Индии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 27.07.2024).

18. История Конституции Египта. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_Egyptian_Constitution (дата обращения: 27.07.2024).

19. Конституция Португальской республики. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 27.07.2024).

20. Конституция федеративной республики Бразилия. URL: <https://shashkova.expert/storage/topics/files/ru/2021-08-27-07-59-623.pdf> (дата обращения: 27.07.2024).

21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ,

8. Frolov V.B. Features of social rights: philosophical and legal aspect through the prism of J. Rawls's «Theory of Justice» // Skif. Issues of Student Science. 2022. № 8 (72).

9. Kanarsh G. Justice. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-2> (date of access: 01.08.2024).

10. Dovlatbekyan G.S. Justice in Modern Law as Ethical, Social, and Philosophical and Legal Categories // Humanitarian and Socio-Economic Sciences. 2011. № 6.

11. Davidovich V.E. In the Mirror of Philosophy. Rostov-on-Don, 1997.

12. Rutkevich M.N. Socialist Justice // Sociological Research. 1986. № 3.

13. UN Charter (full text). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (date of access: 27.07.2024).

14. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (date of access: 27.07.2024).

15. Kochkarov R.M. Philosophical and legal analysis of the concepts of justice and law // Education. Science. Innovations: Southern Dimension. 2015. № 4.

16. Kostogryzov P.I. The concept of justice: philosophical and legal analysis // State and Law. 2019. № 10.

17. Constitution of India. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (date of access: 27.07.2024).

18. History of the Constitution of Egypt. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_Egyptian_Constitution (date of access: 27.07.2024).

19. Constitution of the Portuguese Republic. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (date of access: 27.07.2024).

20. Constitution of the Federative Republic of Brazil. URL: <https://shashkova.expert/storage/topics/files/ru/2021-08-27-07-59-623.pdf> (date of access: 27.07.2024).

21. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 01.07.2020 № 11-FKZ) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 4398.

от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

22. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3.

23. Храмцов К.В. Категория справедливости в гражданском праве (философско-правовой анализ) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2007. № 1. Т. 10.

24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

26. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972.

27. Амастьянц А.Э. Принцип справедливости в уголовном судопроизводстве (философско-правовой анализ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11.

28. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8.

29. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2015.

22. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Social justice (some constitutional issues) // Social Sciences and Modernity. 2017. № 3.

23. Khrantsov K.V. The category of justice in civil law (philosophical and legal analysis) // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2007. № 1. Vol. 10.

24. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

25. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ // Coll. legislation of the Russian Federation. 2001. № 52. Art. 4921.

26. Lupinskaya P.A. Legality and validity of decisions in criminal proceedings. Moscow, 1972.

27. Amasyants A.E. The principle of justice in criminal proceedings (philosophical and legal analysis) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. № 11.

28. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Philosophy of law. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology // Legal science: history and modernity. 2018. № 8.

29. Kolyadin A.M. Subjectivity of the political class and its social significance / under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnaushenko Leonid Vladimirovich, Grand PhD in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

СВОБОДА КАК КРЕДИТ ДОВЕРИЯ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Костюнина Ольга Владиславовна

Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, mayolgak@mail.ru

Введение: автором рассмотрены вопросы соотношения доверия в праве и экспериментального правового регулирования. Исследуется особенность проявления свободы субъектов экспериментальных правоотношений с позиции повышенных рисков ввиду вероятности прогноза на ожидаемый положительный эффект. В этом контексте автор рассматривает свободу воли субъектов экспериментального правового регулирования как категорию взаимного кредита доверия общества и государства. Оценка кредита доверия в экспериментальном правовом регулировании между субъектами (участниками) экспериментальных правоотношений возможна и необходима не только с позиций определенности и прозрачности данного регулирования, но и с точки зрения параметров свободы.

Материалы и методы: теоретической основой исследования послужили научные работы ученых в рамках как теории правовых экспериментов, так общей теории и философии права. В качестве методологической основы использованы общенаучные и специальные методы юридической науки: формально-юридический, правового моделирования, правового прогнозирования, сравнительно-правовой и правовой аналогии.

Результаты исследования: выявлено, что для прояснения природы экспериментального правового регулирования его необходимо исследовать с точки зрения философии права. Несмотря на то что правоотношения при экспериментальном правовом регулировании установлены нормами позитивного права, границы свободы имеют более дискреционный характер, основанный на более высокой степени доверия субъектов, что создает повышенные риски для участников и иных субъектов, вовлеченных в правовой эксперимент.

Выводы и заключения: экспериментальное правовое регулирование – активно развиваемый вид правового регулирования, основанный на взаимном доверии общества и государства, допускающий высокую степень ожиданий положительного результата. Пробный вариант правового регулирования в рамках правотворческого эксперимента содержит риски для всех субъектов и участников экспериментальных правоотношений. Комплексный взгляд на механизм экспериментального правового регулирования и практики его реализации выявляет необходимость корректировки меры свободы в выборе поведения всех субъектов права, вовлекаемых в экспериментальные правоотношения, вне зависимости от статуса их интереса – публичного или частного.

Ключевые слова: правовое регулирование, экспериментальное правовое регулирование, экспериментальный правовой режим, экспериментальное правоотношение, свобода, свобода воли, доверие в праве.

Для цитирования: Костюнина О. В. Свобода как кредит доверия в экспериментальных правоотношениях / О. В. Костюнина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 30–38.

Original paper

FREEDOM AS A CREDIT OF TRUST IN EXPERIMENTAL LEGAL RELATIONS

Kostymina Olga Vladislavovna

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the author examines the issues of the relationship between trust in law and experimental legal regulation. The peculiarity of the manifestation of freedom of subjects of experimental legal relations is examined from the standpoint of increased risks due to the probability of a forecast for the expected positive effect. In this context, the author considers the free will of subjects of experimental legal regulation as a category

of mutual trust between society and the state. Assessing the trust in experimental legal regulation between subjects (participants) of experimental legal relations is possible and necessary not only from the standpoint of certainty and transparency of this regulation, but also from the point of view of the parameters of freedom.

Materials and methods: the theoretical basis of the study was the scientific works of scientists within the framework of both the theory of legal experiments and the general theory and philosophy of law. General scientific and special methods of legal science were used as a methodological basis: formal-legal, legal modeling, legal forecasting, comparative-legal and legal analogy.

Results of the study: it was revealed that in order to clarify the nature of experimental legal regulation, it is necessary to study it from the point of view of the philosophy of law. Despite the fact that legal relations in experimental legal regulation are established by the norms of positive law, the boundaries of freedom are more discretionary in nature, based on a higher degree of trust of subjects, which creates increased risks for participants and other subjects involved in the legal experiment.

Findings and conclusions: experimental legal regulation is an actively developing type of legal regulation based on mutual trust between society and the state, allowing for a high degree of expectation of a positive result. The trial version of legal regulation within the framework of a law-making experiment contains risks for all subjects and participants in experimental legal relations. A comprehensive view of the mechanism of experimental legal regulation and the practice of its implementation reveals the need to adjust the measure of freedom in the choice of behavior of all subjects of law involved in experimental legal relations, regardless of the status of their interest - public or private.

Keywords: legal regulation, experimental legal regulation, experimental legal regime, experimental legal relationship, freedom, free will, trust in law.

For citation: Kostyunina O. V. Freedom as a credit of trust in experimental legal relations / O. V. Kostyunina // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 30–38.

В предыдущем нашем исследовании вопроса об экспериментальном правовом регулировании уже обозначены три ключевых категории, изучение которых существенно связывает правовое регулирование и феномен доверия в праве. Осмысление экспериментального правового регулирования через выявление его особенностей как вида правового регулирования неизбежно на базовом уровне проявляет необходимость познания через соотнесение с такими явлениями, как определенность, прозрачность и свобода. Названные универсалии связывают позитивное право (как единство объективных и субъективных его сторон) и доверие, т. к. онтологически присущи природе того и другого. Попытка соотношения экспериментального правового регулирования и доверия через проявленность определенности и прозрачности уже нами предпринята. Задача данного исследования – обозначить соотношение нетрадиционной формы временного правового регулирования с доверием в праве через обнаружение связей между ними, основанных на ключевой философско-правовой категории «свобода».

В уникальных трудах русской филологической и лексикографической мысли мы находим следующее толкование слова «свобода». В словаре живого великорусского языка В.И. Даля [1, с. 581] в первую очередь свобода определяется как своя воля, простор, возможность

действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода – понятие сравнительное, при этом имеются разные степени значения, вплоть до произвола. С.И. Ожегов в словаре русского языка приводит четыре значения, первое из которых дает философское понимание свободы как возможности проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. В третьем значении свобода – это отсутствие каких-нибудь ограничений [2, с. 611]. Разъяснения понятий «свобода» и «свобода воли» в краткой философской энциклопедии связаны [3, с. 74, 406]. Свобода понимается через проявление свободы воли, а свобода воли адресует одновременно и к пониманию «свободы», и к пониманию «воли». Понятие «воля» интерпретируется как духовный акт, благодаря которому подтверждается некоторая ценность, признанная таковой, творческая деятельность разума. Краткий филологический экскурс, переложенный на объект познания юридической науки, приводит нас при первом приближении к пониманию «свободы» в праве в значении «свобода воли».

Исследуя вопрос свободы воли, французский мыслитель-экзистенциалист Ж.-П. Сартр формирует цепь трансцендентного проекта самого себя к своим возможностям «мотив – намерение – действие – цель». Мотив, действие и цель образуют континуум, а воля выступает

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

как продуманное решение по отношению к определенным целям. От воли зависит, будет ли следование этим целям обдуманым и решительным. Структура свободного действия продуцируется на рефлексивном сознании в понимании мотива через отражающее сознание. Человек не может быть то свободным, то рабом – он полностью и всегда свободен, или его нет [4, с. 284], и именно в таком понимании феномен свободы или свободы воли дает основания для права быть источником и формой меры свободы.

Нужно заострить внимание на том, что сам по себе концепт свободы претерпел значительную трансформацию в современном научном знании от безусловности до иллюзорности, т. е. от прирожденности свободы человеку в виде «рефлекса свободы» [5] до ее фиктивности, иллюзии в виде когнитивного искажения. Скажем прямо, стать сторонником подхода Р. Сапольски¹ (профессор неврологии, биологии и нейрохирургии в Стэнфордском университете) и его гипотезы отсутствия у субъекта свободой воли и выбора² автору-юристу чрезвычайно трудно, т. к. это порождает эволюционно-правовую эманацию. Такая точка зрения «обездвиживает человека как правовое существо», обесценивает его с точки зрения мировоззрения, правосознания, правового мышления и правового поведения, а вследствие этого может спровоцировать тотальное недоверие человека к человеку. Между тем естественные науки в классическом виде и когнитивная наука современности далеко шагнули в познании физиологии человека, прежде всего деятельности мозга. Юриспруденция как социально-гуманитарная наука не может игнорировать прорывные достижения генетики, археологии, физики, биологии и многих других наук, не может не учитывать научные гипотезы и факты, инновационные технологии и разработки в сфере так называемого искусственного интеллекта. Все это оказывает заметное воздействие при регулировании общественных отношений государством и создает предпосылки к трансформированию концепции «свободы воли». Вместе с тем право одновременно «цивилизационный щит и меч», культурный заслон как свободе воли, так и несвободе воли.

Взаимосвязь правового регулирования и доверия через категорию свободы предпочтительней рассматривать в рамках философии права: право как свобода, право как равенство и право как справедливость. Правовая форма свободы, по мнению В.С. Нерсисянца, сочетается с необходимостью с равенством и справедливостью. Под углом зрения предмета философии права как различения и соотношения права и закона, право – это математика свободы [6]. Всеобщность права проявляет себя как мера свободы между произволом и привилегией. Правовая мера всеобщая лишь в тех пределах и постольку, пока и поскольку она остается единой [7, с. 23] в сфере определенных отношений, а следовательно, всеобщность относительна, т. к. ограничена пределами действия единой меры в различных отношениях. Правовая форма свободы отбрасывает крайности, т. к. она есть мера, границы которой выражены в норме позитивного права. В объективном смысле свобода воли закреплена в норме как гипотетическая возможность, как единая мера возможного или должного поведения субъекта права, а в субъективном – реализуется в поведении субъекта правоотношения в той мере, в которой субъект соотносывает поведение с образцом в норме и со степенью его личного доверия праву, государству и их эффективности.

Свобода как возможность действовать определенным образом, выражая свободу воли, свойственна и доверию. Социально-психологический аспект доверия, с одной стороны, выражен в уверенности, что ожидания (надежды) от коммуникации не прогнозируют неблагоприятных последствий. На базовом уровне, с позиции физиологии, можно говорить об отсутствии видимой опасности, т. е. «знаю, чего могу ожидать от тебя», доверяя тому, «кто такой же, как ты». Данный подтекст доверия, с другой стороны, рассчитан на то, что в ситуации неопределенности риски доверия будут оправданы взаимным стремлением к взаимному (общему) благу, например, стороны договора будут действовать в интересах друг друга. Характеристика доверия в этом случае может быть выражена через афоризм «Поступай так, как ты хотел бы, чтобы

¹ Более подробно можно ознакомиться с идеями Р. Сапольски в данном саммари: Предопределено. Наука о жизни без свободы воли. Роберт Сапольски. Саммари / Smart Reading – «Смарт Ридинг», 2024 – (Smart Reading. Ценные идеи из лучших книг. Саммари). В русском переводе книга полностью не вышла.

² Для русской науки данная мысль не нова, хотя представлена была не так «ярко» и публично, например, психофизиологом П.В. Симоновым.

поступали с тобой». Дж.С. Милль в трактате «О свободе» прямо пишет, что каждому человеку присуще желание, чтобы другие люди поступали таким же образом, как он сам поступает, и все сочувственные ему люди имеют в этом отношении одинаковое с ним желание, – вот что в действительности руководит мнением людей касаясь правил поведения [8, с. 292].

В современной науке формируется устойчивое понимание, что концепция доверия давно «переросла» сугубо аксиологический, нравственно-духовный концепт, эволюционировала в формально-юридическую плоскость [9, с. 26]. Интересный, на наш взгляд, подход предложен в понимании доверия в политике [10, с. 67] как возможности его оценки через рациональную (объективную) и эмоциональную составляющие. Думается, что по аналогии оценки доверия в праве к рациональной составляющей относятся реальная способность и возможность совершить то или иное ожидаемое действие (бездействие), а к эмоциональной – оценка этого поведения (решения).

Отмечая свободу как явление, внутренне присущее и праву и доверию, подчеркнем, что свобода в ее человеческом измерении, с установлением позитивным правом ее границ, проявляется в человеке как в субъекте права. Более того, рациональная сторона доверия подкреплена формально-юридическим свойством права, а эмоциональная составляющая доверия является элементом субъективной стороны правового поведения.

Фундаментальное значение свободы для человеческого бытия в целом выражает вместе с тем место и роль права в общественной жизни людей [7, с. 25], что, в свою очередь, формирует у человека уровень социального доверия к праву. Доверие выступает ключевым ресурсом, объективно определяющим динамику правового сознания и поведения [11, с. 41]. Экспериментальное правовое регулирование – это территория взаимного кредита доверия общества и государства.

Ученые всего мира констатируют, что темпы технологической и информационной эволюции общества за последние четверть

века в разы возросли. Цифровизация, нанотехнологии и инновационные достижения современной науки меняют условия взаимодействия государства и населения, что обуславливает появление новых форм общественного согласия и влияет на доверие к государственным институтам. В связи с этим возрастает ценность правового регулирования возникающих общественных отношений, не только своевременного и оперативного, но и максимально эффективного. Трансформация права не может происходить со скоростью, достаточной для удовлетворения социальных притязаний здесь и сейчас. Правотворчество как важнейшая государственно-юридическая деятельность, выполняя свою миссию в системе разделения властей, прежде всего работает с правовыми смыслами, а не с шаблонными нормативно-правовыми образцами общественных отношений.

Все чаще государство предпринимает попытки запуска пробного регулирования для поиска баланса частного и публичного интересов³. Один из таких шагов мы можем наблюдать при введении регулирования правовых экспериментов с установлением экспериментальной правовой нормы. По своему существу правовой эксперимент позволяет следовать промежуточной стратегии правотворческой деятельности между опережающим правовым регулированием и отсрочкой правового регулирования [10, с. 66].

Цифровое государственное управление стало трендом многих развитых стран мира. Во многом это положительно отразилось на открытости (гласности) и доступности получения информации о действующем, прогнозируемом и экспериментальном правовом регулировании.

При первом приближении концепции свободы воли к теории правового регулирования общественных отношений можно наблюдать, как государство предпринимает попытку выстроить доверительные отношения с потенциальными участниками правового эксперимента. Один из основных федеральных законов⁴ (далее также – закон о «регуляторных

³ По данным прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 гг., разработанного Минэкономразвития России, в 2022–2023 гг. установлено 9 экспериментов в сфере беспилотного наземного и воздушного транспорта, государственных услуг и здравоохранения, в 2024–2026 гг. ожидается установление не менее 10 экспериментальных правовых режимов. Документ опубликован не был. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

песочницах», федеральный закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций) в ст. 4, наряду с принципами гласности, равноправия претендентов, определенности специального регулирования в пространстве, во времени и по кругу лиц, также предусматривает добровольность участия в подобных правоотношениях с экспериментальным правовым режимом. Анализ нормативно-правовой базы экспериментального регулирования на уровне права позволяет говорить, что участник экспериментального правового режима является субъектом свободной воли и вступает в отношения эксперимента на принципе осознанного участия [12, с. 47]. Отметим, что и в нормативных правовых актах за пределами закона о «регуляторных песочницах» участники иных правовых экспериментов также свободны в вариантах выбора своей причастности. Например, правила п. 5 постановления⁵ о проведении эксперимента по оптимизации и автоматизации процессов разрешительной деятельности устанавливают самостоятельность в принятии решения об участии в эксперименте заявителем, подача заявления осуществляется в добровольном порядке через личный кабинет на едином портале госуслуг.

Указанный закон о «регуляторных песочницах» включает понятие «претендент», т. е. тот, кто имеет намерение стать субъектом экспериментального правового режима. Если речь идет о лицах, вовлекаемых в правоотношения по реализации эксперимента, то на субъектах и участниках экспериментального правового режима лежит обязанность информирования о таком факте.

Еще одной стороной экспериментального правового регулирования можно назвать наличие рекомендательных норм. Поступательные механизмы запуска правотворческого эксперимента выстраиваются как модель кредита доверия государства не только заин-

тересованным участникам, но и собственным публичным институтам власти. Например, участие в организации и проведении эксперимента по использованию виртуальных социальных карт органам власти и органам местного самоуправления субъектов Российской Федерации предложено в рекомендательной форме в п. 9 нормативного правового акта⁶.

Ожидание и прогноз вероятных позитивных возможностей по результатам реализации моделируемой правовой ситуации правового эксперимента как со стороны правотворческого органа, так и со стороны потенциальных участников формируют мотивацию как залог достижения цели такого экспериментального правового регулирования. Демонстрацией такого подхода является документ, подготовленный органом власти, ответственным за проведение в жизнь политики экспериментального правового регулирования, и содержащий указание на мотивы, ожидания, прогнозы и цели в программно-стратегическом акте государства⁷. Таким образом, конструкция Ж.-П. Сартра «мотив – намерение – действие – цель» вполне отражает конструкцию правового регулирования эксперимента в праве.

Мотивация субъектов права как субъектов экспериментального правового регулирования, заложенная в экспериментальной правовой норме, создает вектор взаимного доверия между обществом и государством. Безусловно, результативность экспериментального правового регулирования – обеспечительная мера укрепления такого доверия. Справедливо отмечает С.В. Володина, что правовое доверие является более институциональным, организованным видом социального доверия. Высокий уровень доверия общества к власти способен минимизировать риски несовершенства правовой системы, но он не должен подменять ее [11, с. 41].

Вместе с тем особенность экспериментального правового регулирования в большей

⁵ О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по оптимизации и автоматизации процессов разрешительной деятельности, в том числе лицензирования: постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1279. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2024).

⁶ О проведении эксперимента по использованию виртуальных социальных карт при предоставлении гражданам за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации мер социальной защиты (поддержки) при пользовании транспортными услугами: постановление Правительства РФ от 31 мая 2023 г. № 884. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2024).

⁷ Нормативное регулирование цифровой среды: информационная справка о статусе исполнения федерального проекта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (по сост. на 19 авг. 2022 г.). URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vystupit_regulyatorom_pesochnic_dlya_cifrovyh_innovaciy.html (дата обращения: 28.06.2024).

степени основана на невозможности достоверного определения экономических, социальных и других последствий его проведения, преимущественно на начальных этапах. Однако это не исключает корректировку эксперимента в процессе его проведения, вплоть до полного его прекращения, а также выработку и совершенствование системы оценки его валидности в целом. Подобная точка зрения не согласуется с позицией некоторых авторов, например В.А. Сивицкого и М.Ю. Сорокина – о необходимости устойчивого представления об однозначности положительного ответа на вопрос об эффективности экспериментальных норм, И.В. Чагина – о достоверности оценки результатов правового эксперимента [13, с. 377]. Но в том-то и дело, что эксперимент на то и эксперимент, в нем всегда есть элемент непредвиденности, случайности, риска.

Компромиссным при двух вышеназванных подходах видится отношение к правотворческому эксперименту как к «пробе» в рамках экспериментального правового регулирования, что актуализирует роль правовой аналитики и правового прогнозирования. О важности правовых прогнозов неоднократно писал один из авторитетов отечественной правовой доктрины Ю.А. Тихомиров. Его понимание прогноза в праве как особого механизма выбора оптимальных правовых решений, обеспечивающих наиболее эффективное воздействие на общественные процессы, как нельзя лучше отражает значимость прогнозирования для концепции экспериментального правового регулирования. Быстрота и поспешность правотворчества в его традиционной форме и его невысокое качество резко снижают эффективность правового воздействия на достижение высоких конечных результатов в регулируемых сферах [14, с. 109]. Правовой эксперимент – это апробация вариантов, попытка решения задач эффективности общего правового регулирования, что находит прямое нормативное закрепление в правовых актах экспериментального регулирования. Так, п. 6 ст. 3 федерального закона об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций прямо прописывает

одну из целей – совершенствование общего регулирования по результатам реализации экспериментального правового режима.

Еще одним важным критерием меры свободы при экспериментальном правовом регулировании выступает степень юридических гарантий прав и законных интересов всех участников правового эксперимента. Важным этапом совершенствования механизма регуляторных песочниц стало принятие поправок в июле 2024 г. в специальный федеральный закон, в числе которых – расширение круга лиц, ответственных за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при реализации экспериментальных правовых режимов. Возмещение вреда возложено не только на участника правового эксперимента, но и на лицо, вступившее с ним в правоотношения, возникшие в рамках экспериментального правового режима. Закрепляется обязательность страхования участниками экспериментального правового режима своей гражданской ответственности за причинение этого вреда.

Детальный анализ экспериментальных правовых норм, как уже реализованных, так и реализуемых в настоящее время, а также правоприменительной практики, включая судебные решения арбитражных судов, делает возможным сформулировать некоторые выводы. Во-первых, складывается система экспериментально-правового законодательства, отвечающая признакам иерархичности, интегративности и целостности. Во-вторых, активно совершенствуется законодательство экспериментального регулирования в области юридических гарантий субъективных прав участников экспериментальных правоотношений⁸. В-третьих, развивается система прогнозирования результатов, оценки рисков и мониторинга процесса экспериментального правового регулирования. В-четвертых, создаются механизмы обратной связи, с помощью которых граждане могут высказывать свои опасения или негативный опыт о тех или иных действиях цифрового сервиса (как государственного, так и негосударственного) и передавать свои предложения в органы государственной власти через общественные комиссии [10, с. 127–128]. В-пятых, закрепляются

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: заключение Правового управления аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ по Федеральному закону, принятому Государственной Думой 25 июня 2024 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/512628-8#bh_histras (дата обращения: 20.07.2024).

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

и дифференцируются механизмы отчетности и подотчетности ответственных за эксперимент органов власти, а также участников в процессе реализации экспериментальных правовых норм. Так, ст. 18 закона о «регуляторных песочницах», устанавливающая систему мониторинга и оценки его эффективности и результативности, дополнена ч. 11 об обязанностях Правительства России представлять ежегодный государственный доклад о деятельности в рамках реализации экспериментального правового режима.

Наряду с довольно оптимистичным прогнозом развития экспериментального правового регулирования в России обратим внимание на особенности рисков самого государства в рамках кредита доверия субъектам в виде участников правовых экспериментов. Например, нами изучена судебная практика по внедрению специального налога на профессиональную деятельность, которая довольно успешно сейчас проводится в тестовом режиме уже на всей территории Российской Федерации. Анализ правоприменительной практики арбитражных судов разных уровней⁹ выявил, что в 80 % случаев граждане в статусе индивидуального предпринимателя, юридические лица предприняли попытку обойти действующее налоговое законодательство, злоупотребляя особенностями экспериментального налогового режима. Налоговые органы, выявляя недоимки по налогам, начиная с 2019 г. в разных субъектах РФ, по мере введения на их территориях, как его называют в народе, «налога на самозанятых», чаще стали принимать решения, в соответствии с которыми доначислялся к уплате налог на доходы физических лиц. Соответственно, такие субъекты стали обращаться с исками по данному предмету спора о признании недействительными решений о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В исследуемых судебных решениях, в зависимости от статуса субъекта обжалования, содержатся схожие правовые по-

зиции и мотивировки. Например, суд, отказывая в удовлетворении требования организации, мотивирует это фактическим созданием им искусственной ситуации, когда общество вместо принятия в штат работников ставило обратившимся за работой людям условие зарегистрироваться в качестве плательщика налога «самозанятых»¹⁰. Так, арбитражный суд Центрального округа в марте 2024 г. пришел к выводу, что деятельность организации, связанная с заключением гражданско-правовых договоров с физическими лицами, имеющими статус «самозанятых», была направлена на получение организацией необоснованных налоговых выгод, так как, по существу, эти субъекты выполняли трудовые обязанности¹¹.

В связи с этим приходится констатировать, что взаимные ожидания сторон экспериментального правового регулирования имеют свою степень как выявляемых рисков, так и латентных. Привлекательность условий для прямых участников экспериментальных правоотношений может помочь «предпринимчивым» и недобросовестным субъектам обойти закон с целью получения выгод.

Кроме того, представляется обоснованным мнение о том, что при реализации правотворческого эксперимента трудно предсказать как направление общественного мнения в отношении проводимых в жизнь нормативных актов [15, с. 142–143], так и релевантность экспериментальной правовой нормы.

Правотворческий эксперимент выступает инструментом, позволяющим продемонстрировать субъектам правового регулирования один из вариантов пробного регулирования с оценкой вероятности позитивных последствий.

Право и доверие имеют одним из своих оснований прогнозирование, человек, выстраивая модель отношений в процессе мышления, создает предполагаемый результат будущего. Процессы мышления на психофизиологическом уровне ориентированы на завышенные положительные результаты, в итоге цена этому – риски экспериментирования в

⁹ Нами изучено более 30 судебных решений арбитражных судов разных уровней.

¹⁰ Решение Арбитражного суда Тамбовской области по административному делу от № А64-7939/2022 от 07.11. 2019. URL: <https://file:///C:/Users/Olga/Desktop/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE%20%D0%9064-7939-2022%20%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B2.htm> (дата обращения: 12.07.2024).

¹¹ Решение Арбитражного суда Центрального округа по административному делу № А35-6550/2022, Ф10-1128/2024 от 29.03.2024. URL: <https://file:///C:/Users/Olga/Desktop/%D1%80%D0%B5%D1%88%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%BD%20%D0%90%D0%A1.htm> (дата обращения: 12.07.2024).

условиях взаимного кредита доверия общества и государства.

С целью минимизации рисков экспериментального правового регулирования, на наш взгляд, важно: осуществлять ретроспективную оценку имеющегося опыта; опираться на результаты правовой статистики и анализ правоприменительной практики; осуществлять мониторинг промежуточных этапов; проводить оценку результатов эксперимента при его масштабировании, изменений в процессе эксперимента условия его адаптации под ситуативный контекст и иное. Думается,

Список источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современная версия. М., 2006.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984.
3. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М., 2000.
5. Павлов И.П. Рефлекс свободы: избранные статьи. М., 2023.
6. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. М., 1996.
7. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М., 1997.
8. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995.
9. Репьев А.Г. Доверие в праве как ценностный ориентир и общеправовой принцип // Правовые ценности: формирование, эволюция, функции: сб. научных статей Международной научно-практ. конф. (21–22 декабря 2023 г.). М., 2024.
10. Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Матюк Ю.С. Социокультурные основания доверия к институтам государственной власти в контексте цифровых вызовов и угроз // Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: модели и типология рисков / под общ. ред. А.Ю. Мамычева. Владивосток, 2023.
11. Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7(92).

что суммарно это увеличит его качественные показатели и обоснованности рисков.

Научно-практическое решение проблемы свободы человека в контексте экспериментального правового регулирования напрямую связано с важностью вопроса воспитания себя (субъекта права) как свободной личности, что соотносится с культурой, ценностями, воспитанием и знанием. Свобода, возведенная в степень права, выражена в виде меры поведения как границ этой свободы. Как уже подчеркивалось, право – математика свободы, сопоставимая с моделью математической сингулярности.

References

1. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Modern version. Moscow, 2006.
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words / ed. N.Yu. Shvedova. 16th ed., rev. Moscow, 1984.
3. Brief philosophical encyclopedia. Moscow, 1994.
4. Sartre J.-P. Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology / trans. from French, preface, note. V.I. Kolyadko. Moscow, 2000.
5. Pavlov I.P. Reflex of freedom: selected articles. Moscow, 2023.
6. Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Moscow, 1996.
7. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Textbook. Moscow, 1997.
8. On Freedom. Anthology of Western European Classical Liberal Thought. Moscow, 1995.
9. Repyev A.G. Trust in Law as a Value-Based reference point and general legal principle // Legal values: formation, evolution, functions: collection of scientific articles of the International scientific and practical. conf. (December 21-22, 2023). Moscow, 2024.
10. Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu., Matyuk Yu.S. Sociocultural foundations of trust in government institutions in the context of digital challenges and threats // Trust in government institutions in the digital era: models and typology of risks / edited by A.Yu. Mamychev. Vladivostok, 2023.
11. Volodina S.V. Legal trust as the basis for the sustainability of the legal system of society: the Russian dimension // Actual problems of Russian law. 2018. № 7(92).

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

12. Наумов В.Б., Бутримович Я.В., Котов А.А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3(117).

13. Чагин И.Б. К вопросу об экспертной оценке результативности правового эксперимента // Юридическая техника. 2022. № 16.

14. Тихомиров Ю.А. Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1.

15. Зяблова Т.Е., Парфенова Д.В. О значении правового эксперимента в правотворческом процессе // Modern Science. 2021. № 2-1.

12. Naumov V.B., Butrimovich Ya.V., Kotov A.A. Ensuring the quality of legal regulation of experimental legal regimes // Russian law: education, practice, science. 2020. № 3 (117).

13. Chagin I.B. On the issue of expert assessment of the effectiveness of legal experiment // Legal technology. 2022. № 16.

14. Tikhomirov Yu.A. Optimization of legal regulation in the context of socio-economic development // Actual problems of economics and law. 2015. № 1.

15. Zyablova T.E., Parfenova D.V. On the Importance of Legal Experiment in the Law-making Process // Modern Science. 2021. № 2-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюнина Ольга Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

ORCID: 0000-0002-2715-9068

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kostyunina Olga Vladislavovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.

УЗАКОНЕННЫЕ И НЕУЧТЕННЫЕ ФОРМЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПОЛНОМ СОБРАНИИ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Минникес Ирина Викторовна

Институт правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация, ivminnikes@mail.ru

Введение: цель исследования – выявление форм нормативных правовых актов, в которых воплощались нормы российского права первой половиной XIX в., определение степень соответствия списка реально используемых юридической практикой форм нормативного правового акта перечню «узаконенных» форм, диктуемых законодателем.

Материалы и методы: методология работы включает общенаучные методы, сравнительно-правовой диахронный и формально-юридический методы. Нормативная база исследования охватывает Свод законов Российской империи и акты первой половиной XIX в., систематизированные в Полном собрании законов Российской империи (собрание первое и второе).

Результаты исследования: выявлено две группы форм нормативного правового акта – узаконенные и неучтенные. Узаконенные формы предусмотрены в ст. 53 Свода законов Российской империи. Это уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, Высочайше утвержденные доклады и мнения. Неучтенными названы нормативные правовые акты, форма которых списком не предусмотрена, но использовалась на практике: Штаты, Высочайше утвержденные Записки, Табели, Журналы, Расписания, Привилегии и др.

Выводы и заключения: законодательство Российской империи первой половины XIX в. является примером сочетания двух подходов к формам нормативного правового акта. Наличие узаконенных форм роднит его с современным правом, которое предполагает законодательное определение форм нормативного правового акта, доступных каждому субъекту правотворчества. Неучтенные акты в Полном собрании законов имеют корни в праве ранних эпох и свидетельствуют о свободном подходе, который допускал неограниченное количество форм актов.

Ключевые слова: история Российского права, источники права, законодательство, нормативный правовой акт, Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи, указ, манифест.

Для цитирования: Минникес И.В. Узаконенные и неучтенные формы нормативных правовых актов в Полном собрании законов Российской империи / И. В. Минникес // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 39–46.

Original paper

LEGALIZED AND UNRECORDED FORMS OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE COMPLETE COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Minnikes Irina Viktorovna

Institute of Legal Studies of the Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the purpose of the study is to identify the forms of normative legal acts that embodied the norms of Russian law in the first half of the 19th century, to determine the degree of compliance of the list of forms of normative legal acts actually used in legal practice with the list of «legalized» forms dictated by the legislator.

Materials and methods: the methodology of the work includes general scientific methods, comparative legal diachronic and formal legal methods. The normative base of the study covers the Code of Laws of the Russian Empire and acts of the first half of the 19th century, systematized in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (the first and second collections).

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Results of the study: two groups of forms of normative legal acts were identified - legalized and unaccounted for. Legalized forms are provided for in Art. 53 of the Code of Laws of the Russian Empire. These are codes, charters, institutions, charters, regulations, orders (instructions), manifestos, decrees, reports and opinions approved by the Supreme Authority. Unregistered are normative legal acts whose form is not provided for by the list, but were used in practice: States, Highest approved Notes, Tables, Journals, Schedules, Privileges, etc.

Findings and conclusions: the legislation of the Russian Empire of the first half of the 19th century is an example of a combination of two approaches to the forms of a normative legal act. The presence of legalized forms makes it related to modern law, which presupposes a legislative definition of the forms of a normative legal act available to each subject of lawmaking. Unregistered acts in the Complete Collection of Laws have roots in the law of early eras and indicate a free approach that allowed an unlimited number of forms of acts.

Keywords: history of Russian law, sources of law, legislation, normative legal act, Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Code of Laws of the Russian Empire, decree, manifesto.

For citation: Minnikes I. V. Legalized and unrecorded forms of normative legal acts in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire / I. V. Minnikes // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 39–46.

Роль нормативных правовых актов в современном праве трудно переоценить. Это относится не только к тем правовым семьям, где нормативный правовой акт занимает главенствующее место, но и там, где традиционно отмечается влияние иных источников – религиозных текстов, судебных прецедентов. Так, характеризуя англо-саксонскую систему, К. Цвайгерт и Х. Кетц обратили внимание на то, что «в общем праве... все больше пробивает себе дорогу тенденция пользоваться услугами законодателя для унификации, более рационального использования и упрощения права» [9, с. 408].

В российском праве нормативный правовой акт является безусловным лидером среди источников права. Этот порядок существует в России уже несколько столетий. Практически с XVII в. можно наблюдать, как акты, имеющие сходство с современными нормативными правовыми актами, вытеснили обычаи и княжеские завещания [5] и даже существенно сократили сферу действия религиозного текста. Но акты XVII–XVIII вв. существенно отличались от современных, в особенности с формальных позиций. Безусловно, современному юристу трудно воспринимать как закон документ, который, например, начинается словами: «Ведомо Великому Государю учинилось, что на Москве в приказах и в городех в приказных избах сидят в подьячих и у иных дел в приказных людех розпопы и роздьяконы...»¹. Или законодательный акт, статьи которого представляют собой

команды для «пушечной экзерциции», т. е. для корабельных учений, такие, например, как «Бань пушку!» или «Пали!». Тем не менее данные акты, как и множество иных, подобных им, можно рассматривать как нормативные акты соответствующей эпохи.

Можно сказать, что для каждого этапа развития общества характерна определенная форма, в которую облакаются нормы права. Современный нормативный правовой акт – это целая система содержательных конструкций и требований к форме, тогда как прототип нормативного акта на ранних этапах становления русского права обладал минимальным набором формальных характеристик, зачастую не включающих даже наименование акта, дату принятия и прочие необходимые с точки зрения современного юриста атрибуты. Исходя из этого, вопрос о становлении форм нормативного правового акта интересен не только с точки зрения эволюции содержания правовых норм, но и с позиций трансформации внешних характеристик правовых документов.

В силу многогранности обозначенной проблемы в данном исследовании затронут лишь один ее аспект, а именно – вопрос о наименовании нормативных правовых актов как элемента их формы.

Право современного государства имеет законодательно определенный набор доступных каждому субъекту правотворчества форм: закон, указ, постановление и т. п., тогда как ранее законодатель мог не ограничиваться определенными наименованиями. Так, Петр I

¹ Именной указ от 8 февраля 1665 г. «О небытии у приказных дел разстригам из попов и дяконов». ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. 1. № 369.

внес в список традиционных для русской правовой практики Судебников, Уложений и т. п. множество новых форм: «При Петре I разнообразятся формы правовых актов. В его правотворческой политике проявляется стремление к новой, иноязычной терминологии. Например, закон о государственной службе называется «Табель о рангах», закон о крестьянских податях и повинностях 26 июня 1724 г. назван почему-то «Плакат», военно-уголовный кодекс – Воинским артикулом» [4, с. 62].

Таким образом, в историческом разрезе можно выявить два разных подхода к формам нормативного акта. Первый допускает неограниченное количество форм, иногда без их особого обозначения, причем выбор формы слабо связан с фигурой законодателя. Этот вариант характерен для права ранних эпох. Законодательная регламентация надлежащих форм – более позднее явление. Второй подход предусматривает строгое законодательное регулирование списка форм нормативного акта, доступных каждому субъекту правотворчества: законы – представителюному органу, указы – Президенту и т. д.

Однако в истории права России можно выявить и еще один, промежуточный вариант, который сочетает некоторые признаки и первого, и второго подходов. Как представляется, это законодательство начала XIX в.

Данное предположение основано на двух основаниях.

Первое связано с наличием ч. 1 ст. 53 Свода законов Российской империи (далее – Свод, Свод законов)², в которой объявлено, что «законы издаются в форме уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения». Помимо данных форм, в примечаниях к данной статье предусмотрено, что «Высочайшия повеления в порядке управления изъявляются сверх сего рескриптами и приказами».

Если следовать указанию данной статьи, для воплощения правовых норм должно использовать 11 основных форм и две – только для административных актов. В этом контек-

сте законодательство первой половины XIX в. соответствует второму типу, который подразумевает точное ограниченное законом количество доступных форм нормативного акта.

Второе основание для выдвижения тезиса о смешанной природе законодательства первой половины XIX в. связано с многочисленностью реальных форм актов, учтенных в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗРИ, Полное собрание). Детальное изучение актов, включенных в Полное собрание, говорит о том, что предлагаемый ст. 53 список не является исчерпывающим, не охватывает всего многообразия нормативных правовых актов государства. В этом контексте можно говорить о родстве законодательства XIX в. с первой моделью, вариативными формами нормативных актов.

Нормативная база данной работы включает акты первой половины XIX в., систематизированные в Полном собрании (Собрание первое и второе).

Методы исследования включают общенаучные методы, сравнительно-правовой диахронный и формально-юридический методы.

Цель исследования – установить, в какие формы нормативных правовых актов воплотились нормы права в исследуемый период, определить степень соответствия списка реально используемых практикой форм нормативного правового акта перечню «узаконенных» форм, диктуемых законодателем.

В развитии российского права огромную роль сыграла систематизация законодательства в 30-е г. XIX в.: «впоследствии система законодательства Российской империи послужила образцом для систематизации как законодательства СССР, так и ряда зарубежных стран» [6, с. 160]. Результат многолетней работы привел не только к упорядочению и сокращению количества нормативных актов (хронологическая или, по выражению В.М. Баранова и А.А. Демичева, «классическая» [1, с. 44] инкорпорация), но и к переходу отечественного права на новый уровень, созданию единого комплекса предметно-ориентированных статей (предметная инкорпорация), когда «создан уникальный для

² Текст статьи здесь и далее по изданию: Свод законов Российской империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1 Основные законы и учреждения государственные. СПб., Тип. II Отделения СЕИВК, 1832.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

своего времени и не знающий аналогов даже в современных правовых системах акт систематизации законодательства [2, с. 178].

При этом речь идет не о новом праве, а о формировании новых структурных связей между действующими нормами, рассредоточенными в многочисленных разрозненных источниках.

Как известно, систематизационная деятельность комиссии имела точно обозначенные императором Николаем I рамки. Правитель не собирался вносить коренные изменения в законодательство: «Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют...» [3, с. 300] Соответственно, содержание статей Свода законов должно было заимствоваться из статей ранее принятых актов. Поэтому каждая статья Свода законов Российской империи сопровождалась отсылкой к тем нормативным актам, из которых взят ее текст. Это приложение должно служить свидетельством преемственности законодательства. Правда, как замечают В.Н. Самарский и А.В. Жуланов, «существует мнение, что сам М.М. Сперанский не единожды составлял и формулировал нормы, которые не имели опоры на существующий закон» [7, с. 102].

Поскольку основной вопрос данного исследования состоит в корреляции ст. 53 Свода и реально действующих форм нормативного правового акта, необходимо проанализировать происхождение текста ст. 53 Свода законов.

Приложением к ст. 53 Свода, как и к иным статьям, идут ссылки на ряд ранее принятых правовых актов, например, Инструкцию или Наказ воеводам 1728 г., Учреждение для управления губерний 1775 г., Манифест об оставлении учетных контор при Ассигнационном банке 1810 г., Устав рекрутский 1831 г. и т. д. Логично предположить, что именно эти акты и стали нормативной базой ст. 53 Свода. Другими словами, указанный выше список предлагаемых форм нормативного акта вышел из текстов данных актов.

Применительно к большинству форм это действительно так. Например, в списке форм наличествуют Уложения, Уставы и Учреждения. Чтобы обосновать преемственность данных форм, составители Свода перечислили конкретные акты, принятые ранее и имеющие ту же форму. Так, в качестве примера *Уложе-*

ния фигурирует акт, имеющий в Полном собрании первый номер. Как известно, ПСЗРИ открывается Соборным Уложением 1649 г. Таким образом, в данном контексте Свод действительно основывается на ранее принятом законодательстве.

Примерами такой формы как *Устав* в ст. 53 Свода выступают, в частности, акты № 29126-229131 – Устав об управлении инородцев, Устав о сибирских киргизах, о ссыльных, об этапах в Сибирских губерниях и т. п.

Как обоснование для использования такой формы нормативного акта, как *Учреждения*, прилагаются ссылки на Учреждение для управления Сибирских губерний от 22 июля 1822 г. (№ 29125), Учреждение для управления губерний от 7 ноября 1775 г. (№ 14392), Учреждение об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. (№ 17906) и еще несколько актов с аналогичным наименованием. По какой-то причине именно эту форму составители Свода обосновали наибольшим числом первоисточников.

Не менее показательны примеры таких форм, как *Грамоты и Манифесты*. Составители Свода дают ссылку на акты из Полного собрания под номерами 16187 и 16188. Это Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства и Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. Акт № 24418 от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» – это Манифест. Таким образом, генетическая связь текста статьи Свода с предыдущим законодательством прослеживается и в отношении данных форм.

Указы – наиболее часто встречающаяся форма нормативного правового акта в этот период. Чаще всего в наименовании упускается слово «указ», документ обозначается прилагательным, указывающим на авторство акта, например «Именный» «Сенатский» и т. п. Первоисточником этой формы в приложении был акт, включенный в ПСЗРИ под номером 29124: «Именный, данный Сенату. О преобразовании Сибирских Губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г.

Положение как форма, рекомендованная ст. 53, имеет ссылку на несколько документов. В их числе Высочайше утвержденные

Положения «О земских повинностях в сибирских губерниях» и «О казенных хлебных запасных магазинах» от 22 июля 1822 г. (№ 29132 и 29133).

Форма *Наказа (Инструкции)* обоснована ссылкой на акт № 3294: Инструкция или Наказ Воеводам (январь 1719 г.). Кроме того, в Приложении имеются акты с упоминанием одной формы, например, Наказ Губернаторам и Воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать (август-сентябрь 1728 г.) № 5333; Инструкция Межевщикам (13 мая 1754 г. № 10237).

Связь с первоисточником такой формы, как *Доклад, удостоенный Высочайшего утверждения*, обозначена через «Высочайше утвержденный доклад Министра Внутренних Дел. О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» от 20 февраля 1804 г. (№ 21163).

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета как форма нормативного акта поддержано документом с аналогичным наименованием от 13 апреля 1810 г. (№ 24193) и более поздним актом от 22 января 1831 г. (№ 4281). Но ссылка на первоисточники несколько озадачивает. Значительно логичнее было бы использовать как первоисточник документ об учреждении Государственного Совета («Образование Государственного Совета» от 1 января 1810 г. (№ 24064)). В § 75 данного акта регламентируется такая форма, как Мнение Государственного Совета. Но, возможно, составителя Свода обошли вниманием данный акт из-за того, что Мнения в данном акте ограничены – они могут содержать лишь «изъяснения, предписывающие только образ исполнения или устанавливающие истинный их разум по возникшим сомнениям».

Хотя перечень форм нормативных правовых актов и их первоисточников в ст. 53 достаточно краток и понятен, сопоставление первоисточников и иных форм нормативных правовых актов, а также документов, представленных в ПСЗРИ, доказывает, что составители Свода были не всегда последовательны.

Можно выделить несколько «нестыковок» между источниками и содержанием ст. 53:

1) *Наличие форм, узаконенных ст. 53 Свода, но не подтвержденных ссылкой на акт-первоисточник.*

Приказами и рескриптами в соответствии со ст. 53 оформлялись распоряжения, из-

даваемые в порядке управления или, по выражению М.М. Сперанского, «относящиеся к действию власти исполнительной», поскольку «учреждают только образ исполнения» [8]. В ПСЗРИ учтено несколько актов, которые имели наименование Рескрипт или Приказ, например, «Высочайший приказ О причислении новосформированного Семеновского полка к старой Гвардии» от 8 декабря 1823 г. (№ 29667); «Высочайший Рескрипт, данный на имя Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны» от 22 сентября 1803 г. (№ 20943) и др. Однако в приложении, демонстрирующем генетическую связь ст. 53 и предыдущего законодательства, ни одна, ни вторая форма не обоснована.

Правда, список актов-первоисточников не конечен, поэтому отсутствие ссылки не является существенным просчетом составителей Свода.

2) *Наличие актов, которые не предусмотрены ст. 53 Свода, но есть в актах-первоисточниках приложения к ст. 53.*

Например, в перечне узаконенных форм законодателем опущена такая форма, как Наставление. В перечне одобренных законодателем форм Наставление отсутствует, но акт-первоисточник № 12137 от 21 апреля 1764 г. в ПСЗРИ назван «Наставление Губернаторам». В этом случае возникает вопрос: считать ли Наставления одобренной формой или, руководствуясь списком ст. 53, отказаться от нее?

Еще одна форма, также обоснованная первоисточником, но не включенная в основной перечень, – это Записка. Акт, упомянутый в приложении к ст. 53 № 4808 от 18 сентября 1831 г., – это «Высочайше утвержденная докладная записка Министра Императорского Двора». Таким образом, первоисточник подтверждает возможность использования Записки как формы нормативного акта, о чем имеется ссылка в приложении. Но в ст. 53 такой формы нет. Можно предположить, что законодатель признавал ее существование до Свода, а потом отказался от нее. Но второе собрание ПСЗРИ свидетельствует об ошибочности предположения: в нем наличествует немало актов с наименованием Записка, например, «Высочайше утвержденная докладная записка Главноначальствующаго над Почтовым Департаментом» от 17 января 1834 г.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

(№ 6729), его же Записка от 18 февраля 1834 г. (№ 6818); Высочайше утвержденные докладные Записки министра финансов от 24 января и 15 февраля 1836 г. (№ 8813 и 8872) и др. Следовательно, данная форма имела хождение и после введения в действие Свода законов. Поскольку первоисточником она обоснована, а в ст. 53 отсутствует, ее можно отнести к частично узаконенным формам.

3) *Неучтенные акты (акты, которых нет ни в ст. 53, ни в первоисточниках, но есть в реальности).*

Значительно сложнее ситуация с теми актами, которые не упоминаются как форма ни в ст. 53, ни в приложении к ней, но включены в ПСЗРИ. Начало разнородным формам нормативных актов было положено во времена правления Петра I [10, с. 46–47]. В конце XVIII–начале XIX в. разнообразных «неузаконенных» или, точнее сказать, неучтенных форм нормативных правовых актов, если судить по включенным в ПСЗРИ документам, было много. Это, например, Штаты, Правила, Привилегии, Резолюции, Табели и множество других форм.

Штат как форма нормативного акта не упомянут ни перечнем узаконенных форм, ни списком первоисточников. На первый взгляд, ситуация вполне однозначна – отныне эта форма не имеет хождения. Но законодатель, вычеркнув ее из перечня ст. 53, тем не менее пользуется этой формой.

О том, что Штаты как форма нормативного акта были достаточно востребованы до издания Свода, свидетельствуют цифры: в 1802 г. документов с наименованием Штаты в ПСЗРИ числилось 11, в 1803 г. – 13. Но и после введения в действие Свода законодатель использует Штаты для выражения своей воли. Так, только в феврале 1834 г., принято сразу два акта в форме Штата: «Штат управления ремонтным содержанием шоссе между С.-Петербургом и Москвою» (№ 6840) и «Штат Канцелярий столичных мест Духовнаго Грекороссийскаго ведомства» (№ 6844). Аналогичные акты приведены в ПСЗРИ и в другие годы, например, в 1836 г. – Высочайше утвержденный штат Собственной Его Императорского Величества Конторы (№ 9758) и т. д. Таким образом, говорить об отказе от Штатов неверно.

Другая форма, которая также не узаконена ст. 53 и отсутствует в прилагаемом списке

первоисточников, – это *Расписание*. Так, под № 6728 во втором собрании ПСЗРИ числится «Высочайше утвержденное росписание в каких комнатах Зимняго дворца, каких войск г.г. Генералы, Штаб и Обер-офицеры должны находиться при Высочайших выходах с половины Государя Императора», датированное 17 января 1834 г. Расписание – необычная неучтенная форма акта, хотя нельзя сказать, что этот акт уникален. Нормативные документы с таким наименованием встречались и в более раннем праве, например, «Высочайше утвержденное росписание этапов в Сибири с наименованием их вместо номеров...» от 27 февраля 1824 г. (№ 29820), «Высочайше утвержденное росписание о назначении этапов для препровождения арестантов...» от 3 мая 1824 г. (№ 29897) и др.

Безусловно, современному юристу трудно воспринимать как нормативный правовой акт документ с наименованием «расписание». Но не стоит забывать, что в юридической практике Российского государства это не единственный вариант непривычной формы. Не менее странно воспринимаются законы с наименованием Плакат, Табель, Привилегия, Проект, Правила, Описание, Тарифы и даже Журналы. Этот список можно продолжать. Все документы роднит то, что ни одна из перечисленных форм не узаконена в ст. 53 и, если следовать точному смыслу статьи, не должна служить средством воплощения нормативных предписаний как минимум с момента вступления в силу Свода.

Однако изучение актов, вошедших во второе собрание ПСЗРИ, свидетельствует об обратном. Так, документ, выданный 14 февраля 1834 г., имеет наименование «Привилегия» (№ 6809), акт от 21 февраля того же года обозначен как «Правила» (№ 6839), документ № 6926 от 23 марта 1834 г. – это «Высочайше утвержденная Табель мундирным и аммуничным вещам одного военнослужителя Полицейской и Мастерской бригады Путей сообщения»; 21 июня 1834 г. принят акт, который назван «Условия» (№ 7206).

Можно привести еще ряд отступлений от списка ст. 53: «Высочайше утвержденный журнал Адмиралтейств-Совета» от 28 октября 1836 г. (№ 9658); «Высочайше утвержденное описание» от 26 ноября того же года (№ 9738) и др.

Помимо указанных форм, в «Общем учреждении министерств» от 23 июня 1811 г. есть упоминание о «законах». В § 62 сказано, что первоначальная задача каждого министра состоит в том, чтобы «собрать и составить самые верныя сведения о настоящем положении его части о законах, Уставах и учреждениях, к ней относящихся»³. Кроме того, еще в ряде статей присутствует слово Закон как однопорядковый элемент с Уставами и Учреждениями (§ 208, 210, 228). В том же акте есть указание на еще одну форму: Уставы и Учреждения «по временам должны быть дополняемы разными постановлениями» (§ 66); согласно § 71 к министрам поступают «Высочайшие указы, повеления, постановления и Учреждения».

Можно продолжать список примеров, но и с помощью приведенных фактов можно понять, что многообразие используемых законодателем форм нормативного правового акта не вписывается в узкие рамки ст. 53 Свода законов Российской империи.

Подводя итоги исследования, можно заключить, что в ПСЗРИ собраны акты, облеченные в самые различные формы. Некоторые формы (Указы, Высочайше утвержденные Доклады и Мнения, Положения) широко распространены и составляют основную массу нормативных правовых актов ПСЗРИ. Дру-

гие формы (Наказы, Инструкции, Учреждения, Уставы, Уложения, Грамоты и Манифесты) менее востребованы и заметно уступают первым в числе. Но все обозначенные формы можно объединить понятием «узаконенные», поскольку каждая из перечисленных форм нашла отражение в тексте ст. 53 Свода законов Российской империи.

Формулировка статьи не предусматривает существования иных видов нормативных правовых актов, помимо перечисленных. Однако в ПСЗРИ вошло множество нормативных актов, которые находятся за пределами «узаконенных» форм. Это Штаты, Высочайше утвержденные Записки, Табели, Журналы, Расписания, Привилегии и др. При этом издание нормативных актов данных форм практиковалось и до, и после вступления в силу ст. 53 Свода. Таким образом, несмотря на систематизацию законодательства и стремление упорядочить формы внешнего выражения правовых норм, правовой инструментарий законодателя в первой половине XIX в. включает как «узаконенные», так и «неучтенные» формы нормативных правовых актов. Следовательно, попытка законодательно ограничить воплощение норм права в конкретные формы нормативного правового акта в первой половине XIX в. оказалась не слишком успешной.

Список источников

1. Баранов В. М., Демичев А. А. Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов. Систематизация законодательства в России: история и современность (К 175-летию Свода законов Российской империи): Междунар. круглый стол (18–19 января 2008 г.), М., 2008.

2. Кодан С.В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX – начале XX в. // Юридическая техника. 2007. № 1.

3. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. Ч. III, IV, V. СПб., 1861.

4. Мазуренко А.П., Мещерякова А.В. Правотворческая политика эпохи абсолютизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2014 № 3(31).

References

1. Baranov V. M., Demichev A. A. Legal nature of the Code of Laws of the Russian Empire in light of the history and theory of systematization of normative acts. Systematization of legislation in Russia: history and modernity (On the 175th anniversary of the Code of Laws of the Russian Empire): Int. round table (January 18-19, 2008), Moscow, 2008.

2. Kodan S. V. Code of Laws of the Russian Empire. Place and role in the development of legal technique and systematization of legislation in Russia in the XIX – early XX centuries // Legal technique. 2007. № 1.

3. Korf M. A. Life of Count Speransky. Vol. 2. Part III, IV, V. St. Petersburg, 1861.

4. Mazurenko A. P., Meshcheryakova A.V. Law-making policy of the era of absolutism // News of higher educational institutions. Volga region. 2014 № 3 (31).

³ ПСЗРИ. Собр. первое Т. XXXI. № 24686.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

5. Минникес И.В., Парфенова Т.А. Источники Российского права (X–XX в.): учеб. пособие. Иркутск, 2019.

6. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5

7. Самарский А.Н. Жуланов А.В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX в.: свод законов Российской империи // Философия права. 2020. № 1(92).

8. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/speran.htm> (дата обращения: 12.05.2024).

9. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы: пер. с нем. М., 2000.

10. Чистяков А.В. Первые попытки систематизации российского законодательства и создание Свода законов Российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8.

5. Minnikes I.V., Parfenova T.A. Sources of Russian Law (10th–20th centuries): textbook. manual. Irkutsk, 2019.

6. Mitskevich A.V. Systematization of Laws of the Russian Empire by M.M. Speransky // Journal of Russian Law. 2001. № 5

7. Samarsky A.N. Zhulanov A.V. Improvement of the Legislation of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century: Code of Laws of the Russian Empire // Philosophy of Law. 2020. № 1 (92).

8. Speransky M.M. Introduction to the Code of State Laws (Plan for Universal Public Education). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/speran.htm> (date of access: 12.05.2024).

9. Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 volumes. Vol. I. Basics: trans. from German. Moscow, 2000.

10. Chistyakov A.V. First attempts to systematize Russian legislation and the creation of the Code of Laws of the Russian Empire // Actual problems of Russian law. 2018. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт правовых исследований Байкальского государственного университета. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
ORCID: 0000-0002-2550-8949

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minnikes Irina Viktorovna, Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher. Institute of Legal Studies of the Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ

Хужин Альфир Мисхатович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация, alfirhuzhin@mail.ru

Мазаева Дарья Константиновна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация, mazaeva.darja@gambler.ru

Введение: от точности и конкретности закрепленных в действующем российском законодательстве правовых понятий, различных формулировок зависит эффективность процесса правореализации, его результативность. Не вызывает сомнений и тот факт, что ясность используемых правовых категорий оказывает влияние на степень определенности нормативных правовых актов, образованных совокупностью нормативных предписаний и установлений. Очевидно, что качество изложения правовых терминов, их пояснений и других подобных материалов нормативного характера воздействует на формирование правоприменительной практики, а если смотреть глобально, – на уровень законности в государстве. Из этого следует, что вопросы, связанные с неопределенностью в праве, требуют к себе особого внимания.

Материалы и методы: методологическим фундаментом данной статьи стали такие общенаучные методы, как диалектика, анализ, индукция, а также принципы объективности, комплексности.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило понять значение индивидуального правового регулирования, его роль в масштабном, сложном процессе преодоления неопределенности в праве.

Выводы и заключения: неопределенность в праве может рассматриваться не только в негативном, но и в позитивном ключе. При таком понимании неопределенность дает возможность развиваться индивидуальному правовому регулированию, которое, в свою очередь, становится средством устранения существующей неопределенности.

Ключевые слова: правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, определенность в праве, неопределенность в праве, принцип правовой определенности, относительно-определенные нормы права, правопонимание, технико-юридические дефекты права, качество права.

Для цитирования: Хужин А. М., Мазаева Д. К. Индивидуальное правовое регулирование как средство преодоления неопределенности в праве / А. М. Хужин, Д. К. Мазаева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 47–52.

Original paper

INDIVIDUAL LEGAL REGULATION AS A MEANS OF OVERCOMING UNCERTAINTY IN LAW

Khuzhin Alfir Miskhatovich

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Mazaeva Darya Konstantinovna

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the efficiency of the process of law enforcement and its effectiveness depend on the accuracy and specificity of the legal concepts and various formulations enshrined in the current Russian legislation. There is no doubt that the clarity of the legal categories used affects the degree of certainty of regulatory legal acts formed by a set of regulatory prescriptions and regulations. It is obvious that the quality of the presentation of legal terms, their explanations and other similar normative materials affects the formation of law enforcement practice, and if you look globally, the level of legality in the state. It follows from this that issues related to uncertainty in law require special attention.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Materials and methods: the methodological foundation of this article was such general scientific methods as dialectics, analysis, induction, as well as the principles of objectivity and complexity.

Results of the study: the conducted study allowed us to understand the importance of individual legal regulation, its role in the large-scale, complex process of overcoming uncertainty in law.

Findings and conclusions: uncertainty in law can be considered not only in a negative but also in a positive way. With this understanding, uncertainty gives the opportunity to develop individual legal regulation, which, in turn, becomes a means of eliminating existing uncertainty.

Keywords: legal regulation, individual legal regulation, certainty in law, uncertainty in law, principle of legal certainty, relatively certain rules of law, legal understanding, technical and legal defects of law, quality of law.

For citation: Khuzhin A. M., Mazaeva D. K. Individual legal regulation as a means of overcoming uncertainty in law / A. M. Khuzhin, D. K. Mazaeva // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 47–52.*

Эффективность реализации предписаний, зафиксированных в действующих нормах права, напрямую зависит от точности, ясности и конкретности содержащихся в них понятий и формулировок. В свою очередь, это влияет на степень определенности и нормативных правовых актов, состоящих из совокупности нормативных установлений. Качество изложенных терминов, сопутствующих пояснений и любого другого нормативного материала оказывает соответствующее воздействие на правоприменительную практику, а в более глобальных масштабах и на уровень законности.

Единство качественной, стабильной и одновременно динамичной в плане активного и продуктивного реагирования на изменения, происходящие в обществе, нормативной базы и непосредственно связанного с ней эффективного правосудия дают возможность обеспечить реальную защиту прав и свобод человека и гарантировать соблюдение интересов социума и государства в целом.

Отсутствие достаточной ясности содержательной составляющей понятий, неточность, необстоятельность, даже в некоторой степени размытость и расплывчатость сформулированных законодательных положений, могут приводить к возникновению трудностей при их толковании и, конечно же, в процессе правоприменения. Указанные явления, вызванные объективными и субъективными факторами правообразовательного процесса, как причины, приводящие к несовершенствам правового регулирования, могут представлять собой (в широком смысле) неточное, непоследовательное, неполное установление и дальнейшую реализацию нормативной правовой воли или же различные технико-юридические дефекты права в текстовых формах (в узком смысле) [6, с. 54–55].

Все это можно обозначить как неопределенность в праве, которая представляет собой отсутствие возможности в процессе регулирования отдельных конкретных групп правовых отношений однозначного определения воли

государства, материализованной в соответствующих нормативных правовых актах, в связи с наличием коллизий, пробелов, различных недостатков юридической техники и высокого уровня абстрактности нормативных предписаний во всех формах права [14, с. 10].

Неопределенность внутреннего наполнения норм права обуславливает существование возможности чрезмерно широкого усмотрения в ходе правоприменительной деятельности, что может приводить к «нецелевому» использованию нормативных предписаний, вызывая правовой хаос, произвол и, соответственно, многочисленные нарушения принятых в обществе требований законности. Иными словами, неясность поведенческой модели, необходимой в конкретной социальной ситуации, как отличительное свойство неопределенной нормы порождает и другую проблему – отсутствие критерия правомерного поведения [1, с. 20–25].

Следовательно, в современных условиях для формирования действенной системы норм права необходимо совершенствовать правотворческую деятельность, уделяя особое внимание таким юридическим критериям качества законодательных актов, как ясность, точность, простота и единообразие излагаемых положений, роль которых с учетом постоянно происходящих изменений возрастает.

Что есть неопределенность? Неопределенность, как свойство, образованное от прилагательного «неопределенный», имеет несколько смысловых значений. Так, во-первых, она может обозначать нечто, не имеющее точного установления, во-вторых, что-то неясное и неотчетливое, в-третьих, то, что ничего не выражает [15, с. 460; 17, с. 409]. В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля для пояснения термина «неопределенный» также используются такие описательные характеристики, как неизвестный в точности, неописанный по всем своим признакам, неисследованный, неизмеренный, несосчитанный, а также сомнительный [16, с. 541].

Учитывая многовековой исторический опыт, можно говорить о том, что человек всегда пытался избежать неопределенности. Сама сущность человеческой природы предполагает его стремление к обретению уверенности и приданию высокой оценки той информации, которая способна дать понимание и событий (происшествий), свершившихся в прошлом, и процессов, происходящих в «режиме реального времени», т. е. текущего бытия, и, конечно же, и возможных явлений в ближайшем и далеком будущем.

Полагаем, будет справедливым утверждать, что неопределенность в целом воспринимается негативно как отдельно взятым индивидом, так и всем обществом, поскольку она порождает неуверенность, смятение, сомнения, колебания и даже тревогу и беспокойство. Это вызывает желание избавиться от шатких предположений, смутных догадок, образно выражаясь, обрести почву под ногами, – прояснить возникшую непонятную ситуацию, обнаружив точное определение, которое позволило бы принять единственно верное решение, не нагружая сознание человека излишними раздумьями и не приводя в движение маятник сомнений.

Безусловно, в реальной действительности невозможно говорить об абсолютной определенности. Это является одним из недостижимых, заветных человеческих идеалов. Ориентация на строгую однозначность и единообразие закономерностей, поиск единственного абсолютно правильного решения, ответа на возникший вопрос становятся некой утопией при многовариативном сценарии возможных событий. Если все-таки пойти еще дальше и углубиться в недра философии и поставить вопрос о том, а может ли быть объективная всеобщая определенность, мы приходим к некоторым умозаключениям.

В сущности, каждый человек воспринимает конкретно заданную информацию, пропуская ее через себя и делая для себя соответствующие выводы, например, о ясности, доступности и точности полученного знания посредством собственного уровня понимания. Это не означает, что для другого человека такое знание априори будет подвергнуто такой же оценке. Иными словами, одной из неразрешимых на протяжении многовековой истории человечества, несмотря на многочисленные попытки выдающихся деятелей науки, живших в различные исторические эпохи, является проблема невозможности полного «очищения» знания от субъективного фактора.

Любой человек в процессе получения и дальнейшей обработки информации пропуска-

ет ее сквозь призму приобретенного им «багажа» в виде практического жизненного опыта, ценностных ориентаций и установок, личных убеждений. Таким образом, он воспринимает определенное знание и интерпретирует его в абсолютно индивидуальном, можно даже сказать, уникальном ключе. Следовательно, с одной стороны, получение какой-либо информации способно уменьшить степень неопределенности, однако, с другой стороны, оценка этой информации может быть крайне субъективной, что и приводит к возникновению ошибочных суждений. Кроме того, неверно сделанный вывод при достаточно больших объемах данных как отдельный фактический исход обработки полученной информации впоследствии может стать причиной рождения дополнительной неопределенности, другими словами, вновь повысить ее уровень.

Несмотря на тот факт, что юриспруденция далека от точности, присущей естественным наукам, полагаем, будет верным утверждать, что она стремится к весьма определенному порядку, к структурированности во многих своих областях, будь то системность нормативных положений и иерархичность законодательных актов или же отработанные четкие процессуальные формы и, конечно же, множество иных аспектов, а существующий субъективизм препятствует достижению обозначенной цели.

Общий принцип правовой определенности выражает один из наиболее важных конститутивных признаков норм права как системы социальных норм [13, с. 34]. Сама сущность правовой нормы как выражение равенства масштаба и меры свободы в отношении каждого субъекта включает в себе требование определенности [2, с. 526]. Следует отметить, что правовая неопределенность является не только принципом, требующим ясности установленных различными формами права субъективных прав, обязанностей и запретов, но также и свойством права, под которым подразумевается высокое качество юридической техники, обеспечивающее точность правовых предписаний [14, с. 11].

Принцип правовой определенности также представляет собой возникающую в ответ на установленные Конституцией РФ основополагающие идеи правового государства обязанность законодателя соблюдать требование определенности, точности, однозначности правовой нормы и ее органичного единства с действующей системой правового регулирования. Разрабатываемые и принимаемые государством нормативные правовые акты должны соответствовать целям, ради которых

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

они вводятся в действие, обладать конкретным-определенным содержанием, объектом регулирования и объемом необходимых действий, а правовые нормы, являющиеся непосредственными составляющими издаваемых законов, должны отличаться достаточной степенью ясности, которая давала бы гражданину возможность соотносить свое поведение с ними на предмет дозволенности или же запрещенности [10].

Что касается неопределенности в праве, то Конституционным Судом РФ неоднократно отмечалось, что двусмысленное толкование закона и его произвольное применение, являющееся нарушением конституционных принципов равенства и справедливости, которые могут обеспечиваться исключительно при соблюдении условия однозначного трактования и понимания правовой нормы всеми правоприменителями, исключая ведущую к произволу возможность неограниченного усмотрения в практической деятельности, есть суть неясности, неточности и неопределенности закона [9; 11; 12].

Исходя из этого, принцип правовой определенности приобретает значимость в качестве особого социального явления, направленного на достижение устойчивости общественных отношений посредством развития стабильного качественного механизма правового регулирования. Реализация данной цели (стабильность правового регулирования) становится возможной при устранении неопределенности в праве и установлении его единообразного понимания.

Как уже было сказано, в большинстве случаев неопределенность рассматривают в негативном ключе. Однако если принять как данность, что категория неопределенности независимо от того, в какой сфере и по какому вопросу она возникает, осознается и принимается она человеком, обществом в целом или нет, существует во всеобъемлющей системе взаимодействий, становясь при этом объективным фактором развития, то возникает предположение, что неопределенность может выступать и в качестве положительного явления.

Так, еще Р. Декарт отмечал тот факт, что из всех вещей, относимых им к числу истинных, не было ни одной, которая не дала бы повода сомневаться [5, с. 19]. Исходя из этого, испытываемые сомнения становятся дополнительным стимулом, задающим направление движению от состояния неопределенности к определенности, в своем роде необходимым условием, способствующим активному поиску и приобретению новых знаний

об окружающей действительности [5, с. 24]. В познавательном процессе за счет воображения, мышления, а также иных форм теоретического и эмпирического уровня знаний выясняются и устанавливаются взаимосвязи между протекающими явлениями, их характерные структурные особенности и порядок, перспективы дальнейшего развития, что в своей совокупности приводит к принципиальной трансформации неопределенности.

При таком понимании неопределенность приравнивается к мощной силе, позволяющей человеку вырабатывать обобщающие выводы, выявлять причинные взаимосвязи, что впоследствии создает весомый потенциал возможностей полноценного развития в существующей реальности за счет одного из выбранного среди многообразия сформировавшихся вариативных суждений. Поддержание состояния неопределенности позволяет избежать «законсервированности» мировоззрения и мировосприятия, жестких границ и рамок, возникающих в ответ на утвердительные, вынесенные окончательно установки. В таком ключе определенность превращается в препятствие, мешающее воображению и мышлению и ограничивающее свободу выбора человека, неопределенность же становится новым пределом осмысления, порождающим обширный диапазон знаний, одно из которых может быть использовано в отношении познаваемого явления реальной действительности [7, с. 142].

Применительно к праву данная мысль (рассмотрение неопределенности в позитивном ключе), на наш взгляд, представляется весьма интересной и заслуживающей внимания, удачно раскрывается и подтверждается Т.Н. Назаренко, которая первая в юридической литературе обосновала идею о том, что неопределенность может быть оценена в качестве явления, оказывающего положительный эффект. В частности, отмечается, что неопределенность как феномен права становится своеобразным средством правового регулирования. Доказательством тому является имеющий широкое распространение абстрактный способ формулирования правовых норм, наличие диспозитивных и относительно определенных норм, оценочных понятий, а также довольно часто встречающиеся в действующем законодательстве так называемые «рамочные законы» [8, с. 7].

Относительно-определенные нормы права, закрепляя альтернативные варианты решений посредством описания определенных условий, тем самым порождают правовую неопределенность и устанавливают ее пре-

дела, что дает возможность правоприменителю оценивать и разрешать спорные ситуации по своему усмотрению [4, с. 32–44].

Для нас наиболее значимым является вывод, сделанный Т.Н. Назаренко, о том, что при таком восприятии и понимании неопределенности (как позитивного феномена) она дает большие возможности для развития индивидуального правового регулирования [8, с. 7]. Мы поддерживаем умозаключение, к которому пришел автор, и считаем, что изложенную мысль подтверждает довольно динамичное и распространенное индивидуальное правовое регулирование в различных его проявлениях. В данном ключе существующая неопределенность действительно играет важную роль и выполняет в своем роде стимулирующую функцию, заключающуюся в побуждении участников соответствующих отношений предпринимать

необходимые шаги для самостоятельного решения (урегулирования) вопросов.

Из этого следует, что сущность индивидуального правового регулирования состоит в том самом «желанном» ощущении чувства определенности, обретении уверенности и стабильности. Получается, что индивидуальное правовое регулирование становится средством устранения существующей неопределенности, и хотя, как уже было сказано ранее, достижение абсолютной определенности представляет собой идеальное, но невозможное в действительности состояние, стремление к нему посредством реализации каких-либо попыток, по нашему мнению, способствует снижению степени тревожности, беспокойства участников конкретных отношений, что закономерно ведет к уменьшению неопределенности, а значит, в общем оказывает благотворный эффект.

Список источников

1. Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
3. Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1(37).
4. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2.
5. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и франц. Т. 2 / сост., ред. В.В. Соколова. М., 1994.
6. Линько В.В. Правоприменительная деятельность в условиях неопределенности в праве // Закон и право. 2019. № 9.
7. Михина М.В. Неопределенность: основные характеристики и определение // Инновационная наука. 2018. № 5-2.
8. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
9. По делу о проверке конституционности положения ст. 199 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 года № 9-П // Российская газета. 3 июня 2003 г.
10. По делу о проверке конституционности абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с

References

1. Batmanov S.A. The concept of legal uncertainty // Advocate. 2015. № 11.
2. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. Moscow, 2011.
3. Vlasenko N.A. The categories of «uncertainty» and «certainty» in the study of modern law // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (37).
4. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: nature and forms of expression // Journal of Russian Law. 2013. № 2.
5. Descartes R. Works in 2 volumes: trans. from Latin and French. Vol. 2 / compiled, ed. V.V. Sokolov. Moscow, 1994.
6. Linko V.V. Law enforcement activities in conditions of uncertainty in law // Law and Right. 2019. № 9.
7. Mikhina M.V. Uncertainty: main characteristics and definition // Innovative science. 2018. № 5-2.
8. Nazarenko T.N. Uncertainty in Russian law: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.
9. In the case of verifying the constitutionality of the provision of Art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens P.N. Beletsky, G.A. Nikova, R.V. Rukavishnikov, V.L. Sokolovsky and N.I. Talanov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2003 № 9-P // Rossiyskaya Gazeta. June 3, 2003.
10. In the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 Art. 1 of the Federal Law «On Horticultural, Vegetable Gardening and Dacha Non-Commercial Associations of Citizens» in connection

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 года №7-П // Российская газета. 26 апреля 2008 г.

11. По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 года № 8-П // Российская газета. 7 июня 2008 г.

12. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 188 Уголовного кодекса РФ, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 года № 15-П // Российская газета. 23 июля 2010 г.

13. Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5.

14. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016.

15. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1986.

16. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Т. II. СПб.; М., 1881.

17. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 2004.

with complaints from a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2008 № 7-P // Rossiyskaya Gazeta. April 26, 2008

11. In the case of verifying the constitutionality of the provision of Part 1 of Art. 188 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Aslamazyan: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 № 8-P // Rossiyskaya Gazeta. June 7, 2008

12. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 1 of Art. 188 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4 of Art. 4.5, Part 1 of Art. 16.2 and Part 2 of Art. 27.11 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaints of citizens V.V. Batalov, L.N. Valueva, Z.Ya. Ganieva, O.A. Krasnaya and I.V. Epov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 13, 2010 № 15-P // Rossiyskaya Gazeta. July 23, 2010.

13. Presnyakov M.V. Legal Certainty as a Systemic Quality of Russian Legislation // Journal of Russian Law. 2009. № 5.

14. Sidorenko A.I. The Principle of Legal Certainty in Judicial Practice: Implementation of Decisions of the European Court of Human Rights: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Perm, 2016.

15. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. 2. / edited by A.P. Evgenyeva. 3rd ed., stereotype. Moscow, 1986.

16. Explanatory dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dahl. T. II. St. Petersburg: Moscow, 1881.

17. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 4th ed., add. Moscow, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Нижегородская академия МВД России. 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, БОКС–268; профессор кафедры гражданского права и процесса. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23. ORCID: 0000-0002-8026-2822

Мазаева Дарья Константиновна, преподаватель кафедры судебной и прокурорской деятельности. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khuzhin Alfir Miskhatovich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. 3, Ankudinovskoe Highway, BOX–268, Nizhny Novgorod 603950 Russian Federation.

Mazaeva Darya Konstantinovna, Lecturer at the Department of Judicial and Prosecutorial Activities. National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022 Russian Federation.

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АБРИС ОБЩЕПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Хужина Оксана Николаевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация, oksana_17.92@mail.ru

Введение: в статье изложены некоторые методологические предпосылки для формирования общеправового определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности», необходимость которого обусловлена терминологической неопределённостью в данном вопросе. Отсутствие единого подхода к пониманию данного понятия может породить трудности в правореализации.

Материалы и методы: исследование основано на научных трудах, посвященных сущностной характеристике ценностей в целом и духовно-нравственных ценностей в частности, а также действующем российском законодательстве. Использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение, формально-юридический метод.

Результаты исследования: выявлены предпосылки для формирования общеправового определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности».

Выводы и заключения: при разработке определения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» необходимо выделять как общие признаки, свойственные духовно-нравственным ценностям, так и частные, позволяющие выделять данную группу ценностей из всего массива духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: ценность, традиция, право, традиционная ценность, духовно-нравственная ценность.

Для цитирования: Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в праве: методологический абрис общеправового исследования / О. Н. Хужина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 53–59.

Original paper

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN LAW: METHODOLOGICAL OUTLINE OF A GENERAL LEGAL RESEARCH

Khuzhina Oksana Nikolaevna

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the article presents some methodological prerequisites for the formation of a general legal definition of the concept of «traditional Russian spiritual and moral values», the need for which is due to the terminological uncertainty in this matter. The lack of a unified approach to understanding this concept may give rise to difficulties in law enforcement.

Materials and methods: the study is based on scientific works devoted to the essential characteristics of values in general and spiritual and moral values in particular, as well as current Russian legislation. General scientific methods and special methods of legal science were used, among which the main place is occupied by analysis, synthesis, generalization, and the formal-legal method.

Results of the study: the prerequisites for the formation of a general legal definition of the concept of «traditional Russian spiritual and moral values» were identified.

Findings and conclusions: when developing a definition of the concept of «traditional Russian spiritual and moral values», it is necessary to highlight both the general features inherent in spiritual and moral values, and specific ones, allowing us to single out this group of values from the entire array of spiritual and moral values.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Keywords: value, tradition, law, traditional value, spiritual and moral value.

For citation: Khuzhina O. N. Traditional spiritual and moral values in law: methodological outline of a general legal research / O. N. Khuzhina // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 53–59.*

Традиционные российские духовно-нравственные ценности (далее – традиционные ценности) представляют собой сложное многогранное явление. В связи с этим они в единстве или в отдельности выступают предметом научного исследования не одного профиля. Данный тезис в частности подтверждают результаты автоматизированного поиска в коллекции авторефератов, загруженных в информационную базу российской государственной библиотеки по запросу «традиционные ценности»: на 25 июня 2024 г. сформировался список более чем из 103 тыс. работ, в заголовке и/или содержании которых фигурирует словосочетание «традиционные ценности». Выборочный просмотр работ показывает, что в них традиционные ценности рассмотрены сквозь призму филологии, политологии, социологии, этнографии, педагогики, культурологии, юриспруденции и даже в ряде трудов в связи с техническими науками.

Полиаспектность содержательного наполнения традиционных ценностей делает возможным их изучение с позиций различных наук, в первую очередь гуманитарных. В области последних «проблема определения ценностей целиком и полностью зависит от той парадигмы, которая определяется самой природой ценностей, и в зависимости от решения последней складывается и соответствующее понимание статуса и алгоритмов определения ценности...» [1, с. 259]. При этом обязательно необходимо иметь в виду, что понятие традиционных ценностей, их видовое многообразие, иные характеристики задаются автором исходя из целей проводимого им исследования. В связи с этим понятие «традиционные ценности», данное в рамках педагогического исследования, может отличаться от определения того же понятия, сформулированного в рамках исследования по политологии и т. д.

Изучение традиционных ценностей сквозь призму права также нуждается в понятийно-категориальной основе, в которой важное место занимает определение понятия «традиционные ценности», содержательное напол-

нение которого в зависимости от контекста употребления может отличаться. В настоящее время отечественный законодатель предпринял попытку не только сформулировать определение данного понятия, но и конкретизировать их видовое многообразие. Внести ясность в понимание традиционных российских духовно-нравственных ценностей призван упомянутый нормативный правовой акт. Вместе с тем стоит согласиться с М.С. Пермиловским в том, что называемые законодателем ценности имеют «надюрридическую природу», в силу чего «трудно формализуемы, поэтому их правовое регламентирование является рамочным, ... трудно применимы в силу их глубокого содержания, поэтому они требуют межотраслевой интерпретации» [7, с. 22]. Соответственно, несмотря на то, что законодатель предложил легальное определение таковых, необходимо вычленять сущностно-образующие признаки, чтобы минимизировать ошибки в отнесении тех или иных мировоззренческих установок к традиционным ценностям. Как следствие, познание традиционных духовно-нравственных ценностей в праве невозможно без уяснения вопроса о ценностях в целом.

Необходимыми средствами познания и социальной коммуникации выступают имена. Каждое явление, которое стремится осмыслить человек, должно иметь имя и его признаки, т. е. оно должно характеризоваться набором некоторых черт, которые позволяют вычленить его из всего многообразия. Особенно важно это в теоретико-правовой сфере, где без поименования государственно-правовых явлений невозможно создать четко выверенные теории, концепции, отражающие базовые идеи по тому или иному вопросу. Теория традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве также не может быть построена без первоначального установления четкого понимания, что есть традиция, ценность, духовно-нравственная ценность, с тем чтобы в итоге иметь первооснову исследования в виде определения понятия «традиционная ценность».

Проблема понимания, трактовки понятия «ценность» не нова как в целом, так и в юридической сфере. Представители различных отраслей научного знания на протяжении длительного времени размышляют относительно названного феномена, справедливого характеризваемого О.И. Цыбулевской в качестве «многомерного, сложно-целостного образования, имеющего множество разных граней» [10, с. 9].

Семантическое толкование слова «ценность» важно для понимания его употребления в правовом поле. Обращение к толковым словарям русского языка показывает, что слово «ценность» употребляется в нескольких значениях, которые можно свести к следующим двум трактовкам: «1) выраженная в деньгах стоимость чего-либо; 2) важность, значимость чего-либо»¹. Слово «ценность» в первой группе значений выступает синонимом слова «стоимость» и близких к нему «богатство», «капитал», количественное выражение которых может быть точно определено, т. е. в этом смысле слово «ценность» имеет ярко выраженный материальный окрас. Другой же смысл, который передается названным словом, заключается в нужности, высокой степени важности, полезности чего-либо для человека на духовном уровне; в таком случае ценность чего-либо не может быть объективирована в точные показатели, не подлежит количественному измерению. В самом общем виде ценность – это то, что по каким-либо причинам представляется ценным для человека.

Необходимо сказать и о том, что связь ценности с оценкой в зависимости от подхода будет раскрываться по-разному. Исходя из того, что оценка представляет собой некий умственный акт по определению ценности чего-либо, справедливо говорить, что то или иное явление материального либо идеального мира может быть предметом оценки. Если речь идет об оценке чего-либо в аспекте определения его стоимости, то определяющее значение при оценке имеют объективные

факторы (например, затраты на производство вещи). Именно в связи с преобладанием объективных факторов возможно существование различного рода инструкций, рекомендаций и иных ориентирующих субъекта оценки документов². В результате устанавливается ценность предмета оценки. Связь оценки и ценности в рамках первого подхода может быть определена следующим образом: ценность есть количественное выражение результата оценки, который получен в ходе сопоставления, сравнения объективных и субъективных факторов. Таким образом, речь идет о материальной ценности.

Второй подход к трактовке исследуемого понятия может быть объединен под эгидой духовных ценностей, отражающихся лишь в сознании человека. Оценка явления осуществляется на основании сопоставления, сравнения предмета оценки с субъективными факторами, идеями личностного характера, на основании которых формируется сугубо субъективное впечатление о нем. Предметом оценки могут выступать не только явления материального мира, но и идеального. Понимание духовных ценностей в природе и обществе, т. е. выбор того, что для человека важно для развития духа, является основополагающим. Ценностный базис определяет вектор поведения отдельно взятого человека и общества в целом.

Связь оценки и ценности показывает, что оценка всегда явление относительное, а также субъективно окрашенное; предмет оценки сопоставляется, соизмеряется в сознании человека с объективными и (или) субъективными факторами, приобретая количественное выражение (материальная ценность) или нет (идеальная ценность). Н.К. Неновски констатирует: «Ценность – нечто объективное; оценка – субъективный акт человеческого сознания, субъективное отражение объективно существующей ценности» [6, с. 26]. Только стоит уточнить, что отражение не ценности, а предмета оценки, т. к. не любой предмет

¹Толковые онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/> (дата обращения: 30.06.2024).

² См., например, Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»; Постановление Госкомстата России от 24.04.1995 г. № 33 «Об утверждении Методики экономических оценок и досчетов показателей, характеризующих платные услуги населению».

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

оценки может перейти в статус ценности. Ведь преломление предмета оценки происходит под призмой его возможности удовлетворить потребности субъекта оценки.

Во всем многообразии подходов к пониманию ценностей нет единства в формулировках. Из содержания предлагаемых понятий видится возможным установить базовый признак таковых, который позволяет идентифицировать те или иные объекты в качестве ценных. Речь идет о способности удовлетворять потребности человека. Конкретизировать данный признак отдельные авторы предлагают через свойства полезности, приятности, значимости. Синтезировав данный общий признак с частными, В.П. Тугаринов предлагает следующее определение ценности: «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и проч.) членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [9, с. 261]. Думается, что в представленном суждении автор предпринял удачную попытку ответа на вопрос, что есть ценности. Хотелось бы дополнить. Если речь идет о духовно-нравственных ценностях, то свойства полезности, приятности, значимости должны рассматриваться не только относительно субъекта оценки, но и иных членов общества. В противном случае в понятие «духовно-нравственные ценности» могут войти явления со знаком минус. Например, отдельно взятому человеку может быть приятно совершать злые поступки, их он может находить полезными и значимыми для себя. Однако иные люди могут в таком поступке данных свойств для себя не обнаружить. Духовно-нравственной ценностью может быть лишь та ценность, которая направлена на созидание, ее должно принимать большинство в качестве мировоззренческого ориентира.

Не раз замечено, например И.А. Треушниковым, что «сфера духа является сложным и трудно фиксируемым объектом исследования, в связи с тем, что духовный мир человека не может быть рационализирован до предела» [8, с. 50]. Вместе с тем названный автор обос-

нованно приходит к выводу о важности выделения «определенных мировоззренческих оснований, определяющих формирование духовной сферы личности, где базовую роль играют установки, определяющие отношение человека к реальности» [8, с. 50]. В число таких установок всецело входят духовно-нравственные ценности. Последние могут быть определены и как «особые свойства объектов и субъектов, характеризующие высший уровень развития духовного мира личности ...», и как «нормы и правила, выступающие важнейшим факторов моральных и жизненных регуляторов при принятии жизненных решений и выборе целей личностью» [3, с. 49].

При определении духовно-нравственных ценностей справедливо исходить из понимания их в качестве некоторых идей, принципов, образов, идеалов и т. п., в которых отражаются запросы общества к развитию, выступающих мировоззренческими ориентирами, оказывающими определяющее воздействие на поведение человека. Духовно-нравственные ценности входят в систему духовных ценностей наравне с эстетическими, религиозными, правовыми и общекультурными (образовательными) ценностями. Несмотря на то что такие понятия, как «нравственность» и «духовность», не являются тождественными, в научной среде имеет место употребление их в качестве взаимозаменяемых, что обусловлено их взаимосвязанностью: «Нравственность есть качество, внешне проявляющееся в поведении человека; духовность – качество внутреннее, определяющее духовную ценность нравственного поведения. Духовность определяет цель и смыслы, а нравственность – правила поведения»³.

На отсутствие четкого разграничения между данными понятиями влияет и тот факт, что проявление и духовности, и нравственности в объективном мире всегда базируется на личностном восприятии. В целях изучения традиционных российских духовно-нравственных ценностей в праве также считаем возможным не проводить четкую линию между названными понятиями. Большой интерес, имеющий практический выход, представляет решение вопроса о критериях традиционности таковых.

³ Духовные ценности. URL: <https://bigenc.ru/c/dukhovnye-tsennosti-321004> (дата обращения: 02.07.2024).

Безусловно, при исследовании духовно-нравственных ценностей нельзя исключать факт диалектической обусловленности духовных и материальных ценностей. Связь их берет свои истоки в вечном философском вопросе о соотношении материального и идеального в мире. Исходя из взаимного влияния данных сфер, духовные ценности возможно рассматривать «в отрыве» от материальных только в исследовательских целях. В действительности же мы имеем взаимную обусловленность таковых. Наиболее важные ценности для функционирования общества и государства, как материальные, так и духовные, находят отражение в источниках (формах) права, получая государственную защиту.

Исследуя традиционные духовно-нравственные ценности в связи их с правом, надлежит исходить из общей идеи связанности морали и права, которая не только не ослабевает, но, напротив, становится только прочнее в связи с тем, что право расширяет круг общественных отношений, которые оно стремится регулировать. Данное суждение справедливо при понимании права как продукта государства, компетентной деятельности его органов, должностных лиц (правотворческой деятельности), истоки которой в ходе эволюционного правового развития коренятся в самих общественных отношениях. Сложно поспорить с тем, что «право по своей органике представляет собой явление глубоко морального порядка, и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в ткань права моральных критериев и оценок» [2, с. 209]. Кроме того, особенностью российского права является тот факт, что оно «имеет прочные нравственные и духовные корни, гуманистическую природу» [10, с. 15]. В связи с этим исследование традиционных духовно-нравственных ценностей приобретают еще одну грань.

В настоящее время видим, что система норм, создаваемых и охраняемых российском государством, направленная на регулирование общественных отношений, расширяется в том числе за счет включения моральных регуляторов в правовое поле. На сегодняшний

день мы имеем легальную систему традиционных ценностей благодаря принятию соответствующего указа Президента России в 2022 г.⁴. Данный факт свидетельствует о том, что в нашем государстве отдельные мировоззренческие ориентиры получили государственную защиту в виде признания их традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. С одной стороны, заявленные в указе ценности, отдельные их аспекты уже имеют правовую охрану, как например, такая ценность, как «жизнь», является объектом уголовно-правовой защиты. С другой стороны, концентрированное выражение отдельных духовно-нравственных ценностей в виде самостоятельного объекта правовой охраны предполагает формирование нового духа, идеи российского права.

Выделение правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей в самостоятельное направление государственной политики обусловлено важностью формирования единого ценностного отношения, которое, являясь необходимым моментом познания основ человеческой жизни, выступает и регулятором социального взаимодействия. Деятельность российского государства в обозначенном направлении есть не что иное, как формирование доктрины национальной идентичности, которая, по справедливому суждению В.Д. Зорькина, будучи ответом на вызовы постмодернистского права, «в своей основе сводится к осознанию значимости ценностно-нормативного фундамента конституционной системы того или иного государства» [4, с. 55–56].

Отечественный законодатель предлагает определять традиционные российские духовно-нравственные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁵. В целом легальное определение названного

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.06.2024).

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

понятия изложено в верном ключе, где в качестве базового признака указано на нравственные ориентиры, оказывающие влияние на формирование мировоззрения. Вместе с тем нуждается в уточнении признак традиционности. Именно к этой характеристике направлена большая часть вопросов как в науке, так и на практике. Этот же признак является самым уязвимым для критики. В связи с этим актуализируется проблема поиска критериев традиционности российских духовно-нравственных ценностей. Да, законодатель «сглаживает» эту неоднозначность перечислением конкретных ценностей. Однако и здесь наталкивается на непринятие оппонентами отдельных из называемых ценностей в разряде российских традиционных. Ученые справедливо выражают озабоченность тем фактом, что в отсутствие четкой философской позиции в определении традиции и связанных с ней феноменов в политическом дискурсе традиции и традиционные ценности обсуждаются как нечто определенное [5, с. 72]. В правовом поле также как «нечто определенное» традиционные российские духовно-нравственные ценно-

сти предлагается охранять и защищать. Однако единого понимания по содержательному наполнению ни у юристов-практиков, ни у юристов-ученых пока нет.

Отсутствие единого понимания содержательного наполнения понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» имеет риски перерасти из научной плоскости в практическую в ходе реализации государственной политики по укреплению и защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что может стать препятствием к достижению желаемых государством результатов. Сказанное актуализирует проблему определения сущности традиционных российских духовно-нравственных ценностей как правового явления, его места в механизме правового регулирования.

Обрисовав в настоящей публикации общие методологические посылы, полагаем возможным дальнейшим шагом перейти к формулированию определения традиционных ценностей как общеправового понятия, наличие которого необходимо для эффективной деятельности по укреплению и защите таких правовыми средствами.

Список источников

1. Авдеева И.А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 3(107).
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
3. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1.
4. Зорькин В.Д. Десять лекций о праве. М., 2023.
5. Илларионов Г.А., Грицков Ю.В., Морозова О.Ф. и др. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10.
6. Неновски Н.К. Право и ценности: пер. с болгар. / под ред. В.Д. Зорькина; вступ. ст.: В.М. Сафронов. М., 1987.

References

1. Avdeeva I.A. Formation of values as a philosophical, social and cultural problem // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2012. № 3 (107).
2. Alekseev S.S. Ascent to law. Searches and solutions. Moscow, 2001.
3. Bondareva Ya.V., Molchan E.M. Spiritual and moral values as a vector of development of social systems // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2019. № 1.
4. Zorkin V.D. Ten lectures on law. Moscow, 2023.
5. Illarionov G.A., Gritskov Yu.V., Morozova O.F. et al. Traditional values: the relationship between the scientific concept and the political project // Social and humanitarian knowledge. 2023. № 10.
6. Nenovski N.K. Law and Values: trans. from Bulgarian / edited by V.D. Zorkin; introduction: V.M. Safronov. Moscow, 1987.
7. Permilovsky M.S. Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: dogmatic relationship // State power and local self-government. 2023. № 11.

7. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11.

8. Треушников И.А. Идеологическая составляющая в обеспечении национальной безопасности России // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: материалы VIII Всероссийской научно-практ. конф. Волгоград, 2022.

9. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988.

10. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

8. Treushnikov I.A. Ideological component in ensuring national security of Russia // Socio-political development of Russia as a complex problem of humanitarian knowledge: materials of the VIII All-Russian scientific-practical. conf. Volgograd, 2022.

9. Tugarikov V.P. Selected philosophical works. Leningrad, 1988.

10. Tsybulevskaya O.I. Moral foundations of modern Russian law: diss. ... Grand PhD in Law. Saratov, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хужина Оксана Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Нижегородская академия МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khuzhina Oksana Nikolaevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603144 Russian Federation.

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ
ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА НАСТАВНИЧЕСТВА**

Благовещенская Мария Александровна

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, bmatula@yandex.ru

***Введение:** в статье рассматриваются основные управленческие компетенции руководителя (наставника), реализуемые в органах внутренних дел Российской Федерации. Автор дает определение возложенных на руководителей (наставников) в подразделениях ОВД современных функций по реализации института наставничества. Анализируется новый подход к функционированию института наставничества, который основывается на инновационных методах обучения и развития молодых сотрудников (стажеров). Особое внимание уделяется определению целей функционирования самого института наставничества. Предпринимается попытка теоретического осмысления современного состояния функционирования института наставничества в системе Министерства внутренних дел, а также определения критериев отбора наставников.*

***Материалы и методы:** автор анализирует результаты исследования, проводимого в форме анкетирования, сотрудников органов внутренних дел по определению значимых компетенций, которыми должны обладать руководители (наставников).*

***Результаты исследования:** в результате анализа автор делает вывод о том, что наставничество является мощнейшим инструментом проводимой МВД России целенаправленной кадровой политики, которая не может осуществляться без активного вовлечения руководителей различного уровня в сам процесс наставничества.*

***Выводы и заключения:** делается обоснованный вывод о значении и необходимости реализации управленческих компетенций руководителя органа внутренних дел Российской Федерации в развитии института наставничества.*

***Ключевые слова:** наставничество, управленческие компетенции, руководитель органы внутренних дел, молодой сотрудник, знания, навыки, адаптация.*

***Для цитирования:** Благовещенская М. А. Управленческие компетенции руководителя органа внутренних дел Российской Федерации в развитии института наставничества / М. А. Благовещенская // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 60–66.*

Original paper

**MANAGERIAL COMPETENCIES OF THE HEAD OF THE INTERNAL
AFFAIRS BODY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DEVELOPMENT
OF THE MENTORING INSTITUTE**

Blagoveshchenskaya Maria Alexandrovna

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

***Introduction:** the article discusses the basic management competencies of a manager (mentor), implemented in the internal affairs bodies of the Russian Federation. The author defines the modern functions assigned to managers (mentors) in internal affairs departments to implement the institution of mentoring. A new approach to the functioning of the mentoring institution is analyzed, which is based on innovative methods of training and development of young employees (trainees). Particular attention is paid to determining the goals of the functioning of the mentoring institute itself. An attempt is being made to theoretically understand the current state of functioning of the mentoring institution in the system of the Ministry of Internal Affairs, as well as to determine the criteria for selecting mentors.*

Materials and methods: the author analyzes the results of a study conducted in the form of a survey of employees of internal affairs bodies to determine the significant competencies that managers (mentors) should have.

Results of the study: as a result of the analysis, the author concludes that mentoring is the most powerful tool of the targeted personnel policy pursued by the Russian Ministry of Internal Affairs, which cannot be implemented without the active involvement of managers at various levels in the mentoring process itself.

Findings and conclusions: a reasonable conclusion is made about the importance and necessity of implementing the managerial competencies of the head of the internal affairs agency of the Russian Federation in the development of the mentoring institution.

Keywords: mentoring, managerial competencies, head of internal affairs bodies, young employee, knowledge, skills, adaptation.

For citation: Blagoveshchenskaya M. A. Managerial competencies of the head of the internal affairs body of the Russian Federation in the development of the mentoring institute / M. A. Blagoveshchenskaya // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 60–66.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании Правительства РФ 24 января 2023 г. отметил, что «учителя и наставники – это основа любого общества. Какие нравственные основы заложит, каким навыкам обучит учитель своего ученика, таким будет ученик» [1, с. 2].

Протекающие в реалиях сегодняшнего дня международные и геополитические процессы активно воздействуют на ход профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел. Одним из ключевых факторов, способствующих процессу становления, является развитие института наставничества в системе МВД России, который все чаще выступает как наиболее эффективный инструмент управления человеческими ресурсами.

В настоящее время особое внимание уделяется развитию человеческого потенциала, что требует поиска оптимальных путей для вступления в профессию [11, с. 1]. Все крупные предприятия активно вовлечены в свои собственные проекты наставничества.

Проведенный мониторинг статистических данных показывает, что серьезной проблемой на протяжении последних трех лет является планомерное увеличение количества уволенных сотрудников на первом году службы. Если в 2020 г. из ОВД уволилось 1 192 чел., что составляет 7,8 % от числа принятых на службу, а в 2021 г. – 2 046 чел. (12 %), то в 2022 г. уволилось 2 199 чел. (15 %). Всего за 2020–2022 гг. из органов внутренних дел уволилось 5 437 молодых специалистов, при этом 3,3 % – как не прошедшие испытательный срок [8; 9; 10, с. 2].

На службу в органы внутренних дел в 2022 г. принято более 56 000 граждан Российской Федерации, средний возраст которых составляет 20–25 лет. Более 31 % проходящих

сегодня службу сотрудников ОВД не достигли возраста 30 лет, 17,3 % сотрудников имеют стаж службы в органах внутренних дел до трех лет, а 19,4 % служат в подразделениях менее года [10, с. 2].

Каждый третий молодой сотрудник через два-три года после начала службы в МВД России выражает желание сменить место службы либо перевестись в другой правоохранительный орган России, а треть уволенных находят себе работу в коммерческих структурах и адвокатуре.

Невольно возникают вопросы: в чем причина такого оттока молодых кадров и что необходимо делать для успешной адаптации молодых сотрудников к условиям практической деятельности в органах внутренних дел?

Ответы на эти вопросы кроются не только в существующих социально-экономических причинах, но и степени вовлеченности руководителей органов внутренних дел различного уровня в сам процесс наставничества, а также уровня владения ими навыками, знаниями и умениями (компетенциями) как наставника.

«Наставничество – форма обеспечения профессионального становления, развития и адаптации к квалифицированному исполнению должностных обязанностей лиц, в отношении которых осуществляется наставничество» [5, с. 5, 13]. Другими словами наставничество является одной из ключевой кадровых технологий, применяемых в системе МВД России, которая помогает сотрудникам повышать свою квалификацию, развиваться профессионально и адаптироваться к новым условиям службы.

Наставничество как практика работы с начинающими сотрудниками имеет давнюю историю и является наиболее распространенной

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

кадровой технологией, применяемой в современных организациях. Генезис института наставничества неразрывно связан с историей развития человеческой цивилизации и уходит далеко в глубь веков [2, с. 73]. В Древней Греции и Риме существовали специальные школы, где обучали будущих воинов и государственных деятелей. Однако настоящий расцвет института наставничества приходится на Средние века, когда появились рыцарские ордена и монастыри.

В эпоху Просвещения институт наставничества получил новый виток развития. Философы и ученые стали рассматривать данный институт как процесс передачи знаний и опыта от одного поколения другому. Наставники выступали в роли экспертов и консультантов, помогая своим ученикам развивать таланты и способности.

В середине XIX века в России при прохождении воинской службы был установлен период индивидуального обучения для новобранцев продолжительностью в шесть месяцев. Молодого солдата поручали опытному солдату, который должен был научить его опрятности в одежде и соблюдению устава. Сегодня институт наставничества продолжает свое развитие, приобретая различные формы реализации.

В системе МВД России нормативные требования к рассматриваемому институту определены федеральными законами от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» и от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений отдельные законодательные акты Российской Федерации», приказами МВД России от 1.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» и от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Так, на руководителей (наставников) в подразделениях органов внутренних дел возложена реализация нескольких важных функций института наставничества, которые оказывают влияние на различные сферы жизни сотрудников ОВД и составляют педагогическое содержание деятельности руководителя органа внутренних. Среди них такие, как:

– идеологическая функция – помогает молодежи адаптироваться к условиям службы, а также к требованиям, предъявляемым к их поведению как на службе, так и в быту. Немаловажную роль в реализации данной функции играет Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором на законодательном уровне закреплено понятие традиционных ценностей, дана оценка складывающейся ситуации в вопросах негативного идеологического воздействия, а также определена система методического инструментария для сохранения нравственных ценностей, культуры и исторической памяти граждан Российской Федерации.

– правовая функция – повышение правовой культуры, разъяснение требований нормативных правовых актов;

– педагогическая функция – наставники помогают молодым сотрудникам приобрести не только необходимые профессиональные навыки, но и воспитать в них приверженность к основным духовным и нравственным ценностям Российской Федерации.

Рассмотрим работу руководителей ОВД по развитию института наставничества с позиции специфики профессионально-управленческой деятельности на основе компетентностного подхода. Управленческие компетенции руководителя включают способности, позволяющие планировать, организовывать, контролировать профессиональную деятельность подразделений и персонала, мотивировать личный состав на добросовестное исполнение служебных обязанностей, оказывать воспитательное влияние на подчиненных сотрудников [6, с. 265].

По заключению М.В. Пряхиной и А.С. Душкина, профиль компетенций является набором специфических способностей сотрудника, позволяющих ему успешно и эффективно выполнять свою работу в соответствии с должностными требованиями [5, с. 73]. Определены четыре группы профессиональных компетенций, которыми должны обладать специалисты в системе МВД, в том числе и руководители: личностные компетенции, социальные компетенции, специальные компетенции и методические компетенции.

В компетенцию руководителей или опытных сотрудников, выступающих в качестве наставников, входит передача своих знаний и навыков новичкам, оказание помощи в освоении в новой для них среде, достижении успеха в своей карьере. Однако необходимо учитывать, какой опыт считается приоритетным для передачи. Одни руководители (наставники) сосредотачиваются на передаче устоявшихся профессиональных знаний и навыков, в то же время другие уделяют внимание инновационным достижениям.

В теории управления персоналом (менеджмента) при реализации управленческих компетенций при реализации наставнической деятельности преследуются различные задачи и цели.

Среди основных задач наставничества выделяют:

1. Подготовку будущих лидеров: наставники помогают сотрудникам системы МВД формировать навыки лидерства, учат принимать решения и действовать в сложных ситуациях.

2. Обучение новым технологиям и методам работы: передача своего опыта и знаний молодым сотрудникам, помогая им осваивать новейшие технологии и методы работы.

3. Формирование морально-этических ценностей: наставники выступают в качестве моральных авторитетов для своих подопечных, помогая им соблюдать высокие стандарты поведения и морали.

4. Развитие коммуникативных навыков: обучение молодых сотрудников эффективным способам общения, развитие у них навыков коммуникации и убеждения.

5. Помощь в адаптации к новой должности: разъясняют особенности деятельности в конкретном подразделении и дают рекомендации по улучшению результатов работы.

К целям наставнической деятельности относятся:

– профорientационные – используются при осуществлении работы со старшекласниками и выпускниками вузов;

– адаптационные – в отношении новых сотрудников (стажеров) при оказании им помощи в освоении предъявляемых норм и требований;

– развивающие – для подготовки руководителей к развитию управленческой карьеры и переходу на более высокие уровни управления [4, с. 93–94].

Данные цели и задачи могут быть достигнуты только в том случае, если в процессе осуществления наставнической деятельности соблюдаются определенные принципы:

– индивидуальный подход: наставник должен учитывать индивидуальные потребности и характеристики каждого наставляемого, чтобы помочь ему достичь максимальных успехов в работе;

– компетентность и профессионализм: обладание глубокими знаниями и опытом в своей области, чтобы давать правильные советы и помогать подопечному развиваться;

– открытость и прозрачность: действия наставника носят доступный характер, объясняет свои решения и подходы к работе, поощряет открытость и сотрудничество со стороны наставляемых;

– готовность к изменениям: проявление гибкости в стратегии работы в зависимости от изменений в обществе и законодательстве;

– сотрудничество и взаимодействие: наставник стремится к созданию условий для обмена опытом и идеями с наставляемыми, а также стимулированию активности и инициативности молодых сотрудников.

Практика показывает, что реализация управленческих компетенций по развитию института наставничества не может осуществляться без активного вовлечения руководителей различного уровня в сам процесс наставничества. Они передают свой опыт и знания, помогают преодолевать сложности и проблемы, а также формируют чувство долга и ответственности. Наставничество способствует развитию профессиональной культуры внутри подразделения. Молодые сотрудники получают не только практические навыки и знания, но и учатся соблюдать этические принципы и нормы поведения. Благодаря институту наставничества формируется дружественная и поддерживающая атмосфера в коллективе, что способствует эффективной работе и достижению поставленных целей. Таким образом, наставничество является неотъемлемой частью формирования кадрового потенциала, развития профессиональной культуры, поддержания морально-психологического климата [3, с. 15].

Выбор наставника играет важную роль в развитии и профессиональном росте стажеров. Наставник должен иметь не только профессиональные навыки и знания, но и умения передавать свой опыт и помогать подопечным

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

развиваться. Он должен быть готов поддерживать и вдохновлять молодежь, помогать им преодолевать трудности и достигать поставленных целей. Кроме того, руководитель (наставник) должен являться примером для подчиненных в вопросах морали и этики, демонстрировать высокие стандарты поведения. Нравственные качества наставника влияют на формирование характера и нравственных ценностей наставляемых, а также на их отношения к службе и обществу. В итоге правильный выбор наставника требует тщательного анализа и оценки его кандидатуры.

В соответствии с требованиями приказа МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» наставник закрепляется за каждым стажером на период его индивидуального обучения, а также за «сотрудником, переведенным на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности». Однако ни в одном из ведомственных нормативных правовых актов не содержится четких критериев отбора наставников.

Для определения значимых управленческих компетенций, которыми должен обладать наставник, в 2023 г. проведено анкетирование сотрудников органов внутренних дел. В данном исследовании опрошены 190 сотрудников различных подразделений, из них 130 человек исполняют функции руководителей различного уровня и являющихся наставниками и 60 молодых сотрудников (стажеров).

Установлено, что, по мнению 73 % респондентов среди опрошенных руководителей и 69 % стажеров, наставники должны обладать такими значимыми компетенциями, как «коммуникабельность», «профессионализм», отметили 53 и 78 % опрошенных соответственно.

Меньшим уровнем значимости для респондентов стала такая компетенция, как «профессиональный рост» и «саморазвитие» – по 39 и 28 % соответственно.

Все опрошенные респонденты высоко оценили необходимость наличия у наставника всего арсенала компетенций. Однако 57 % опрошенных респондентов среди стажеров отметили, что наставникам необходимо развитие коммуникативных и организаторских компетенций. В свою очередь, 63 % руководи-

телей, исполняющих обязанности наставников, указали, что данные компетенции у них развиты в достаточной мере, что, по всей вероятности, определяется их профессионализмом.

Таким образом, установлено, что «коммуникабельность» наставников зависит от развития его коммуникативных склонностей, а «профессионализм» – от организаторских способностей наставника, что в свою очередь влияет на успешность реализации задач наставничества.

Таким образом, ключевыми компетенциями руководителя (наставника) являются:

– личностные качества – руководитель должен обладать такими характеристиками, как традиционные аспекты поведения (культура поведения), стремление к саморазвитию;

– организаторские качества – умение определять цели и задачи по развитию института наставничества и реализации их на практике.

– мотивирование – обладание приемами и методами стимулирования стремления молодежи к профессиональному развитию, в том числе уровня образования, развития служебной карьеры.

– обеспечение аналитической деятельности – отражает теоретическую и методическую грамотность руководителя о профессиональной деятельности; умение получать, обрабатывать и представлять профессионально необходимую информацию, особенностей взаимоотношения с сослуживцами.

Однако помимо профессиональных навыков неопределимую роль играют и неформальные аспекты взаимодействия между наставником и подопечным. Доверие является основой успешного наставничества. Подопечный должен верить в компетентность и искренность наставника, чтобы принять его помощь. Эмоциональные отношения также играют важную роль. Поддержка, внимание и понимание со стороны наставника могут стимулировать подопечного и помочь ему преодолеть трудности. Внутренняя мотивация наставника также является неотъемлемой частью успешного наставничества. Если наставник искренне заинтересован в развитии и успехе своего подопечного, его помощь будет более эффективной и значимой. Хотя применение материального стимулирования наставника может быть полезной, но не является гарантией успеха. Внутренняя мотивация и искреннее желание помочь играют более важную роль в достижении результатов.

Поэтому для обеспечения эффективного наставничества необходимо уделять особое внимание развитию и поддержке неформальных аспектов взаимодействия между наставником и подопечным. В то же время компенсация и поощрение усилий наставников, а также признание их работы являются важными факторами, способствующими успешному наставничеству.

Проведенный мониторинг управленческих компетенций руководителя органа внутренних дел Российской Федерации позволил выявить определенные тенденции развития института наставничества.

Во-первых, это связано с необходимостью подготовки новых поколений сотрудников, которые будут отвечать требованиям современного общества и обеспечивать безопасность страны в сложных геополитических условиях.

Во-вторых, это обусловлено потребностью в повышении эффективности работы органов внутренних дел и мобилизации имеющихся человеческих ресурсов. Активное использование современных технологий и инновационных подходов в процессе обеспечения соблюдения прав и свобод граждан.

В-третьих, это связано с необходимостью создания благоприятного рабочего окруже-

ния для сотрудников, где они могут проявить свои лучшие качества и развить творческий потенциал.

Главное условие осуществления наставнической деятельности – избегать формализма в данном направлении деятельности и применять индивидуальный подход к каждому молодому сотруднику (стажеру).

Новый подход к функционированию института наставничества в системе МВД основан на инновационных методах обучения и развития, а также активного взаимодействия между руководителем (наставником) и молодым сотрудником. Это позволяет наиболее эффективно передавать опыт и знания, а также создавать благоприятную среду для профессионального роста молодых сотрудников.

Благодаря переосмыслению и модернизации функционирования данного института подразделения Министерства внутренних дел смогут удержать достойные кадры на службе и обеспечить их успешное развитие в сфере правоохранительной деятельности.

Таким образом, институт наставничества в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации играет одну из основополагающих ролей в становлении молодых сотрудников.

Список источников

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Правительства Российской Федерации 24 января 2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16872375> (дата обращения: 13.06.2024).

2. Иванов П.И. Система профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел: историческая ретроспектива. // Вопросы истории. 2023. № 8(2).

3. Иванов П.И. Обеспечение ОВД квалифицированными специалистами способными противодействовать вызовам и угрозам экономической безопасности: проблемы и пути решения: сб. материалов международной научно-практической конференции (17 марта 2023 г.). Владимир, 2023.

4. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организации XXI в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (дата обращения: 12.06.2024).

References

1. Speech by the President of the Russian Federation V.V. Putin at a meeting of the Government of the Russian Federation on January 24, 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16872375> (date of access: 13.06.2024).

2. Ivanov P.I. The system of professional training in internal affairs bodies: a historical retrospective. // Questions of history. 2023. № 8(2).

3. Ivanov P.I. Providing internal affairs bodies with qualified specialists capable of countering challenges and threats to economic security: problems and solutions: collection of articles. materials of the international scientific and practical conference (March 17, 2023) Vladimir, 2023.

4. Clarin M.V. Modern mentoring: new features of traditional practice in the organization of the 21st century. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (date of access: 12.06.2024).

5. Pryakhina M. V., Dushkin A.S., Martirosova N.V. Professional description of the main types

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

5. Пряжина М.В., Душкин А.С., Мартиросова Н.В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода. СПб., 2012.

6. Скляренко И.С., Благовещенская М.А. Развитие профессиональных и управленческих компетенций сотрудников органов внутренних дел, включенных в кадровый резерв, средствами образования // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практ. конф. (28 октября 2022 г.). СПб., 2022.

7. О направлении Методического инструментария по осуществлению наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации (версия 2.0): письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 18-4/10/П-4994. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565039611> (дата обращения: 05.04.2024 г.).

8. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2020 г.: сб. аналитических и информационных материалов. М., 2021.

9. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2021 г.: сб. аналитических и информационных материалов. М., 2022.

10. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2022 г.: сб. аналитических и информационных материалов. М., 2023.

11. Проект стратегии социально-экономического развития РФ. URL: <https://gasu.gov.ru/strategy2035> (дата обращения: 11.04.2024).

of activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the competency-based approach. St. Petersburg, 2012.

6. Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Development of professional and managerial competencies of employees of internal affairs bodies included in the personnel reserve through educational means // Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice: materials of international scientific and practical work. Conf. (October 28, 2022). St. Petersburg, 2022.

7. On the direction of the Methodological Toolkit for the implementation of mentoring in the state civil service of the Russian Federation (version 2.0): letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated May 28, 2020 № 18-4/10/P-4994. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565039611> (date of access: 05.04.2024).

8. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2020: a collection of analytical and information materials. Moscow, 2021.

9. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2021: a collection of analytical and information materials. Moscow, 2022.

10. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2022: a collection of analytical and information materials. Moscow, 2023.

11. Draft strategy for the socio-economic development of the Russian Federation. URL: <https://gasu.gov.ru/strategy2035> (date of access: 11.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Благовещенская Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии педагогики и организации работы с кадрами. Академия управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Blagoveshchenskaya Maria Alexandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ ЛГБТ-ДВИЖЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАН

Григорян Давид Кромвелович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
davo-davo23@mail.ru

Геращенко Анжелика Витальевна

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Anzhela69@mail.ru

***Введение:** в данной работе автор исследует законодательный запрет на нетрадиционные сексуальные отношения в России и его влияние на национальную безопасность. Автор анализирует влияние ЛГБТ-движения на национальную безопасность Российской Федерации.*

***Материалы и методы:** в процессе исследования автор опирался на совокупность общепризнанных и наиболее эффективных методов научного познания: положений диалектики, системно-структурного, формально-логического, конкретно-социологического методов; осуществлял анализ и синтез, применял индукцию и дедукцию, а также обращался к таким когнитивным приемам, как наблюдение, сравнение, обобщение и др.*

***Результаты исследования:** автор указывает на возможные негативные последствия пропаганды нетрадиционных ценностей в Российской Федерации. Эта пропаганда может привести к потере самоидентичности российского народа из-за изменений культурных норм и ценностей, что противоречит историческому пути развития страны. Самоидентичность народа важна для сохранения государства, так как внутренняя солидарность населения является основой стабильного развития страны.*

***Выводы и заключения:** распространение нетрадиционных сексуальных отношений является серьезной угрозой для безопасности России. Для сохранения уникальности и самобытности необходимо противодействовать распространению неприемлемых ценностей. Не все изменения в развитии могут быть благоприятными. В данном контексте цифровизация и глобализация могут нанести непоправимый ущерб нашей стране.*

***Ключевые слова:** нетрадиционные сексуальные отношения, национальная безопасность, дискриминация, социальные конфликты, права граждан, законодательство.*

***Для цитирования:** Григорян Д. К., Геращенко А. В. Роль информационно-коммуникационных технологий в продвижении ЛГБТ-движений: сравнительно-правовой анализ России и западных стран / Д. К. Григорян, А. В. Геращенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 67–71.*

Original paper

THE ROLE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PROMOTING LGBT MOVEMENTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES

Grigoryan David Kromvelovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Gerashchenko Anzhelika Vitalievna

South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

***Introduction:** in this paper the author investigates the legislative ban on non-traditional sexual relations in Russia and its impact on national security. The author analyzes the impact of the LGBT movement on the national security of the Russian Federation.*

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Materials and methods: in the process of research the author relied on a set of generally recognized and most effective methods of scientific cognition: the provisions of dialectics, system-structural, formal-logical, concrete-sociological methods; carried out analysis and synthesis, used induction and deduction, as well as appealed to such cognitive techniques as observation, comparison, generalization, etc. The author uses the following methods: analysis and synthesis, induction and deduction.

Results of the study: the author points out the possible negative consequences of the propaganda of non-traditional values in the Russian Federation. This propaganda can lead to the loss of self-identity of the Russian people due to changes in cultural norms and values, which is contrary to the historical path of the country's development. The self-identity of the people is important for the preservation of the state, as the internal solidarity of the population is the basis for the stable development of the country.

Findings and conclusions: the spread of non-traditional sexual relationships is a serious threat to the security of Russia. To preserve uniqueness and identity it is necessary to counter the spread of unacceptable values. Not all changes in development can be favorable. In this context, digitalization and globalization can cause irreparable damage to our country.

Keywords: non-traditional sexual relations, national security, discrimination, social conflicts, citizens' rights, legislation.

For citation: Grigoryan D. K., Gerashchenko A. V. The role of information and communication technologies in promoting LGBT movements: a comparative legal analysis of Russia and western countries / D. K. Grigoryan, A. V. Gerashchenko // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 67–71.

Гендерные отношения историчны и изменчивы. Более широкий и мобильный круг общения и более диффузная структура облегчают принятие нетрадиционных отношений и делают половые предпочтения современного человека более гибкими, подвижными и вариативными: границы однополый любви становятся более размытыми, а вопрос жесткого самоопределения становится менее актуальным.

В России существует запрет на пропаганду нетрадиционных отношений согласно решению Верховного Суда от 20 ноября 2023 г. о признании экстремистским общественное движение ЛГБТ, что вызывает разнонаправленные мнения и дискуссии в обществе. Сторонники данного запрета считают, что одобрение со стороны государства нетрадиционных отношений может представлять угрозу для национальной безопасности. Однако противники запрета (в лице западных стран) утверждают, что такое ограничение нарушает права человека на свободу самовыражения и приводит к дискриминации определенных групп населения.

Начиная с 2008 г. в 11 субъектах Российской Федерации были приняты региональные законы о запрете пропаганды нетрадиционных отношений, а в 2013 г. аналогичная норма была введена в федеральное законодательство. Данные законы вызвали критику как со стороны активистов, выступающих за права человека, так и со стороны международных организаций по причине их несовместимости с принципом уважения достоинства каждого человека, вне зависимости от его ориентации [1].

На данный момент в Российской Федерации существует ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая устанавливает наказание за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений [2]. Цель запрета нетрадиционных отношений – защита традиционных ценностей и норм, которые признают семью как основу общества. Подобный запрет обеспечивает стабильность и сохранение моральных норм общества, предотвращая дестабилизацию и дезорганизацию общественных отношений.

Стоит отметить, что современная психологическая теория утверждает, что представители любых уязвимых групп переживают особый вид стресса из-за давления общества – порицание окружающих сказывается на их физическом здоровье, образе жизни и склонности к ментальным расстройствам. Государства отвечают на эти выводы ожидаемым образом: вводят механизмы «позитивной дискриминации», которая дает представителям таких групп больше преимуществ и возможностей.

Поощрение нетрадиционных отношений набирает обороты в странах Запада, где проводятся различные парады и мероприятия, посвященные представителям нетрадиционных сексуальных отношений, что также транслируется через кинематограф, литературу и телевидение, а особенно через сеть Интернет.

Продвижение и пропаганда данных ценностей ставит под угрозу национальную безопасность Российской Федерации. В результате если не принимать меры, то могут быть следующие последствия [2, с. 196–199]:

– разрушение традиционных ценностей и устоев;

– снижение уровня демографии;

– угроза сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации.

Так, поощрение однополых отношений со стороны государства приводит к снижению рождаемости. В Российской Федерации наблюдается демографическая яма, когда процент смертности превышает рождаемость. Как мы видим из диаграммы, нетрадиционные отношения являются угрозой для демографической ситуации (рис. 1).

Как изменится рождаемость в России

Источник: Росстат, проект бюджета Социального фонда (СФР) © РБК, 2023

Рис. 1. Демографическая ситуация в Российской Федерации

В исследованиях не только российских, но и западных психологов и психиатров отмечено, что у участников ЛГБТ-сообществ достаточно широко распространена склонность к насилию и садизму, часто встречаются биполярные расстройства психики, панические и депрессивные страхи.

Склонность к нетрадиционным отношениям коренится в психологических травмах детства, недостатке любви и внимания со стороны родителей, а также совращении детей взрослыми.

Так, термин «гомосексуализм» в значении сексуальных связей между лицами одного пола был введен в научную литературу в XIX в. венгерским врачом К.М. Бенкерт в статье немецкой газеты от 1869 г. Далее термин был забыт, а в 1905 г. заново открыт берлинским сексологом М. Хиршфельдом. Х. Эллис узаконил употребление термина в книге «Половые извращения» в 1908 г.

В научной литературе выделяют несколько концепций явления гомосексуальности.

Биологическая концепция. Предполагается, что склонность к этому виду сексуальной ори-

ентации может быть наследственно обусловлена. Исследования близнецов, адаптации и генетическое анализ показывают, что генетические факторы могут играть роль в определении сексуальной ориентации. Нейрофизиологическая концепция указывает на то, что структура и функция мозга также могут играть роль в определении сексуальной ориентации. Например, у некоторых гомосексуальных людей наблюдаются различия в гипоталамусе, который играет ключевую роль в контроле сексуального поведения.

Психогенная концепция. Одна из основных концепций, объясняющих гомосексуальность с точки зрения психоанализа, заключается в том, что сексуальная ориентация формируется в детстве под влиянием различных факторов. Например, некоторые психоаналитики считают, что у детей, которые имеют отдаленные или недостаточно близкие отношения с родителями противоположного пола, может возникнуть конфликт в отношении своей собственной гендерной идентичности.

Другие психоаналитики учитывают роль неосознанных желаний и стремлений в формировании сексуальной ориентации. Они утверждают, что определенные неосознанные желания, которые человек может подавлять или не признавать, могут повлиять на его сексуальные предпочтения.

Антропологическая концепция. По мнению некоторых социологов и антропологов, гомосексуальность не является абсолютным феноменом, а скорее социально и культурно обусловленной формой сексуальности. Это означает, что в разных обществах и культурах могут существовать различные модели сексуальной нормативности, включая и различные варианты гомосексуальности.

Социологами разработаны теоретические парадигмы гомосексуальности, которые используются общественными науками. Наиболее содержательная из них, по мнению И.С. Кона, – теория сексуального сценария, разработанная американскими социологами Дж. Гэньоном и У. Саймоном, предвосхитившая многие идеи Фуко.

Согласно сценарной парадигме, ориентация детерминирована исторически и культурно с опорой на определенные биологические предпосылки [3, с. 47–96].

Так, стоит отметить, что признание нетрадиционных отношений со стороны государства является неким псевдопризнаком демократии. Однако мы считаем, что пропаганда движения ЛГБТ – последствие процесса глобализации и попытка западных стран внедрить новые либеральные устои другим

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

государствам с целью дестабилизации общества и управления той или иной страной.

Уход от трактовки гомосексуальности, бисексуальности и транссексуальности как дегенеративных, аномальных или болезненных явлений на Западе начался с конца 1940-х гг., в частности, с работ американского сексолога А. Кинси, создателя одноименной шкалы. В его концепции сексуальность человека не укладывается в категории жесткой бинарности, она текуча и меняется со временем, т. е. характеризуется широким спектром вариантов – от полной гомосексуальности до полной гетеросексуальности, и большая часть людей распределяется по средней части спектра (шкалы). В западной культуре в XXI в. человек все чаще воспринимается как гибкое множество подвижных и текучих идентичностей, форм самоопределения и поведения [4].

За последние 40 лет на Западе ЛГБТ-движение трансформируется из контркультурного, активистского, даже революционного процесса, участников которого преследовали, цензурировали, разгоняли силами полиции (Стонволлское восстание), в гегемонную идеологию (по А. Грамши) или доксу (по П. Бурдьё). Пропагандируемая ЛГБТ-сообществом картина мира (нормальность и «справедность» ЛГБТ-идентичности) и определения места субъектам внутри нее подается как нечто самоочевидное и правильное, тогда как критика или оспаривание этой картины мира (в СМИ, академической коммуникации, политике) порождает остракизм, угрозу для социального бытия критика (как «гомофоба»). В данном аспекте принадлежность к ЛГБТ представляется чем-то естественным и освобождающим, и действует описанный Л. Альтюссером механизм интерпелляции: место человека в ЛГБТ-спектре становится стержнем его/ее бытия, истинной сущностью, которую раньше общество или родители не давали принять.

Значимой чертой ЛГБТ-сообществ является представление, что данное движение – неотъемлемая часть современного толерантного общества. Любая критика этого явления, соответственно, воспринимается как однозначное проявление пагубной отсталости, ретроградства и репрессивности. То есть, отрицая ЛГБТ как идеологию, человек (социальная группа, общество, государство) тем самым отлучает себя от толерантного, передового, прогрессивного мира западной культуры.

Интернет играет значительную роль в пропаганде ЛГБТ-движения, поскольку обеспечивает широкий доступ к информации и возможность для людей выражать свои мнения и по-

зиции. Социальные сети, блоги, веб-сайты и другие онлайн-платформы используются как средство для распространения информации о правах ЛГБТ-сообщества, для поддержки борьбы за равноправие и против дискриминации.

Интернет также позволяет привлечь внимание широкой аудитории к проблемам ЛГБТ и организовать коллективные действия, такие как петиции, манифестации, кампании в социальных сетях и т. д. Кроме того, помогает людям из ЛГБТ-сообщества найти поддержку, информацию, ресурсы и сообщества онлайн, где они могут обсуждать свои проблемы и получать поддержку.

ЛГБТ-сообщество также внедрилось в важный для многих западных обществ, в том числе для США, механизм affirmative action, который предполагает, что люди, которые столкнулись с системной дискриминацией и угнетением, имеют право на определенные привилегии в публичном пространстве. Это проявляется, например, в политике компании Disney по увеличению числа представителей расовых меньшинств и ЛГБТ-персонажей в детском контенте до 50 %, а также в стандартах разнообразия Американской киноакадемии, которые устанавливают нормы по представленности этнических меньшинств, ЛГБТ-людей и женщин в фильмах, претендующих на премию «Оскар» [4].

Кроме того, в западных странах постоянно демонстрируют наличие в правительстве сторонников однополых отношений. Например, бывший претендент на кандидатуру в президенты от Демократической партии Пит Буттиджич был назначен министром транспорта в США, что делает его первым представителем ЛГБТ на данной должности в истории страны. В настоящее время в администрации Джо Байдена работает около 200 назначенных лиц, относящихся к движению ЛГБТ.

Наблюдается очевидное вовлечение ЛГБТ-проблематики в политическую, причем часто государственную, идеологию (включение в предвыборные программы, вывешивание радужного флага ЛГБТ посольствами США в разных странах, официальная поддержка гей-парадов, включение в повестку дня на переговорах с иностранными государствами и т. д.).

Однако в еще в 2013 г. Президент России подписал указ о запрете пропаганды ЛГБТ среди детей, который предусматривал административную ответственность, поскольку это противоречит нормальному психическому развитию новых поколений. Если анализировать общую ситуацию в Российской Федерации, то со стороны государства поддерживаются

семейные ценности, где мужчина – добытчик, а женщина – хранительница очага. Русский народ имеет богатую историю, культуру, поэтому все усилия сосредоточены на препятствовании западным нетрадиционным ценностям.

По данному поводу высказался В. Путин: «Взрослые люди имеют право жить, как хотят. Никто не вторгается в частную жизнь россиян и не собирается этого делать. Но хочется им сказать, чтобы посмотрели священные писания, там все сказано. В том числе, что семья – это союз мужчины и женщины. Но и эти священные тексты подвергаются сейчас сомнению. Англиканская церковь, на-

пример, планирует рассмотреть идею гендерно-нейтрального Бога. Что тут скажешь? Прости, Господи. Не ведают, что творят» [5].

Таким образом, запрет нетрадиционных отношений, по нашему мнению, является очень правильным и своевременным шагом в государственной политике Российской Федерации, поскольку традиционные русские ценности, культурное многообразие и наследие будут передаваться потомкам. Ограничение пропаганды ЛГБТ позволяет оберегать население, в том числе и молодое поколение, от негативного воздействия западной пропаганды нетрадиционных ценностей.

Список источников

1. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.03.2024).
2. Светлаков А.Г. К вопросу о влиянии ЛГБТ-сообществ на общественную безопасность // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1(91).
3. Бион У. Групповая динамика: новый взгляд: пер. с англ. В.И. Николаева // Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов: материалы Международной психоаналитической конференции (13–14 декабря 2008 г.) / под ред. А.В. Литвинова, А.Н. Харитонов. М., 2008.
4. «ЛГБТизация» современного западного общества. URL: <https://bigenc.ru/c/lgbtizatsiia-sovremennogo-zapadnogo-obshchestva-aae669> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Владимир Путин высказался о ЛГБТ. URL: <https://tagilcity.ru/news/2023-02-21/prosti-gospodine-vedayut-chto-tvoryat-vladimir-putin-vyskazalsya-o-lgbt-2667909> (дата обращения: 26.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, кандидат политических наук, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Герашенко Анжелика Витальевна, преподаватель. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Grigoryan David Kromvelovich, PhD in Political Sciences, Head of the Department of Information Support of Internal Affairs. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Gerashchenko Angelika Vitalievna, Lecturer. South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

References

1. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 26.03.2024).
2. Svetlakov A.G. ON the issue of the influence of LGBT communities on public safety // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2022. № 1(91).
3. Bion U. Group dynamics: a new look: translated from English by V.I. Nikolaeva // Ideas of U.R. Bion in modern psychoanalytic practice. Collection of scientific papers: Proceedings of the International Psychoanalytic Conference (December 13–14, 2008) / Edited by A.V. Litvinov, A. N. Kharitonov. Moscow, 2008.
4. «Lgbtization» of modern Western society. URL: <https://bigenc.ru/c/lgbtizatsiia-sovremennogo-zapadnogo-obshchestva-aae669> (date of access: 26.03.2024).
5. Vladimir Putin spoke about LGBT people. URL: <https://tagilcity.ru/news/2023-02-21/prosti-gospodine-vedayut-chto-tvoryat-vladimir-putin-vyskazalsya-o-lgbt-2667909> (date of access: 26.03.2024).

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОКАЗАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДАНАМ,
ПРИВЛЕКАЕМЫМ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Жбанова Светлана Александровна

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, Svetlanasamotina@mail.ru

Понежина Людмила Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ponezhina-lyudmila@yandex.ru

Копыл Дмитрий Владимирович

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, Kopil.kumvd@mail.ru

***Введение:** действующий институт административной ответственности реализуется в соответствии с требованиями, которые обусловлены его назначением, и потребностями по адаптации этого института к современным общественно-политическим и экономическим условиям, определению основных принципов, на которых должна строиться модель административной ответственности и ее правовая реализация.*

***Материалы и методы:** в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод).*

***Результаты исследования:** в статье выделены основные теоретические и практические противоречия между фактическим состоянием и нормативным регулированием, а также практикой защиты в производстве по делу об административном правонарушении.*

***Выводы и заключения:** предложены направления преодоления противоречия между фактическим состоянием и нормативным регулированием оказания профессиональной юридической помощи гражданам, привлекаемым к административной ответственности. Приводится анализ судебных актов и содержащихся в них правовых позиций.*

***Ключевые слова:** защитник, административное правонарушение, административная ответственность, стадия производства по делу об административном правонарушении, юридическая помощь.*

***Для цитирования:** Жбанова С. А., Понежина Л. Ю., Копыл Д. В. Некоторые проблемы теории и практики оказания профессиональной юридической помощи гражданам, привлекаемым к административной ответственности // С. А. Жбанова, Л. Ю. Понежина, Д. В. Копыл // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 72–78.*

Original paper

**SOME PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF PROVIDING
PROFESSIONAL LEGAL ASSISTANCE TO CITIZENS BROUGHT
TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY**

Zhbanova Svetlana Alexandrovna

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Ponezhina Lyudmila Yurievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kopyl Dmitry Vladimirovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the current institute of administrative responsibility is implemented in accordance with the requirements determined by its purpose and the needs for adapting this institute to modern socio-political and economic conditions, determining the basic principles on which the model of administrative responsibility and its legal implementation should be built.

Materials and methods: within the framework of the conducted research, the entire system of general principles of cognition, general scientific and special research methods (dialectics, logical, formal-legal, hermeneutic approach, systems method, functional method) were used.

Results of the study: the article highlights the main theoretical and practical contradictions between the actual state and regulatory regulation, as well as the practice of defense in proceedings on an administrative offense.

Findings and conclusions: directions for overcoming the contradiction between the actual state and regulatory regulation of the provision of professional legal assistance to citizens brought to administrative responsibility are proposed. The analysis of judicial acts and legal positions contained in them is provided.

Keywords: defense attorney, administrative offense, administrative liability, stage of proceedings on an administrative offense, legal assistance.

For citation: Zhbanova S. A., Ponezhina L. Yu., Kopyl D. V. Some problems of theory and practice of providing professional legal assistance to citizens brought to administrative responsibility // S. A. Zhbanova, L. Yu. Ponezhina, D V. Kopyl // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 72–78.

Развитие российской государственности неотъемлемо связано с эффективностью законодательства, в этом случае особая роль принадлежит правовым категориям, одной из которых является административное законодательство, т. к. основной закон страны относит эту правовую категорию к предмету совместного ведения, что, с одной стороны, должно повышать стабильность правовых процессов происходящих в каждом отдельном субъекте, с другой стороны, порождает юридико-правовые коллизии, в том числе в административно-юрисдикционных производствах.

Проблема квалификации административных правонарушений (далее – АПр) носит административно-публичный характер. Так, только в 2023 г. должностными лицами МВД России было составлено 147 895 протоколов об АПр, а количество выявленных АПр превысило 240 млн [1]. А ведь еще десять лет назад эта цифра не превышала 72 млн, что указывает на рост числа АПр, а следовательно, и правовую оценку общественно вредных деяний. И это только статистика одного ведомства, а юрисдикционные полномочия по рассмотрению и привлечению к ответственности за совершение АПр имеют более 60 органов власти, сами АПр многочисленны по многим параметрам (содержание, субъектный состав и т. п.), что оказывает воздействие на конструкцию самих составов АПр.

Известно, что производство по делу об административном правонарушении носит принудительный характер и имеет основной

целью применение государственным органом или должностным лицом материальной нормы административного права для административного преследования лица, нарушившего административный запрет. [2, с. 7].

Производство по делу об административном правонарушении регламентировано Кодексом об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ), процессуальные нормы которого устанавливают правоотношения всех участников такого производства в трех формах: ускоренной, обычной (ординарной), а также в форме административного расследования.

Сложившаяся в теории административного права и процесса научная парадигма в области регламентации прав и обязанностей участника производства по делу об административном правонарушении предусматривает необходимость защиты прав лица, привлекаемого к административной ответственности, уже на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, причем право пользоваться юридической помощью признается в нормах ст. 25.1 КоАП РФ за таким лицом.

Вместе с тем нормы-предписания, которые содержали бы обязанность допустить защитника к участию в производстве на этой стадии производства, для государственного органа или его представителя – должностного лица, законодатель не устанавливает. Известно, что защитник, действующий в интересах вызывавшего его гражданина, прибывает к

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

месту происшествия, задержания или производства процессуального действия, участия в производстве и рассмотрении дела.

Находясь в процессуальном статусе, установленном нормами ст. 25.5 КоАП РФ, он, выступая на стороне привлекаемого к ответственности лица, осуществляет контроль за соответствием принудительных действий и решений административного органа и его должностного лица законодательству, противодействует возможному правовому и физическому произволу, обеспечивает качество оформления процессуальных действий и решений. Тем самым он является необходимым участником производства, если таковое в качестве основ имеет гуманистические, естественно правовые начала, преследуя которые, государственное принуждение может быть направлено на предупреждение новых правонарушений, воспитание и перевоспитание правонарушителя, освобождения от ответственности невиновного. В противном случае, если государство склоняется к примату карательной функции и привержено принципу сочетания целесообразности и результативности, наряду с экономичностью, то дальнейшее нормативное обеспечение профессиональной юридической помощи в деле об административном правонарушении, конечно, не будет отвечать интересам государства. Нормы, уже содержащиеся в КоАП РФ, не будут совершенствоваться, а институт профессиональной юридической помощи по таким делам будет деградировать [3, с. 180].

Как свидетельствует статистика, ежегодно обжалуются около 7 млн решений и постановлений по делам об административных правонарушениях [4]. Процесс из «кабинета должностного лица» все чаще переходит в суды. Вместе с тем нормативную регламентацию института профессиональной защиты по делам об административных правонарушениях нельзя назвать совершенной. Например, до сих пор не вполне ясно, как и каким образом реализуется право лица на вызов защитника. Обязано ли должностное лицо государственного органа – органа принуждения предоставить возможность вызова, предоставить техническое средство вызова? Сколько необходимо ожидать защитника при задержании лица в условиях срочности проведения конкретного мероприятия? На каких ис-

черпывающих фактических и юридических основаниях защитник допускается к участию в деле и каким образом оформляется его допуск в ряде процессуальных мероприятий?

Неясным остается и такое обстоятельство: подлежат ли увеличению процессуальные сроки производства процессуальных мероприятий или мер обеспечения производства по делу для обеспечения прибытия защитника? Наиболее существенным правовым пробелом, кардинальным образом влияющим на мотивацию профессиональных защитников – юристов и адвокатов – в оказании профессиональной юридической помощи гражданам в делах об административных правонарушениях, можно признать отсутствие в КоАП РФ однозначных и недвусмысленных норм, касающихся оплаты труда защитника, принимающего участие в процессуальных действиях уже на стадии возбуждения дела, и даже в стадии судебного обжалования вынесенного государственным органом (его должностным лицом) решения, норм о свободе выбора и вопросов верификации профессиональной состоятельности лица, защищающего потенциального правонарушителя.

Ввиду отсутствия однозначного урегулирования в нормах действующего КоАП РФ обозначенные вопросы, в том числе судами, разрешаются неоднозначно. В качестве примера приведем следующее дело.

Некто Х., являясь должностным лицом, возглавляющим дочернее общество АО «РЖД», в качестве должностного лица, в смысле норм ст. 2.4. КоАП РФ, был по итогам плановой проверки неосновательно и незаконно привлечен к административной ответственности за якобы имевшие место административные правонарушения специалистами территориального органа – Черноморо-Азовского морского управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Как установлено вступившими в законную силу отменившими постановления административного органа судебными актами Ленинского районного суда г. Новороссийска, Х. не являлся надлежащим субъектом административного правонарушения, в ряде дел отсутствовал состав и событие административного правонарушения.

Реализуя свое конституционное право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ),

в ходе обжалования постановлений административного органа Х. осуществил выбор защитника – реализовал свое право пользоваться юридической помощью защитника, закрепленное законодателем в ст. 25.1 КоАП РФ. При этом Х. выбрал себе в качестве защитника частного юриста Д., с которым заключил договор оказания юридических услуг, оплатив последнему за реально оказанные соразмерные сложности и количеству проделанной работы услуги (отменено 11 постановлений административного органа), в т. ч. транспортные расходы и расходы на проживание, соответствующую денежную сумму, что подтверждается материалами дела.

Обратившись после отмены незаконных постановлений в районный суд, Х. потребовал от административного органа компенсировать реальный материальный ущерб (убытки) в виде судебных расходов за услуги защитника (т. к. КоАП РФ не предусматривает порядка их возмещения), а также компенсировать моральный вред соразмерно количеству составленных в отношении его незаконных протоколов об административном правонарушении.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца в части, уменьшив моральный вред. Однако апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 29 июня 2023 года по делу № 2-961/2023 (33-21930/2023) [5] решение отменено, в компенсации убытков и морального вреда отказано. В обоснование установлений своего судебного акта, судебная коллегия Краснодарского краевого суда положила следующие выводы:

1. Х. при составлении административных протоколов и последующем привлечении ответчиком к административной ответственности якобы представлял не себя, а выступал как ответственное должностное лицо ОАО «РЖД», в связи с чем в отношении него положения п. 1 ст. 1070 и абз. 3 ст. 1100 ГК РФ якобы судом применены быть не могут.

2. Поскольку предметом проверки Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Черноморо-Азовскому морскому управлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования являлось соблюдение ОАО «РЖД» законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования РФ, свое несогласие с

выявленными правонарушениями и привлечением к административной ответственности Х., как ответственного должностное лицо, якобы должен был инициировать через юридическую службу ОАО «РЖД», имеющую достаточный штат квалифицированных юристов, а не путем обращения частным образом к Д. по представлению вопросов служебной деятельности.

Руководствуясь таким пониманием сложившихся правоотношений, судебная коллегия усмотрела недобросовестность в поведении Х. и в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ усмотрела в его действиях исключительное намерение причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Возражая в кассационной жалобе на приведенные установления судебной коллегии, Х. привел следующие доводы.

1. Как установлено судом первой инстанции и не опровергнуто ответчиком и судебной коллегией, расходы в виде судебных издержек по привлечению защитника Х. понесены объективно.

Это значит, что они все равно бы возникли, если бы защиту Х. осуществлял бы некий «юрист юридической службы ОАО «РЖД», также как и в данном случае, когда защиту осуществлял частный юрист Д. Только в первом случае расходы понесло бы Общество, которое также имело бы право на компенсацию данных расходов от Х. или Российской Федерации.

Вопрос здесь заключается в том, обязан ли был Х. избирать себе защитника по делу об административном правонарушении из числа некой неизвестной, не участвующей в делах юридической службы ОАО «РЖД», или он вправе был выбрать себе защитника по делу об административном правонарушении на собственное усмотрение?

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина лишь федеральным законом. Между тем нет закона, допускающего в случаях привлечения к административной ответственности физических (должностных) лиц, отказ лицу в праве пользоваться юридической помощью выбранного им защитника. Иными словами, законных ограничений этого

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

права не существует, во всяком случае таких, которые были бы установлены недвусмысленно.

Расширительное же истолкование закона, следствием которого было бы ограничение прав человека и гражданина, в том числе конституционных и установленных федеральным законом (КоАП РФ), вряд ли отвечало бы ст. 18 Конституции РФ, в силу которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов.

Как указал Конституционный Суд РФ, лицо, привлекаемое к административной ответственности, может пользоваться специальными правами, закрепленными ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ, с момента возбуждения дела об административном правонарушении на любой стадии производства по делу (определение от 24 декабря 2012 года № 2392-О).

Каких-либо ограничений в реализации права пользоваться юридической помощью защитника законодательство об административных правонарушениях не предусматривает [6]. Это позволяет достичь эффективности как получаемой юридической помощи, так и судебной защиты в целом, поскольку осуществление представительства в деле защитником, которому подзащитный доверяет и с которым он может согласовать стратегию защиты, максимально способствует реализации его законных интересов.

2. Защитник Д. был допущен к защите Х. в производстве по жалобам согласно вступившим в законную силу решениям Ленинского районного суда г. Новороссийска на основании соответствующей доверенности, что свидетельствует о явно и недвусмысленно выраженной воле лица о выборе защитника.

Кроме того, Д. специализируется на административном праве административно-юрисдикционной деятельности, имеет практический опыт административно-юрисдикционной деятельности, который, во всяком случае, отсутствует у многих других юристов. Участие Д. в защите повлекло отмену противоправных и незаконных постановлений, вынесенных административным органом.

Устанавливая отсутствие оснований к участию в защите Х. защитника Д., судебная коллегия тем самым безосновательно предприняла попытки пересмотра вступивших в силу судебных актов Ленинского районного суда г.

Новороссийска в части допуска к участию в производстве защитника Д., что представляется недопустимым.

Ссылка судебной коллегии на наличие какого-то ни было должностного регламента, предписывающего Х. пользоваться услугами защитника – юриста юридической службы ОАО «РЖД», который не приобщен к материалам гражданского дела, не опубликован в установленном порядке и не подписан Х., и вряд ли существует в природе, является явной ошибкой судебной коллегии, нарушением требования процессуального закона о том, что судебное решение должно основываться на законе и на имеющихся в деле доказательствах.

3. Относительно якобы установленной недобросовестности в поведении Х., в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ, этот вывод ошибочен. О злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права.

Вместе с тем само по себе требование о компенсации судебных расходов по делу об административном правонарушении на участие защитника не может рассматриваться как действие, исключительно направленное на причинение вреда другому лицу, потому что как право на компенсацию, так и ее порядок (пределы) установлены законодательством.

Судебные расходы (в данном случае в виде убытков), как следует из п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», состоят из государственной пошлины, а также издержек, связанных с рассмотрением дела, представляют собой денежные затраты (потери).

КоАП РФ не предусматривает порядок взыскания судебных расходов на участие защитника по делу несмотря на то, что его участие в деле вправе обеспечить лицо, привлекаемое к административной ответственности при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Поэтому судебные расходы

взыскиваются в гражданско-правовом порядке как убытки, причем, согласно смыслу законоположений, принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу.

Реализация участвующим в деле лицом права на привлечение защитника является неотъемлемым правом стороны судебного процесса и не может быть поставлена в зависимость от наличия либо отсутствия должностных или дисциплинарных связей защитника и лица, участвующего в процессе, либо иных обстоятельств, характеризующих личность участника процесса или выбранного им защитника, за исключением установленных законом.

Следовательно, то, что Х. имеет возможность выбрать за свой счет для участия в качестве защитника по личным и профессиональным качествам допускаемое законом лицо, не лишает его права на компенсацию убытков в виде разумно понесенных судебных расходов между сторонами в производстве по делу об административном правонарушении по правилам о взыскании убытков, установленным в ГК РФ.

Судебные расходы взыскиваются согласно критериям определения границ их разумности, правил и бремени доказывания, установленным ГПК РФ.

Обстоятельство, которое судебная коллегия расценила как злоупотребление правом (обращение за защитой к частному юристу) не лишает участвующее в деле лицо права на понесенные судебные расходы за счет проигравшей стороны. Однако может быть учтено в качестве фактора, влияющего на размер

присуждаемых расходов. Данное обстоятельство исследовал и учел суд первой инстанции, признав эти расходы обоснованными. Таким образом, в части взыскания судебных расходов действия Х. не вышли за пределы предоставленного ему права и не могут являться злоупотреблением правом.

Определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, коллегия которого согласилась с приведенными Х. доводами, определение, вынесенное судебной коллегией Краснодарского краевого суда, было отменено с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

Подводя итог, отметим, что для совершенствования правового института защиты по делам об административных правонарушениях требуется подробная и основательная нормативная регламентация правомочий лица, избирающего себе защитника, порядка допуска выбранного лица к защите, верификации его правомочий и подтверждение квалификации, а также регламентация прав административного органа и представляющего его должностного лица, корреспондирующих с названными, включая порядок допуска (недопуска) защитника к участию в деле, порядок оценки квалификации допускаемого защитника.

Требуют совершенствования процессуальные процедуры проведения мер обеспечения производства по делу и сбора доказательств, установленные КоАП РФ с учетом участия в них защитника. Следует также установить непосредственно в КоАП РФ нормы о внесудебном порядке компенсации гражданину, привлекающему защитника, в счет оплаты услуг по оказанию юридической помощи.

Список источников

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=правонарушения> (дата обращения: 01.12.2023).
2. Дорохин В.В. Понятие и содержание производства по делам об административных правонарушениях // Научный портал МВД России. 2011. № 3.
3. Вертинская А.Н., Боева М.А., Понежина Л.Ю. Содержание принципа индивидуализации административной ответственности и

References

1. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=> (date of access: 01.12.2023).
2. Dorokhin V.V. Concept and content of proceedings in cases of administrative offenses // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 3.
3. Vertinskaya A.N., Boeva M.A., Ponezhina L.Yu. Content of the principle of individualization of administrative responsibility and the practice of its implementation // *Yurist-Pravoved*. 2019. № 3.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

практика его реализации// Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3.

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 24.05.2024).

5. Судебное дело № 2-961/2023 (33-21930/2023) в архиве Октябрьского районного суда г. Новороссийска.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дьяченко Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав ст. 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2392-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Report on the work of courts of general jurisdiction in considering cases of administrative offenses. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (date of access: 24.05.2024).

5. Court case № 2-961/2023 (33-21930/2023) in the archive of the Oktyabrsky District Court of Novorossiysk.

6. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey Valentinovich Dyachenko regarding the violation of his constitutional rights under Art. 27.7 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 24.12.2012 № 2392-O. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жбанова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры организации деятельности ГИБДД. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Понежина Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Копыл Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры безопасности дорожного движения. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhbanova Svetlana Alexandrovna, PhD in Economics, Deputy Head of the Department of Traffic Police Organization of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Orel 302027 Russian Federation.

Ponezhina Lyudmila Yurievna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Kopyl Dmitry Vladimirovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Senior lecturer at the Department of Road Safety of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

БАЗОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Гнетнев Игорь Геннадьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, gig802@ya.ru

Лисунова Диана Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, lisunovadi@mail.ru

Введение: для современной научной мысли чрезвычайно важно контролировать процесс появления новых запросов, актуальных для практического применения. Товарный знак – это такое явление экономической сферы, которое имеет древнюю историю, устойчивое положение в настоящем времени и довольно разнообразные перспективы в будущем. Интерес к этому явлению обоснованно возрастает в условиях современной рыночной экономики, которая не только укоренилась в России за несколько десятилетий, но и набирает обороты.

Материалы и методы: при подготовке данной научной статьи авторы опирались на разнообразную материальную базу: зарубежные и отечественные источники. В ходе работы над исследованием авторы обращались к абстрагированию и конкретизации, индукции, дедукции, синтезу и анализу.

Результаты исследования: в данном научном исследовании изучены и сопоставлены основные законодательные нормы, действующие в различных государствах, в части создания и применения товарных знаков. Магистральная мысль научного изучения опирается на российскую действительность, поскольку материал подготовлен в целях, которые опираются на нужды отечественной науки и практики.

Выводы и заключения: авторы обоснованно утверждают, что в условиях многогранности современности товарный знак несет в себе множество функций, имеющих ценность для различных сфер жизни социума. Поскольку это именно так, то товарный знак тоже обладает многогранностью, имеет множество видов и его создание и существование подчиняются разнообразным регламентам, в том числе – специализированным нормативным правовым актам.

Ключевые слова: товарный знак, рыночная экономика, товарооборот, конкурентоспособность, юридическая наука, культура.

Для цитирования: Гнетнев И. Г., Лисунова Д. С. Базовая классификация товарных знаков / И. Г. Гнетнев, Д. С. Лисунова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 79–83.

Original paper

BASIC CLASSIFICATION OF TRADEMARKS

Gnetnev Igor Gennadievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Lisunova Diana Sergeevna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: it is extremely important for modern scientific thought to control the process of emergence of new requests, relevant for practical application. A trademark is such a phenomenon of the economic sphere, which has an ancient history, a stable position in the present time and quite diverse prospects in the future. Interest in this phenomenon is justifiably increasing in the conditions of the modern market economy, which has not only taken root in Russia for several decades, but is also gaining momentum.

Materials and methods: in preparing this scientific article, the authors relied on a diverse material base: foreign and domestic sources. In the course of work on the study, the authors turned to abstraction and concretization, induction, deduction, synthesis and analysis.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

Results of the study: in this scientific study, the main legislative norms in force in various countries, in terms of creation and application of trademarks, are studied and compared. The main idea of the scientific study is based on Russian reality, since the material was prepared for purposes that are based on the needs of domestic science and practice.

Findings and conclusions: the authors reasonably assert that in the conditions of the multifaceted nature of modernity, a trademark carries many functions that are valuable for various spheres of social life. Since this is exactly the case, a trademark also has many facets, has many types, and its creation and existence are subject to various regulations, including specialized normative legal acts.

Keywords: trademark, market economy, commodity turnover, competitiveness, legal science, culture.

For citation: Gnetnev I. G., Lisunova D. S. Basic classification of trademarks / I. G. Gnetnev, D. S. Lisunova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 79–83.

Социум на различных этапах своего развития подчиняется разнообразным динамическим законам. Действуют многомерные и многоаспектные принципы, однако процессы далеко не всегда могут быть очевидными [1]. Отсюда следует, что современной юридической науке всегда есть, на что направить усилия. Задачи и вопросы, важные для прогресса, возникают регулярно.

Товарные знаки – явление, необходимое и для экономики, и для установления правового равновесия в сфере реализации товаров и услуг. В настоящее время наукой накоплен определенный суммарный фонд знаний, который подлежит не только пополнению, но и осмыслению. Итак, самой распространенной категоризацией товарных знаков является типовая, она же – описательная. Базируется этот подход на характеристиках и внешних элементах, входящих в состав условного обозначения. Данный метод применяется большинством законодателей при формулировании понятия товарного знака.

Например, ст. 8 и 9 Закона КНР о товарных знаках утверждают, что товарным знаком именуется любой знак, в частности слово, а также графика, буква, цифра, трехмерный знак, цветовые сочетания, звук или их комбинация [2]. Закон о товарных знаках в Канаде указывает, что знак может включать в себя слово, имя, дизайн, букву, цифру, цвет, изобразительный элемент, трехмерную форму, голограмму, движущееся изображение, способ упаковки, звук, запах, вкус и текстуру [3]. Раздел 1 «Определения» Закона о товарных знаках Австралии закрепляет возможность включения в товарный знак любой буквы, слова, имени, подписи, цифры, заголовка, этикетки, вида упаковки, формы, цвета, звука или запаха [4]. Статья 1482 Гражданского кодекса РФ также не является исключением

и определяет следующие виды товарных знаков: словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации.

Названный перечень считается открытым, т. е. в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы и звуковые, световые, движущиеся, голографические и другие виды товарных знаков. Приказы Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ и Министерства экономического развития РФ называют в качестве допустимых для государственной регистрации обозначения, которые: могут изменяться, осязательные, позиционные, вкусовые, и цветовые, состоящие исключительно из одного или нескольких оттенков.

Самыми известными и часто регистрируемыми являются товарные знаки, созданные с применением графического искусства. В рамках искусствоведческого подхода к ним относят словесные, изобразительные, объемные и традиционные комбинированные обозначения. Словесные товарные знаки могут состоять из отдельных слов, их сочетаний и даже предложений. Также в качестве словесных товарных знаков могут быть зарегистрированы фамилии, псевдонимы и имена: *Killy* для спортивных товаров (знаменитая чемпионка по лыжным гонкам 1960"70-х гг.), *Anne de Solune* для постельного белья, *Bettina* для текстильных изделий. Примечательно, что не представляется возможным зарегистрировать товарный знак, содержащий нецензурные слова или непристойные изображения, призывы антигуманного характера, то, что способно оскорбить человеческое достоинство или религиозные чувства, а также термины, написанные с нарушением правил русской орфографии [5]. Учитывая данный факт, логично сделать следующий вывод: в условиях современности товарный знак помимо прочих своих характеристик обладает и прямой

связью с культурой, участвует в формировании исторического наследия. Естественно, что в этом случае нормы русской орфографии обязательно должны быть соблюдены.

Изобразительные товарные знаки становятся все популярнее и популярнее по всему миру. К ним относятся визуализации живых существ, предметов и природы, а также всевозможные рисунки, линии и изображения на поверхностях. Несмотря на то что они менее эффективны, чем словесные знаки, на их долю приходится около 70 % зарегистрированных в России товарных знаков. Их успех во многом зависит от простоты, привлекательности и рекламной эффективности в целом.

К объемным знакам относятся трехмерные объекты, комбинации изображений и прямых линий, а также пространственно-геометрическое расположение образов. Такие знаки могут быть изготовлены из любого материала, искусственного или природного. Объектом подобного знака может быть оригинальная форма продукта или его упаковки. Однако стереографический знак должен не только воспроизводить внешний вид известного объекта, но и иметь новую и оригинальную визуализацию. Самым известным объемным товарным знаком является Mercedes-Benz. Отметим, что при подаче документов для регистрации объемного товарного знака необходимо предоставлять проекцию для визуального восприятия контуров формы изделия. Это необходимо для обеспечения последующей правоохранности товарного знака, чтобы исключить вольное толкование образа и подражание ему.

Комбинированные товарные знаки включают в себя сочетание различных типов элементов: графика, слова и объемные фигуры. Такие виды товарных знаков обычно содержат как визуальные символы, так и лингвистические в определенном цветовом оформлении. Подобные комбинации обычно имеют смысловое значение, а используемые элементы дополняют и объясняют друг друга. К наиболее распространенным видам относятся различные этикетки.

Регистрация гастрономических товарных знаков возможна в форме описания вкусовых свойств. Однако вкус субъективен, что делает его регистрацию невозможной. Так, компания Bubble Yum попыталась зарегистриро-

вать вкус «сахарной ваты», Jelly Belly подавала заявку на регистрацию вкуса «лакрица» и «поджаренный маршмеллоу», организация Ricola пробовала оформить уникальную смесь трав в качестве товарного знака. Им всем было отказано. Что интересно, на сегодняшний день в России не зарегистрировано ни одного вкусового товарного знака.

В 2003 г. Апелляционный суд Парижа установил, что следующее описание – «вкус искусственного клубничного ароматизатора» является не достаточно точным. 15 лет спустя в решении о возможности защиты вкусов Большая палата Европейского суда подтвердила, что сегодня наука по-прежнему затрудняется в том, чтобы достичь с помощью технических средств точной и объективной идентификации вкуса пищевого продукта, которая бы позволила отличить его от других изделий того же вида.

Отметим, что на сегодняшний день регистрация обонятельных и гастрономических товарных знаков имеет низкий уровень детализации и прозрачности, а также отсутствуют международные стандарты. Поэтому в связи с субъективностью сенсорных ощущений возможны сложности идентификации товаров потребителями, что в свою очередь может повлечь судебные споры между правообладателями. В настоящее время универсального устройства для точного газохроматографического анализа, увы, не существует. Остается надеяться на то, что в недалеком будущем новые технологии смогут использовать способы воспроизведения запахов и вкусов, что позволит обеспечить их четкие и однозначные различия.

Предлагаем рассмотреть еще две классификации товарных знаков, поскольку они имеют важное практическое значение:

- по количеству субъектов, которые имеют право на использование товарного знака (индивидуальные и коллективные);
- по степени известности (обычные и общеизвестные).

Первая классификация товарных знаков зависит от количества участников оборота, имеющих право на регистрацию товарных знаков. Индивидуальные товарные знаки – это обозначения, зарегистрированные одним субъектом. Коллективный товарный знак – это вид товарного знака, согласно ст. 1510 ГК РФ,

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

предназначенный для обозначения товаров, обладающих общими качествами или другими характеристиками, производимых или реализуемых лицами, входящими в объединение.

Так, законодательство многих стран мира обеспечивает правовую охрану коллективных товарных знаков. Например, Законы о товарных знаках в США, Великобритании, Италии, Австрии, Испании, Швейцарии, Турции, Польше и других странах содержат соответствующие положения. В Норвегии, Дании, Швеции и Финляндии коллективные знаки охраняются специальными законами. Это связано с ростом их популярности, что требует большего регулирования данного явления. Во Франции до недавнего времени положение о коллективных знаках не было должным образом урегулировано, что приводило к тому, что товарные знаки, существующие с XVII в., в XXI в. не были защищены, хотя соответствующая заявка подавалась. С несправедливой конкуренцией столкнулся Союз профессионалов в области марсельского мыла: их продукцию начали изготавливать в Турции и Китае и поставляли на рынок без их согласия.

Коллективный знак, который может выглядеть, как простое обозначение происхождения товара или услуги, превращается в реальный инструмент коммуникации и важный механизм развития предпринимательства. При этом потребитель может испытывать больше доверия к такому знаку, ведь за качество поручилась целая группа.

Во Франции после анализа позитивных изменений, вызванных возможностью регистрировать коллективные товарные знаки, большим изменениям подверглись положения Кодекса интеллектуальной собственности на основании Ордонанса № 2019-1169 от 13 ноября 2019 г. и Декрета № 2019-1316 от 9 декабря 2019 г. Однако ключевой вопрос о предоставлении физическим лицам права осуществлять регистрацию коллективных товарных знаков однозначно не был решен. Названные законодательные акты позволяют нам прийти к выводу, что объединения физических лиц тоже смогут подавать заявки на оформление прав на коллективный товарный знак. Учитывая последние изменения российского законодательства о товарных знаках,

также предположим, что в объединение лиц теперь смогут входить и граждане.

Далее рассмотрим особенности общеизвестных товарных знаков, которые характеризуются высоким уровнем узнаваемости и защиты, выходящим за рамки конкретных товаров. Регулирование общеизвестного товарного знака признано на международном уровне, в частности отражено в ст. 6 bis Парижской конвенции, однако критерии «общеизвестности» или «широкого использования» нигде не зафиксированы. Общеизвестность трудно установить, но она имеет неоспоримые преимущества на рынке. Во-первых, устанавливается бессрочная охрана. Во-вторых, исключительное право может распространяться помимо однородных товаров, на товары других классов Международной классификации товаров и услуг, которые напрямую не связаны с подобным продуктом, если использование знака ассоциируется с правообладателем и может причинить вред его интересам.

Что касается Российской Федерации, то будет уместно привести точку зрения Л.А. Новоселовой, которая выделяет следующие критерии для признания товарного знака общеизвестным:

- 1) широкая известность данного обозначения у соответствующих потребителей;
- 2) в отношении товаров (услуг) заявителя;
- 3) в результате интенсивного использования.

Только одновременное выполнение совокупности этих трех условий позволит говорить о том, что товарный знак является общеизвестным [6]. Считаем, что первый критерий, указанный автором, требует уточнения. Целесообразно говорить не о широкой известности данного обозначения у «соответствующих потребителей», а в целом у потенциальных потребителей, в связи с тем, что в действующем реестре можно обнаружить редко встречающиеся и узкоспециализированные обозначения, которые не отвечают критериям публичной узнаваемости. Если о товарном знаке известно только определенному кругу лиц, которые непосредственно связаны с той областью, где он используется, то говорить о повсеместной узнаваемости не уместно. Долю потенциальных потребителей (пассивной базы) благодаря развитию технологий

можно определить довольно легко: следует посмотреть отчет об охвате товарного знака в популярных социальных сетях и об объеме поиска товарного знака в различных поисковых системах.

Как показывает практика, не всем заявителям удается убедить Роспатент в том, что используемый ими товарный знак заслуживает признания общеизвестным. Однако в

Российской Федерации реестр общеизвестных товарных знаков включает более 250 обозначений, среди которых можно отметить такие, которые не вызывают дискуссий на свой счет: «Газпром», «Лукойл», УАЗ, МИР и т. д. Видимо, наша правовая база с ходом времени выработала способ адаптироваться под нужды экономики и допускать минимум погрешностей.

Список источников

1. Варданыан А.В. Интеграция уголовно-правовых знаний в контексте закономерностей развития юридической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1(25).

2. Trademark Law of China. 商标法. 2019 // China Laws Portal – CJO. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/trademark-law-of-china-20190423> (дата обращения: 27.06.2024).

3. Canada Trademarks Act (R.S.C., 1985, c. T-13, last amended on 2021-06-28) // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/t-13/> (дата обращения: 27.06.2024).

4. Australian Trade Marks Act № 119, 1995 (consolidated as of March 10, 2016) // Commonwealth Consolidated Acts URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/tma1995121/s6.html#trade_mark (дата обращения: 27.06.2024).

5. Товарный знак: постатейный комментарий ст. 1477–1515 Гражданского кодекса РФ / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2010.

6. Новоселова Л.А. Права на товарный знак. М., 2023.

References

1. Vardanyan A.V. Integration of criminal-legal knowledge in the context of patterns of development of legal science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 1 (25).

2. Trademark Law of China. Available at: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/trademark-law-of-china-20190423> (date of access: 27.06.2024).

3. Canada Trademarks Act (R.S.C., 1985, c. T-13, last amended on 2021-06-28) // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/t-13/> (date of access: 27.06.2024).

4. Australian Trade Marks Act № 119, 1995 (consolidated as of March 10, 2016) // Commonwealth Consolidated Acts URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/tma1995121/s6.html#trade_mark (date of access: 27.06.2024).

5. Trademark: article-by-article commentary on Articles 1477-1515 of the Civil Code of the Russian Federation / edited by P.V. Krashenninikov. Moscow, 2010.

6. Novoselova L.A. Trademark Rights. Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гнетнев Игорь Геннадьевич, кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России, 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Лисунова Диана Сергеевна, аспирант. Московский государственный университет им. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Колмогорова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gnetnev Igor Gennadievich, PhD in Law, Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Lisunova Diana Sergeevna, post graduate student. Lomonosov Moscow State University. 1, Kolmogorova Sr., Moscow 119991 Russian Federation.

ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Пономарева Наталья Витальевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ponomari2008@yandex.ru

Введение: статья посвящена анализу правовых форм злоупотребления корпоративными правами и формированию научно обоснованных выводов и предложений по совершенствованию правового регулирования в этой сфере, а также анализу правовой природы и системы проявлений злоупотребления правом в корпоративных отношениях, системы мер противодействия данному явлению, выявлению теоретических и практических проблем, существующих в этой сфере, а также определению путей их преодоления.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, историко-правовой, структурно-системный). Применение исторического метода позволяет проанализировать развитие правового явления злоупотребления правом. Сравнительно-правовой и структурно-системный методы применяются при рассмотрении форм и видов злоупотребления корпоративными правами, способов предупреждения и защиты от злоупотребления корпоративными правами.

Результаты исследования: на современном этапе развития экономических отношений актуальным становится вопрос дальнейшего развития корпоративных отношений и формирования эффективной национальной модели защиты от корпоративного шантажа при осуществлении корпоративного управления.

Выводы и заключения: автором предлагаются следующие возможные направления развития законодательства в сфере злоупотребления правом:

– приведение отечественной судебной практики к единообразию путем актуализации существующих рекомендаций и обзоров вышестоящих судов, а также принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм гражданского законодательства о злоупотреблении правом»;

– проведение различных методических и научных мероприятий с законодателями, правоприменителями и ведущими правоведами по вопросу выработки единого подхода к пониманию института злоупотребления правом, написание научных трудов и статей на указанную тематику с целью повышения профессиональной квалификации юристов-цивилистов.

Ключевые слова: право, злоупотребление, злоупотребление правом, отношения, корпоративные отношения, направления, перспективы, законы.

Для цитирования: Пономарева Н. В. Формы злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях / Н. Н. Пономарева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 84–89.

Original paper

FORMS OF ABUSE OF LAW IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

Ponomareva Natalia Vitalievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the analysis of legal forms of abuse of corporate rights and the formation of scientifically based conclusions and proposals for improving legal regulation in this area, as well as the analysis of the legal nature and system of manifestations of abuse of law in corporate relations, a system of measures to counteract this phenomenon, identifying theoretical and practical problems existing in this area, as well as identifying ways to overcome them.

Materials and methods: in preparing the article, both general scientific and specific scientific methods were used (comparative legal, historical and legal, structural and systemic). The use of the historical method allows us to analyze the development of the legal phenomenon of abuse of law. Comparative-legal and structural-systemic methods are used when considering the forms and types of abuse of corporate rights, methods of preventing and protecting against abuse of corporate rights.

Results of the study: at the present stage of development of economic relations, the issue of further development of corporate relations and the formation of an effective national model of protection against corporate blackmail in the implementation of corporate governance becomes relevant.

Findings and conclusions: the authors propose the following possible directions for the development of legislation in the field of abuse of rights:

– bringing domestic judicial practice to uniformity by updating existing recommendations and reviews of higher courts, as well as adopting the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application by courts of civil legislation on abuse of law»;

– carrying out various methodological and scientific events with legislators, law enforcers and leading jurists on the issue of developing a unified approach to understanding the institution of abuse of law, writing scientific papers and articles on this topic in order to improve the professional qualifications of civil lawyers.

Keywords: law, abuse, abuse of law, relations, corporate relations, directions, prospects, laws.

For citation: Ponomareva N. V. Forms of abuse of law in corporate legal relations / N. V. Ponomareva // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 84–89.

В научной литературе под формой понимают способ существования, внешнее выражение определенного явления. Целесообразно выделять простые и сложные формы злоупотребления правом. Простая форма злоупотребления правом – это волевое, недобросовестное, нецелевое использование конкретно определенного корпоративного права конкретным субъектом с установленной целью или по крайней мере несоответствием установленной к правомерной цели. [3, с. 15]. Сложная форма злоупотребления правом – сочетание простых форм, объединенных общей целью и (или) стратегией [3, с. 96–99].

Среди сложных форм злоупотребления правом выделяют гринмейл и недружественные поглощения, что не исключает существования менее распространенных дополнительных форм. Гринмейл является формой злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях, которой свойственен сложный характер ввиду совмещения отдельных форм злоупотребления правом для достижения общей цели в рамках реализации единой стратегии. Его цель – получение определенных выгод и преимуществ под угрозой невозможности продолжения нормального функционирования общества и осуществления хозяйственной деятельности. Многогранность тактики корпоративного шантажа заключается в том, что он может быть как самостоятельной стратегией, так и частью плана недружественного поглощения, а в неко-

торых случаях – способом защиты миноритарных участников.

Главной целью недружественных поглощений является получение корпоративного контроля над обществом вопреки интересам основных инвесторов, что не исключает существование дополнительных целей (устранение конкурента, получение прав на имущество и т. п.). Для реализации стратегий недружественного поглощения широко используются такие субъективные права, как обжалование решений общего собрания акционеров; обращение в суд с заявлением о применении мер; требование созыва внеочередного общего собрания акционеров (участников) общества и т. п. [5, с. 51].

Злоупотребление корпоративными правами существует в разнообразных формах. Их анализ следует начать со злоупотреблений, которые направлены исключительно на то, чтобы нанести ущерб правам и интересам общества (это понятие определено в праве ведения как явление шиканы). Случаи проявления шиканы хорошо известны еще со времен Древнего Рима. Римское право уже обратило внимание на злоупотребления правом с целью навредить другому лицу [9].

По мнению О.В. Гутникова и С.Ю. Филипповой, субъектами корпоративных отношений выступают помимо корпорации участники корпорации, которые могут быть представлены, например, акционерами в акционерных организациях, участниками в обществах с

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

ограниченной ответственностью, членами в кооперативах и членами органов управления корпорации [2, с. 130]. Высшим органом корпорации, исходя из ч. 1 ст. 65.3 ГК РФ, является общее собрание ее участников [1].

Корпоративные правоотношения в основном существуют в рамках внутренней управленческой и коммерческой деятельности коммерческой корпорации (если только речь не идет о недружественном поглощении (при формальном соблюдении действующего законодательства) или рейдерстве (при скупке акций ПАО или долей ООО с целью перехвата управления) [6, с. 44–53].

Одним из основных признаков злоупотребления правом является то, что его субъект формально осуществляет (принимает, реализует, применяет) определенное субъективное юридическое право или обязанность. Несмотря на первоначальное понимание механизма злоупотребления правом в технической сфере, особенности заимствования соответствующего термина юридической наукой, «механизм злоупотребления правом» – это система правовых явлений, необходимое и особое взаимодействие которых образует злоупотребление правом. В этом определении мы, во-первых, акцентировали внимание на системе правовых явлений, наличие которых необходимо в любом злоупотреблении правом, и, во-вторых, на любом и особом движении (взаимодействии) таких элементов для образования исследуемого феномена.

После определения понятия и правовой природы злоупотребление корпоративными правами возникает определение форм злоупотребления ими. Выделение форм злоупотребления правом имеет значение для квалификации того или иного деяния как злоупотребления правом, а видов – для группировки отдельных форм злоупотребления правом, объединенных общими признаками (например, по критерию права, которым злоупотребляет субъект) с целью разработки общих стратегий противодействия им.

Оно может быть представлено съездом, конференцией или другим коллегиальным органом. Другим органом управления корпорации является единоличный исполнительный орган (президент, генеральный директор и др.).

Понятие «злоупотребление правом» сегодня актуализируется как никогда ранее, поэто-

му его признание вписывается в тенденцию современной цивилистики. Ученые Е.М. Офман, Н.В. Дулатова подчеркивают необходимость теоретической разработки этого понятия, осознания необходимости углубленного законодательного урегулирования с целью практического применения [7, с. 34]. Прежде всего это создает возможность точной квалификации действий лица при злоупотреблении субъективными гражданскими правами. Во-вторых, открывается возможность применить справедливые правовые последствия злоупотребления правом.

Как показывает практика, проблематика злоупотребления правом представляет значительный научный интерес. Однако это понятие остается дискуссионным, поскольку до сих пор отсутствует его нормативное определение.

Злоупотребление правом наряду с правомерным поведением, правонарушением и объективно противоправным поведением является видом правового поведения.

Что касается видов злоупотребления корпоративными правами, то в науке существует большое количество критериев классификации форм злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях:

- вид субъекта злоупотребления;
- вид корпоративных прав;
- размер доли в уставном капитале недобросовестного участника;
- средства, на основе которых осуществляется злоупотребление;
- правовые последствия злоупотребления;
- цель злоупотребления и т. п. [8, с. 117–122].

Виды злоупотребления корпоративными правами предлагается рассмотреть на примере акционерного общества, поскольку соответствующая организационно-правовая форма юридических лиц является обществом с наиболее сложной управленческой структурой, что предопределяет распространение случаев злоупотребления корпоративными правами. Вместе с тем выводы по поводу злоупотребления корпоративными правами в акционерном обществе имеют относительно универсальный характер, поэтому их можно применять и к другим видам хозяйственных обществ, в частности к обществу с ограниченной ответственностью в части, которая соответствует нормам действующего законода-

тельства, регулирующего их деятельность. Определение возможности квалификации того или иного заранее известного недобросовестного осуществления субъективного корпоративного права как злоупотребление корпоративными правами требует анализа поведения на предмет соответствия признакам злоупотребления корпоративными правами.

Злоупотребление корпоративными правами, осуществление которых связано с участием в управлении хозяйственным обществом, является распространенным видом злоупотребления корпоративными правами. Злоупотребление лицом правом на управление обществом проявляется, в частности, в неявке на общие собрания; голосовании «против» важных вопросов; назначении большого количества представителей с целью препятствования в проведении общих собраний, многократном инициировании внеочередного собрания в течение короткого периода, неправомерном обжаловании решений общего собрания и других органов общества; проведении общих собраний, которые предварительно не согласованы в четко указанное время, неправомерном запрете включения конкретных вопросов в повестку дня.

Одним из наиболее известных примеров злоупотребления корпоративными правами, осуществление которых связано с участием в управлении хозяйственным обществом, является злоупотребление акционером правом на участие в общих собраниях акционерного общества. Оно заключается в заведомо недобросовестном неучастии (нерегистрации акционера для участия) в общих собраниях общества, в результате чего отсутствует кворум общего собрания общества и общее собрание общества неправомерно принимать какие-либо решения.

Недопустимо считать обязанностью акционера его участие в управлении акционерным обществом, поскольку никаких санкций (вроде исключения из состава акционеров) в отношении акционеров, не участвующих в общем собрании, не применяется, даже если они своим пассивным поведением усложняют принятие решений общим собранием.

Другими примерами злоупотребления корпоративными правами, осуществление которых связано с контролем за деятельностью хозяйственного общества, является злоупот-

ребление субъективным корпоративным правом требовать проведения проверок деятельности хозяйственного общества. Акционеры (акционер), являющиеся владельцами более 10 % простых акций общества, имеют право требовать проведения аудиторской проверки деятельности общества, проведения специальной проверки финансово-хозяйственной деятельности акционерного общества. Необходимо отметить, что механизм злоупотребления, признаки, недобросовестные намерения, которые акционер (акционеры) пытается реализовать путем злоупотребления указанными корпоративными правами, являются подобными злоупотреблению корпоративным правом на получение информации о хозяйственной деятельности акционерного общества.

Рассмотрим злоупотребление, связанное с участием в распределении прибыли хозяйственного общества. Проблема злоупотребления корпоративными правами связана с систематическим непринятием общим собранием акционерного общества решения о выплате дивидендов при наличии достаточных показателей чистой прибыли. Долговременная невыплата дивидендов является своеобразным основанием для возникновения корпоративных конфликтов, недовольств миноритарных акционеров действиями владельцев значительного пакета акций, возникновения подозрения в недобросовестном поведении и т. п.

У мажоритарных акционеров общества (владельцев контрольного пакета) всегда есть возможности для злоупотребления корпоративным правом. Они нередко уклоняются от честного распределения доходов между мажоритариями и миноритариями. Например, первые заявляют, что заработанные средства инвестируются в развитие производства, а на самом деле в обход миноритарных акционеров могут списать немалые суммы на так называемые представительские или подобные расходы. Таким образом, происходит нарушение ч. 1 ст. 10 ГК РФ. [1].

Фактически указанная проблема заключается в злоупотреблении акционером правомочностью на голосование на общих собраниях акционерного общества путем голосования «против» принятия решения о выплате дивидендов. Голосование «за» или «против» определенного решения повестки дня общего собрания общества нельзя считать злоупотреблением

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

корпоративными правами. Однако данный вопрос требует анализа с учетом особенностей порядка выплаты дивидендов.

Сложность квалификации злоупотребления акционером корпоративным правом на получение дивидендов путем требования акционерного общества о выплате дивидендов подтверждается примерами из судебной практики.

Подводя итог, следует отметить, что классификация форм и видов злоупотребления корпоративными правами имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку позволяет выявить наиболее распространенные формы/виды осуществления злоупотребления корпоративными правами и установить тенденции возникновения новых проявлений злоупотребления корпоративными правами и выработать меры их предупреждения и защиты от таких злоупотреблений.

На основании проведенного исследования приходим к следующим выводам и обобщениям в отношении института злоупотребления правом в гражданском праве.

1. Отсутствие легально закрепленного определения «злоупотребление правом», законодательная неопределенность соотношения правовых категорий добросовестности, недобросовестного поведения, обхода закона, которые по своей правовой природе носят оценочный характер. В ст. 10 ГК РФ отечественным законодателем определены лишь возможные формы злоупотребления правом. Понятие, крите-

рии и признаки данного правового явления нормативно не раскрываются.

2. Неоднозначность отнесения злоупотребления правом к какому-либо правовому институту, в том числе по отношению к правонарушениям и гражданско-правовым деликтам. Представляется наиболее верным полностью отграничить злоупотребление правом от смежных правовых категорий, выделив его в отдельное правовое явление.

3. Отсутствие четкого определения и перечня правовых последствий (санкций) злоупотребительного поведения участниками правоотношений.

4. Практика судебных ошибок в квалификации деяний субъектов правоотношений как злоупотребительных, субъективное восприятие судами понятий «недобросовестности» и «злоупотребления правами».

5. Дискуссионность вопроса злоупотребления правами участниками внешнеэкономических отношений и различное понимание института злоупотребления правами российскими и зарубежными субъектами.

6. Наличие разобренных точек зрения и подходов к вышеназванным вопросам института злоупотребления правом со стороны законодательства, судебной практики и доктрины гражданского права.

Существует потребность в выработке единого подхода к пониманию исследуемой правовой категории со стороны всех участников правоотношений.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гутникова О.В. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015.
3. Запорожец Т.С. Злоупотребление правом: проблемы теории и практики // Научный журнал. 2016. № 6(7).
4. Кислый А.А. Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях // Молодой ученый. 2020. № 7(297).
5. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2018.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): federal. Law of November 30, 1994 № 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Gutnikova O.V. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2015.
3. Zaporozhets T.S. Abuse of law: problems of theory and practice // Scientific journal. 2016. № 6(7).
4. Kisly A.A. Problems of abuse of rights in civil legal relations // Young scientist. 2020. № 7(297).
5. Lomakin D.V. Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business companies. Moscow, 2018.
6. Malyshkina V.S. Abuse of rights by participants during the reorganization of a corporation and

6. Мальшкіна В.С. Злоупотребление правом участниками при реорганизации корпорации и способы защиты // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. статей по материалам IX Международной научно-практ. конф. 2018. № 4.

7. Офман Е.М., Дулатова Н.В. Злоупотребление правом с позиции гражданского права и трудового права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1.

8. Прозванченков А.В., Шахбазов Р.А. Юридическая природа злоупотребления правом в международных частноправовых отношениях // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3.

9. Шикана как правовая категория в Гражданском праве. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache: XNbHfGKGPlcJ: www.pseudology.org/Legis/YatsenkoShi kana.htm+&cd=5&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari> (дата обращения: 17.04.2024).

methods of protection // Current problems of jurisprudence: collection. articles based on the materials of the IX International Scientific and Practical. conf. 2018. № 4.

7. Ofman E.M., Dulatova N.V. Abuse of law from the perspective of civil law and labor law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. № 1.

8. Prozvanchenkov A.V., Shakhbazov R.A. Legal nature of abuse of law in international private law relations // Leningrad Legal Journal. 2016. № 3.

9. Chicane as a legal category in Civil Law. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache: XNbHfGKGPlcJ: www.pseudology.org/Legis/YatsenkoShi kana.htm+&cd=5&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari> (date of access: 17.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарева Наталья Витальевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ponomareva Natalia Vitalievna, PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

СПЕЦИФИКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

Азарова Екатерина Сергеевна

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация, aes2404@yandex.ru

Введение: правоприменительное усмотрение представляет собой комплексную категорию в рамках российского права. Усмотрение с точки зрения социального контекста включает в себя нормативные требования и воздействие со стороны института права на личность. Автор обосновывает неизбежность существования правоприменительного усмотрения (стадии применения права, пробелы в праве и коллизии) и изучает подходы к определению данного понятия, его соотношение с законностью, рассматривает его как процесс и результат.

Материалы и методы: методологическую основу составляют методы историзма, системности, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: разработана авторская трактовка понятия правоприменительного усмотрения как интеллектуально-волевой деятельности компетентного субъекта по выбору и реализации варианта решения конкретного юридического дела. Определены механизмы формирования правоприменительного усмотрения.

Выводы и заключения: механизм формирования правоприменительного усмотрения зависит от правосознания и правовой культуры компетентного субъекта. В основе усмотрения лежит критическое мышление. На примере ст. 64 УК РФ показаны расширенные возможности усмотрения судьи. Отмечено, что механизм формирования правоприменительного усмотрения в большей степени зависит от правосознания и правовой культуры компетентного субъекта, его профессионализма, предполагает критическое мышление.

Ключевые слова: усмотрение, суд, уголовный процесс, правовая культура, законность, правоприменительное усмотрение, правосознание.

Для цитирования: Азарова Е. С. Специфика правоприменительного усмотрения / Е. С. Азарова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 90–94.

Original paper

SPECIFICS OF LAW ENFORCEMENT DISCRETION

Azarova Ekaterina Sergeevna

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: enforcement discretion is a complex category within Russian law. Discretion in terms of social context includes normative requirements and the impact of the institution of rights on personality. The author substantiates the inevitability of the existence of enforcement discretion (stages of application of law, gaps in the law and conflicts) and studies approaches to defining this concept, its relationship with legality, and considers it as a process and a result.

Materials and methods: the methodological basis consists of the methods of historicism, systematicity, and comparative law.

Results of the study: the author's interpretation of the concept of law enforcement discretion as the intellectual and volitional activity of a competent subject in choosing and implementing a solution to a specific legal case has been developed. The mechanisms for the formation of enforcement discretion are determined.

Findings and conclusions: the mechanism for the formation of enforcement discretion depends on the legal consciousness and legal culture of the competent subject. Discretion is based on critical thinking. Using the example of Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation shows the expanded possibilities of the judge's discretion. It is noted that the mechanism for the formation of law enforcement discretion largely depends

on the legal consciousness and legal culture of the competent subject, his professionalism, which presupposes critical thinking.

Keywords: *discretion, court, criminal process, legal culture, legality, enforcement discretion, legal consciousness.*

For citation: *Azarova E. S. Specifics of law enforcement discretion / E. S. Azarova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 90–94.*

Развитие общества предполагает расширение форм взаимодействия между субъектами и усиление специфики жизненных ситуаций, справедливое и законное разрешение которых составляет основу гармоничного индивидуального, общественного и государственного развития. Регулирование поведения людей возможно рассматривать с точки зрения социального назначения права, однако для выполнения регулирующей роли права необходимы механизмы его реализации. Ввиду того, что обеспечение законности и правопорядка в государстве требует достаточной реализации права, государством в лице его должностных лиц осуществляется правоприменительная деятельность: это обуславливает назначение компетентных органов, наделенных соответствующими публично-властными полномочиями.

Вместе с тем существуют имеющие юридический характер ситуации, которые на момент правоприменительного процесса не находятся в сфере правового регулирования. Оперативными методами преодоления пробелов в праве являются аналогия закона и аналогия права, которые сами по себе исключительны и предполагают правильное определение условий перед их применением, согласование с государственной волей, которая отражается в правовой системе в целом. Кроме того, сложности в процессе применения права возникают и ввиду появления юридических коллизий, разрешение которых относится к ведению РФ.

Думается, в стандартных (стадии применения права) и специфичных (пробелы в праве и коллизии) ситуациях должностное лицо органа публичной власти, являющееся определяющим субъектом правоприменительного процесса, имеет право действовать по усмотрению. Существование данного явления естественно и неизбежно ввиду внутреннего убеждения лица, возможности выбора моделей поведения в большинстве ситуаций.

В юридической литературе и практике существует множество подходов к определению

правоприменительного усмотрения, механизму его формирования и реализации. Ученые предлагают определить границы усмотрения посредством связи со степенью определенности закона: так, по мнению авторов, сфера усмотрения начинается там, где начинается правовая неопределенность, и заканчивается там, где законодатель установил четкий и недвусмысленный стандарт правового поведения [5, с. 414].

Существуют позиции, согласно которым любая ситуация, которая появляется в процессе применения права, явно или скрыто «усмотрительна», т. е. возможность выбора существует всегда. Подобную точку зрения можно встретить в работах В.Г. Антропова [1, с. 13], А.В. Цихоцкого [8].

Правоприменительное усмотрение не является для российской правовой действительности новым понятием. На наш взгляд, авторы определяют сущность такого усмотрения, исходя из сформировавшегося представления о соотношении усмотрения и законности, пределов усмотрения.

Как справедливо отметил Д.В. Бойко, в дореволюционной, советской и современной России присутствуют следующие позиции относительно соотношения законности и правоприменительного усмотрения:

1) законность и усмотрение – противоположные явления (чем больше одного, тем меньше другого);

2) законность и усмотрение могут существовать одновременно и не противоречат друг другу. Вместе с тем отметим, что представители подхода, допускающего совместное существование законности и усмотрения, разделяются во мнениях с точки зрения периодичности существования усмотрения.

По мнению Д.В. Бойко, одни ученые убеждены, что усмотрение – временная мера, существует до уточнения требований законности в соответствующих отношениях, другие – усмотрение объективно существует в режиме законности, следует говорить о совершенствовании данного института [2, с. 22].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Развивая тезис о совершенствовании института правоприменительного усмотрения, следует уделить внимание требованиям к правоприменителю. Из изложенного следует, что выполнение функций права и государства, специфика применения права обуславливают ряд требований к правоприменителю: уровню его правосознания и правовой культуры. Соответствие представителя государства данным требованиям на высоком уровне является гарантией законности в применении права, а также реализации правоприменительного усмотрения.

Думается, что достаточно актуальными остаются предложенные А.П. Корневым меры, которые позволили бы усовершенствовать процедуру применения усмотрения и соответствующий результат: воспитание у должностных лиц чувства политической ответственности перед обществом за порученное дело, а также чувства справедливости и высокого правосознания, широкая гласность управленческой деятельности, начала коллегиальности, научная обоснованность и др. [3, с. 80–81].

Справедливо утверждать, что механизм формирования правоприменительного усмотрения в большей степени зависит от правосознания и правовой культуры компетентного субъекта, его профессионализма.

Так, применение права, будучи единой организующей властной деятельностью, имеет ряд особенностей. С одной стороны, оно осуществляется относительно конкретной жизненной ситуации и сопровождается вынесением индивидуального правового акта. С другой стороны, применение права ввиду определяющей роли компетентных органов удовлетворяет потребности и интересы всего общества.

Кроме того, правоприменительная деятельность имеет стадии, содержание которых отражает ее значимость и комплексный характер. Вопрос о структуре правоприменения является дискуссионным, вместе с тем признается, что данная деятельность состоит из установления фактической и юридической основ дела, а также принятия соответствующего решения.

Представляется очевидным, что каждая из перечисленных стадий требует от правоприменителя, особенно в случае реализации правоприменительного усмотрения, особых мо-

делей познания и деяния. В связи с этим видится принципиальной позиция А.А. Никитина, который в контексте механизма формирования правоприменительного усмотрения отметил, что оно существует на каждой стадии применения права, реализуется «одно или несколько усмотрений по вопросам, составляющим суть данного этапа» [4, с. 166].

Так, например, для того чтобы установить фактическую основу дела, требуется применение усмотрения в части выбора наиболее существенных для применения права событий, их всесторонний анализ и уяснение причинно-следственных связей, последовательности. Данная стадия является начальной и имеет ряд исследовательских задач, требует от правоприменителя критическое мышление и осуществление дальнейшего процесса в соответствии с ним.

Установление юридической основы дела предполагает выбор актуальной нормы права, регулирующей установленные ранее фактические обстоятельства, разрешение возможных коллизий правовых норм. Кроме того, отечественным законодательством предусмотрено множество оценочных признаков и диспозитивных конструкций, расширяющих поле усмотрения правоприменителя.

В контексте исследования и установления юридической основы показательно применение судьей норм о назначении наказания, предусмотренных гл. 10 УК РФ. Так, например, ст. 64 УК РФ предусматривает назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за соответствующее преступление. Формы «более мягкого вида наказания» (ниже низшего предела и пр.) возможно применить в случае установления исключительных обстоятельств, содержание и восприятие которых зависит от усмотрения судьи. Предусмотрено, что исключительными могут быть признаны как отдельные обстоятельства, смягчающие наказание, так и их совокупность.

Вместе с тем указывается на необходимость существенного уменьшения степени общественной опасности конкретного преступления, которая определяется по связи установленной фактической основы дела с признаками субъективной (цели, мотивы преступления) и объективной (поведение во время или после совершения преступления) стороны. Кроме того, законодатель указывает на

роль виновного и активность лица, совершившего групповое преступление, в содействии раскрытию данного преступления.

Однако существенность в уменьшении степени общественной опасности содеянного, достаточность для признания соответствующего содействия в раскрытии преступления активным усматриваются судьей как правоприменителем, исходя из внутреннего убеждения. На наш взгляд, судья, изучив фактические обстоятельства, усматривает, применять или не применять положения ст. 64 УК РФ на основании критерия достаточности фактической основы дела.

Отметим, что в юридической литературе вопросы назначения наказания напрямую связываются с правоприменительным усмотрением. Так, например, А.П. Севастьянов считает, что существующая система назначения наказания, основанная на судебском усмотрении, во многих случаях не способна обеспечить назначение справедливого наказания. По мнению автора, в рамках применения права в этой области более значительным является правосознание судьи, чем фактическая основа дела, причем автор указывает на «излишнюю субъективность» при реализации такого усмотрения [7, с. 157].

Применяя норму права, субъект руководствуется не просто формальными указаниями, а представлениями, соответствующими смыслу права. На наш взгляд, правоприменительное усмотрение, основанное на внутреннем убеждении должностного лица, должно соответствовать требованиям законности и справедливости, что позволит исключить «излишний субъективизм». Достаточно четко по данному вопросу высказался В.В. Момотов, отметив, что судебское усмотрение представляется правом суда принимать решения в установленных законом пределах не на основе неких инструктивных указаний, а в законодательно закрепленных рамках возможного.

Думается, что правоприменительное усмотрение следует рассматривать как процесс и результат. Так, результат подразумевает составление и реализацию решения по юридическому делу, применение права в собственном смысле на основании представлений субъекта о законности и правопорядке, праве и справедливости. Изучение же правоприменительного усмотрения через призму процесса, в свою очередь, позволяет наиболее полно учесть механизм формирования правоприменительного усмотрения. Так, правоприменительное усмотрение с такой точки зрения представляется деятельностью, имеющей интеллектуальные и волевые моменты. Считаем, что именно в рамках правоприменительного усмотрения как интеллектуально-волевого процесса субъектом обуславливаются критерии выбора варианта решения юридического дела.

Представляется интересным подход Н.С. Погореловой, которая при раскрытии природы судебного усмотрения отразила как процесс, так и результат. Автор считает, что такое усмотрение выступает результатом мыслительной деятельности судьи, формирующимся в процессе применения права, являющимся свободным от каких-либо условий и представляющимся мнением судьи по конкретному делу. Автор дополнительно указывает, что данное мнение судьи для него убедительно ввиду соотношения профессиональных интересов судьи с целями законодательства [6, с. 121].

Таким образом, правоприменительное усмотрение представляется интеллектуально-волевой деятельностью компетентного субъекта по выбору и реализации варианта решения конкретного юридического дела, возникновение которой обусловлено как стадийностью применения права, так и возникновением пробелов и коллизий. Механизм формирования правоприменительного усмотрения в большей степени зависит от правосознания и правовой культуры компетентного субъекта, его профессионализма, предполагает критическое мышление.

Список источников

1. Антропов В.Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.

References

1. Antropov V.G. Enforcement discretion: concept and formation: abstract. dis. ... PhD in Law. Volgograd, 1995.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

2. Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.

3. Корнев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1979.

4. Никитин А.А. Механизм формирования правоприменительного усмотрения // Юридическая наука в Китае и России. 2021. № 4.

5. Ниндиева Т.М., Колесникова О.Ю., Харитоновна О.Н. Механизм формирования правоприменительного усмотрения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222).

6. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

7. Севастьянов А.П. Пределы судейского усмотрения при назначении наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

8. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997.

2. Boyko D.V. Legality and discretion in law enforcement: theoretical issues: abstract. dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2011.

3. Korenev A.P. Rules of administrative law and their application. Moscow, 1979.

4. Nikitin A.A. Mechanism for the formation of enforcement discretion // Legal science in China and Russia. 2021. № 4.

5. Nintsieva T.M., Kolesnikova O.Yu., Kharitonova O.N. Mechanism for the formation of law enforcement discretion // Law and State: Theory and Practice. 2023. № 6(222).

6. Pogorelova N.S. Judicial discretion in proceedings in cases of administrative offenses: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2005.

7. Sevastyanov A.P. Limits of judicial discretion when assigning punishment: dis. ... PhD in Law. Krasnoyarsk, 2004.

8. Tsikhotsky A.V. Theoretical problems of the effectiveness of justice in civil cases. Novosibirsk, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азарова Екатерина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики. Волгоградский государственный университет. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, 100.

ORCID ID: 0000-0001-5130-1653

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarova Ekaterina Sergeevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law and Criminalistics. Volgograd State University. 100, Universitetsky Ave, Volgograd 400062 Russian Federation.

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ЗА ЛИЦАМИ, СКЛОННЫМИ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Бабушкин Александр Александрович

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация,
babushkin-a@mail.ru

***Введение:** уголовно-преступная среда продолжает активно трансформироваться, увеличивается ее потенциал в части формирования новых внутренних криминальных угроз национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим правоохранительная система должна быть ориентирована на упреждающее реагирование, опирающееся на научно обоснованный прогноз индивидуальных и групповых преступных проявлений. Важная роль в этой работе отведена оперативным подразделениям органов внутренних дел.*

***Материалы и методы:** методологическую основу работы составил диалектический метод познания явлений и процессов реальной действительности, предполагающий их изучение в постоянном развитии, тесной взаимосвязи и взаимозависимости.*

***Результаты исследования:** разработана авторская теоретико-правовая модель системы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений, центральное место в которой занимают основные направления формирования и развития системы оперативно-розыскного контроля, в частности, правовые основы данной деятельности, ее организационно-тактические формы, информационно-аналитическое обеспечение, основанное на применении информационно-телекоммуникационных технологий.*

***Выводы и заключения:** получен вывод о необходимости реализации проекта Концепции, определяющего структуру и содержание системы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений, включая его нормативно-правовое, организационно-тактическое, информационно-аналитическое и структурно-функциональное обеспечение.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскной контроль; органы внутренних дел; лица, склонные к совершению преступлений; теоретико-правовая модель; предикативная деятельность, информационно-телекоммуникационные технологии.*

***Для цитирования:** Бабушкин А. А. Теоретико-правовая модель системы оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений в условиях развития информационного общества / А. А. Бабушкин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 95–101.*

Original paper

**THEORETICAL AND LEGAL MODEL OF THE SYSTEM OF OPERATIONAL
INVESTIGATIVE CONTROL OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OVER
PERSONS PRONE TO COMMIT CRIMES IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY**

Babushkin Alexander Alexandrovich

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

***Introduction:** the criminal environment continues to actively transform, its potential for the formation of new internal criminal threats to the national security of the Russian Federation is increasing. In this regard,*

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

the law enforcement system should be focused on proactive response based on scientifically substantiated forecasts of individual and group criminal manifestations. An important role in this work is assigned to operational units of the internal affairs bodies.

Materials and methods: *the methodological basis of the work was the dialectical method of cognition of phenomena and processes of reality, which involves their study in constant development, close interconnection and interdependence.*

Results of the study: *the author's theoretical and legal model of the system of operational-search control over persons prone to committing crimes has been developed, the central place in which is occupied by the main directions of formation and development of the operational-search control system, in particular, the legal basis for this activity, its organizational and tactical forms, information and analytical support based on the use of information and telecommunication technologies.*

Findings and conclusions: *a conclusion has been reached on the need to implement the draft Concept defining the structure and content of the system of operational-investigative control over persons prone to committing crimes, including its regulatory, organizational-tactical, information-analytical and structural-functional support.*

Keywords: *operational-investigative control; internal affairs agencies; persons prone to committing crimes; theoretical and legal model; predictive activity; information and telecommunication technologies.*

For citation: *Babushkin A. A. Theoretical and legal model of the system of operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to commit crimes in the context of the Development of the Information Society / A. A. Babushkin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 95–101.*

Под оперативно-розыскным контролем органов внутренних дел (далее – ОВД) предлагается понимать направление оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений, в рамках которого оперативными подразделениями ОВД осуществляется мониторингово-предупредительный организационно-тактический комплекс оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и иных законных действий в отношении лиц, склонных к совершению преступлений, в целях предупреждения совершения ими преступлений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия, решения иных общих и частных задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) [1, с. 14].

Решение каждой крупной социально значимой проблемы, а именно таковой является формирование эффективной системы оперативно-розыскного контроля ОВД, защищающей объекты национальной безопасности Российской Федерации от внутренних криминальных угроз, рассчитано на определенный временной период, который может быть долгосрочным или среднесрочным. Для поэтапной реализации комплекса мер по достижению обозначенной цели необходима «дорожная карта» либо концепция соответствующего направления деятельности упол-

номоченных государственных органов.

Об актуальности разработки концептуального документа, определяющего организационно-правовые основы и направления развития оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, свидетельствуют данные ведомственной статистики МВД России.

Так, в течение 2023 г. выявлено 750 465 лиц, совершивших преступления (-8,4 %), при этом удельный вес ранее судимых лиц составил 31,2 % (234 490). Больше половины (58,6 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, их количество составило 439 504 человека¹. Общее количество лиц, совершивших преступления в период нахождения под административным надзором, за последние пять лет увеличилось на 27 % (31 364 в 2023 г.). Всего за рассматриваемый период количество поднадзорных лиц увеличилось на 13 % и составило в 2023 г. 114 221 человек.

На наш взгляд, данная динамика совершения преступлений лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, во многом связана с отсутствием единой концептуальной модели профилактической деятельности для всех оперативных подразделений МВД России, предусматривающей их тесное

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. М., 2024. С. 52.

взаимодействие и взаимодополняемость, нацеленность на общий результат. В современных условиях развития информационного общества именно формирование эффективной системы оперативно-розыскного контроля за лицами, от которых в силу наличия у них криминального опыта и/или устойчивого антиобщественного поведения можно ожидать совершения преступлений, будет способствовать сдерживанию преступности нового качества, развивающейся одновременно в реальной и цифровой средах.

О.И. Бекетов в данном контексте применяет термин «персонифицированный полицейский надзор», или надзор полицейских органов за отдельными категориями лиц, прежде всего, отбывших срок уголовного наказания [2, с. 7].

Следует принять к сведению весьма эффективный подход западных государств в деле противодействия внутренним и внешним угрозам, при котором главный акцент смещается с фиксации и анализа совершенных преступлений на упреждающее прогнозирование и проактивную (превентивную) диагностику индивидуально и группового преступного поведения.

Президентом Российской Федерации определены национальные цели развития страны, среди которых комфортная и безопасная среда для жизни и цифровая трансформация². Достижение данных целей непосредственно увязано с важнейшим вопросом создания новой парадигмы сдерживания преступности, в которой акценты смещаются на превентивное упреждающее реагирование, недопущение наступления общественно опасных последствий путем использования технологий искусственного интеллекта для выявления криминальных угроз на ранней стадии их формирования.

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии (далее – ИТТ) являются такой же платформой технологического развития, какой было машиностроение во второй производственной революции. Другими словами, наступает эра цифрового производства [4, с. 38].

Одним из ключевых факторов технологического развития последних лет является со-

вершенствование методов сбора и анализа «больших данных», которые, наряду с развитием облачных, туманных и граничных вычислений, новых экономических моделей и биотехнологий, выступают в качестве платформы новой промышленной революции.

Работа с «большими данными» приводит к существенной интенсификации получения информации, используемой в ОРД ОВД. Так, А.Л. Осипенко выделяет ряд основных направлений внедрения ИТТ, оказывающих влияние на изменение закономерностей образования и концентрации оперативно-розыскной информации:

- расширение систем геопозиционирования, позволяющих легко осуществлять привязку физических объектов к их положению на местности;
- широкое внедрение технологий распознавания образов (лица, голоса, номерных знаков автотранспортных средств и др.);
- осуществление видеомониторинга территорий и объектов с использованием беспилотных летательных аппаратов;
- рост видов, количества и функций «умных вещей», способных осуществлять обмен данными с телекоммуникационными сетями;
- развитие технологий «дополнительной реальности», обеспечивающих непрерывный доступ к мобильной телекоммуникационной среде [5, с. 357].

Наибольшее распространение в правоохранительной практике получило применение искусственного интеллекта в системах видеонаблюдения и прогностической (предикативной) аналитике [6, с. 30].

Во всем мире правоохранительные органы стараются максимально задействовать технологии искусственного интеллекта в борьбе с преступностью. Основная идея применения этих технологий связана с тем, что противоправные намерения в большинстве случаев достаточно предсказуемы и прогнозируемы; полиции необходимо лишь найти в больших объемах данных соответствующие закономерности [7, с. 41].

Применительно к сфере оперативно-розыскного контроля ОВД следует отметить, что развитие новых ИТТ позволяет изменить

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

коренным образом организацию ведения и порядок использования оперативных и профилактических учетов. В данном контексте все чаще применяется термин «цифровое досье» (электронное досье, цифровой профиль и пр.).

В настоящее время самые полные массивы цифровых данных на граждан находятся в распоряжении транснациональных корпораций и крупных интернет-платформ. На этом фоне информационно-поисковые системы правоохранительных органов по своей структуре, режиму сбора данных и контурам аккумуляции информации являются во многом устаревшими и лишены важнейшего свойства оперативности получения сведений, имеющих значение для борьбы с преступностью.

В условиях новой промышленной революции, основанной на применении информационных технологий, во главу угла в сфере борьбы с преступностью поставлен вопрос о формировании предикативной функции полиции в качестве основного приоритетного направления ее оперативно-служебной деятельности.

В связи с этим встает вопрос о необходимости разработки соответствующего документа, который бы содержал не только комплекс научно обоснованных взглядов на проблему формирования максимально эффективной и оптимальной системы оперативно-розыскного контроля ОВД, но и являлся руководством к действию, своего рода «дорожной картой» для МВД России на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

В сфере правоохранительной деятельности все концептуальные документы подобного рода должны быть направлены на эффективную реализацию единой для всех государственных органов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ (далее – Стратегия). По этой причине стратегический замысел Концепции развития системы оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений (далее – Концепция) неотделим от процесса реализации положений вышеназванной Стратегии.

Отметим, что под концепцией (научно обоснованной моделью того или иного направления (сферы) деятельности МВД России)

следует понимать утвержденный в установленном порядке документ долгосрочного планирования, закрепляющий конкретную систему научных подходов, предусматривающий меры, необходимые для формирования или коренной модернизации рассматриваемой деятельности, в котором определяются ее понятийно-категориальный аппарат (тезаурус), цели и задачи, а также организационные основы взаимодействия субъектов и основные направления ее дальнейшего развития.

Представляется, что в рамках Концепции должны быть определены:

- понятие системы оперативно-розыскного контроля ОВД, иные основные категории (термины), используемые в документе, при этом часть из них может быть заимствована из соответствующих стратегий и иметь межведомственное значение;

- цель и задачи оперативно-розыскного контроля ОВД в условиях развития информационного общества с учетом долгосрочной перспективы;

- принципы функционирования системы оперативно-розыскного контроля ОВД, как части ОРД ОВД (общие и частные);

- содержание оперативно-розыскного контроля ОВД, организационно-тактические формы его осуществления, а также направления его развития;

- порядок создания, поддержания в оперативной готовности и использования сил и средств уполномоченных оперативных подразделений ОВД, задействованных в реализации данной функции.

В связи с тем, что система оперативно-розыскного контроля является частью ОРД, то логично, что ее цель производна от общей цели ОРД. Таковой является защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств со стороны лиц, склонных к совершению преступлений (состоящих на профилактических или оперативных учетах).

Общая цель оперативно-розыскного контроля ОВД конкретизируется в решении ее задач, которые должны быть увязаны как

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

с задачами ОРД, так и с задачами системы профилактики правонарушений в Российской Федерации.

При этом в перечень частных задач оперативно-розыскного контроля ОВД входит как ограждение наблюдаемых (профилактируемых) лиц от преступного влияния прежних криминальных связей, что может являться условием совершения ими новых преступлений, так и пресечение преступного влияния, исходящего непосредственно от них самих.

Одной из ключевых категорий, которые должны быть определены в Концепции, являются объекты оперативно-розыскного контроля, т. е. различные категории лиц, нуждающихся в специальном или оперативно-профилактическом наблюдении. Эти объекты не однородны и имеют различный правовой статус. Среди них наибольшую потенциальную опасность представляют лица из числа лидеров и авторитетов уголовно-преступной среды, поэтому они должны подлежать специальному наблюдению и централизованному учету.

Для лиц, освобожденных из мест лишения свободы, судимых за совершение определенных категорий преступлений, не вставших на путь исправления, установлена специальная мера – административный надзор. За данными категориями объектов целесообразно осуществлять оперативно-профилактическое наблюдение, равно как и за лицами, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы.

В результате исследования мы пришли к выводу о необходимости осуществления оперативно-профилактического наблюдения и за иными объектами, которые не относятся к числу ранее судимых лиц и, соответственно, не подпадают под ограничения, которые влечет наличие судимости. Необходимо выделить и отслеживать все группы лиц, которые будут являться объектами оперативно-профилактического наблюдения: привлеченных к административной ответственности в рамках административной преюдиции [3, с. 85], систематически совершающих правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также лиц, освобожденных от уголовной ответственности при совершении преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Информационную основу оперативно-розыскного контроля ОВД должны составлять соответствующие информационно-аналитические подсистемы, в рамках которых происходит анализ содержащейся там информации в круглосуточном автоматизированном режиме с постоянным генерированием новых оперативно значимых сведений.

Формирование системы оперативно-розыскного контроля ОВД как самостоятельного направления ОРД невозможно без определения базовых принципов деятельности в данной сфере. Наряду с конституционными и законодательными принципами ОРД в системе оперативно-розыскного контроля ОВД определяются обязательные правила поведения для сотрудников оперативных подразделений и лиц, привлеченных ими к негласному содействию и сотрудничеству. При этом в них должны найти воплощение лучшие положения, выработанные многолетней оперативно-розыскной практикой.

Так, в качестве частных принципов оперативно-розыскного контроля ОВД можно выделить принципы непрерывности, избирательности, нацеленности на решение в рамках оперативно-розыскного контроля всех задач ОРД ОВД.

Реализация Концепции обеспечивается разработкой и осуществлением долгосрочного комплекса нормативно-правовых и организационно-управленческих мер, направленных на достижение цели и решение задач, отраженных в Концепции и содержащихся:

- в перспективном комплексном плане мероприятий по реализации Концепции;
- в документах планирования МВД России, территориальных органов, организаций и подразделений системы МВД России.

В целях осуществления мониторинга реализации Концепции МВД России целесообразно утвердить перечень показателей ее реализации и значения этих показателей, отражающих:

- оценку состояния специального и оперативно-профилактического наблюдения;
- развитие компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, применяемых в процессе оперативно-аналитического обеспечения оперативно-розыскного контроля ОВД;

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

– оценку эффективности взаимодействия оперативных подразделений ОВД между собой, а также с уполномоченными подразделениями иных правоохранительных органов;

– параметры формирования информационно-аналитических подсистем, используемых для целей оперативно-розыскного контроля ОВД, с учетом современных возможностей информационно-телекоммуникационной среды;

– оценку уровня автоматизации сбора, систематизации и мониторинга информации об объектах оперативно-розыскного контроля;

оценку влияния проводимых мероприятий на состояние рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних;

– оценку влияния оперативно-розыскного контроля ОВД на уровень раскрытия оперативными подразделениями ранее совершенных преступлений, в том числе преступлений прошлых лет.

План реализации Концепции должен включать основные мероприятия организационно-правового характера.

Во-первых, разработка статистического инструментария для оценки реализации Концепции и мониторинга достижения значимых показателей ее реализации.

В настоящий момент в МВД России имеется статистическая отчетность, которая отражает количество совершенных преступлений лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, а также лицами, находящимися под административным надзором.

Также учитывается количество заведенных дел оперативного учета, в том числе прекращенных с привлечением лиц к уголовной ответственности из категории «воров в законе», находящихся под административным надзором, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных.

Во-вторых, внесение изменений в соответствующие программы, планы деятельности МВД России.

В связи с тем, что оперативно-розыскной контроль ОВД является одним из направлений оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений, данные вопросы должны периодически рассматриваться на

заседаниях оперативного штаба МВД России по профилактике правонарушений⁴.

Отдельные вопросы оперативно-розыскного контроля ОВД могут находить отражение в плановых документах, связанных с реализацией документов стратегического планирования по противодействию организованной преступности, экстремизму и терроризму, незаконному обороту наркотиков и пр.

В-третьих, разработка проектов федеральных законов, ведомственных и межведомственных нормативных актов, направленных на реализацию Концепции.

Формирование системы оперативно-розыскного контроля ОВД должно осуществляться поэтапно и охватывать совершенствование, в сущности реформирование, законодательной основы рассматриваемой деятельности, что позволит в вопросах оперативно-розыскного обеспечения профилактики правонарушений в Российской Федерации вернуть возможности ОРД периода ее дозаконодательного этапа, которые не противоречат современным подходам к обеспечению прав и свобод граждан и иных лиц в рассматриваемой сфере правоотношений. Далее, опираясь на обновленную законодательную базу, необходимо принять меры по совершенствованию, а в ряде случаев и формированию новых организационно-тактических основ данной деятельности, закрепленных уже на ведомственном нормативном уровне МВД России.

Важным вопросом реализации Концепции является ее научное обеспечение, осуществляемое в системе МВД России в установленном порядке⁵. В условиях развития информационного общества на основе освоения новых ИТТ представляется, что научное обеспечение оперативно-розыскного контроля ОВД призвано решать следующие задачи:

– проведение исследований в области защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств со стороны лиц, склонных к совершению преступлений, а также соблюдения прав самих объектов контроля;

– проведение исследований в области применения новых ИТТ в процессе оперативно-аналитического обеспечения оперативно-розыскного контроля ОВД;

⁴ Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России: приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

– обоснование и развитие специальных методов ОРД ОВД, организации и тактики проведения ОРМ и иных законных действий в рамках осуществления оперативно-розыскного контроля.

Таким образом, формирование и развитие системы оперативно-розыскного контроля ОВД, теоретико-правовая модель которой в общих чертах описана в данной статье, пред-

полагает выработку и реализацию комплекса взаимосвязанных мер нормативно-правового, организационно-управленческого и научно-методического характера с тем, чтобы создать оптимальные условия оперативным подразделениям для наступательного, превентивного воздействия на лиц, представляющих повышенную общественную опасность.

Список источников

1. Бабушкин А.А. Теоретико-правовые основы оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений: препринт. М., 2022.
2. Бекетов О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010.
3. Воронин М.Ю. Реализация государственной политики в сфере профилактики преступлений // Научный портал МВД России. 2017. № 2.
4. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. М., 2018.
5. Осипенко А.Л. Оперативно-розыскная деятельность в период четвертой промышленной революции // Актуальные проблемы теории оперативно розыскной деятельности: сб. научных трудов / под общ. ред. В.С. Овчинского, К.К. Горяинова. М., 2017.
6. Попова Н.Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Административное право и процесс. 2021. № 3.
7. Расторопов С.В. Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт) // Международное публичное и частное право. 2020. № 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабушкин Александр Александрович, кандидат юридических наук, начальник отдела по исследованию проблем в сфере специальных методов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и психотехнологий научно-исследовательского центра по исследованию проблем оперативно-розыскного противодействия общеуголовным преступлениям, экстремизму и терроризму. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Babushkin Alexander Alexandrovich, PhD in Law, Head of the Department for the study of problems in the field of special methods of operational investigative activities of internal affairs agencies and Psychotechnologies of the Research Center for the study of problems of operational investigative counteraction to ordinary crimes, extremism and terrorism. All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

References

1. Babushkin A.A. Theoretical and legal foundations of operational-search control of internal affairs bodies over persons prone to committing crimes: preprint. Moscow, 2022.
2. Beketov O.I. Police supervision: theoretical and legal research: dis. ... Grand PhD in Law. Chelyabinsk, 2010.
3. Voronin M.Yu. Implementation of state policy in the field of crime prevention // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2.
4. Larina E.S., Ovchinsky V.S. Crime of the future is already here. Moscow, 2018.
5. Osipenko A.L. Operational-search activity during the fourth industrial revolution // Actual problems of the theory of operational-search activity: collection of scientific works / edited by V.S. Ovchinsky, K.K. Goryainy. Moscow, 2017.
6. Popova N.F. Application of artificial intelligence technologies in law enforcement // Administrative law and process. 2021. № 3.
7. Rastoropov S.V. Use of artificial intelligence to prevent and detect crimes (world experience) // International public and private law. 2020. № 5.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ПРЕСТУПНОСТИ СЕРВИСА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЦЕНТРОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ФИКСАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА БАЗЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «ПАУТИНА»**

Батоев Владимир Батоевич

Специальная техника и связь МВД России, Москва, Российская Федерация, vbatoev@mail.ru

Введение: в условиях цифровизации процессов организации жизнедеятельности общества и государства в целом, в том числе по линии правоохранительной деятельности, различные современные информационно-телекоммуникационные системы и технические решения активно внедряются в практику противодействия преступности. Важное место среди них занимают системы видеонаблюдения, построению и развитию которых на всех уровнях организации правоохранительной деятельности уделяется особое внимание. Это в частности обусловлено тем, что их применение позволяет использовать огромные массивы оперативно значимой, доказательственной и иной ценной информации при предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании противоправных деяний самых разных видов. Целью работы является изучение практики использования специального программного обеспечения «Паутина», выявление проблемных вопросов с обозначением путей их разрешения.

Материалы и методы: материалами исследования явились нормы законодательства Российской Федерации, регулирующие обозначенную в названии сферу общественных отношений; научные публикации исследователей по искомой теме; официальные статистические данные. При подготовке статьи были использованы общий диалектический метод научного познания, нормативно-логический, наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, описание и иные научные методы.

Результаты исследования: в статье автором изучена практика использования специального программного обеспечения «Паутина», выявлен ряд проблемных вопросов, устранение которых предлагается рассматривать в качестве совершенствования искомого направления правоохранительной деятельности.

Выводы и заключения: изучение материалов практики позволяет заключить, что вопросы использования систем видеонаблюдения крайне актуальное направление в части совершенствования инструментария правоохранительных и иных заинтересованных органов при решении задач противодействия преступности и иным негативным социальным явлениям. В результате исследования сделан вывод, что несмотря на значительный потенциал специального программного обеспечения «Паутина», важно урегулировать вопросы его использования так, чтобы полностью были исключены возможности и моменты его применения в третьими лицами в криминальных целях.

Ключевые слова: специальное программное обеспечение, паутина, преступность, аппаратно-программный комплекс, безопасный город.

Для цитирования: Батоев В. Б. О некоторых аспектах использования в противодействии преступности сервиса для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения «Паутина» / В. Б. Батоев / Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 102–108.

Original paper

**ABOUT SOME ASPECTS OF USING THE SERVICE TO AUTOMATE
THE ACTIVITIES OF CENTERS FOR AUTOMATED FIXATION
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC
ON THE BASIS OF SPECIAL SOFTWARE «WEB» IN COMBATING CRIME**

Batoev Vladimir Batoevich

Special equipment and Communications of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the context of digitalization of the processes of organizing the life of society and the state as a whole, including through law enforcement, various modern information and telecommunication systems and technical solutions are actively introduced into the practice of combating crime. An important place among them is occupied by video surveillance systems, the construction and development of which is given special attention at all levels of the organization of law enforcement. This is due, in particular, to the fact that their use allows using huge arrays of operationally significant, evidentiary and other valuable information in the prevention, detection, suppression, disclosure and investigation of illegal acts of various types. The purpose of the work is to study the practice of using special software «Web», identifying problematic issues and indicating ways to resolve them.

Materials and methods: the research materials were the norms of the legislation of the Russian Federation regulating the sphere of public relations indicated in the title; scientific publications of researchers on the desired topic; official statistics. In preparing the article, the general dialectical method of scientific knowledge, normative-logical, observation, comparison, analysis, generalization, description and other scientific methods were used.

Results of the study: in the article the author studied the practice of using special software «Web», identified a number of problematic issues, the elimination of which is proposed to be considered as an improvement of the sought-after area of law enforcement activity.

Findings and conclusions: the study of the practice materials allows us to conclude that the issues of using video surveillance systems are an extremely relevant area in terms of improving the tools of law enforcement and other interested bodies in solving the problems of combating crime and other negative social phenomena. As a result of the study, it was concluded that despite the significant potential of the special software «Web», it is important to regulate the issues of its use so that the possibilities and moments of its use by third parties for criminal purposes are completely excluded.

Keywords: special software, web, crime, hardware and software complex, safe city.

For citation: Batoev V. B. About some aspects of using the service to automate the activities of centers for automated fixation of administrative offenses in the field of traffic on the basis of special software «Web» in combating crime / V. B. Batoev // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 102–108.*

В условиях бурного развития научно-технической мысли, сопряженного с появлением технических новинок, коренным образом видоизменились подходы к процессам организации правоохранительной деятельности. Современные способы и методы получения, обработки, хранения и передачи информации обеспечили выход уровня информационного обеспечения процесса противодействия преступности на качественно иные позиции. Важное место в использовании инновационных подходов при решении задач борьбы с преступностью отведено применению современных систем видеонаблюдения, практика использования которых в антикриминальных целях весьма неоднозначна, а в ряде случаев требует тщательного урегулирования и проработки проблемных вопросов, часть из которых предлагается рассмотреть в данной работе.

Отдельные аспекты применения камер видеонаблюдения в борьбе с преступностью продолжают вызывать научный интерес у общественности, что подчеркивает актуальность темы настоящей работы [2; 3; 6; 8 и др.].

Как отмечает В.А. Плешаков [5, с. 47], Россия по темпам установки камер видеонаблюдения, используемых при противодействии преступности, занимает лидирующие пози-

ции, лишь уступая Китаю и США. По официальным данным ГИАЦ МВД России, по итогам 2023 г. на территории Российской Федерации (далее – РФ) было установлено 601 285 камер видеонаблюдения (по итогам шести месяцев 2024 г. – 645 545), как это наглядно представлено ниже (табл. 1).

Несмотря на общую положительную динамику развертывания сети камер видеонаблюдения, используемой при противодействии преступности, обращают на себя внимание факты отсутствия систем видеонаблюдения правоохранительного сегмента (далее – ПС) аппаратно-программного комплекса (далее – АПК) «Безопасный город» (далее – БГ) в таких субъектах РФ, как: Республика Крым, Северная Осетия–Алания, Чеченская Республика, Донецкая и Луганская Народные Республики, Саратовская, Запорожская и Херсонская области, Еврейская автономная область, Кемеровская область–Кузбасс, Федеральная территория «Сириус». Более того, в ряде субъектов РФ количество камер видеонаблюдения не превышает 100 ед. (Ненецкий автономный округ – 73; Республика Ингушетия – 39; Республика Калмыкия – 31; Республика Тыва – 28; Чукотский автономный округ – 25).

Несмотря на данный негативный факт в целом темпы развития систем видеонаблю-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Таблица 1

Сведения о количестве установленных камер видеонаблюдения
ПС АПК «Безопасный город» (2023 г.)

Федеральный округ	Количество	АППГ, %
ЦФО	334019	+2,0
СЗФО	104052	+22,5
СКФО	5290	+8,4
ЮФО	22069	+33,3
ПФО	90293	+15,8
УрФО	21829	+23,3
СФО	9029	+12,9
ДФО	14704	+16,7
Всего по России	601285	+9,3

дения положительно отразились на эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию преступлений и административных правонарушений. Подобное стало возможным за счет того, что функционал систем и самих камер видеонаблюдения способен обеспечить фиксацию как самого факта противоправного деяния, так и установление виновного лица, маршрутов его передвижения и др., в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

Расширение сети камер видеонаблюдения позволяеткратноувеличить оперативность реагирования сотрудников правоохранительных органов на криминальные проявления по горячим следам; фиксировать административные правонарушения в различных сферах общественных отношений; качественно осуществлять розыскную работу и др. На фоне интенсивного развития указанного направления деятельности, его совершенствования, наращивания вычислительных и функциональных возможностей качественно изменился уровень доступа к генерируемой системами видеонаблюдения информации, объемы которой интенсивно нарастают и требуют обработки, анализа и хранения.

Как следствие, особую востребованность получили аппаратно-программные комплексы по сбору, анализу и обработке видео- и фотоданных, наличие и значимость которых в ряде случаев трудно переоценить в силу их оперативно значимого и доказательственного характера. В усиление данного утверждения отметим наличие беспрецедентных дополнительных возможностей современных АПК, обусловленных применением технологий искусственного интеллекта, где их использование обеспе-

чивает выявление в видеoinформации признаков событий, явлений, фактов и лиц, имеющих ключевое значение при решении задач противодействия преступности. Уже сейчас используемые системы видеонаблюдения наделены возможностью сигнализировать о выявлении лиц, находящихся в розыске, установлении обстоятельств криминального события и др.

В качестве напоминания отметим, что в 2014 г. в части реализации Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. (утв. Указом Президента РФ от 27 мая 2014 г. № Пр-1175) принята Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р) (далее – Концепция). В свою очередь АПК БГ предназначен для повышения общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений. Ключевая роль координатора по вопросам внедрения и развития АПК БГ в субъектах РФ, а также в распределении бюджетных средств отведена МЧС России. При этом МВД России определен соисполнителем мероприятий по построению и развитию АПК БГ в части реализации мероприятий по соответствующему ведомственному направлению – правоохранительному сегменту АПК БГ.

Согласно Концепции для МВД России в ПС АПК БГ источниками информации явля-

ются данные, получаемые от систем обзорного видеонаблюдения, автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, а также технических средств для обеспечения экстренной связи граждан с дежурными частями территориальных органов «Гражданин – Полиция». При этом основной задачей, решаемой правоохранным сегментом АПК БГ, является получение, обработка, хранение и последующий анализ информации от камер видеонаблюдения, установленных в местах массового скопления граждан, с наиболее сложной криминогенной обстановкой с целью предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых на улицах и в иных общественных местах.

В структуру систем видеонаблюдения ПС АПК БГ входят аналоговые, цифровые, интеллектуальные (ситуационного видеонаблюдения) камеры видеонаблюдения.

О достаточно высокой эффективности использования АПК БГ по обеспечению общественной безопасности свидетельствуют официальные статистические данные. Так, в 2023 г. с использованием ПС АПК БГ было зарегистрировано 106 417 621 преступление и административное правонарушение. При этом объем денежных средств, которые были наложены в виде штрафов за совершенные административные правонарушения, составил 93 303 317 тыс. руб. В это же время размеры денежных средств, которые пополнили бюджеты регионов РФ в результате уплаты штрафов за выявленные административные правонарушения, составили сумму, равную 51 545 144 тыс. руб.

Обращает на себя внимание обстоятельство, согласно которому большая часть поступивших в бюджеты регионов РФ денежных средств в результате уплаты штрафов за административные правонарушения стала возможной за счет использования стационарных комплексов автоматической фиксации нарушений (далее – КАФН) правил дорожного движения (далее – ПДД), количество которых по сравнению с общим числом установленных камер видеонаблюдения составляет всего лишь 25 286, передвижных КАФН ПДД – 3 088, мобильных КАФН ПДД – 853.

Развивая данную мысль, отметим, что Министерством внутренних дел РФ в качестве федерального решения создана единая система контроля за передвижением транспортных средств по автомобильным дорогам с использованием специальных технических средств фотовидеофиксации посредством интеграции в единое информационно-аналитическое пространство технических и информационных ресурсов [1, с. 77].

Здесь речь идет об ИСОД МВД России – сервисе единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения (далее – СПО) «Паутина» (далее – сервис «Паутина»)¹. Этот сервис предназначен для совершенствования деятельности органов внутренних дел РФ по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, предупреждению, пресечению и раскрытию административных правонарушений, выявлению похищенных или угнанных транспортных средств, транспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий, автоматизации деятельности Госавтоинспекции по оформлению административных правонарушений, зафиксированных с применением специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений (далее – средство автоматической фотовидеофиксации) ПДД РФ.

В рамках сервиса «Паутина» обрабатывается и хранится следующая информация: поступающая от средств автоматической фотовидеофиксации; поступающая от взаимодействующих информационных систем; образующаяся в рамках сервиса.

В данном направлении выработана определенная практика и процедурные моменты по вопросу использования сервиса «Паутина» при решении оперативно-служебных задач. В частности, в МВД России действует соответствующий регламент хранения данных в сервисе «Паутина», который разработан в соответствии с нормами действующего зако-

¹ См. более подробно: Вопросы организации эксплуатации сервиса для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения «Паутина»: приказ МВД России от 29 марта 2021 г. № 169. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

нодательства, в том числе по вопросам соблюдения персональных данных. Регламент разработан в целях совершенствования порядка хранения данных в рамках сервиса «Паутина» и определяет: состав информации, в отношении которой устанавливаются конкретные сроки и другие условия хранения данных; мероприятия, связанные с реализацией процессов хранения аккумулируемых в сервисе данных; исполнителей указанных мероприятий. При этом действие Регламента распространяется на данные, поступившие в сервис «Паутина» из внешних источников, а также образующиеся в рамках сервиса «Паутина».

В рамках мероприятий по предоставлению доступа к сервису «Паутина» уполномоченных органов правительств субъектов РФ, необходимого для производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения и благоустройства территории, организовано заключение соглашений об информационном взаимодействии между МВД России и правительствами субъектов РФ (далее – Соглашения).

Несмотря на наличие общей правовой урегулированности вопросов доступа к сервису «Паутина» на практике продолжают возникать вопросы касательно административной практики по линии благоустройства. Здесь следует обратить внимание на один немаловажный факт, требующий освещения с точки зрения совершенствования «правовой урегулированности» доступа органов местного самоуправления к сервису «Паутина».

В МВД России рассматривались предложения Правительства Москвы по вопросу предоставления доступа органам местного самоуправления к сервису «Паутина» в целях получения необходимых сведений для ведения административной практики и автоматизации процесса администрирования правонарушений в области благоустройства в части противодействия фактам неоплаты парковки.

В результате рассмотрения предложений Правительства Москвы было отмечено, что внесение изменений в Соглашения в части предоставления доступа муниципальным образованиям к СПО «Паутина» не соответствует положениям законодательства РФ и не является предметом Соглашения в силу нижеизложенного.

Одновременно с этим отмечено, что в РФ более 20 тыс. муниципальных образований, в связи с чем предоставление доступа органам местного самоуправления к СПО «Паутина»

создаст риски несанкционированного распространения содержащейся в нем информации и использования ее в противоправных целях.

К сожалению, перечень проблемных вопросов в части использования СПО «Паутина» не является исчерпывающим, и ряд недостатков и предложений по их устранению активно обсуждается в юридической литературе [4, с. 46–47; 7, с. 1246–1247 и др.].

Отдельного рассмотрения и пояснения требует следующий проблемный вопрос, не разрешенный до настоящего времени. В соответствии с Концепцией одним из основных требований АПК БГ является безопасность на транспорте. Данный функциональный блок включает в себя в том числе обеспечение правопорядка и профилактику правонарушений на дорогах, объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах посредством видеонаблюдения, видеофиксации и видеоанализа. При этом предусматривается фиксация в автоматическом режиме правонарушений в области дорожного движения и передача полученной информации в центры автоматизированной фиксации нарушений ПДД РФ, а также отслеживание маршрутов движения транспортных средств.

Аналогичные положения содержатся в Единых требованиях к техническим параметрам сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (утверждены председателем Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город» Д.О. Рогозиным 28 июня 2017 г.) (далее – ЕТТ).

Необходимо отметить, что система автоматической фиксации нарушений ПДД РФ включает в себя комплексы, фиксирующие нарушения ПДД в автоматическом режиме, каналы передачи данных о выявленных правонарушениях в ЦАФАП, оборудование для обработки, хранения полученной информации и рассмотрения дел об административных правонарушениях, а также персонал ЦАФАП. При этом ЦАФАП и обрабатываемая в них информация являются элементами правоохранительной системы, ответственность за которую несет МВД России.

В 2018 г. на заседании коллегии МВД России принято указанное ранее решение о внедрении в качестве единого федерального решения в субъектах РФ программного обеспечения для автоматической фиксации нарушений ПДД. В настоящее время обработка и хранение сведений об административных право-

нарушениях, зафиксированных средствами автоматической фотовидеофиксации, а также анализ перемещения транспортных средств осуществляется в сервисе «Паутина», входящем в ИСОД МВД России.

Уже непосредственно в рамках ввода в эксплуатацию сервиса «Паутина» между МВД России и органами государственной власти субъектов РФ заключены соглашения об информационном взаимодействии, в соответствии с которыми информация со средств автоматической фотовидеофиксации и распознавания государственных регистрационных знаков предоставляется территориальным органам МВД России на региональном уровне соответствующими высшими органами государственной власти субъектов РФ посредством прямого сетевого взаимодействия технических средств с сервисом «Паутина». В случае использования технических средств, прямое сетевое взаимодействие с которыми невозможно, высшими органами государственной власти субъектов РФ обеспечивается возможность получения информации с данных технических средств непосредственно уполномоченными сотрудниками соответствующих территориальных органов МВД России на региональном уровне.

Кроме того, сервис «Паутина» содержит информацию, автоматизированная обработка которой за пределами ИСОД МВД России создает угрозу безопасности объектов государственной охраны и объектов государственной защиты. Кастомизированно аналогичной точки зрения придерживаются ФСБ России и ФСО России.

С учетом изложенных опасений в доработанном проекте федерального закона «О единой системе информационно-аналитического обеспечения безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка «Безопасный город» обозначено, что информационные системы и сегменты информационных систем, оператором которых является МВД России, не включаются в АПК «Безопасный город» (ч. 2 ст. 8 законопроекта)².

Тем не менее до настоящего времени не внесены соответствующие изменения по ис-

комому вопросу в Концепцию и ЕТГ. Данное обстоятельство предписывает проведение комплекса мер по актуализации соответствующих документов нормативного правового и технического характера по данному вопросу в целях выработки единого системного подхода к развитию АПК БГ в субъектах РФ.

По этому поводу в МЧС России в рамках ревизии результатов мероприятий, проведенных до 2023 г., выполняется научно-исследовательская работа (далее – НИР), направленная на анализ существующей нормативной правовой базы с целью выработки предложений по внесению изменений в Концепцию, а также в методическую и иную документацию, ранее разработанную в МЧС России. Кроме того, в МЧС России принято решение о приостановке дальнейшего продвижения проекта федерального закона «О единой системе обеспечения общественной безопасности, общественного порядка и безопасности среды жизнедеятельности «Безопасный город» до получения результатов указанной НИР.

Таким образом, рассмотрев ряд проблемных вопросов, связанных с использованием систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов в целом, следует акцентировать внимание на огромном потенциале функциональных возможностей современных технических средств получения, обработки, анализа и хранения фото- и видеoinформации. Одновременно с этим важно обозначить, что представленный материал, безусловно, представляет научный и практический интерес субъектам, имеющим отношение к искомому вопросу.

Между тем особо отметим, что в современных условиях необходимо более тщательно пересмотреть и проработать базовые условия предоставления доступа и использования информации, содержащейся в специализированных ведомственных информационных системах, таким образом, который исключал бы возможность использования их ресурсов третьими лицами в криминальных целях.

² Выписка из Проекта Федерального Закона «О единой системе информационно-аналитического обеспечения безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка «Безопасный город»: Статья 8. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», 2. АПК «Безопасный город» включает государственные, муниципальные информационные системы, созданные в сфере безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка федеральными органами государственной власти (за исключением информационных систем и сегментов информационных систем, операторами которых являются Министерство внутренних Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная служба охраны Российской Федерации) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

Список источников

1. Вермеенко Я.С. Современное состояние и перспективы развития ИСОД МВД России // Академическая мысль. 2021. № 3(16).
2. Гвоздева Е.В. О некоторых аспектах взаимодействия подразделений госавтоинспекции и федеральной службы судебных приставов // Современная наука. 2023. № 2.
3. Ковальчук В.А. Становление системы контроля и регулирования движения транспортных средств в XVIII – начале XXI века в контексте роста дорожно-транспортных происшествий // Юрист-Правовед. 2022. № 2(101).
4. Майоров В.И. Совершенствование использования технических средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения на основе цифровых технологий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3.
5. Плешаков В.А. Состояние криминологической безопасности как критерий оценки динамики показателей преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10.
6. Полякова Н.В. О некоторых вопросах использования специального программного обеспечения «Паутина» ИСОД МВД России в деятельности сотрудников полиции, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1.
7. Смолин П.В. Использование специального программного обеспечения «Паутина» в деятельности подразделений Госавтоинспекции на региональном уровне: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. статей по материалам Международной научно-практ. конф. СПб., 2024.
8. Шевырталов Е.П. Особенности расследования краж и угонов транспортных средств на первоначальном этапе // На страже закона. 2023. № 4(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батоев Владимир Батоевич, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник. Специальная техника и связь МВД России. 111024, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пруд Ключики, д. 2.
ORCID 0000-0002-8526-4923

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Batoyev Vladimir Batoyevich, PhD in Law, Associate Professor, senior researcher. Special equipment and communications of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Prud Klyuchiki St., Moscow 111024 Russian Federation.

References

1. Vermeenko Ya.S. Current state and development prospects of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Academic Thought. 2021. № 3 (16).
2. Gvozdeva E.V. On some aspects of the interaction of the State Traffic Safety Inspectorate and the Federal Bailiff Service // Modern Science. 2023. № 2.
3. Kovalchuk V.A. Formation of the system of control and regulation of vehicle traffic in the 18th - early 21st centuries in the context of an increase in road accidents // Yurist-Pravoved. 2022. № 2 (101).
4. Mayorov V.I. Improving the use of technical means of photo and video recording of traffic violations based on digital technologies // Road Safety. 2023. № 3.
5. Pleshakov V.A. The state of criminological security as a criterion for assessing the dynamics of crime indicators // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 10.
6. Polyakova N.V. On some issues of using the special software «Web» of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the activities of police officers exercising administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1.
7. Smolin P.V. Use of special software «Web» in the activities of the State Traffic Safety Inspectorate units at the regional level: problems and solutions // Actual problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin Readings): collection of articles based on the materials of the International scientific and practical. conf. St. Petersburg, 2024.
8. Shevyrtalov E.P. Features of the investigation of thefts and hijackings of vehicles at the initial stage // On guard of the law. 2023. № 4(4).

ПРЕСТУПНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ

Давыдов Владимир Олегович

Тульский государственный университет, Тула, Российская Федерация, VladDv71@yandex.ru

Введение: в условиях цифровой экономики происходит смена криминальной парадигмы: способы совершения деяний, основанные на искусственном интеллекте, становятся узловым элементом их механизма. В связи с этим целесообразно криминалистическое прогнозирование эволюции криминальных ситуаций в интересах трансформации инструментов расследования, пригодных для использования в будущем, с допущением возможного риска вероятностно предсказуемого или случайного развития криминальных ситуаций того или иного вида.

Материалы и методы: методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Кроме того, в ходе исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы: системно-структурный, формально-логический, статистический, анализ и синтез, осуществлялось обобщение данных и моделирование.

Результаты исследования: автором сформирована систематика типичных гипотетических сценариев вхождения искусственного интеллекта в механизм преступления: первый – средство, облегчающее воздействие на объект посягательства; второй – самостоятельный объект деликта; третий – средство обеспечения контекста деяния. Потенциальные сферы криминального интереса будут определять наиболее благоприятный вариант соотношения трех узловых критериев: потенциальный криминальный доход; совокупные криминальные издержки на подготовку, совершение и сокрытие преступных деяний; уровень криминального риска.

Выводы и заключения: криминалистическое прогнозирование вероятности использования систем искусственного интеллекта криминалитетом предоставит субъекту расследования возможность заблаговременно предусмотреть несколько сценариев развития криминальных событий, иницировав разработку вариантов ведения расследования по уголовному делу в целом. Прогноз позволит предусмотреть необходимость подготовки специалистов требуемых категорий, потребность в оснащении научно-техническими средствами и разработке новых либо совершенствовании уже имеющихся криминалистических методик расследования.

Ключевые слова: преступность, криминалистика, прогнозирование, искусственный интеллект, механизм преступления, расследование, ситуационные задачи.

Для цитирования: Давыдов В. О. Преступность и искусственный интеллект: криминалистическое прогнозирование факторов благоприятствования / В. О. Давыдов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 109–115.

Original paper

CRIME AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FORENSIC PREDICTION OF FAVORABILITY FACTORS

Davydov Vladimir Olegovich

Tula State University, Tula, Russian Federation

Introduction: in the digital economy, there is a change in the criminal paradigm: methods of committing acts based on artificial intelligence are becoming a key element of their mechanism. In this regard, it is advisable to

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

forensically forecast the evolution of criminal situations in the interests of transforming investigative tools suitable for future use, allowing for a possible risk of probabilistically predictable or random development of criminal situations of one kind or another.

Materials and methods: *the methodological basis of the scientific research was the general dialectical method of scientific knowledge. In addition, general scientific and specific scientific methods were used in the course of the study: systemic-structural, formal-logical, statistical, analysis and synthesis, data generalization and modeling were carried out.*

Results of the study: *the author has formed a taxonomy of typical hypothetical scenarios for the introduction of artificial intelligence into the mechanism of a crime: the first is a means facilitating the impact on the object of the encroachment; the second is an independent object of the tort; the third is a means of providing the context of the act. Potential areas of criminal interest will be determined by the most favorable option for the ratio of three key criteria: potential criminal income; total criminal costs of preparing, committing and concealing criminal acts; level of criminal risk.*

Findings and conclusions: *forensic forecasting of the probability of using artificial intelligence systems by criminals will provide the subject of the investigation with the opportunity to foresee several scenarios for the development of criminal events in advance, initiating the development of options for conducting an investigation of the criminal case as a whole. The forecast will allow us to foresee the need to train specialists of the required categories, the need to equip with scientific and technical means and develop new or improve existing forensic investigation methods.*

Keywords: *crime, forensics, forecasting, artificial intelligence, crime mechanism, investigation, situational tasks.*

For citation: *Davydov V. O. Crime and artificial Intelligence: forensic prediction of favorability factors / V. O. Davydov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 109–115.*

Содержание современной науки криминалистики образуют результаты многолетних комплексных исследований закономерностей механизма преступлений того или иного вида, а также общественных отношений, складывающихся в процессе раскрытия, расследования и предотвращения последних. Бесспорен и следующий факт: приемы, средства и методы, выработанные криминалистикой, всегда требовали своего признания в качестве познавательной основы для всех практических действий в уголовном судопроизводстве.

Причины и следствия приведенного нами тезиса персонифицируют в представлениях, которые имеют значение как таковые только применительно к конкретному уголовно-правовому конфликту. Безусловно, прав профессор А.С. Шаталов, отмечая, что как только начинает происходить рассмотрение последнего в общей связи с аналогичными уголовно-правовыми конфликтами, то уже известные причины и следствия переходят в режим универсального взаимодействия, трансформируясь в более отчетливое представление, которое с течением времени заменяется новым, еще более отчетливым [1, с. 69].

Заслуга науки криминалистики состоит в том, что именно в ее рамках доказывание по уголовным делам впервые смогло предстать в виде целенаправленного процесса позна-

ния, базирующегося не только на нормах действующего уголовно-процессуального закона, но и на закономерностях его продвижения, преобразования и логического завершения. В конечном итоге именно данный аспект предопределяет степень эффективности противодействия современной преступности, позволяя удерживать последнюю на социально терпимом уровне.

Полагаем, что процесс разработки инструментария расследования, пригодного для эффективного решения следственных задач в будущем, должен опираться на результаты криминалистического прогнозирования возможных направлений эволюции преступной деятельности, безусловно, с допущением возможного риска вероятностно предсказуемого или случайного развития криминальных ситуаций того или иного вида.

Согласно господствующей в российской уголовно-правовой науке позиции, преступность следует определять как исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных в соответствующем государстве за тот или иной период времени [2; 3; 4; 5]. В аспекте приведенной дефиниции следует сделать акцент на две значимые в рамках данного исследования черты преступности: во-первых, она состоит

из отдельных виновно совершенных общественно опасных деяний, наказуемых именно и только действующим уголовным законодательством, а во-вторых, она объединяет все преступления, совершенные на территории страны за определенный промежуток времени независимо от того, выявлены ли они и повлекли ли они наказание. Таким образом, преступности присущ противоправный характер, географические и временные границы, при этом она адаптивна к социальным переменам, проявляя тенденцию к непрерывной трансформации не только видового и количественного разнообразия самих преступных деликтов, но и способов их подготовки, совершения и сокрытия.

Переход к цифровой экономике, основанный на активном слиянии облачных вычислений, больших данных, интернета вещей, искусственного интеллекта и иных технологий, привел к беспрецедентному расширению возможностей доступа социума к разнообразному спектру информационных ресурсов и цифровых инструментов. Свободное доведение и потребление информации способствует усилению социальной активности индивидов, служа созидательным целям повышения эффективности институтов публичного управления. Однако, на наш взгляд, весьма очевиден и следующий вывод: любой прогресс имеет и свою полярную, деструктивную сторону. Бесспорно, вышеназванные инновационные процессы детерминировали появление достаточно устойчивой причинно-следственной связи между разнообразием цифровых технологий и качественными изменениями механизмов преступной деятельности.

Результаты анализа официальных данных правоохранительной статистики за последние пять лет приводят к выводу о наличии устойчивой тенденции роста количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации: если в 2019 г. было зарегистрировано более 294 тыс. таких деяний, то уже в 2020 г. – уже более 510 тыс., в 2021 г. – более 517 тыс., в 2022 г. – более 522 тыс., а по итогам 2023 г. – более 676 тыс.¹

Возрастающий «интерес» криминалитета к рассматриваемой сфере в немалой степени детерминирован гибридной природой цифрового пространства и наличием у последнего криминально привлекательного функционала: анонимность доступа к цифровой среде; возможность одновременного воздействия на различные модальности восприятия потенциальной аудитории за счет креолизованности информационных объектов; трансграничный характер преступной деятельности.

Таким образом, в условиях нарастания интенсивности и расширения сферы процессов цифровизации происходит смена криминальной парадигмы: способы совершения преступных деяний, основанные на использовании цифровых технологий и средств дистанционной коммуникации, становятся одним из узловых элементов механизма преступлений достаточно разнообразного видового состава. Более того, преступления данного рода в высокой степени воспроизводимы, что открывает потенциальные возможности для маркетинга криминальных цифровых технологий.

В современных условиях преступные формирования уже активно используют возможности средств мобильной коммуникации, глобальных систем позиционирования, «темного» сегмента сети Интернет (DarkNet), криптовалют, аспекты киберуязвимости [6; 7; 8]. Дальнейшее развитие цифровых технологий и их неизбежное рассредоточение по все новым и новым общественным сферам повлечет за собой появление новых криминальных угроз, в том числе связанных со злонамеренным использованием систем искусственного интеллекта. При этом потенциальные сферы криминального интереса будут определять наиболее благоприятный вариант соотношения трех узловых критериев: потенциальный криминальный доход; совокупные криминальные издержки на подготовку, совершение и сокрытие преступных деяний; уровень криминального риска.

Позволим сформулировать несколько тезисов о гипотетических сценариях «вхождения» систем искусственного интеллекта в механизм преступления.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://xn—b1aew.xn—plai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.04.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Искусственный интеллект может выступать как средство, облегчающее криминальное воздействие на объект преступного посягательства: способное, например, прогнозировать поведение сотрудников учреждения в целях обнаружения уязвимостей и их последующей преступной эксплуатации; создавать поддельный контент для вымогательства; совершать действия, которые субъект преступления (физическое лицо) не может либо не желает совершать по причинам опасности, скорости реакции и т. п.

Системы искусственного интеллекта могут являться и самостоятельным объектом преступного посягательства. Обладание ими позволит представителям криминала преодолевать средства безопасности, создающие препятствия для совершения преступных деяний; противодействовать процессу предварительного расследования или уклоняться от судебного преследования за ранее совершенные преступления; воздействовать на критически важные системы в целях дезорганизации их деятельности, подрыва общественного доверия к органам государственной власти и управления.

Функционал систем искусственного интеллекта потенциально способен обеспечить и контекст преступления. Например, способ совершения мошенничества может зависеть от того, верит ли жертва в возможность использования тех или иных функций искусственного интеллекта. В свою очередь само моделирование таких несуществующих возможностей реализуется посредством использования методов искусственного интеллекта, существующих в реальности.

Изложенное выше приводит к выводу о возможности прогнозирования ряда потенциальных вариантов использования систем искусственного интеллекта криминальным сообществом в будущем, вытекающих, на наш взгляд, из применения к реальности уже отмеченных нами выше критериев выбора сферы деятельности, которыми руководствуется современная организованная преступность.

Первый из таких прогнозов – компрометация и имплантация вредоносного софта в платежные системы, имеющие классическую P2P архитектуру и использующие протокол блокчейн. В данном случае реализация методов глубокого обучения нейронных сетей по-

зволяет осуществлять взлом и перепрограммирование платежных протоколов. Эксперименты, проведенные в Дартмутском колледже (США), наглядно показали, что системы искусственного интеллекта справляются с этой задачей значительно эффективнее, чем специалисты-программисты [9, с. 58].

Следующий потенциальный вариант криминального интереса. В современных условиях крупнейшие финансовые институты все активнее расширяют практику осуществления торговых операций посредством роботизированных платформ искусственного интеллекта [10, с. 131]. В этом аспекте прогнозируемый сценарий развития криминальной ситуации в сфере финансовых рынков, по сути, не оставляет преступным формированиям иной возможности для операций, кроме как использования систем искусственного интеллекта в целях проникновения на торговые платформы, а также компрометации отдельных из них, применяя в этих целях решения с открытым кодом в сочетании с системами автоматического срабатывания инцидента.

Еще один возможный криминальный вектор – кражи интеллектуальной собственности. В условиях развития цифровой экономики внедрение новых программных продуктов является императивом выживания. По мере обострения технологического соперничества гонки интерес преступников к интеллектуальной собственности будет только возрастать: для преодоления автоматизированных систем корпоративно-информационной безопасности все шире используются многофункциональные программы, основу которых образуют самосовершенствующиеся алгоритмические модули – ключевой элемент искусственного интеллекта. Именно ввиду данного обстоятельства, по данным международной организации уголовной полиции (Интерпол), мировой рынок похищенного софта в настоящее время уже подбирается к ежегодному обороту в 500 млрд долларов [11, с. 4].

Допустимо появление и принципиально нового вида криминальной угрозы – совершение высокотехнологичных преступлений, замаскированных под технические инциденты. Современные автоматизированные автономные системы в подавляющем большинстве управляются из единого вычислительного центра, функционирующего как искусственный

интеллект и позволяющего реализовывать функциональное обучение. Соответственно, осуществить несанкционированный доступ в криминальных целях и заместить команды системы искусственного интеллекта может только другая система искусственного интеллекта, т. к. в случае использования в таких целях специалиста-программиста последний, безусловно, будет распознан ввиду большей медлительности и меньшей алгоритмичности производимых им действий. Думается, что в этой связи следует предвидеть криминальные сценарии целенаправленного нарушения работы автоматизированных автономных систем, отвечающих за те или иные аспекты обеспечения общественной безопасности, а также контролирующих финансовые транзакции.

В качестве еще одной возможной модели следует выделить и криминальное использование автономных дронов. В современных условиях неавтономные радиоуправляемые дроны уже достаточно активно применяются криминалитетом (один из примеров – «доставка» наркотических средств и психотропных веществ, мобильных средств коммуникации в места отбытия наказания). Автономные дроны под управлением встроенного искусственного интеллекта могут обеспечить эффективную координацию и практическую реализацию тех или иных способов совершения преступных деяний, одновременно освободив преступника от необходимости находиться в пределах радиуса действия цифрового передатчика дрона и, как следствие, затруднив его нейтрализацию и задержание правоохранными органами. Более того, в аспекте совершения преступлений насильственного характера потенциальную опасность представляют масса и кинетическая энергия автономных дронов, а также их оснащение взрывчатыми веществами, боеприпасами.

Следует сделать акцент и на такой криминальной угрозе, как «прицельные» фишинг и вымогательство. Системы искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для повышения результативности фишинговых атак посредством создания более «подлинных» сообщений, например, за счет включения информации, полученной в результате проведения целевого анализа ак-

каунтов социальных сетей, либо подделки стиля работы доверенной стороны. Таким образом, сообщения можно адаптировать к уязвимостям, выявленным в аспекте конкретной группы целей, эффективно автоматизируя подход «шпионского» фишинга.

Искусственный интеллект может быть использован и для создания поддельной «доказательственной» информации в случаях, когда обнаруженная субъектом расследования криминалистически значимая информация приводит его к убежденности о доказанности факта на основании очевидных и достаточных доказательств, кажущихся достоверными при отсутствии их опровержения, и обладающих минимальной степенью достоверности – доказательства *prima facie*.

И, наконец, еще одно криминальное направление будущего – это использование систем искусственного интеллекта организованной преступностью в интересах разведывательной и контрразведывательной деятельности, направленной против сил правопорядка.

В современных условиях правоохранные органы активно используют в оперативно-служебной деятельности информационно-телекоммуникационные технологии, обладая возможностью в режиме реального времени обращаться к интегрированным базам данных, криминалистическим, экспертным и оперативным учетам, содержащим идентификационную информацию по множеству признаков, анализировать на их основе криминальные события и процессы.

Данный тезис наводит нас на мысль о потенциальной возможности создания криминальными формированиями собственных баз данных с использованием примерно тех же решений искусственного интеллекта. А с учетом того, что объем таких баз будет существенно меньше, «проект» вполне может быть реализован на платформах искусственного интеллекта с открытым кодом и соединен с общедоступными коммерческими сервисами анализа связей, видео, текстов и т. п. Заметим, что, по информации экспертов Федерального бюро расследования (США), в настоящее время зафиксированы отдельные попытки создания баз подобного рода путем анализа потокового видео с мест, приближенных к административным зданиям органов правопорядка, в контекстах базы ос-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ведомителей и агентов под прикрытием, а также базы сотрудников информационных подразделений полиции штатов и ФБР [11, с. 8].

Правоохранительными органами для решения розыскных задач используются и системы искусственного интеллекта, выполняющие функцию распознавания лиц. В связи с этим подобные системы могут выступить достаточно привлекательной мишенью для криминала. Например, в последние годы зафиксированы отдельные факты успешных морфинг-атак, которые позволили нескольким лицам получить и, как следствие, использовать, одно и то же удостоверение личности с фотографией [12, с. 23]. Очевидно, что методы машинного обучения, применяемые искусственным интеллектом, могут кратно повысить подобную «производительность».

Безусловно, результаты настоящего исследования необязательно являются умозрительными на будущее и отражают лишь диапазон знаний, опыта и приоритеты автора. Тем не менее, на наш взгляд, они дают полезное представление о преобладающих масштабируемых криминальных угрозах, связанных с потенциальными возможностями использования систем искусственного интеллекта в механизме преступной деятельности будущего. Возможно, что некоторые из таких опасений могут оказаться преходящими или узкоспециальными, но, очевидно, что это во многом именно та среда, в рамках которой и от которой следует ожидать возникновения и развития преступлений будущего.

Вместе с тем изложенное приводит также к следующим выводам, имеющим значе-

ние, на наш взгляд, для развития криминалистической области знаний в целом.

Во-первых, криминалистический прогноз, касающийся вероятности использования систем искусственного интеллекта в преступной деятельности, должен учитывать достижения и будущие изменения не только науки криминалистики, но и других отраслей научного знания, а также цифровых технологий. Подобный прогноз неизменно будет носить вероятностный характер и зависеть как от объектов, связанных со сферой искусственного интеллекта, так и вектора трансформации самих криминальных явлений.

Во-вторых, в аспекте криминалистического обеспечения расследования преступлений прогноз позволяет заблаговременно предусмотреть необходимость подготовки специалистов той или иной категории, потребность в оснащении научно-техническими средствами и в разработке новых либо совершенствовании уже имеющихся криминалистических методик расследования преступных деяний.

И, наконец, в-третьих, криминалистическое прогнозирование предоставит субъекту расследования возможность предусмотреть не один, а несколько вариантов развития криминальных событий. В свою очередь, это инициирует разработку нескольких вариантов решения ситуационных задач, ведения расследования по уголовному делу в целом, а также осуществления следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий целенаправленно, на основе применения заранее определенного комплекса тактических приемов и средств.

Список источников

1. Шаталов А.С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2.
2. Антонян Ю.М., Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Преступность в России. М., 2023.
3. Петрушенков А.Н. Институт преступления и Особенная часть уголовного закона. М., 2022.
4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023.

References

1. Shatalov A.S. Phenomenology of crimes committed using modern information technologies // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 2.
2. Antonyan Yu.M., Afanasyeva O.R., Goncharova M.V. Crime in Russia. Moscow, 2023.
3. Petrushenkov A.N. Institute of Crime and the Special Part of the Criminal Law. Moscow, 2022.
4. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Criminal Policy and Crime: Transformations in the Era of Social Change. Moscow, 2023.
5. Damaskin O.V. Crime in the 21st Century: Problems and Prospects. Moscow, 2020.

-
-
5. Дамаскин О.В. Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2020.
 6. Brian J. Network file system forensic analysis / J. Brian - Addison-Wesley Professional, 2005.
 7. Easttom C. Digital forensics, investigation and response / C. Easttom - Jones & Bartlett Learning, 2021.
 8. Nelson B., Steuart C., Phillips A. Guide to computer forensics and investigations. Course Technology, 2018.
 9. Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта / Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. М., 2019.
 10. Caldwell M., Andrews J.T.A., Tanay T. AI-enabled future crime // Crime Sci. 2020. № 9(14).
 11. McDonnell A., Lee J., Strayer D. Cognitive Research: principles and implications // Springer Link. 2019. № 28. V. 4.
 12. Овчинский В.С., Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М., 2018.
 6. Brian J. Network file system forensic analysis / J. Brian - Addison-Wesley Professional, 2005.
 7. Easttom C. Digital forensics, investigation and response / C. Easttom - Jones & Bartlett Learning, 2021.
 8. Nelson B., Steuart C., Phillips A. Guide to computer forensics and investigations. Course Technology, 2018.
 9. Review of selected issues in the field of big data and artificial intelligence / Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2019.
 10. Caldwell M., Andrews J.T.A., Tanay T. AI-enabled future crime // Crime Sci. 2020. № 9(14).
 11. McDonnell A., Lee J., Strayer D. Cognitive Research: principles and implications // Springer Link. 2019. № 28. V. 4.
 12. Ovchinsky V.S., Larina E.S. Artificial Intelligence. Big Data. Crime. Moscow, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдов Владимир Олегович, доктор юридических наук, почетный сотрудник МВД России, лауреат премии МВД России в области науки, доцент, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности. Тульский государственный университет. 300012, Российская Федерация, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 155.

ORCID ID: 0000-0001-5224-649X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Davydov Vladimir Olegovich, Grand PhD in Law, Honorary Associate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, laureate of the Award of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of science, Associate Professor, Professor of the Department of Justice and Law Enforcement. Tula State University. 155, Engels St., Tula 300012 Russian Federation.

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Дмитриев Дмитрий Борисович

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dmitriev.sms@mail.ru

Донская Ольга Геннадьевна

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, donskayaog@yandex.ru

Литвинова Юлия Игоревна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, litvinova.iu@yandex.ru

Введение: уголовная политика – одно из важнейших направлений деятельности государства. Она является не только инструментом охраны наиболее значимых общественных отношений, но и отражением доверия государства к обществу. Уголовная политика и ее направления лежат в основе формирования уголовно-правового законодательства и наиболее наглядно выражают направление ее развития и степень репрессивности государственного аппарата на определенном историческом этапе.

Материалы и методы: авторы рассматривают такие понятия, как уголовная политика, криминализация и декриминализация, с точки зрения криминологической обоснованности и целесообразности и подчеркивают необходимость применения научно обоснованного подхода к формированию уголовно-правового законодательства.

Результаты исследования: в результате изучения весомых уголовно-политических суждений относительно современного состояния уголовной политики и уголовно-правового законодательства авторами предложены криминологические критерии криминализации и обоснован ошибочный подход к внесению изменений в УК РФ исключительно на основе текущего социального или политического запроса.

Выводы и заключения: признавая некоторую справедливость и обоснованность критики современной уголовной политики, авторы между тем не могут согласиться с остро негативной оценкой ряда исследователей в ее адрес. Для повышения качества уголовно-политических решений, в том числе в области криминализации, авторы предлагают использовать существенный опыт криминологических исследований до принятия решения о признании преступным нового деяния. Также авторы не соглашались с мнением о необходимости принятия нового уголовного закона до выработки четкого, научно обоснованного и целесообразного метода внесения изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, криминализация, декриминализация, криминологическое мышление.

Для цитирования: Дмитриев Д. Б., Донская О. Г., Литвинова Ю. И. Современная уголовная политика России: теория и реальность / Д. Б. Дмитриев, О. Г. Донская, Ю. И. Литвинова / Современная уголовная политика России: теория и реальность // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 116–122.

Original paper

MODERN CRIMINAL POLICY OF RUSSIA: THEORY AND REALITY

Dmitriev Dmitry Borisovich

South Russian Institute of Management Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Donskaya Olga Gennadievna

South Russian Institute of Management Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Litvinova Yulia Igorevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: criminal policy is one of the most important areas of state activity. It is not only a tool for protecting the most significant social relations, but also a reflection of the state's trust in society. Criminal policy and its directions underlie the formation of criminal law legislation and most clearly express the direction of its development and the degree of repressiveness of the state apparatus at a certain historical stage.

Materials and methods: the authors consider such concepts as criminal policy, criminalization and decriminalization from the point of view of criminological validity and expediency and emphasize the need to use a scientifically based approach to the formation of criminal law legislation.

Results of the study: as a result of studying significant criminal-political judgments regarding the current state of criminal policy and criminal-legal legislation, the authors proposed criminological criteria for criminalization and substantiated an erroneous approach to amending the Criminal Code of the Russian Federation solely on the basis of current social or political demand.

Findings and conclusions: while recognizing some fairness and validity of criticism of modern criminal policy, the authors, however, cannot agree with the sharply negative assessment of a number of researchers in its address. To improve the quality of criminal and political decisions, including in the field of criminalization, the authors propose to use the significant experience of criminological research before making a decision to recognize a new act as criminal. The authors also disagree with the opinion that it is necessary to adopt a new criminal law before developing a clear, scientifically based and expedient method for amending the criminal law.

Keywords: criminal policy, criminal law, criminalization, decriminalization, criminological thinking.

For citation: Dmitriev D. B., Donskaya O. G., Litvinova Yu. I. Modern criminal policy of Russia: theory and reality / D. B. Dmitriev, O. G. Donskaya, Yu. I. Litvinova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 116–122.

Являясь сокрушительным и исключительным инструментом государства в борьбе с явлениями, представляющими угрозу для общества, уголовное законодательство потенциально призвано обеспечить такую безопасность и поддерживать режим безопасности. Для реализации охранительной функции государством за время действия современного уголовного закона предприняты многочисленные меры, внесены существенные изменения и дополнения в действующее законодательство.

Целью настоящего исследования не является описание огрехов уголовной политики в целом либо уголовного закона как лакмусовой бумажки уголовно-политической деятельности государства. Мы лишь попытаемся дать наиболее справедливую оценку состоянию современной политики Российской Федерации на текущий момент.

Для исследователей современной российской уголовной политики, вопреки многообразию их подходов и методов, характерна одна общая негативная оценка ее состояния. Какие только эпитеты не предлагают специалисты для более красочного определения плачевного состояния российской уголовной политики: и бессистемная, и кризисная, и псевдогуманистская, и импульсивная. Вменяют в упрек уголовной политике отсутствие стабильности, подразумевая отсутствие стабильности курса, стабильности закона, ста-

бильности права.

В научной литературе существует даже крайняя позиция о полном отсутствии уголовной политики. Такие суждения характерны для сторонников теории кризиса уголовной политики. В частности, А.И. Коробеев предположил, что «пока концептуальных основ российской уголовно-правовой политики нет. Зато есть масса политико-правовых, нормативных и правоприменительных проблем, которые привели к системному кризису современной уголовно-правовой политики России» [3, с. 236].

При этом имеет место и заслуживает особого внимания и осмысления противоположное, нестандартное, даже уникальное в своей новизне мнение, высказанное уважаемыми учеными М.М. Бабаевым и Ю.Е. Пудовочкиным, которые предположили, что реальное состояние уголовной политики не кризисное, а это нормальное ее состояние.

Авторами изложенной позиции сделана попытка доказать, что в действительности российская уголовная политика XXI в. в современном ее виде сложилась так, как она была задумана, и функционирует в главных своих чертах в соответствии с реальной государственной волей. Иными словами, по их мнению, речь должна идти не о кризисе уголовной политики, а об уголовной политике как таковой, «сконструированной» по лекалам (принципам, конкретным нормативам и прак-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

тическим акциям), которые уже почти два десятилетия вызывают совершенно справедливую критику у представителей научного сообщества и у граждан [2].

Однако сложно себе представить, что существует умышленная генеральная позиция государства в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти, направленная на создание некоего хаоса уголовной политики, что умышленно принимаются неприменяемые на практике законы, Уголовный кодекс изобилует нормами, неподлежащими применению, и похож на сундук, в котором вместе с нужными предметами хранятся ненужные, которые жаль выбросить, а порядок, который когда-то в нем существовал, как и критерии этого порядка, давно утрачены. Гораздо логичнее предположить и провозглашать, что огрехи являются случайными, то есть ненамеренными, «отклонениями» от результатов, запланированных субъектами уголовной политики, и существуют вопреки воле этих субъектов.

Мы никогда не встречали в любой форме выраженной государственной воли, которая бы провозгласила хаос или кризис целью государственной деятельности по охране общественной безопасности или уголовной политики. Да и, откровенно говоря, авторы не считают все решения или даже их большинство стопроцентно неудачными, провальными и бесполезными.

При этом говорить о стабильности уголовного закона, как критерия благополучия уголовной политики, в условиях объективной реальности весьма сложно с учетом отсутствия полного понимания стабильности как абсолютной величины и проходящих существенных геополитических и ценностных изменений в жизни нашего государства.

Более того, особенности постсоветской правовой системы, провозглашающие УК РФ единственным источником уголовного законодательства, не позволяют принимать каких либо «околоуголовных» нормативных актов, которые бы создавали видимость стабильности уголовного закона, при этом отвечали на запрос сиюминутной криминализации и пенализации.

Проведенное нами исследование позволяет определить основную мысль и наиболее распространенную концепцию, которой

является все же отсутствие системности в формировании и реализации уголовной политики. Речь идет о совокупности выявленных и латентных негативных явлений, влияющих на общее состояние общественного порядка.

Но мы вынуждены констатировать, что ни мы, ни любой другой исследователь не опровергнет утверждений, что наиболее неэффективными являются те нормы, которые приняты в угоду краткосрочным событиям и явлениям в жизни общества и не имеют в своей основе достаточных оснований и критериев, необходимых для принятия решения о криминализации или декриминализации того или иного деяния.

Однако даже такое поведение власти невозможно подвергнуть исключительно критической оценке, поскольку никто из исследователей уголовной политики не ответит однозначно и односложно, что больше украсит уголовное законодательство – статичность и устойчивость или динамичность и соответствие реальным потребностям общества на конкретном историческом этапе.

Вызывает обоснованное сожаление полная практическая не востребованность проводимых теоретических исследований в вопросе совершенствования уголовной политики в России. Но и здесь мы можем заступиться за власть, отметив, что многообразие теоретических исследований так и не привело к разработке единой позиции в вопросе совершенствования уголовной политики, что, вероятнее всего, вызвано динамикой политических, экономических и социальных изменений, происходящих в России и в мире.

При этом, повторимся, в абсолютном большинстве случаев отсутствие реализации идей и директив власти необходимо связывать не с волей субъекта, а с проблемами адекватной реализации такой воли. Это относится как к законотворческому процессу, так и к правоприменительному.

Важно отметить и осознать, что несмотря на критику и ругательства в ее адрес уголовная политика фактически осуществляется и реализуется всегда. Каждый день и каждую минуту. Она имеет свои уникальные принципы, методы и цели, которые позволяют идентифицировать уголовную политику как самостоятельный вид государственной деятельности.

Криминализация и декриминализация как наиболее очевидные и наличные методы уголовной политики являются постоянными спутниками уголовного закона, наиболее весомыми аргументами в пользу отсутствия стабильности в уголовно-политической сфере. Ни один другой закон, изменяющийся под влиянием социальных изменений в обществе, не вызывает такой критики, как уголовный.

В данном случае нам хотелось бы напомнить коллегам-критикам, что Уголовный кодекс РФ стал первым в своем роде демократическим уголовным законом нашего государства. Он был принят на рубеже изменения не только политического режима, но и ценностей, являющихся приоритетными для государства. Большинство норм были приняты «на ощупь», на будущее они не учитывали и не могли учитывать ни вектор дальнейшего развития нашего государства, ни направление развития законодательства в целом. Соответственно «будущее» не во всех случаях оправдало ожидание законодателя 90-х и реалии развития России привели к необходимости внесения изменений в УК РФ. Считать их количество, по нашему мнению, бравируя цифрами и сравнивая их со «стабильным» законодательством других стран, не объективно. Уголовный кодекс, несмотря на огрехи, был лучшим для своего времени.

Аналогичное мнение высказано Н.А. Лопашенко [4, с. 5–13], которая, хотя и дает негативную оценку современному состоянию уголовного закона, признает УК РФ преимущественно положительным и отвечающим критериям системности на момент его принятия.

Одно можно утверждать однозначно: фундаментальные основы Уголовного кодекса, такие как цели, задачи и принципы, остались неизменными с момента его принятия, что подтверждает сохранение духа уголовного закона, а виды наказаний, установленных УК РФ, претерпели изменения в большей степени в сторону гуманизации.

Однако так называемый «метод проб и ошибок», присущий изменениям, вносимым в особенную часть УК РФ [6, с. 108–109], основанный на обыденном сознании, конечно, подрывает авторитет уголовного закона в целом.

Нелепо отрицать связь права и реальной жизни, также как невозможно отрицать обслуживающую роль права по отношению к политике государства. Уголовно-правовая норма возникает тогда, когда наличествует социальный или политический запрос на ее принятие. Чаще всего такой запрос формируется после возникновения каких-либо новых правоотношений либо трансформации имеющихся, ввиду чего появляются новые противоправные посягательства, которые закрепляются в УК РФ в качестве преступлений.

Уголовное законодательство всегда связано, с одной стороны, с наличием ограничений или лишений прав индивида, с другой – с нарушением целостности охраняемых законом общественных отношений. Ввиду этого наиболее важным является своевременность включения и/или исключения того или иного деликта из состава норм УК РФ.

Поспешность в криминализации влечет включение в УК РФ мертвых или неэффективных норм, а запоздалость – к многократному нарушению нормального правового режима. Аналогичная ситуация встречается и с несвоевременной декриминализацией. Криминализация представляет многосоставной, динамично развивающийся процесс. Данный метод уголовной политики прямо связан с мыслительной деятельностью субъектов уголовной политики, в чьи непосредственные функции входит выделение негативных общественных отношений из общей массы и последующая их криминализация путем включения новых составов преступлений в особенную часть Уголовного кодекса.

На наш взгляд, размышляя над противоправностью и преступностью нового деяния, субъект криминализации, коим является законодатель как исполнитель социального и криминологического запроса, в идеале обязан придерживаться метода криминологического мышления. Это метод, представляющий собой квинтэссенцию научных, практических разработок и методик, на которых должно базироваться и строиться противодействие преступности и формироваться меры превентивного воздействия на нее.

Криминология содержит в себе целый ряд готовых рецептов эффективной борьбы с преступностью и того, что ставит своей целью законодатель. Нам видится, что данный вид

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

мышления наиболее подходяще выглядит в ситуациях, когда необходимо обратиться к криминологическим терминам и применить их на благо законотворческого процесса.

Анализируя труды Ю.Е. Пудовочкина и М.М. Бабаева, мы находим подтверждение приверженцев высказанной нами позиции о важности выделения криминологического мышления в качестве основы мыслительного процесса в реализации криминализации как метода уголовной политики. В своем исследовании они приводят следующее определение криминологического мышления: «разновидность интеллектуальной деятельности, состоящая в решении определенного класса мыслительных задач формирования современной уголовной политики на основе использования достижений криминологической науки и практического опыта борьбы с криминалом, знания, понимания и учета криминологических закономерностей, способности выбора надлежащей стратегии борьбы с преступностью и оценки ее эффективности» [1].

Таким образом, криминологическое мышление – это непрерывный мыслительный процесс лиц, задействованных в противодействии преступности, как посредством законотворческой деятельности, с учетом достижений и наработок криминологии, так и непосредственных правоприменителей. Следует также заметить, что данный тип мышления должен иметь под собой строгие эмпирические знания. В процессе криминологического мышления должны быть минимизированы субъективные взгляды на преступность и криминогенную обстановку. То есть существующий в объективной действительности подход должен быть кардинально изменен.

Устанавливая криминологическое мышление как базовое орудие в процессе криминализации, законодатель вынужден отойти от ежеминутного социального или политического запроса и обратиться к планированию и прогнозированию возможных как положительных, так и негативных последствий криминализации.

Важность данного вида мыслительного процесса состоит в том, что за его основу берутся эмпирические наработки криминологии как науки о преступлениях, причинах их возникновения и способах минимизации совершения таковых. Учет описываемых обстоя-

тельств позволяет качественно повысить уровень процесса криминализации и минимизировать негативность его возможных последствий.

Криминализация, как и любой другой механизм и метод, составляющий уголовную политику, должен иметь под собой теоретическую базу, на основании которой он выстраивается. Теория криминализации строится на совокупности предпосылок, которые отражаются в науке криминологии.

Так, по мнению Л.М. Прокументова, к криминологическим предпосылкам криминализации можно отнести следующее:

1. Относительная распространенность деяния.
2. Уголовно-политическая адекватность уголовно правового запрета.
3. Наличие реальной возможности воздействия на отклоняющееся поведение при помощи уголовно-правовых средств и невозможность оказания этого воздействия иными средствами.
4. Наличие в обществе социально-экономических (прежде всего материальных) ресурсов; учет возможностей системы уголовной юстиции; учет соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяний [5].

При решении вопроса о криминализации того или иного деяния государство в лице уполномоченных органов должно досконально оценить свои экономические возможности относительно совершения данного действия. Отсутствие необходимой материальной базы в правоохранительных органах для борьбы с новоявленным преступлениями влечет появление сложно применимой или же, в худшем случае, мертвой нормы в числе статей Уголовного кодекса.

Данные криминологические предпосылки, на наш взгляд, формируют логичную и последовательную цепочку криминологических аспектов как методов уголовной политики. Законодатель как субъект, фактически реализующий криминализацию, должен руководствоваться научно обоснованными правилами и критериями.

На наш взгляд, при анализе научной литературы, статей и высказываний немаловажной криминологической предпосылкой анализируемого метода уголовной политики

является рассмотрение теоретической целесообразности криминализации. Простое следование негативным тенденциям в обществе приводит к появлению большого числа недействующих норм или применяемых крайне редко. Необоснованное расширение уголовно-правового запрета негативно влияет на адекватное восприятие обществом охранительной функции государства, подменяя ее в сознании обывателя на излишнюю тотальную карательную реакцию государства на общественные процессы.

С точки зрения криминологии криминализация должна иметь под собой научно-практическое обоснование и необходимость. Обозначаемая позиция рассматривается и на уровне Конституционного суда, который отмечает необходимость избегать чрезмерной репрессивности уголовного законодательства. Однако практический анализ норм Уголовного кодекса говорит об обратном: за время его существования в Российской Федерации в особенную часть было включено 149 новых составов преступлений, исключено было чуть более 10 составов, а полной декриминализации лишь два состава преступления. В данном случае отсутствие целесообразности и научной обоснованности криминализации как ее криминологической предпосылки порождает скорополительные нормотворческие реакции, за которыми следуют не всегда положительные последствия. Приведенные цифры, естественно, ставят под сомнение провозглашенную генеральную позицию государства о гуманизации уголовного наказания. Между тем чрезмерная карательная политика может свидетельствовать о низком доверии власти к гражданам.

Теория права провозглашает одним из ключевых криминологических факторов криминализации анализ криминогенной обстановки в обществе, то есть в анализе общественной массы, на предмет криминогенных факторов, которые влияют на формирование преступной среды, а также способствуют появлению новых форм общественных отноше-

ний, которые в своей основе носят преступный характер и требуют криминализации и включения новых составов преступлений в действующий УК РФ.

В завершение считаем необходимым обратить внимание на мнение, высказанное Л.М. Прокументовым, который весьма обоснованно, на наш взгляд, выделяет очень важные в практической реализации криминализации критерии ее криминологической обоснованности, выражающийся в количественной распространенности потенциально криминализируемого деяния, иначе говоря, он не видит целесообразности в криминализации деяний, которые обладают свойствами «обычности», то есть рядовые и привычные по своей сути действия индивидов. Также он не видит смысла в криминализации деяний, носящих единичный характер [7, с. 227–230].

Таким образом, на основании приведенного частного суждения об основных «болевых точках» современной уголовной политики в целом и состояния действующего уголовного закона в частности мы пришли к выводу, что основные их проблемы связаны с недостаточным использованием, а зачастую и полным игнорированием субъектами уголовной политики богатого теоретического криминологического и уголовно-правового опыта.

Вопреки бытующему мнению относительно необходимости принятия нового Уголовного кодекса, мы склонны считать, что это не изменит общего положения до тех пор, пока качественно не изменится подход к «обслуживанию» социального и политического запроса уголовно-правовыми средствами. При этом не имеет значения, существующий или принципиально новый закон будет главенствовать в системе уголовного законодательства. Без четко выработанной и научно обоснованной методики внесения изменений в Уголовный кодекс законодательные решения продолжают подвергаться критике, которая не во всех случаях будет надуманной и несправедливой.

Список источников

1. Бабаев М.М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. М., 2017.

References

1. Babaev M.M. Russian criminal policy and criminal law: experience of critical analysis. Moscow, 2017.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

2. Бабаев М.М. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020.

3. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М., 2019.

4. Лопашенко Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4.

5. Прозументов Л.М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 4(6).

6. Прозументов Л.М. Изменения в уголовном законодательстве как форма реализации уголовно-правовой политики в России // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под редакцией С.А. Елисеева, Л.М. Прозументова, В.А. Уткина и др. Томск, 2013.

7. Прозументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429.

2. Babaev M.M. Russian criminal policy of the 21st century. Moscow, 2020.

3. Korobeev A.I. Russian criminal legal policy: from genesis to crisis. Moscow, 2019.

4. Lopashenko N.A. On the doctrinal prerequisites for the creation of a new criminal law // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. № 4.

5. Prozumentov L.M. Criminological conditions for the criminalization and decriminalization of acts // Bulletin of Tomsk State University. Series: Law. 2012. № 4(6).

6. Prozumentov L.M. Changes in criminal legislation as a form of implementation of criminal legal policy in Russia // Legal problems of strengthening Russian statehood / edited by S.A. Eliseeva, L.M. Prozumentova, V.A. Utkina et al. Tomsk, 2013.

7. Prozumentov L.M. Prevalence of acts as an optional sign of their social danger // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 429.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриев Дмитрий Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

Донская Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.

Литвинова Юлия Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitriev Dmitry Borisovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. South Russian Institute of Management Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Donskaya Olga Gennadievna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. South Russian Institute of Management. Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Litvinova Yulia Igorevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дятлов Георгий Александрович

Юридический институт Севастопольского государственного университета, Севастополь, Российская Федерация, gadyatlov@sevsu.ru

Введение: логичным продолжением социальных отношений являются преступные деяния в области компьютерной информации. В их числе присутствуют правонарушения, которые представляют прямую опасность для нормального формирования и течения жизни социума. Если принимать во внимание статистику правоохранительных органов, то с начала 2023 г. по 10-й месяц подобного рода преступных деяний было зафиксировано порядка 561 200 моментов. Все они были совершены с применением цифровых технологий. Это количество на 30,7 % больше, нежели за тот же промежуток времени год назад. Данный факт свидетельствует о неуклонном росте киберпреступлений.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза информации, а также нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в сфере компьютерной информации.

Результаты исследования: чтобы найти максимально действенные способы противостояния данного рода деяниям, нужно изучить практические и теоретические законодательные основы, касающиеся этого вопроса. Объектом рассмотрения данной работы выбрана совокупность социальных связей, которые появляются при возникновении факта несения ответственности и осуществления соответствующих мероприятий в области цифровой преступности в РФ.

Выводы и заключения: сложившаяся ситуация в области применения правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, не несет позитивный характер раскрытия преступлений, поскольку отсутствует единое понимание данной разновидности правонарушений и юридические предписания действуют по-разному в разных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: компьютерная информация, уголовная ответственность, правоприменительная практика, статистика, уголовное регулирование, киберпреступления.

Для цитирования: Дятлов Г. А. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации / Г. А. Дятлов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 123–127.

Original paper

THE STATE OF CRIMINAL LAW REGULATION OF CYBERCRIMES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dyatlov Georgy Alexandrovich

Law Institute of the Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: a logical continuation of social relations are criminal acts in the field of computer information. Among them there are offenses that pose a direct danger to the normal formation and flow of life of society. If we take into account the statistics of law enforcement agencies, then from the beginning of 2023 to the 10th month of this kind of criminal acts, about 561,200 incidents were recorded. All of them were accomplished using digital technology. This number is 30.7% more than in the same period of time a year ago. This fact indicates the steady growth of cybercrimes.

Materials and methods: the methodological basis of the work was made up of methods of analysis and synthesis of information, as well as regulatory legal acts that regulate social relations developing in the field of computer information.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Results of the study: in order to find the most effective ways to counter this type of act, you need to study the practical and theoretical legislative framework relating to this issue. The object of consideration of this work is a set of social connections that appear when the fact of responsibility arises and the implementation of appropriate measures in the field of digital crime in the Russian Federation.

Findings and conclusions: the current situation in the field of application of legal norms regulating criminal liability for crimes in the field of computer information does not have a positive character for solving crimes, since there is no common understanding of this type of offense and legal regulations operate differently in different regions of the Russian Federation.

Keywords: computer information, criminal liability, law enforcement practice, statistics, criminal regulation, cybercrime.

For citation: Dyatlov G. A. The state of criminal law regulation of cybercrimes in the Criminal Legislation of the Russian Federation / G. A. Dyatlov // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 123–127.

Цифровизация, ставшая набирать обороты в переходный период от XX к XXI в., затронула практически все сферы жизни социума. Используя информационные технологии, человечество обеспечивает высокую степень коммуникативности, демонстрируя собственную реальность в социальных сетях, стимулируя возникновение новых форм взаимоотношений и взаиморасчетов. Вместе с частной жизнью цифровизация быстро проникла и в социальную. Теперь можно проводить голосование удаленно, отображать собственную политическую и экономическую позицию в блогах и на специальных государственных сайтах, подчеркивая ее в профилях соцсетей. Теперь сильные мира сего находятся на виду у общественности, что в значительной мере дисциплинирует.

Однако это только одна сторона медали. На обратной – отрицательные качества такого явления, как цифровизация. В частности, речь идет именно о киберпреступлениях. Они совершенствуются и становятся с каждым разом все изощреннее, привлекая своей универсальностью, простотой исполнения и возможностью тайного их совершения все новых и новых профессиональных программистов, работающих в разных областях народного хозяйства. Киберпреступники имеют эффективную систему взаимодействия, формируют целые коалиции, применяя новейшие мировые технологии и разработки. На сегодняшний день, к примеру, четыре из пяти преступлений в данной области совершаются на криптовалютных биржах.

Генпрокуратура РФ отмечает, что число данного рода преступных деяний растет в геометрической прогрессии. Начиная с января 2019 г. и по август в РФ было зарегистрирова-

но более 180 тыс. данного рода противозаконных деяний. Эта цифра превышает прошлогоднюю за тот же промежуток времени на 66,8 %. МВД России и других мировых государств отмечает, что основное препятствие, с которым приходится иметь дело при раскрытии и квалификации данного рода преступных деяний, заключается в недостаточности законодательной базы для такой работы.

Статистика показывает, что только за два последних года рост преступности в сфере компьютерной информации вырос на 46 %, т. е. практически наполовину.

Значительно большой прорыв в применении гл. 28 УК РФ пришелся на нынешний год. По данным МВД России, за период с января по октябрь 2023 г. было выявлено 561 203 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, среди которых 25 755 преступлений связано со сферой компьютерной информации. Это на 224,8 % процента больше, чем за прошлый год в целом.

Однако следует помнить о существовании высокой латентности преступности, которая не закрепляется в открытых статистических государственных данных. Важные особенности киберпреступлений:

а) деяния не имеют определенного места совершения, в основном происходят в удаленном формате; преступники обладают рядом знаний и навыков в сфере программирования и компьютеризации, которые позволяют им совершать противоправные деяния с минимальным риском для себя;

б) мизерные знания сотрудников правоохранительных органов в сфере цифровых технологий; данный факт обуславливает

необходимость привлечения профессиональных программистов к ведению дел в отношении киберпреступности;

в) на практике отсутствует установленный совокупный метод расследования и квалификации киберпреступлений.

В единичных случаях дела, имеющие непосредственное отношение к ст. 272, 273 и 274 УК РФ, квалифицируются в соответствии с их пунктами, и по ним на преступников налагается уголовная ответственность. Если принимать во внимание данные статистики, то по состоянию на 2022 г. по ст. 272 УК РФ было назначено наказание только 179 лицам, 149 из которых попадали под ч. 3 данного норматива, и одному вынесли оправдательный приговор. Самым частым наказанием за данного рода деяния являются штрафные санкции, которые были применены к 62 из указанных выше дел. Условное заключение виновным было назначено в 58 случаях, а приговор с ограничением свободы – в 45 ситуациях. В соответствии со ст. 273 УК РФ по 46 эпизодам были вынесены приговоры. В их числе 29 человек получили приговор о тюремном заключении. Если говорить о ст. 274.1 УК РФ, то уголовное наказание понесли 54 человека, из них 48 – условный срок. Всего два фигуранта дел по данному закону были заключены под стражу.

Статьи 274 и 274.2 имеют довольно маленькую судебную практику – в 2022 г. было возбуждено только одно уголовное дело по ч. 1 ст. 274 УК РФ. Лицу был назначен штраф.

Перечисленные сведения наглядно демонстрируют минимальную раскрываемость данного рода преступных деяний. Например, по состоянию на 2022 г. из совокупного количества киберпреступлений по гл. 28 было инициировано уголовное преследование только в 2,79 % случаев. Данный факт стимулирует необходимость установления виновного лица путем исключения концепции совокупной привентивности преступных деяний. То есть, за любое преступное деяние безотвратно влечет за собой наказание за его совершение.

Находящиеся в незакрытом доступе компьютерные технологии, а также отсутствие законодательно обоснованных требований и ограничений при их применении, безграничная свобода в поиске и предоставлении дан-

ных привели к созданию преступных хакерских группировок, которые все чаще становятся международными.

В качестве примера можно привести ситуацию от 14 января 2022 г.: Федеральная служба безопасности России доложила об остановке работы синдиката хакеров, длительное время при помощи кибервирусов осуществлявших грабёж счетов граждан зарубежных государств и предприятий разного масштаба. Участники синдиката под названием REvil были взяты спецслужбами России, а информационная база данной группировки изолирована и изъята. Сегодня идет суд над членами кибербанды, деятельность двоих из которых квалифицирована по ч. 2 ст. 273 УК РФ.

Важной особенностью работы киберпреступников считается распределение полученной прибыли. Одна ее часть идет на обогащение участников банды, вторая – на усовершенствование технологической базы преступной группировки. Сейчас продолжается судебный процесс над данной группировкой, двум виновным вменены ч. 2 ст. 273 УК РФ.

Таким образом, можно сказать, что преступная прибыль организованных групп идет как на содержание компьютерных преступников, так и на финансирование (самовоспроизводство) совершения новых преступлений, т. е. самодетерминацию компьютерной преступности.

К основным причинам слабой раскрываемости преступлений можно отнести:

а) недостаточную квалификацию сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих расследование компьютерных преступлений;

б) неоднозначность судебной практики.

Одним из главных вопросов, требующих правовой оценки, является обоснованность права на применение п. 1 ст. 274 УК РФ относительно преступлений, касающихся несоблюдения нормативов использования информационных баз, в которых хранятся разные данные. Такие преступные деяния в большинстве своем характерны для сотрудников предприятий, работающих в сферах связи и услуг. В данной ситуации стоит обратить внимание на тот факт, что по перечисленным деяниям суды в большинстве своем выносят оправдательные приговоры. Представленные выше нарушения считаются трансформацией данных,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

формирующих признаки преступного деяния, которое классифицируется ч. 3 ст. 274 УК РФ.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда медработник отчитывался о вакцинации граждан, которая изначально не была проведена. Данное деяние было квалифицировано именно по этому законодательному акту. Ложные сведения, которые подавала медсестра, собирались в ЕГИС Минздрава РФ. В ходе предварительного расследования уполномоченными лицами было решено классифицировать это преступление как компьютерное, связанное с киберпреступностью, направленное на нарушение закона и порядка в критически значимой базе данных. Нужно сказать, что судьи отвергли данную классификацию и не рассматривали преступное деяние с точки зрения законодательного акта – ст. 274.1 УК РФ. По мнению судей, обвиняемая не вносила в компьютер вредоносных для всей системы данных, а только недостоверную информацию о вакцинации пациентов. Основная выгода для самих людей заключалась в получении сертификатов о вакцинации. С обвиняемой сняли все обвинения.

Не менее масштабной считается и проблема доступа к данным пользователей Интернета. В судебной практике по этому пункту существует множество вопросов и разногласий.

Ряд субъектов России уже выработал единую систему специализации данного рода преступных деяний в качестве комбинации нескольких в одном. Например, в соответствии со ст. 272 УК РФ, а точнее – ч. 2, классифицируется противозаконный доступ к данным, хранящимся в компьютере. Данное деяние несет под собой преступный корыстный умысел и классифицируется по ч. 2 ст. 272 УК РФ.

В пример можно привести рассмотрение дела на базе следственного комитета по Оренбургской области о ряде преступных действий, совершенных обвиняемым М. Все они квалифицируются по ст. 272 и 159 УК РФ. В соответствии с предоставленной доказательной базой обвиняемый, имея преступные намерения, похищал деньги у людей, осуществляя вход на их аккаунты с помощью добытых преступным путем регистрационных данных. Он заходил на страницы потерпевших, менял регистрационные сведения и совершал от их имени вымогательство – отправлял

письма родственникам и знакомым с целью получения от них денег. Адресанты, ошибаясь в личности просителя, отправляли ему средства на указанный счет. Тем самым преступник причинил гражданам ущерб в количестве 180 тыс. рублей.

В соответствии с данными, предоставленными органами исполнительной власти РФ, в нескольких областях страны были зафиксированы аналогичного рода преступные деяния. Однако полиция и суды Республики Бурятия рассматривают данные правонарушения, касающиеся похищения интернет-страниц пользователей с целью финансовой наживы, с точки зрения квалификации их в качестве мошеннических действий. При этом данное деяние не классифицируется по ст. 272 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что данная ситуация в сфере правоприменения нормативов, определяющих степень и возможность уголовной ответственности за причинение вреда посредством ИТ, не способствует высокой раскрываемости данного рода преступлений и не соответствует объективности назначенных наказаний, поскольку единой системы оценки и расследования их нет.

Важным аспектом, не способствующим эффективному раскрытию преступлений из сферы кибербезопасности, считается недостаточная осведомленность и отсутствие особых знаний у судей и работников органов исполнительной власти. По этой причине противоречия, имеющиеся в судебной практике, еще более усугубляют сложившуюся ситуацию.

Пленум Верховного Суда РФ, который проходил 15 декабря 2022 г., вынес Постановление № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», в котором прописан ряд нюансов из сферы уголовной практики в области киберпреступлений, а также других преступных деяний, прямо или косвенно относящихся к ним.

Если изучить их перечень, то понятно, что по многим из них не дано конкретной оценки часто возникающим ситуациям. Необходимо

проводить тщательное изучение, систематизацию и совершенствовать практику применения норм и законов по делам данного характера. Также нужна выработка единой стра-

тегии их рассмотрения, квалификации, в формировании которых могут помочь опытные специалисты из сферы IT-технологий.

Список источников

1. URL: <http://www.mvd.ru>. (дата обращения: 01.05.2024).
2. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уч. пособие. СПб., 2018.
3. Ревин В.П. Актуальные проблемы сотрудничества государств – участников содружества независимых государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 1.
4. URL: <https://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Симонян А.А. Уголовно-правовая юрисдикция в отношении преступлений в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2020. № 23(313).
6. Степанов-Егиянц В.Г. Преступления против компьютерной информации. Сравнительный анализ. М., 2020.
7. Тропина Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2022. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

*Дятлов Георгий Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса. Юридический институт Севастопольского государственного университета. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
ORCID 0000-0001-7708-4386*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dyatlov Georgy Alexandrovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure. Law Institute of the Sevastopol State University. 33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053 Russian Federation.

References

1. URL: <http://www.mvd.ru>. (date of access: 01.05.2024).
2. Popov A.N. Crimes in the field of computer information: textbook. allowance. St. Petersburg, 2018.
3. Revin V.P. Current problems of cooperation between member states of the Commonwealth of Independent States in the fight against crimes committed using information technologies // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. 2017. № 1.
4. URL: <https://stat.api-press.rf> (date of access: 01.05.2024).
5. Simonyan A.A. Criminal legal jurisdiction in relation to crimes in the field of computer information // Young scientist. 2020. № 23(313).
6. Stepanov-Egiyants V.G. Crimes against computer information. Comparative analysis. Moscow, 2020.
7. Tropina T.L. Fighting cybercrime: is it possible to develop a universal mechanism? // International justice. 2022. № 3.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ «ЦИФРОВОГО ПРЕСТУПНИКА»

Иванов Петр Иванович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, IvanovPI1952@yandex.ru

Введение: статья посвящена исследованию актуальных и дискуссионных вопросов, связанных с разнообразием и некоторой противоречивостью научно-теоретических подходов, анализирующих элементный состав личности «цифрового преступника». Обращается внимание на наличие при этом общих и специфических ее черт (свойств).

Материалы и методы: в процессе работы были использованы общетеоретические и специально-юридические методы, позволившие исследовать соответствие структурно-содержательных компонентов личности «цифрового преступника» современным условиям, тенденциям и механизмам формирования ее модели.

Результаты исследования: личность преступника как объект исследования – базовая модель теории криминологии, слагаемыми которой являются: природа и ее сущность, источники, пути, формы и механизмы формирования антиобщественных черт личности, а также особенности, проявляющиеся во взаимодействии со средой. Научно доказано, что только в системе общественных отношений находит свое проявление социальная сущность человека как личности – абстрактной категории.

Выводы и заключения: в результате исследования установлено, что с точки зрения системно-структурного анализа личность следует рассматривать в виде системы, состоящей из таких слагаемых, как «личность человека – личность преступника, совершившего преступление, – личность «цифрового преступника»». Представляется, что только тщательное изучение всех указанных звеньев позволяет создать общую картину, раскрывающую природу ее формирования (невидимые невооруженным глазом процессы, протекающие внутри названного социально-правового явления, его причинно-следственные связи), совокупность свойств (черт), а также тенденции развития с учетом реальной действительности.

Ключевые слова: личность преступника и ее новая разновидность, цифровая среда, влияние ее на формирование личности, «цифровой преступник», криминологическая его характеристика.

Для цитирования: Иванов П. И. К вопросу о личности «цифрового преступника» / П. И. Иванов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 128–135.

Original paper

ON THE QUESTION OF THE IDENTITY OF THE «DIGITAL CRIMINAL»

Ivanov Peter Ivanovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the study of current and debatable issues related to the diversity and some inconsistency of scientific and theoretical approaches that analyze the elemental composition of the personality of a «digital criminal». Attention is drawn to the presence of general and specific features (properties).

Materials and methods: in the process of work, general theoretical and special legal methods were used, which made it possible to study the compliance of the structural and content components of the personality of a «digital criminal» with modern conditions, trends and mechanisms for the formation of its model.

Results of the study: the personality of the criminal as an object of research is the basic model of the theory of criminology, the components of which are: nature and its essence, sources, paths, forms and mechanisms of formation of antisocial personality traits, as well as features manifested in interaction with the environment. It has been scientifically proven that only in the system of social relations does the social essence of a person as an individual – an abstract category – find its manifestation.

Findings and conclusions: as a result of the study, it was established that from the point of view of system-structural analysis, personality should be considered in the form of a system consisting of such components as «the personality of a person – the personality of the criminal who committed the crime – the personality of the «digital criminal». It seems that only a thorough study of all these links makes it possible to create a general picture that reveals the nature of its formation (processes invisible to the naked eye that occur within the named socio-legal phenomenon, its cause-and-effect relationships), a set of properties (traits), as well as development trends with taking into account reality.

Keywords: the personality of the criminal and its new variety, the digital environment, its influence on the formation of personality, «digital criminal», his criminological characteristics.

For citation: Ivanov P. I. On the question of the identity of the «Digital Criminal» / P. I. Ivanov // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 128–135.

Как известно, личность преступника изучается различными науками – социологией, философией, психологией, криминологией [7, с. 39–48; 8, с. 185–187], криминалистикой. Но при этом каждая область научного знания изучает личность преступника с позиции своего предмета [5, с. 209–212], используя для этого присущие им методологию и методику. Нас, в частности, в настоящей статье заинтересовала личность преступника под углом зрения криминологии, рассматривающей личность преступника в качестве одного из элементов криминологической характеристики преступлений и центральной ее темой [18, с. 308].

В трудах таких ученых, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, А.И. Долгова, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.В. Максимов, Г.М. Миньковский, Э.Ф. Побегайло, В.Е. Эминов, Н.П. Яблоков, А.М. Яковлев и др., мы находим ответ на многие вопросы, относящиеся к личности преступника. Между тем и в настоящее время эта проблематика в части личности преступника как элемента криминологической характеристики преступления остается весьма актуальной, поскольку до настоящего времени в науке криминологии нет единого понятия «криминологическая характеристика преступлений». Дискуссионным продолжает оставаться и вопрос о структуре и содержании этого вида характеристики преступлений, а также о ее соотношении с криминологической характеристикой личности преступника.

Знание личности преступника позволяет ответить на многие вопросы, в том числе: что же побуждает лицо на совершение уголовно наказуемого деяния, какова ее личность в условиях всеобщей цифровой трансформации и какие же меры профилактического воздействия следует предпринять в этой ситуации, чтобы предотвратить (не допустить) повторное совершение (рецидива) преступления? Ответы на эти и другие вопросы во многом

помогут выстроить современную систему профилактической работы с учетом происходящей глобализации, поскольку деятельность органов внутренних дел и их оперативных подразделений в настоящее время, как правило, осуществляется в замкнутой цифровой среде.

В настоящее время среди исследователей устоялось следующее мнение: личность «цифрового преступника» – это следствие появления цифровой преступности. К сожалению, новое для правоохранительных органов и общества в целом явление, ранее оно не встречалось, и глубокие наработки по противодействию пока что, к сожалению, не имеем. Как поступить на этом фоне, что делать? Такие вопросы неожиданно возникают. Киберпреступники в новых условиях оказались наиболее жизнеспособными, быстро адаптировались, имея на вооружении (в арсенале) современные информационные технологии. Мошенничество получило широкое распространение. МВД России вынуждено было создавать специализированные подразделения повсеместно. Преступления стали высокоинтеллектуальными, схемы (способы их совершения) замаскированными. Для киберпреступников глобальная сеть Интернет стала своего рода лакомым кусочком [11, с. 114–117].

Сущность личности преступника проявляется через ее характерные признаки, их вначале следует установить, познать и раскрыть содержание. Заметим, однако, личность – это не простая совокупность черт (свойств), а структурированная система, отображающая целостное ее состояние. Исследователь, как правило, ставит перед собой цель вскрыть внутренние устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретной личности, что позволяет ему тем самым иметь своего рода ее портрет.

Изучение личности преступника не самоцель, а стройно выстроенные действия,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

направленные на повышение эффективности процесса адекватного противодействия преступности [4, с. 122–128; 6, с. 157–168], ибо ни одно преступное посягательство не совершается само по себе. Это результат действий конкретного лица со всеми его психологическими особенностями. В этом ключе всестороннее изучение личности преступника выходит на первый план, чтобы по его результатам создать некую информационную модель преступного деяния, позволяющую обеспечение должного реагирования на него со стороны правоохранительных органов. Общеизвестно, что полученные в процессе анализа сведения о личности преступника лежат в основе достижения в первую очередь целей уголовного наказания. Мы связываем также с целями частной и общей превенции, обращая особое внимание на формирование современного криминального поведения.

Выборочное изучение понятия «личность преступника» показало, что среди криминологов и специалистов иных отраслей знаний на сегодня существует множество дефиниций, что свидетельствует не только об актуальности проблемы, связанной с определением понятия, но и о повышенном интересе к ней, обусловленном прежде всего всеобщей цифровизацией – появлением нового субъекта преступления – «цифрового преступника».

Существующие точки зрения по вопросу о сущности и содержании личности преступника условно мы поделили на три группы исследователей, обосновавших их. Разумеется, все они имеют право на существование, т. к. у них своя авторская концепция.

Одни авторы (В.Г. Гриб [1, с. 341], В. Н. Кудрявцев [13], В.Д. Малков [14], В.Е. Эминов и др.) определяют понятие «личность преступника» как лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность, отражающая совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения. Иными словами, личность преступника – это личность человека, который совершил преступное деяние из-за свойственных ему психологических отличительных черт, противообщественных представлений, негативного отношения к ценностям нравственности и выбора общественно опасного пути для удовлетворения собственных нужд, а также из-за отсутствия достаточной активности в предупреждении отрицательного преступного результата.

Указанные авторы, формулируя данное понятие, подчеркивают два неразрывно связанных момента: социальную сущность человека (индивида) и его непосредственную связь с системой общественных отношений (социальной средой).

Соглашаясь с мнениями указанных авторов, отметим несколько концептуальных положений, а именно: исследователи, как правило, на личность преступника «встраивают» свойства (черты), присущие киберпреступнику («цифровому преступнику»), что качественным образом меняет ее облик. Мы допускаем рассмотрение разноплановых личностей в виде единой системы, состоящей из таких компонентов, как «личность человека – личность преступника [13] – личность «цифрового преступника»».

Исходной позицией («реперной точкой») продолжает оставаться личность преступника вообще (усредненная категория, феномен). Личность преступника отличается от личности законопослушного человека общественной опасностью, ей присущи преступные потребности и мотивации, эмоционально-волевые деформации и негативные социальные интересы.

Другие авторы (В.А. Ананич [2], О.И. Бахур, П.Л. Боровик, А.Г. Горбель, С.М. Казакевич и др.) личность преступника рассматривают через призму наработок теории уголовного права и криминологии. Структурно-содержательную характеристику личности научной общественности представляют, анализируя совокупность признаков, присущих различным категориям преступников. При этом особо подчеркивают значимость предупреждения, делая акцент на формировании и криминализации отдельных категорий преступников как криминологический объект изучения. Авторы сформулировали модель структуры личности преступника, состоящую из нескольких блоков признаков, свойств и особенностей. Так, в числе признаков указывают социально-демографические, а также уголовно-правовые и криминологические. Мы разделяем позицию авторов в той части, когда они отдельно, наряду с другими, характеризуют личности киберпреступника и коррупционного преступника. Заметим, что во всех случаях присутствует общий и особенный срез специфических свойств (черт) личности.

Третьи авторы (М.А. Исаева [9, с. 79–90], О.А. Кислый [10, с. 218–225], А.Г. Корчагин, А.С. Сахабутдинова [16, с. 25–28], П.Н. Фещенко [17] и др.) справедливо утверждают о

том, что личность индивида (человека), совершившего преступление в цифровом пространстве (IT-сферы), существенным образом отличается от иных личностей, ибо сами условия цифровизации самым непосредственным образом сказываются на формировании такой личности, способной в дальнейшем совершать высокотехнологичные правонарушения. На основе проведенного анализа ими выделены четыре типа личности «цифрового преступника»: корыстный, престижный, насильственный и сексуальный. В связи со сказанным представляет определенный интерес мнение А. Р. Рагинова, предлагающего научной общественности ценностно-нормативный подход к изучению личности. Он, в частности, отмечает, что в основе совершения личностью любых действий лежат ценностные ориентации, т. е. внутренние свойства личности, и неважно, какой это будет поступок – положительный, нейтральный или отрицательный [15, с. 3–33]. Разделяя мнение автора, полагаем, что своеобразным двигателем является мотив (потребность), т. к. криминальное поведение следует в первую очередь связать с потребностями, моральными свойствами, ценностными ориентациями и правосознанием, а главное – с мотивацией.

Помимо внутренних, важно принимать во внимание и влияние внешних условий, которые также накладывают свой отпечаток на специфические черты личности. Так, возникающие определенные ситуации и окружающая среда в обществе служат своего рода «спусковым крючком» для запуска механизма существующих противоречий в человеке (проблем). Со своей стороны полагаем, что невольно напрашивается промежуточный вывод: личность «цифрового преступника» – носитель общественных отношений.

Говоря об этом, приведенная группа авторов предлагает раскрыть закономерности как личности преступника, совершающего преступления в IT-сфере, так и уголовно наказуемого деяния, чтобы они выступали бы фундаментом для разработки методик (методических рекомендаций) по организации профилактики правонарушений.

Забегая вперед, отметим, что дальнейшее развитие личности «цифрового преступника» и его жертвы нами видится в четырех основных направлениях: 1) уточнении и обосновании рассматриваемой категории как объекта (первоочередной важности) криминологического исследования в условиях цифровой трансформации; 2) модернизации ныне дей-

ствующих нормативных правовых актов с учетом появления в теории уголовного права нового субъекта преступления – «цифровой преступник» (киберпреступник); 3) исключения возможности применения ст. 76.2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» к лицам, совершившим преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет; 4) криминализации наиболее распространенных противоправных деяний в цифровой сфере, причиняющих крупный и особо крупный ущерб. Из сказанного следует, что в личности мы усматриваем наличие органической связи между криминологическим и уголовно-правовым ее содержанием, которое должно найти отражение в модели изучения личности. Как нам представляется, такая модель должна интегрировать социально значимые ее свойства (черты, качества), которые тесно взаимосвязаны между собой. Думается, что практическая реализация названных предложений позволит усилить сдерживающие возможности уголовного законодательства, особенно в непростых условиях, которые переживает ныне Россия.

Есть еще одна группа авторов (Г.Н. Горшенков, А.Е. Михайлов, И.В. Пикин и др.) [12], которая как бы интегрирует существующие на сегодня различные взгляды (позиции) исследователей, сводя их на такие подходы, как понимание личности преступника в узком и широком смысле слова, наконец, в строго определенных рамках, проявляемых при взаимодействии личности со средой (социальными условиями). Поступая таким образом, указанные авторы ключевыми при изучении личности преступника считают следующие положения: 1) личность человека неотделима от личности преступника, вне взаимосвязи рассматривать их недопустимо; 2) в то же время личность преступника должна познаваться как независимо существующий, автономный феномен, поскольку она как бы отдельная негативная подструктура – элемент личностного пространства; 3) характеризуется совокупностью свойств (черт), их строго определенным набором, позволяющим идентифицировать человека, совершившего преступление.

По результатам анализа имеющихся в научной литературе позиций по вопросу о личности преступника мы решили научной общественности предложить авторское видение по этому вопросу. При этом отталкиваемся от

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

следующих трех взаимосвязанных между собой концептуальных положений, а именно: 1) личность преступника нами воспринимается как социальный продукт реальной действительности; 2) наличие у него отличительных от иных лиц (законопослушных) черт (свойств); 3) целостное единство всех компонентов, сформированных в системе общественных отношений личности, которые взаимосвязаны между собой и не противоречат друг другу.

Присоединяемся к мнению ученых, доказавших влияние внешней среды (объективной действительности) на формирование личности преступника. В частности, криминологи отмечают, что процесс формирования личности происходит достаточно в противоречивых условиях. Давайте посмотрим, как он проходит через призму окружающей социальной среды.

Рассогласованность и противоречия между личностью и средой (окружающей действительностью). Потребности и интересы личности. Неблагоприятная среда, безнаказанность правонарушителей. Взаимодействие с окружающей социальной средой. Личность формируется под воздействием общества и его малых социальных групп. Противоречия групповых норм поведения (групповые ценности) правовым или нравственным нормам общества. Противоречия и конфликты между групповой моралью и общества

Личность преступника и социальное окружение (отсутствие социального контроля). Нравственно-психологические свойства личности преступника, его ценностных ориентаций и правосознания.

Мы, определяя понятие «личность преступника», учли три взаимосвязанных между собой положения: 1) совершение преступлений с использованием цифровых технологий (цифровая преступность – киберпреступность); 2) дальнейшее поступательное развитие цифровизации, понимаемой нами как глобальный процесс масштабного внедрения цифровых технологий в правоохранительную деятельность, и ее негативное влияние на поведение человека; 3) механизм формирования антиобщественных черт в процессе взаимодействия со средой. При этом ярко просматривается взаимосвязь объективных и субъективных факторов, *его детерминирующих*.

Исследователи справедливо отмечают, что личность преступника – это личность человека, совершившего преступление вследствие присущих ему взглядов, отрицательно-го отношения к общественным интересам и выбора общественно опасного пути для их

реализации или неоявления необходимой активности в предотвращении преступного результата.

Иначе говоря, личность преступника – это для криминологии базовая модель, в рамках которой исследуются ее природа и сущность, источники, пути, формы и механизмы формирования ее антиобщественных черт, те особенности, которые во взаимодействии со средой или предпреступной ситуацией порождают преступное поведение. Для криминологической науки важно изучение любых сведений о преступнике, которые могут объяснить совершение им преступления. Как нам представляется, результаты такого изучения являются основой для последующей разработки криминологией проблем, связанных с профилактикой преступлений.

Определяя понятие «личность преступника», как правило, исходят из того, что она представляет собой совокупность негативных качеств, характеристик человека, который совершил преступление. Она подвержена внешним негативным влияниям вследствие множества новых вызовов и угроз национальной безопасности России.

Между тем заметим, что личность преступника, например, в оперативно-розыском аспекте имеет некоторое отличие. Исследование показало, что потребности, интересы и избираемые способы их удовлетворения, а также увлечения и иные нравственно-психологические свойства и особенности личности рекомендуются учесть при установлении психологического контакта с лицом, привлекаемым в качестве конфиденанта, выборе тактических приемов документирования в рамках соответствующего дела оперативного учета. Исходя из вышесказанного, выделим три правила, прежде чем принять окончательное решение.

Первое правило: негативные свойства (качества) личности следует изучать, предварительно определившись в типе интересующего индивида (лица). Чтобы не попасть в сложную ситуацию, целесообразно избегать случайных или неустойчивых типов личности, присущих неблагоприятной среде, в которой они пребывают.

Второе правило. Создание благоприятных («комфортных») условий для изучения личности преступника предполагает критический анализ совокупности признаков (свойств), характеризующих интересующую категорию лиц. Для себя важно уяснить причины формирования его преступного поведения (материальное затруднение или же, наоборот,

благополучия). Принять меры для того, чтобы получить развернутое представление о личности криминально ориентированного лица, его негативных наклонностях, проявляющихся, например, в потребительском отношении к людям, нежелании трудиться. Эталонном для сравнения служит законопослушное поведение.

Третье правило. Нейтрализация негативного воздействия комплекса внутренних и внешних условий, влияющих на развитие личности – цель оперативно-розыскного контроля. «Реперной точкой» выступают детерминанты (причины и условия, способствующие преступности) формирования такой личности и ее криминализации. Они трудно поддаются исправлению, т. к. закрепились устойчиво. Отсутствие критического отношения к своему поведению и чувства ответственности за собственные поступки является наряду с другими криминогенным фактором, формирующим антиобщественную установку.

Считаем, что необходимо твердо уяснить для себя: в отличие от условий фактор в криминологическом плане понимается как движущая сила, порождающая причину какого-либо процесса. Благоприятная внешняя социальная среда (макро- и микросреды), в пределах которой находится лицо, способна ослабить и даже нейтрализовать последствия негативных факторов.

Что же касается ситуации, то она обычно предшествует преступлению и является его непременным сопутствующим компонентом. Думается, что ни одно преступление не может быть совершено, если в реальности для этого нет подходящих условий.

Возвращаясь к личности «цифрового преступника», заметим, что она во многом зависит от особенностей самой цифровой сферы [3, с. 4], которые могут оказать на личность преступника объективное воздействие (влияние), прежде всего на его психологическое состояние.

Вкратце отразим особенности указанной сферы. К их числу считаем нужным отнести:

– развитие стремительными темпами современных информационных технологий, являющееся сопутствующим компонентом изменений личности «цифрового преступника»;

– сеть Интернет, выступая неотъемлемой частью современной жизни, подталкивает к необходимости повышения квалификации «цифрового преступника» в целях поиска средств его существования. Становится сильно зависимым от оказываемых ложных услуг;

– нахождение в сети Интернет в открытом доступе. Тут все разрешено, нет особых ограничений и запретов. Указанная сеть является свободной зоной, которая не подчиняется государственным законам какой-то одной страны, т. к. является Всемирной паутиной;

– распространение на этом фоне новых объектов экономических отношений, таких как блокчейн, криптовалюта, токены и др., т. е. объекты, полностью основанные и функционирующие в виртуальном пространстве.

Специалисты справедливо отмечают, что цифровая сфера с сугубо технической позиции представляет собой получение, обработку и передачу закодированной информации в дискретные сигнальные импульсы. Это осуществление информационной переработки из обычной формы с цифровую [19, с. 4].

Иными словами, цифровизация представляет собою процесс, направленный на то, чтобы преобразить информацию из разных общественных сфер, осуществляемый при помощи цифровых технологий и другого рода цифровых решений. Переход к цифровизации стал возможен благодаря возникновению и развитию ИКТ. Не осталась в стороне и правовая сфера, по причине возникновения принципиально новых элементов законодательства и правовой системы [20, с. 210].

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, следует признать, что на сегодня среди специалистов разных областей знаний нет единства в понимании сути (квинт-эссенции) личности «цифрового преступника». В то же время наличие множества идей, позиций, взглядов во многом свидетельствует о проявлении ими повышенного интереса к данному вопросу. Достижения теории криминологии и иных наук не могут не сказаться на уровне углубленного познания как самой преступности, так и лиц, ее совершающих.

Во-вторых, с точки зрения системно-структурного анализа личность следует рассматривать в виде системы, состоящей из таких слагаемых, как «личность человека – личность преступника, совершившего преступление, – личность «цифрового преступника»». Тщательное изучение всех указанных звеньев позволяет создать общую картину, раскрывающую природу ее формирования (невидимые невооруженным глазом процессы, протекающие внутри названного социально-правового явления, его причинно-следственные связи), совокупность свойств (черт), а также тенденции развития с учетом реальной

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

действительности. Теория ОРД как система научно обоснованных идей, располагая описательной (диагностической) функцией, способна обеспечить успешное решение названной задачи.

В-третьих, личность преступника как объект исследования – базовая модель теории криминологии, слагаемыми которой яв-

ляются: природа и ее сущность, источники, пути, формы и механизмы формирования антиобщественных черт личности, а также особенности, проявляющиеся во взаимодействии со средой. Научно доказано, что только в системе общественных отношений находит свое проявление социальная сущность человека как личности – абстрактной категории.

Список источников

1. Абызов К.Р., Гриб В.Г., Ильин И.С. Криминология: курс лекций / под ред. В.Г. Гриба. М., 2011.
2. Ананич В.А., Бахур О.И., Боровик П.Л. и др. Личность преступника: характеристика, предупреждение формирования и криминализации: в 2 ч. / под общ. ред. проф. В.А. Ананича. Минск, 2022-2023.
3. Галиуллина Р.Х., Комлев Н.Ю., Фазлиева Л.К. и др. Цифровые права в современном российском праве: правовое регулирование, ответственность: учебное пособие. Казань, 2023.
4. Иванов П.И. Сущность и содержание оперативного контроля как одной из функций подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Юрист-Правоведь. 2024. № 1(108).
5. Иванов П.И. Закономерности, учитываемые при изучении личности преступника // Закон и право. 2023. № 6.
6. Иванов П.И. Оперативный контроль как разновидность организационно-тактической формы ОРД // Актуальные проблемы оперативного контроля расходования бюджетных средств, выделенных в рамках реализации национальных проектов: сб. межведомственного круглого стола. М., 2022.
7. Иванов П.И., Беляева Т.Н. Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический анализ // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2017. № 3.
8. Иванов П.И., Журавлев А.В., Калачева М.С. Личность фальшивомонетчика как элемент оперативно-розыскной характеристики фальшивомонетничества // Государственная служба и кадры. 2022. № 1.
9. Исаева М.А. Личность преступника, совершающего преступления в цифровом пространстве // Эпомен. 2021. № 61.
10. Кислый О.А. «Цифровой облик» преступника // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2022. № 1.

References

1. Abyzov K.R., Grib V.G., Ilyin I.S. Criminology: course of lectures / ed. V.G. Mushroom. Moscow, 2011.
2. Ananich V.A., Bakhur O.I., Borovik P.L. and others. Personality of the criminal: characteristics, prevention of formation and criminalization: in 2 hours / under general. ed. prof. V.A. Ananich. Minsk, 2022-2023.
3. Galiullina R.Kh., Komlev N.Yu., Fazlieva L.K. and others. Digital rights in modern Russian law: legal regulation, responsibility: textbook. Kazan, 2023.
4. Ivanov P.I. The essence and content of operational control as one of the functions of the EBiPK units of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation // Yurist-Pravoved. 2024. № 1(108).
5. Ivanov P.I. Regularities taken into account when studying the personality of a criminal // Law and Law. 2023. № 6.
6. Ivanov P.I. Operational control as a type of organizational and tactical form of operational intelligence // Current problems of operational control of the expenditure of budget funds allocated within the framework of the implementation of national projects: collection. interdepartmental round table. Moscow, 2022.
7. Ivanov P.I., Belyaeva T.N. Financing of extremist activities (Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law and criminological analysis // Countering terrorism. Problems of the XXI century. 2017. № 3.
8. Ivanov P.I., Zhuravlev A.V., Kalacheva M.S. The identity of the counterfeiter as an element of the operational investigative characteristics of counterfeiting // Public service and personnel. 2022. № 1.
9. Isaeva M.A. Personality of a criminal committing crimes in the digital space // Epomen. 2021. № 61.
10. Kisly O.A. «Digital appearance» of a criminal // Bulletin of the Moscow Humanitarian-Economic Institute. 2022. № 1.
11. Kodzokov B.V. Hidden network «darknet»: criminological aspect // Gaps in Russian legislation. 2021. № 3. V. 14.

11. Кодзоков Б.В. Скрытая сеть «даркнет»: криминологический аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 3. Т. 14.
12. Криминология. Общая и Особенная части: учебник / Г.Н. Горшенков, И.В. Пикин, А.Е. Михайлов [и др.] / под общ. ред. Г.Н. Горшенкова. М., 2023.
13. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
14. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
15. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического воздействия. М., 1979.
16. Сахабутдинова А.С., Корчагин А.Г. Цифровая преступность: причины, виды, тенденции преступности, личность преступника, меры противодействия // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224).
17. Фешенко П.Н. К вопросу о личности «цифрового преступника» и его жертвы // Долговские чтения: сб. материалов I Всероссийской научно-практ. конф. (27 января 2021 г.). М., 2021.
18. Цеева С.К. Личности преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. № 2(158).
19. Цифровые права в современном российском праве: правовое регулирование, ответственность: учебное пособие / Р.Х. Галиуллина, Н.Ю. Комлев, Л.К. Фазлиева [и др.]. Казань, 2023.
20. Бабкин С.А. Интеллектуальная собственность в глобальной компьютерной сети Интернет: проблемы гражданско-правового регулирования в России и США: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2020.
21. Criminology. General and Special parts: textbook / G.N. Gorshenkov, I.V. Pikin, A.E. Mikhailov [and others] / ed. by ed. G.N. Gorshenkova. Moscow, 2023.
22. Criminology: textbook / ed. V.N. Kudryavtseva, V.E. Eminova. 2nd ed., revised. and additional. Moscow, 2007.
23. Criminology: textbook for universities / ed. V.D. Malkova. 4th ed., revised. and additional. Moscow, 2011.
24. Ratinov A.R. Psychology of the criminal personality. Value-normative approach // Personality of a criminal as an object of psychological influence. Moscow, 1979.
25. Sakhabutdinova A.S., Korchagin A.G. Digital crime: causes, types, trends of crime, personality of the criminal, countermeasures // Agrarian and land law. 2023. № 8(224).
26. Feshchenko P.N. On the question of the identity of the “digital criminal” and his victim // Dolgov readings: collection. materials of the I All-Russian scientific-practical conference. conf. (January 27, 2021). Moscow, 2021.
27. Tseeva S.K. Personality of the criminal: concept, structure and typology // Bulletin of the Adygea State University. 2015. № 2(158).
28. Digital rights in modern Russian law: legal regulation, responsibility: textbook / R.Kh. Galiullina, N.Yu. Komlev, L.K. Fazlieva and others. Kazan, 2023.
29. Babkin S.A. Intellectual property in the global computer network Internet: problems of civil regulation in Russia and the USA: dis. ...PhD in Law. Moscow, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Петр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Peter Ivanovich, Grand PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for Research on Problems of Sectoral Management of the Scientific Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

О ТЕОРИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Комаров Игорь Михайлович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
mgu.ikomarov@mail.ru

Рудин Артем Павлович

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация,
sledstv@rambler.ru

Введение: расследование преступлений опирается на теоретические основы, которые определяют основные моменты, обуславливающие весь процесс расследования. Однако в зависимости от особенностей расследования, которые непосредственно связаны с криминальным событием, всегда существуют фундаментальные элементы теории, чье применение следователем обязательно для любого расследования, эти элементы должны быть объяснены в теории расследования преступлений, как части общей теории науки криминалистики.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, которые ориентированы на выявление и разрешение проблем использования в научно-исследовательской деятельности методов криминалистики, правильное использование которых способствует достижению результатов исследований. В статье применены методы: описательный, анализ и синтез, систематизация, классификация и др.

Результаты исследования: позволили авторам выделить основные элементы системы, содержание которой отражает теорию расследования преступлений, среди которых основные положения теории познания и ее связи с деятельностью по расследованию преступлений; логика построения и система этой теории; теоретические основы организационно-управленческой деятельности по расследованию, процессуальные и криминалистические методы и средства познания и разрешения следственных задач при расследовании преступлений; собственно обеспечение процесса расследования преступления и профилактическая деятельность в системе расследования.

Выводы и заключения: в публикации обосновано, что теория расследования преступлений представляет собой структурированную систему знаний – частной криминалистической теорией системы общей теории криминалистики, которая является базовым теоретическим построением для обоснования других теоретических построений, нацеленных на формирование, с использованием данных анализа судебно-следственной практики, частных криминалистических методик расследования преступлений.

Ключевые слова: расследование преступлений, частная теория.

Для цитирования: Комаров И. М., Рудин А. В. О теории расследования преступлений / И. М. Комаров, А. В. Рудин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 136–139.

Original paper

ON THE THEORY OF CRIME INVESTIGATION

Komarov Igor Mikhailovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Rudin Artyom Pavlovich

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: crime investigation relies on theoretical foundations that define the main points that determine the entire investigation process. However, depending on the specifics of the investigation that are directly related to the criminal event, there are always fundamental elements of the theory that the investigator must

apply for any investigation. These elements must be explained in the theory of crime investigation as part of the general theory of forensic science.

Materials and methods: are determined by the range of scientific tasks to be solved, which are aimed at identifying and solving problems of using forensic methods in research activities, the correct use of which contributes to the achievement of research results. The article uses the following methods: descriptive, analysis and synthesis, systematization, classification, etc.

Results of the study: allowed the authors to identify the main elements of the system, the content of which reflects the theory of crime investigation, including the main provisions of the theory of knowledge and its connection with crime investigation activities; the logic of the construction and the system of this theory; theoretical foundations of organizational and managerial activities in investigation, procedural and forensic methods and means of cognition and resolution of investigative tasks in the investigation of crimes; actually ensuring the process of investigation of a crime and preventive activities in the investigation system.

Findings and conclusions: the publication substantiates that the theory of investigation of crimes is a structured system of knowledge - a private forensic theory of the system of general theory of forensic science, which is a basic theoretical construction for substantiating other theoretical constructions aimed at the formation, using the data of the analysis of forensic investigative practice, of private forensic methods of investigation of crimes.

Keywords: investigation of crimes, private theory.

For citation: Komarov I. M., Rudin A. V. On the Theory of Crime Investigation / I. M. Komarov, A. V. Rudin // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 136–139.

Следует отметить, что вопросы расследования преступлений в криминалистике разработаны достаточно хорошо. Это касается практически всех аспектов проблемы, начиная от общих положений методики и заканчивая частными положениями – методиками расследования преступлений в их различных структурных модификациях.

Вместе с тем любой крупный вопрос науки связан не только с отдельными элементами знания, он в первую очередь должен быть обусловлен собственной теорией, содержание которой должно в полной мере соответствовать главным положениям теории этой науки. Криминалистика соответствует этому принципу и объективно развивается адекватно этому постулату.

Анализ содержания знания, связанного с криминалистической методикой (особенно это касается теории этой части системы криминалистики), дает основания констатировать тот факт, что криминалистическая методика не имеет в должной мере разработанной собственной частной теории расследования преступления, чье содержание должно рассматриваться в качестве теоретической и методологической основы расследования и служить базой для разработок научно-практических рекомендаций по расследованию преступлений, соответствующих частных криминалистических методик расследования.

Соответствующая частная теория расследования преступлений должна состоять из теоретического и прикладного блоков гармо-

нично между собой взаимосвязанных. Основной концепции теории следует определить положения теории познания, т. к. весь процесс расследования по существу и представляет собой поисковую и информационно-познавательную деятельность процессуального субъекта, осуществляющего расследование криминального события.

В основе гипотезы, способной содержательно раскрыть концепцию указанной теории, лежат следующие положения, требующие своего обоснования и доказывания: 1) основные положения теории познания связаны с деятельностью по расследованию преступлений; 2) теория расследования преступлений имеет собственную логику построения и соответствующую ей систему; 3) организационно-управленческая деятельность по расследованию преступлений обуславливается собственными теоретическими основами; 4) расследование преступлений основано на разрешении следственных задач, решение которых возможно посредством использования субъектом доказывания процессуальных и криминалистических методов и средств познания; 5) расследование преступления не может быть ограничено процессуальными и криминалистическими методами и средствами познания и нуждается в дополнительном информационном обеспечении со стороны других участников расследования на основе взаимодействия; 6) профилактическая деятельность – актуальная часть системы расследования преступлений.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальным знанием следует рассматривать модель расследования преступления по конкретному уголовному делу в качестве одного из результатов обоснованной (доказанных гипотез) теории, ее прикладным итогом.

Полагаем, что исследование вопроса о том, что основные положения теории познания связаны с деятельностью по расследованию преступлений, должно лежать в аспектах рассмотрения проблем, связанных с познанием как «отражением» и познанием как «конструированием» деятельности, а также логико-психологических основ познания со стороны субъекта доказывания. Требуется разрешения вопрос соотношения познавательного отношения и цели познания в расследовании преступлений, установлении уровней процесса познания и уровней процесса расследования.

Расследование преступления по факту – практическая деятельность, основанная на познавательных процедурах, поэтому следует определить эти процедуры, пригодные для процесса расследования, и, самое важное, установить их способность обеспечить достижение главной цели познания – установление истины.

Для любой научной теории, и криминалистика здесь не является исключением, важное значение имеет логика ее построения и соответствующая этой логике система.

Для того чтобы подойти к решению этого вопроса, должны быть изучены историко-криминалистические аспекты вопроса, связанные с возникновением, становлением и перспективами развития теории расследования преступлений. Любая система имеет системообразующий элемент. На наш взгляд, в теории расследования преступлений им может стать следственная деятельность. Она же будет и объектом познания в теории. Теория, как научно обоснованная категория, содержательно отражающая общие знания о рассматриваемой проблеме, должна включать соответствующие общие задачи и принципы, иметь свой язык, характерный для расследования преступлений. Невозможно представить теорию без структуры ее системы и функций направления деятельности теории, как научной, так и прикладной. Объем знаний теории, обусловленный объективными процессами дифференциации и интеграции, должен характеризоваться соответствующим содержанием, а содержание обуславливать место теории в системе науки. В нашем случае – криминалистика.

Расследование преступлений не возникает на пустом месте, оно всегда связано с фактом криминального события и определенной ор-

ганизационно-управленческой деятельностью, направленной на начало расследования и последующее его проведение по полному установлению обстоятельств этого события.

Для теории расследования преступлений это обстоятельство важно тем, что должно быть четко определено понятие и структура этой деятельности, раскрыто содержание криминалистического мышления в качестве синтеза видов мыслительной деятельности в процессе познания события преступления и установлены основные следственные задачи и уровни процесса познания в ходе расследования преступлений.

Расследование преступления как особый вид деятельности, обусловленный процессуальными нормами и криминалистическими рекомендациями, непосредственно связан с процессуальными и криминалистическими методами и средствами познания и разрешения следственных задач при расследовании преступлений.

В этом соответствии важными для исследования следует признать систему познавательных методов по процессуальному сбору и проверке доказательств в процессе расследования преступлений; следственные действия как уголовно-процессуальные средства познания при расследовании преступлений; понятие и классификации криминалистических средств познания при расследовании преступлений; следственные действия и обуславливающие их тактические приемы; технико-криминалистическое сопровождение следственных действий и специальные знания в процессе познания расследования преступлений, программные средства и автоматизированные системы, а также информационные технологии и искусственный интеллект.

Закономерным результатом использования положений теории расследования преступлений будут криминалистические методики по расследованию преступлений, которые являются системой эмпирически обоснованных научно-практических рекомендаций по расследованию преступлений.

Общеизвестно, что расследование преступлений не связано только с использованием исключительно процессуальных и криминалистических методов и средств. Поэтому в теории расследования преступлений должны быть обоснованы процедуры обеспечения процесса расследования преступления его оперативно-розыскное сопровождение; обеспечение деятельности следователя посредством необходимого взаимодействия с участниками

расследования и информационное обеспечение расследования преступлений.

Любое расследование преступления закономерно должно заканчиваться профилактическими мероприятиями, содержание которых должно быть направлено на устранение причин и условий, способствующих совершению как данного конкретного преступления, так и подобных ему преступлений в будущем.

Для содержания рассматриваемой теории актуальными являются вопросы, связанные с задачами уголовного процесса как основой профилактической деятельности, а раскрытие преступления следует рассматривать в качестве важного этапа в его расследовании и основное средство профилактики преступлений. Установление процессуально-криминалистическими средствами причин и условий, способствующих совершению преступлений, есть главная задача профилактической деятельности в системе расследования преступлений.

Научно-практическое обоснование положений вновь разрабатываемой или усовершенствованной теории в криминалистике, на наш взгляд, должно заканчиваться практическими рекомендациями по практическому ис-

пользованию положений теории в расследовании преступлений.

Для этой цели подходит описание модели расследования преступления по конкретному уголовному делу, которая содержательно может включать положения, обуславливающие принятие решения о расследовании преступления с последующим переходом к выбору модели расследования; постановку правовых и следственных задач расследования; организационно-управленческую функцию в деятельности следователя по расследованию преступлений, что позволит дать представление о модели расследования как основе выбора стратегии и тактики расследования.

Мы не претендуем на то, что в настоящей статье представили законченное представление и концептуальные основы теории расследования преступлений, это только авторский взгляд на актуальную криминалистическую проблему. Кроме того, теории в науке вообще и криминалистике в частности не могут быть рассмотрены в качестве догм, т. к. любое научное знание подвижно и самым тесным образом связано с практикой, практикой расследования преступлений, чье изменение влечет за собой изменение соответствующей теории.

Список источников

1. Комаров И.М. Методология версионного анализа и ее связь с отдельными данными криминалистической характеристики преступлений // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 2(109).

2. Комаров И.М. Следственная версия как системообразующий элемент версионного анализа расследования и изучения личности потерпевшего от убийства // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 1(108).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

Рудин Артем Павлович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Komarov Igor Mikhailovich, Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics. Lomonosov Moscow State University. 1, p. 13, Leninskie gory, Moscow GSP-1 119991 Russian Federation.

Rudin Artyom Pavlovich, PhD in Law, Lecturer at the Department of Criminal Procedure. V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 12, Akademika Volgina St., Moscow 117997 Russian Federation.

References

1. Komarov I.M. Methodology of the versioning analysis and its relation to the individual data of the criminalistic characteristics of crimes // Jurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 2 (109).

2. Komarov I.M. Investigative version as a system-forming element of the analysis of the investigation and study of the identity of the murder victim // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 1(108).

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ
ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА**

Кулешова Анна Владимировна

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Российская Федерация,
akulesova906@gmail.com

Введение: в настоящей статье рассматриваются основные подходы к реализации криминалистического прогнозирования расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства. Разработка обозначенной темы имеет дуальное значение, поскольку конечная цель исследователей – не столько абстрактно-теоретические, хоть и обоснованные, рассуждения, сколько конкретные наработки, важные для сотрудников правоохранительных органов.

Материалы и методы: занимаясь исследованием на обозначенную тему, автор в своих рассуждениях опирался на фундаментальные наработки известных отечественных ученых, которые на данный момент высоко оценены российским криминалистическим сообществом. Поставленные задачи удалось решить благодаря применению таких методов, как: синтез, сопоставление, индукция и дедукция.

Результаты исследования: в данной статье обозначена связь между криминалистическим прогнозированием расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства, и прогнозированием состояния оперативной обстановки, в части, касающейся криминального поведения адвентальных лиц. Автор предлагает модель, с помощью которой можно классифицировать преступления, где преступником или жертвой выступает адвентальное лицо. Данная модель позволяет шире взглянуть на возможности криминалистики, касающиеся разработки узконаправленных мероприятий, профилактирующих конкретные виды преступлений.

Выводы и заключения: автор отмечает, что криминалистическое прогнозирование расследования уголовных дел, где преступником либо жертвой является адвентальное лицо, играет серьезную роль и в деле организации профилактической работы. Разработать следственно-оперативную тактику невозможно, не учитывая того, на что в принципе в своем социальном существовании способны потенциальные преступники и жертвы, прибывшие в РФ из других государств. Именно профилактика является залогом такого уровня правопорядка, при котором возможно гармоничное развитие всех сфер жизни общества.

Ключевые слова: адвентальные преступления, этнические преступления, криминалистическое прогнозирование, расследование преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействие преступности, криминалистика.

Для цитирования: Кулешова А. В. Криминалистическое прогнозирование расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства / А. В. Кулешова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 140–143.

Original paper

**FORENSIC FORECASTING OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED
TO THE ACTIVITIES OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS**

Kuleshova Anna Vladimirovna

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: this article discusses the main approaches to the implementation of forensic forecasting of the investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons. The development of the designated topic has a dual meaning, since the ultimate goal of the researchers is not so much abstract theoretical, albeit well-founded, reasoning, but rather specific developments that are important for law enforcement officers.

Materials and methods: while conducting research on the designated topic, the author in his reasoning relied on the fundamental developments of well-known domestic scientists, who are currently highly appreciated

by the Russian forensic community. The tasks were solved through the use of methods such as synthesis, comparison, induction and deduction.

Results of the study: this article outlines the connection between forensic forecasting of the investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons, and forecasting the state of the operational situation, as it relates to the criminal behavior of adventitious persons. The author proposes a model with which one can classify crimes where the perpetrator or the victim is an advenant person. This model allows us to take a broader look at the possibilities of criminology related to the development of highly targeted measures to prevent specific types of crimes.

Findings and conclusions: the author notes that forensic forecasting of the investigation of criminal cases, where the criminal or victim is an advenant person, plays a serious role in organizing preventive work. It is impossible to develop investigative and operational tactics without taking into account what, in principle, potential criminals and victims who arrived in the Russian Federation from other states are capable of in their social existence. It is prevention that is the key to a level of law and order at which the harmonious development of all spheres of society is possible.

Keywords: adventitious crimes, ethnic crimes, forensic forecasting, investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons, combating crime, criminology.

For citation: Kuleshova A. V. Forensic forecasting of the investigation of crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons / A. V. Kuleshova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 140–143.

Общество на всех этапах своего развития неизменно тяготеет к эволюционным устремлениям, потому оно всегда, опираясь на все пережитое прошлое и находясь в настоящем, внимательным взглядом взирает в будущее. У будущего больше приоритетов в сравнении с настоящим и прошлым, потому что все устройство мира и жизни обращено именно вперед, а не назад. Так, перенося эти догмы на ситуацию, интересную нам в контексте данного исследования, подчеркнем, что в текущих планах сотрудников правоохранительных органов и ученых-криминалистов не может не быть идеи прогнозирования расследования преступлений, связанных с деятельностью адвенантных лиц. В противном случае утратится должный контроль за оперативной обстановкой в государстве, за уровнем общественного порядка и общественной безопасности, что негативнейшим образом скажется на всеобщем динамичном развитии.

Современная наука криминалистика ставит перед собой ряд задач, решение которых напрямую влияет на повышение показателей практической деятельности правоохранительных структур. Научное юридическое знание, двигаясь вперед на приличной скорости, ярко показывает действие универсальных диалектических законов [1]. Так, криминалистика, занимаясь прогнозированием, т. е. обоснованным предвидением того, чем в будущем обернутся текущие действия, позволяет следственным органам эффективно планировать и организовывать производство по уголовным делам, возбужденным по различным статьям Уголовного кодекса РФ, но объединенным одним свойством. Все они касаются преступлений, связанных с деятельностью

иностранцев граждан или лиц без гражданства. Классификации призваны обобщать, систематизировать, что позволяет двигаться от общего к частному, а также способствует тому, чтобы у специалистов появился инструментарий, позволяющий эффективно решать служебные задачи. Любая криминалистическая классификация является научным продуктом, выверенным и взвешенным [2]. Увы, практики не могут в силу своей занятости параллельно со своей будничной деятельностью заниматься наукой на столь же высоком уровне, как это делают представители научной сферы, поэтому наука обязана со своей стороны помогать практическим органам.

Так как Российская Федерация является многонациональным государством, как исторически сложилось и утверждено Конституцией РФ, нахождение на нашей территории разнообразных этносов и народов абсолютно органично вписывается в привычный уклад жизни страны. Многонациональность характерна для нас как в плане одного из параметров постоянно проживающего здесь коренного населения, так и временных гостей, прибывших для удовлетворения каких-либо социально-экономических или любых других личных мотивов. Миграционные потоки регулярно вливаются в государство, поскольку наши земли привлекательны и с экономической точки зрения – для трудовых мигрантов, и с туристической. Богатая природа регионов, контрастная, самобытная, а также неповторимые особенности градостроительной архитектуры старинных городов и современных мегаполисов давно и прочно являются убедительной причиной того, что иностранцы преодолевают

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

довольно протяженные маршруты, чтобы изучить и познать то, где обитает непостижимая русская душа, разгадать которую грезят философы всего мира уже не одно столетие.

Поскольку, как видим, присутствие адвенальных лиц на территории Российской Федерации есть явление неизбежное и постоянное, можно с большой долей достоверности полагать, что отечественной наукой накоплен солидный опыт по части изучения различных их характеристик. Столь же уместно предположить, что на основе этого разнообразного и многослойного опыта возможно выработать системный подход к прогнозированию и того, какова в определенный период будет криминогенная обстановка, и того, как осуществлять производства по уголовным делам. Так, например, осмелимся предложить следующую общую модель классификации противоправных деяний, которые связаны с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства:

- преступления, совершенные адвенальными лицами в отношении адвенальных лиц. Нередки случаи, когда адвенальные лица совершают преступления в отношении себе подобных, и это тоже можно заранее предугадать, изучив среду, привычки, максимальное количество сведений и тех, кто оказался на территории РФ;

- преступления, совершенные адвенальными лицами в отношении неадвенальных лиц. Порой адвенальные субъекты пересекают границу РФ именно для того, чтобы совершить здесь противоправное деяние. Те возможные причины, по которым своей жертвой преступник избрал именно гражданина чуждой ему страны, следствию необходимо определить и учесть для сбора убедительной доказательственной базы;

- преступления, совершенные в отношении адвенальных лиц неадвенальными лицами. Менталитет жертвы разительно отличается от присущего преступнику, что придает произошедшему определенные маркеры, которые и позволяют понять, какой же состав действующих лиц имел место быть;

- преступления, совершенные адвенальными лицами в отношении не какого-то конкретного лица, находящегося на территории РФ, а, например, экологии или памятников архитектуры и искусства. Такие преступления, как и ход следствия по уголовному делу, тоже имеют свои особенности, вовремя учесть которые означает своевременно повлиять на профилактику, снизить возможное количество преступлений, а также повысить качество расследования уголов-

ных дел, что в конечном итоге придает эффективность всей служебной деятельности;

- преступления, совершенные адвенальными лицами, в условиях, когда их на это побудили неадвенальные лица. Зная, в какой среде находятся прибывшие из-за границы лица, с кем чаще всего взаимодействуют и от кого могут перенимать привычки и взгляды, можно спрогнозировать, попадут ли они в ситуацию, когда кто-то из ближнего окружения будет подстрекать их к совершению противоправных действий.

Собственно, это одни из ключевых сведений, что надо иметь в виду при производстве по уголовному делу: кто и в отношении кого совершил преступное деяние. Максимально полные ответы на эти вопросы способствуют тому, чтобы доказательственная база пополнялась убедительными сведениями. Зная, кто перед ними находится, следователь и сотрудник оперативного подразделения могут разработать систему взаимодействия, отвечающую нуждам служебных задач.

Преступления могут быть разнообразными, в зависимости от целей и мотивов преступника: преступления против личности; против собственности; нравственности и половой неприкосновенности; против общественной безопасности; против здоровья населения и общественной нравственности; экологические преступления и иные [3; 4]. Естественно, классификация основывается на базисе Уголовного кодекса РФ, поскольку именно данный нормативный правовой акт регламентирует перечень деяний, опасных для общества, недопустимых, и потому преследуемых действующим законодательством. Примечательно, что Уголовный кодекс РФ в действующей ныне редакции отдельными вехами подходит к тому, как с точки зрения уголовного закона относиться к психически нездоровым людям и тем, кто в момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения. Существуют две отдельные статьи: ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» и ст. 23 «Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения». Адвенальным же лицам отдельные статьи не посвящены, очевидно, законодатель не считает, что иностранные граждане или лица без гражданства находятся в каком-то особом состоянии, схожем с тем, что описано в ст. 22 и 23. Стало быть, законодатель оставляет научному сообществу в согласии с практиками благодатную почву для совместных гипотез и разработок.

Исходя из того, какие особенности имеют адвентальные лица (профессиональная принадлежность, способ проведения досуга, образование, социальный статус, уровень дохода, круг общения и т. д.), можно предположить, какова вероятность того, что данные субъекты станут жертвами преступлений либо сами их совершат. Например, если речь идет о трудовых мигрантах, которые прибыли на территорию России, чтобы участвовать в деятельности, где достаточно самой низкой квалификации, соответственно, речь идет не только о малообеспеченных, но и о малообразованных людях, психика таких субъектов имеет определенные особенности. Часто им присущи типичные черты: повышенная жажда обогащения сочетается с низким уровнем самосознания. То есть человек, возможно, длительное время живший и взрослевший в обстановке тотального социального неблагополучия, вероятно, будет иметь цель легко обогатиться, невзирая на законодательные запреты и возможные потери и страдания других людей.

Кроме того, важно понимать при прогнозировании того, какого рода преступления будут совершены и какие алгоритмы и каноны соблюдать при производстве по уголовным делам, в каком регионе находятся адвентальные

лица, что именно привлекло их в этой местности. Например, если потоки мигрантов устремляются туда, где произрастают редкие травы или водятся виды животных, занесенные в Красную книгу, тогда не беспочвенны будут предположения о том, что планируются преступления, направленные на причинение вреда природе и окружающей среде, произойдет незаконная добыча ресурсов и национальных богатств, которые находятся в зоне особого внимания и под охраной закона. Здесь, естественно, правоохранителям следует постоянно мониторить обстановку по прибытиям мигрантов, законных и незаконных, работать на упреждение, параллельно с прогнозированием того, как вести производство по уголовным делам, тщательно заниматься профилактикой. Результаты, которые дает профилактика разного рода преступлений, позволяют снизить массив уголовных дел и минимальным образом нагружать следственные и оперативные подразделения. Стало быть, чем эффективнее профилактические мероприятия, тем меньше необходимости в прогнозировании расследования преступлений, тем меньше усилий тратится на данное направление, и тем меньше в конечном итоге ущерб от преступной деятельности для общества и отдельных его членов.

Список источников

1. Варданыан А.В. Интеграция уголовно-правовых знаний в контексте закономерностей развития юридической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1(25).

2. Фойгель Е.И. О криминалистической классификации участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2(36).

3. Варданыан А.В., Андреев А.С., Делов Н.С. Криминалистическая характеристика умышленного уничтожения или повреждения имущества. М., 2024.

4. Варданыан А.В., Андреев А.С., Делов Н.С. Особенности первоначального и последующего этапов расследования умышленного уничтожения или повреждения имущества. М., 2024.

References

1. Vardanyan A.V. Integration of criminal law knowledge in the context of patterns of development of legal science // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 1(25).

2. Foigel E.I. On the forensic classification of participants in criminal proceedings // Siberian criminal procedural and forensic readings. 2022. № 2(36).

3. Vardanyan A.V., Andreev A.S., Delov N.S. Forensic characteristics of intentional destruction or damage to property. Moscow, 2024.

4. Vardanyan A.V., Andreev A.S., Delov N.S. Features of the initial and subsequent stages of the investigation of deliberate destruction or damage to property. Moscow, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулешова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник 3-го отдела научно-исследовательского центра № 4. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuleshova Anna Vladimirovna, PhD in Law, Senior researcher of the 3-rd Department of the Research Center № 4. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25, p. 1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

НАРУШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Курилов Сергей Иванович

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, skurilov78@mail.ru

Введение: в статье рассмотрена процессуальная деятельность следователей и дознавателей системы МВД России, в результате которой допускается нарушение законности. В аспекте данного вопроса проведен анализ статистических данных и правоприменительной практики органов расследования преступлений, связанный с нарушением законности.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез. При помощи статистического метода изучено состояние дел в рассматриваемом направлении деятельности и определены проблемы, что в совокупности с другими методами позволило сформулировать предложения по совершенствованию указанной сферы деятельности.

Эмпирическую основу исследования составили письма, обзоры, распоряжения и указания Следственного департамента МВД России и Управления организации дознания МВД России, а также статистические данные, свидетельствующие о положении деятельности по соблюдению законности сотрудниками данных подразделений.

Результаты исследования: на основании анализа правоприменительной практики и статистических сведений дано понятие, выделены причины и нарушения законности в процессуальной деятельности органов предварительного расследования, а также предложена их классификация и рекомендации для снижения показателей данного направления.

Выводы и заключения: обосновывается вывод о том, что совокупность причин нарушений законности требует от законодателя разработки и реализации системы мер, а также совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данном контексте, что будет способствовать соблюдению законности следователями и дознавателями как одного из критериев эффективности предварительного расследования.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, нарушение законности, процессуальная деятельность.

Для цитирования: Курилов С. И. Нарушение законности в процессуальной деятельности органов расследования преступлений системы МВД России / С. И. Курилов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 144–150.

Original paper

VIOLATION OF LEGALITY IN THE PROCEDURAL ACTIVITY OF CRIME INVESTIGATION BODIES OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS SYSTEM

Kurilov Sergey Ivanovich

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines the procedural activities of investigators and inquiry officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which result in violation of the law. In the context of this issue, an analysis of statistical data and law enforcement practice of bodies investigating crimes related to violation of the law was carried out.

Materials and methods: general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis. Using the statistical method, the state of affairs in the area of activity under consideration was studied and problems were identified, which, in combination with other methods, made it possible to formulate proposals for improving this area of activity.

The empirical basis of the study was letters, reviews, orders and instructions of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Department for the Organization of Inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as statistical data indicating the state of activity on compliance with the law by employees of these units.

Results of the study: *based on the analysis of law enforcement practice and statistical information, a concept is given, the causes and violations of the law in the procedural activities of preliminary investigation bodies are identified, and their classification and recommendations for reducing the indicators of this area are proposed.*

Findings and conclusions: *the conclusion is substantiated that the combination of reasons for violations of the law requires the legislator to develop and implement a system of measures, as well as improve criminal procedure legislation in this context, which will facilitate the observance of the law by investigators and inquiry officers as one of the criteria for the effectiveness of the preliminary investigation.*

Keywords: *preliminary investigation bodies, violation of the law, procedural activity.*

For citation: *Kurilov S. I. Violation of legality in the procedural activity of crime investigation bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs system / S. I. Kurilov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 144–150.*

Соблюдение и уважение прав и законных интересов граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, их защита от необоснованного обвинения в совершении преступлений являются основным ориентиром в деятельности органов расследования преступлений. Органы расследования преступлений в своей процессуальной деятельности руководствуются уголовно-процессуальным законодательством, нарушение норм которого является нарушением законности.

В научной литературе законность в процессуальной деятельности различными авторами трактуется неоднозначно. Так, например, В.С. Афанасьев полагает, что законности присуще во все времена качество, которое связано с неуклонным исполнением участниками общественных отношений норм права [1, с. 209]. К.Б. Калиновский в своем исследовании использует подход к проблеме законности с позиции типов уголовного процесса [2, с. 8]. Н.В. Машинская считает, что соблюдение законности следователем и дознавателем выступает одним из критериев эффективности предварительного расследования [3, с. 73]. Л.А. Морозова выделяет три аспекта законности: законность как принцип государственно-правовой жизни, как средство обеспечения правового режима и как метод государственного управления обществом [4, с. 348]. Несомненно, также законность как один из принципов в уголовно-процессуальной деятельности находит свое закрепление в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Соглашаясь с мнением вышеуказанных авторов, а также учитывая нормы уголовно-процессуального права, на наш взгляд, под нарушением законности в рассматриваемом

аспекте следует понимать деятельность, связанную с несоблюдением или отступлением органов расследования преступлений в своей процессуальной сфере, в частности, от уголовно-процессуального принципа законности, а также в общем от норм уголовно-процессуального законодательства, результатом которой является нарушение соблюдения и уважения прав и законных интересов граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

В большинстве случаев нарушения уголовно-процессуального законодательства обусловлены неполнотой проведенной процессуальной проверки, низким качеством собранных материалов, неэффективным процессуальным и ведомственным контролем со стороны отдельных руководителей органов предварительного расследования в системе МВД России.

Так, например, следует отметить, что о нарушении законности на стадии возбуждения свидетельствует рост прекращенных в 2023 г. дел следственными подразделениями в связи с отсутствием события и состава преступления. Их количество возросло на 2,4 % и составило 4 026 дел (за аналогичный период прошлого года (далее – АППГ): 3 932), удельный вес от числа оконченных увеличился и составил 1,5 % (АППГ: 1,4 %). Из 4 026 уголовных дел, прекращенных производством (за исключением уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях), в отношении 399 лиц уголовные дела прекращены по реабилитирующим основаниям, повлекшим нарушения законности¹.

Несмотря на то, что по итогам 2023 г. количество отмененных постановлений о воз-

¹ Обзор о состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании уголовных дел следователями в 2023 г. (№ 17/2-14446 от 27.04.2023 г.).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

буждении уголовных дел возросло на 10,0 % (с 5 576 до 6 135)², просчеты в организации работы некоторых руководителей, не уделяющих должного внимания реализации своих процессуальных полномочий, неизбежно приводят к увеличению количества прекращенных дел по реабилитирующим основаниям.

Согласно распорядительным документам системы МВД России к нарушениям законности подразделениями следствия и дознания относятся: реабилитация лиц судом в ходе предварительного следствия и дознания в результате прекращения уголовных дел, а также содержание под стражей вышеуказанной категории лиц³.

Считается, что первоначальными причинами, способствовавшими нарушениям законности, являются: незаконное возбуждение уголовных дел в отсутствие оснований, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, в связи с неполнотой и некачественным проведением процессуальной проверки на первоначальном этапе сбора материала, неполнота проведенного расследования, направление в суд уголовных дел без достаточной доказательственной базы, в том числе сведений о привлечении подозреваемых к административной (уголовной) ответственности и исполнении состоявшихся судебных решений; неправильная оценка обстоятельств случившегося, общественной опасности и квалификации совершенного деяния; слабая специальная профессиональная подготовка сотрудников подразделений следствия и дознания.

В связи с этим следует согласиться с мнением Н.В. Машинской, что соблюдение законности при производстве по уголовному делу выступает важнейшим критерием его эффективности [3, с. 73]. О состоянии нарушения законности свидетельствуют статистические данные по результатам работы подразделений следствия и дознания⁴. Однако следует отметить, что положительным является то, что в 2023 г. наблюдается снижение количества лиц, реабилитированных судами.

Так, по уголовным делам, расследованным в 2023 г. следователями, их количество

по сравнению с 2022 г. сократилось с 372 до 308 (-64, или 17,2 %), а по уголовным делам, расследованным дознавателями, – со 186 до 151 (-35, или 18,8 %)⁵. Несмотря на это изучение судебно-следственной практики по линии дознания показало, что 92 из 151 (60,9 %) рассмотренных судебных решений не обжаловались. Из 59 обжалованных 23 оставлены без изменений, по 36 рассмотрению продолжается. Большая часть оправданных судами лиц (50, или 33,1 % от общего количества) по уголовным делам, направленным в суд подразделениями дознания о противоправных деяниях с административной преюдицией. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что дознавателями не всегда верно исчисляются сроки погашения судимости, не выясняются на этапе процессуальных проверок сведения о привлечении подозреваемых к административной ответственности и исполнении состоявшихся решений по административным делам.

Например, в УМВД России по г. Т. дознавателем возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. При этом не учтено, что подозреваемый ранее осужден за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, и на момент совершения повторного деяния не имел судимости⁶.

Также анализ структуры преступлений по линии следствия, по которым допущена судебная реабилитация, показал, что из 308 фактов вынесения оправдательных приговоров наибольшая часть решений принята по преступлениям общеуголовной направленности – 35,8 %, в сфере экономики и коррупции – 33,1 %, в сфере незаконного оборота наркотических средств – 11,4 %, против безопасности дорожного движения – 7,2 %, против личности – 6,7 %, по иным составам – 5,8 %⁷.

Отдельно обращает на себя внимание проблема применения положений ч. 2 ст. 14 УПК РФ и вынесения оправдательных приговоров по причине малозначительности причиненного ущерба. На сегодняшний день еди-

² Там же. Из указанного числа 2 725 (44,4 %) постановлений отменены надзирающими прокурорами, 3 410 (55,6 %) – руководителями следственных подразделений, в том числе ГСУ (СУ, СО).

³ «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России: распоряжение МВД России от 19.07.2021 № 1/8120». Доступ из справ. правовой системы СТРАС «Юрист»; Об оценке деятельности территориальных органов МВД России по осуществлению дознания: распоряжение МВД России от 30.08.2018 № 1/10035». Доступ из справ. правовой системы СТРАС «Юрист».

⁴ Статистические сведения представлены из формы федерального статистического наблюдения № 1-Е (ф. 120, кн. 523), без снятых с учета в связи с отменой оправдательных приговоров. URL: <https://svps.mvd.ru/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁵ Там же.

⁶ Аналитический обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2023 год (№ 1/3224 от 21.03.2024 г.).

⁷ Там же. Статистические сведения представлены из формы федерального статистического наблюдения.

ная судебная практика по использованию положений данной нормы закона отсутствует.

Так, СУ УМВД России по г. К. не принял во внимание размер ущерба (менее 2 500 руб.) по уголовному делу № 122..., возбужденному в отношении С. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что впоследствии явилось основанием постановления судом оправдательного приговора⁸.

В связи с этим следует отметить, что каждый пятый из незаконно привлеченных к уголовной ответственности по уголовным делам подразделений дознаний (30, или 19,9 % от общего числа, АППГ – 30, или 16,1 %) оправдан судами по причине малозначительности совершенного деяния, что обусловлено недостаточным вниманием дознавателей к оценке деяний с позиции их общественной опасности и направленности умысла подозреваемых (обвиняемых). Так, например, Центральным районным судом г. Читы уголовное дело в отношении ранее совершавшего мелкие хищения С., похитившего путем свободного доступа в помещении магазина «Хлеб-Соль» шоколад «Альпен Гольд» стоимостью 54 руб., прекращено в связи с малозначительностью.

Следующим негативным моментом в рассматриваемом в статье вопросе является то, что снижение контроля за применением и соблюдением дознавателями требований уголовно-процессуального законодательства в 10 случаях привело к прекращению судами уголовных дел ввиду допущенных нарушений УПК РФ и признания доказательств недопустимыми.

Так, например, мировым судьей Ленинского судебного участка Еврейской АО уголовное дело в отношении Ч., причинившего легкий вред здоровью своему знакомому Е., с которым вместе распивали спиртное, прекращено по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием заявления от потерпевшего либо его законного представителя.

Недостатки в обучении и профессиональном становлении личного состава, отсутствие должного процессуального контроля за проведением последственных проверок по заявлениям о преступлениях и расследованием уголовных дел, полнотой сбора доказательств вины, объективной и юридически правильной оценки обстоятельств случившегося приводят к оправданию лиц и прекращению уголовных дел судами.

О вышесказанном свидетельствует, например, тот факт, что Советским районным судом г. Омска дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В ходе судебного заседания установлено, что вещества – ацетилкоден, 6-моноацетилморфин и диацетилморфин (героин) – массой 0,5 гр. не образуют значительный размер наркотического средства для целей ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ⁹.

Следует отметить, что несмотря на то, что в 2023 г. уменьшилось с 365 до 347 (-18, или 4,9%) число лиц, в отношении которых на стадии дознания уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, количество реабилитированных лиц на стадии предварительного следствия увеличилось на 9,6 % и составило 399 лиц. Анализ структуры преступлений, по которым реабилитация допущена на стадии предварительного следствия (399), показывает, что наибольшая часть реабилитирующих решений принята по преступлениям общеуголовной направленности – 37,3 %, не представляющим особой сложности в расследовании, в сфере экономики и коррупции – 34,7 %, в сфере незаконного оборота наркотических средств – 10,3 %, против безопасности дорожного движения – 7,5 %, против личности – 4,7 %, по иным составам – 5,5 %. В большинстве случаев нарушения конституционных прав граждан на досудебной (37,3 %), судебной (35,8 %) стадиях допускаются по делам общеуголовной направленности¹⁰.

Следует отметить, что нарушения по указанной категории дел допускаются следователями на всех этапах уголовного процесса, начиная со стадии процессуальной проверки и заканчивая неверной оценкой доказательств на предварительном следствии. По-прежнему допускаются нарушения конституционных прав граждан на досудебной (33,7 %), судебной стадиях (32,1 %) по делам экономической и коррупционной направленности. Зачастую решения о возбуждении уголовных дел принимаются по поступившим из УЭБиПК материалам проверок, собранным не в полном объеме. Впоследствии оказывается, что выявленные в ходе расследования обстоятельства должны были быть установлены еще на стадии проведения процессуальной проверки, но проигнорированы органом дознания.

⁸ Обзор о состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании уголовных дел следователями в 2023 г. (№ 17/2-14446 от 27.04.2023 г.).

⁹ Аналитический обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2023 г. (№ 1/3224 от 21.03.2024 г.).

¹⁰ Там же. Статистические сведения представлены из формы федерального статистического наблюдения.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

По уголовным делам в сфере незаконно оборота наркотических средств незаконному привлечению граждан к уголовной ответственности на досудебной, судебной стадиях способствует низкое качество предоставляемых в органы предварительного следствия материалов оперативно-розыскной деятельности, которые надлежащим образом следователями не оцениваются, что свидетельствует о недостаточном уровне организации взаимодействия между подразделениями территориальных органов внутренних дел. Вследствие этого по уголовным делам указанной категории в связи с допущенными недостатками в документировании преступлений на досудебной стадии реабилитировано 11 лиц, судебной – 22.

Так, например, по уголовному делу № 122 сотрудником органа дознания проведен осмотр места происшествия по месту жительства обвиняемого Н. без его письменного согласия, в ходе производства которого из незаконного оборота изъято наркотическое средство синтетического происхождения¹¹.

В большинстве случаев незаконное уголовное преследование граждан обусловлено неверным подходом к оценке деяний с позиции их общественной опасности и направленности умысла подозреваемых (обвиняемых) без надлежащего изучения материалов доследственной проверки. Как итог, следователями и дознавателями принимаются незаконные решения о возбуждении уголовных дел при отсутствии поводов и оснований, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, при неисследовании в полном объеме обстоятельств произошедшего, исключающих преступность деяния по причине отсутствия события, состава преступления.

Так, например, в ОД ОМВД России по г. Ж. необоснованно привлечен к уголовной ответственности за угон С., который руками сдвинул с места автомобиль, мешавший выезду, а в МВД по Ч-кой Республике и УМВД России по Н-кой области дознанием незаконного квалифицированы по ст. 264.1 УК РФ действия лиц, толкавших автомобили без запуска двигателей.

Также следует отметить, что для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в случае, если размер причиненного ущерба незначительно превышает сумму, установленную для разграничения преступления и ад-

министративного правонарушения, сотрудниками следствия и дознания не всегда проверяются экспертным путем сведения об ущербе, заявленные потерпевшими.

Например, в отношении Д., который похитил автомобильные диски, было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ. При этом стоимость похищенного, не превысившая 2 500 руб., установлена только в ходе судебного следствия по результатам проведенной товароведческой экспертизы, что привело к прекращению производства по реабилитирующему основанию.

Однако необходимо заметить, что не всегда выводы дознавателей об отсутствии в деяниях подозреваемых состава преступления являются обоснованными. Например, в ОМВД России по К-му району прекращено уголовное дело в отношении К. по факту кражи ноутбука и пилы. Однако дознавателем не принято во внимание, что пила, переданная К. во временное владение, впоследствии им присвоена и реализована третьему лицу. Незаконное процессуальное решение отменено надзирающим прокурором. Уголовное дело направлено с обвинительным актом в суд, вынесен обвинительный приговор¹².

Приведенные примеры лишний раз подтверждают, что большинство нарушений законности допускаются на стадии возбуждения уголовного дела. Впоследствии по результатам расследования и рассмотрения уголовных дел в судах выводы не отличаются от тех, которые были очевидны при проведении процессуальных проверок.

Также продолжая говорить о видах нарушений законности, следует отметить, что несмотря на снижение в 2023 г. на 35,2 % (с 71 до 46) количества лиц, незаконно содержащихся под стражей, количество реабилитированных лиц, содержащихся по стражей, на 1000 лиц по направленным в суд уголовным делам следователями, не изменилось и составило 0,2 лица (АППГ: 0,2). В отношении большинства лиц, получивших право на реабилитацию по делам общеуголовной направленности, незаконно применялись меры пресечения в отсутствие оснований и условий, предусмотренных ст. 97–99 УПК РФ.

Так, по уголовному делу № 1200..., возбужденному СО ОМВД России по П-му району по ч. 2 ст. 158 УК РФ, следователь, основываясь лишь на явке с повинной С., избрал

¹¹ Там же. Аналитический обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2023 г. (№ 1/3224 от 21.03.2024 г.).

¹² Там же. Обзор о состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании уголовных дел следователями в 2023 г. (№ 17/2-14446 от 27.04.2023 г.).

в отношении него меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В дальнейшем С. сообщил, что написал явку с повинной под давлением оперативных сотрудников, инкриминируемого преступления не совершал. Учитывая, что в ходе предварительного следствия иных доказательств виновности С. не получено, уголовное преследование в отношении него прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ¹³.

Из вышеуказанного обстоятельства следует, что основными причинами, повлекшими необоснованное избрание меры пресечения, являются непроведение следователями необходимого объема следственных действий, непонимание необходимости сбора доказательств с последующей оценкой их с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела.

Как закономерный итог вышеприведенного анализа допущенных фактов незаконного возбуждения, прекращения уголовных дел следователями не могли не повлиять на рост количества удовлетворенных судами исков о компенсации морального вреда в порядке, предусмотренном ст. 1070 ГК РФ, в связи с незаконными привлечением к уголовной ответственности, избранием меры пресечения и нарушением права на судопроизводство в разумный срок. По сравнению с 2022 г. количество удовлетворенных исков в 2023 г. по линии следствия увеличилось на 1,9 % (с 783 до 798), взысканная сумма возросла на 33,6 % (с 144,1 до 192,39 млн руб.).

Анализ причин удовлетворения большинства исков о возмещении вреда в порядке, предусмотренном ст. 1070 ГК, показал, что в основном допускаются нарушения, повлекшие полное либо частичное прекращение уголовного преследования. В 2023 г. количество удовлетворенных исков данной категории составило 462, или 67,6 %¹⁴.

В связи с этим следует помнить, что согласно ст. 1081 ГК РФ государство вправе взыскать размер выплаченного возмещения в порядке регресса со следователей и дознавателей, неправомерными действиями которых нарушены конституционные права граждан.

Таким образом, из проведенного анализа нарушений законности на практике можно сделать вывод, что они в основном допускаются из-за ненадлежащей организации руководителями подразделений следствия и

дознания ведомственного и процессуального контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Таким образом, можно выделить и предложить следующую классификацию причин нарушения законности, исходя из стадий уголовного процесса, а также этапов предварительного расследования и принятия процессуальных решений.

1. Исходя из стадий уголовного процесса:

1.1. При проведении процессуальной проверки:

– проведение проверочных мероприятий не в полном объеме, неустановление признаков преступления;

– нарушения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе влекущие признание доказательств недопустимыми.

1.2. При возбуждении уголовного дела:

– незаконное возбуждение уголовного дела (при отсутствии поводов и оснований, состава преступления).

2. На этапах предварительного расследования, принятия процессуальных решений:

2.1. При сборе и оценке доказательств:

– нарушения УПК России при проведении следственных действий, влекущие признание доказательств недопустимыми;

– нарушения федерального законодательства при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

2.2. При предъявлении обвинения:

– нарушения требований ст. 75, 88 УПК России при оценке полноты и достаточности подтверждающих вину доказательств.

2.3. При избрании меры пресечения:

– нарушения требований ст. 97, 99 УПК России при избрании меры пресечения.

2.4. При окончании предварительного расследования:

– нарушение требований ст. 215, 220 УПК России при составлении обвинительного заключения.

Многокомпонентный состав указанной выше совокупности причин нарушений законности требует от законодателя разработки и реализации системы мер, а также совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данном контексте, что будет способствовать соблюдению законности следователями и дознавателями как одного из критериев эффективности предварительного расследования.

С учетом изложенного для снижения показателей нарушения законности и повышения

¹³ Там же.

¹⁴ Аналитический обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2023 г. (№ 1/3224 от 21.03.2024 г.).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

эффективности деятельности по обеспечению соблюдения законности руководителям подразделений следствия и дознания на постоянной основе рекомендуется:

- организация полного и качественного проведения доследственных проверок, в том числе о противоправных деяниях с преюдицией;
- тщательное изучение материалов уголовных дел и введение персональной ответственности за результаты рассмотрения уголовных дел в суде;
- регулярное обобщение выявленных нарушений и рассмотрение их на совещаниях и занятиях с личным составом с целью исключения подобных фактов в процессуальной деятельности;

– проведение рабочих встреч с представителями прокуратуры, суда для обсуждения и урегулирования проблемных вопросов, возникающих при расследовании конкретных уголовных дел, поддержании обвинения в судах;

– систематическое обучение и доведение новелл законодательства до личного состава подразделений следствия и дознания, директивных документов МВД России, указаний, методических пособий, алгоритмов действий и обзоров, в которых указаны конкретные поручения и рекомендации по организации ведомственного и процессуального контроля за полнотой и качеством проведения проверок по сообщениям о преступлениях и ходом расследования уголовных дел.

Список источников

1. Афанасьев В.С. Законность и правопорядок // Теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1996.
2. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
3. Машинская Н.В. Соблюдение законности следователем/дознавателем как критерий эффективности предварительного расследования // Правовая мысль. 2021. № 2(3).
4. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М., 2002.
5. Нечаев А.А., Курилов С.И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: учебное пособие. М., 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курилов Сергей Иванович, кандидат юридических наук, начальник кафедры управления расследования преступлений. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
ORCID: 0000-0002-7243-9624

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurilov Sergey Ivanovich, PhD in Law, Head of the Department of Crime Investigation Management. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

References

1. Afanasyev V.S. Legality and Law and Order // Theory of Law and State / edited by V.V. Lazarev. Moscow, 1996.
2. Kalinovsky K.B. Legality and Types of Criminal Procedure: dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 1999.
3. Mashinskaya N.V. Compliance with the Law by the Investigator / Interrogator as a Criterion for the Effectiveness of the Preliminary Investigation // Legal Thought. 2021. № 2 (3).
4. Morozova L.A. Theory of State and Law: textbook. Moscow, 2002.
5. Nechaev A.A., Kurilov S.I. Organization of the Activities of Preliminary Investigation and Inquiry Bodies in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Study Guide. Moscow, 2021.

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (СТ. 210.1 УК РФ): ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Лозовский Денис Николаевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация dlozovsky@mail.ru

Введение: организованная преступность – это очень опасное и многостороннее проявление современного общества, борьба с которым ведется уже не первый год. С течением времени меняются формы организованной преступности и направления ее деятельности, что значительно затрудняет выработку конкретных методов и способов по противодействию ей. Одним из направлений по противодействию организованной преступности явилось введение уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Анализ судебной практики показал наличие проблем, связанных с расследованием данного преступления, в частности, толкованием основных понятий, отграничением от смежных составов, определением предмета доказывания, проведением отдельных следственных действий.

Материалы и методы: в процессе подготовки статьи были использованы общий диалектический метод научного познания, методы логической дедукции, индукции.

Результаты исследования: на основе анализа судебно-следственной практики рассмотрены организационные и тактические аспекты расследования занятия высшего положения в преступной иерархии. В частности, установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию, выявлены особенности процесса доказывания.

Выводы и заключения: мониторинг судебно-следственной практики показал, что действующее законодательство в целом позволяет правоохранительным органам осуществлять адекватное противодействие организованной преступности и расследование уголовных дел рассматриваемой категории. Предложенные рекомендации направлены на повышение эффективности выявления и расследования преступлений указанной категории.

Ключевые слова: организованная преступность, «вор в законе», высшее положение в преступной иерархии, тактика производства отдельных следственных действий, предмет доказывания.

Для цитирования: Лозовский Д. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): организационные и тактические аспекты расследования / Д. Н. Лозовский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 151–157.

Original paper

OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY (ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION

Lozovsky Denis Nikolaevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: organized crime is a very dangerous and multifaceted manifestation of modern society, the fight against which has been going on for many years. Over time, the forms of organized crime and the areas of its activity change, which significantly complicates the development of specific methods and ways to counteract it. One of the areas of counteracting organized crime was the introduction of criminal liability for occupying a high position in the criminal hierarchy. An analysis of judicial practice showed the existence of problems asso-

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ciated with the investigation of this crime, in particular, the interpretation of basic concepts, distinction from related offenses, determination of the subject of proof, and the conduct of individual investigative actions.

Materials and methods: in the process of preparing the article, the general dialectical method of scientific knowledge, methods of logical deduction, and induction were used.

Results of the study: based on the analysis of judicial and investigative practice, the organizational and tactical aspects of the investigation of occupying a high position in the criminal hierarchy are considered. In particular, the circumstances subject to proof are established, and the features of the proof process are revealed.

Findings and conclusions: monitoring of judicial and investigative practice has shown that current legislation in general allows law enforcement agencies to adequately counter organized crime and investigate criminal cases of the category under consideration. The proposed recommendations are aimed at increasing the effectiveness of identifying and investigating crimes of this category.

Keywords: organized crime, «thief in law», the highest position in the criminal hierarchy, tactics of individual investigative actions, subject of proof.

For citation: Lozovsky D. N. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): organizational and tactical aspects of the investigation / D. N. Lozovsky // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 151–157.

Организованная преступность считается одним из особо опасных явлений современного общества. Борьба с ней представляется наиболее эффективной уже на этапе профилактики и предупреждения. Многолетний опыт противодействия организованным сообществам криминальной направленности позволяет в настоящее время наметить определенный вектор работы не только правоохранительных органов, но и всего общества в целом.

Законодатель постоянно находится в поиске оптимального способа решения возникающих проблем на пути противодействию организованной преступности, благодаря чему постоянно реформируется имеющаяся юридическая база. Вводятся новые статьи, конкретизируются уже имеющиеся нормы, появляются разъяснения спорных вопросов. Введение уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ является важным шагом в борьбе с организованной преступностью.

В доказательственной деятельности по уголовному делу огромное значение имеют обстоятельства, подлежащие доказыванию. В криминалистике, науке уголовно-процессуального права и теории доказывания рассматриваемой категории уделяется особое внимание.

Традиционно считается, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, составляют предмет доказывания по уголовному делу [1, с. 12]. Предмет доказывания находит свое законодательно выражение в нормах уголовно-процессуального закона (ст. 73 УПК РФ). Как отмечает К.С. Ушакова, нормы, регламентирующие производство по уголовному делу на различных этапах, представляют собой не что иное, как процессуальную форму доказывания, имеющую

особенности применительно к каждой стадии судопроизводства [2, с. 187]. Поэтому процессуальную основу доказывания, в том числе в его криминалистическом понимании, составляют положения и требования УПК РФ.

Обстоятельства, обозначенные в ст. 73 УПК РФ, представляют собой универсальную конструкцию, которая распространяется на все группы и виды преступлений. В то же время конкретное содержание предмета доказывания зависит от преступления, которое подлежит расследованию. Согласимся с мнением В.С. Соркина и Д.А. Чернявской о том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, соотносятся с элементами состава преступления, которые предусмотрены уголовным правом [3, с. 400]. Иными словами, в практическом смысле предмет доказывания включает те обстоятельства, которые подлежат доказыванию по конкретному уголовному делу и отражают определенный состав преступления, предусмотренный УК РФ.

Относительная новизна состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, порождает практические проблемы определения обстоятельств, подлежащих доказыванию по таким уголовным делам, поскольку практика еще не выработала четкого алгоритма расследования таких преступлений.

Согласимся с мнением И.А. Ретюнских и Е.Л. Федосеевой о том, что предмет доказывания по рассматриваемой категории дел составляют два основных обстоятельства:

- 1) особый статус лица, занимаемый в преступной иерархии;
- 2) благодаря этому статусу возможно реальное влияние на членов организованного

сообщества, находящегося под управлением данного лица [4, с. 187].

Специфика состава, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, такова, что при его характеристике необходимо в определенной степени отойти от чисто юридического содержания преступления, элементов его состава и обращаться к нормам и обычаям тюремной субкультуры. Анализ судебной практики по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии показывает, что суды при оценке обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, исходят из понятия «вор в законе», которое не имеет законодательного регулирования.

Правоприменитель исходит из того, что понятие «вор в законе» как подтверждение занятия высшего положения в преступной иерархии предполагает наделение лица таким вполне определенным и однозначным криминальным статусом другими лидерами преступного мира. Содержание статуса «вора в законе» состоит в следующем:

1) подчинении всех лиц уголовно-криминальной направленности, имеющих более низкие криминальные статусы, воле «вора в законе»;

2) безоговорочном авторитете «вора в законе»;

3) приверженности, распространении и сохранении «вором в законе» преступных традиций;

4) обладании организационно-распорядительными функциями, которые позволяют «вору в законе» контролировать различные направления деятельности криминальных структур в России и обеспечивать их существование.

Определенные признаки, которые характеризуют человека, занимающего высшее положение в преступной иерархии, имеют определенную форму выражения, которые важны для определения обстоятельств, которые необходимо доказать в рамках уголовного дела. Иными словами, на этапе возбуждения уголовного дела подлежат установлению объективные признаки, свидетельствующие о принадлежности лица к криминальной субкультуре и обладании им именно конкретным криминальным статусом.

Таким образом, ритуальность, присущая криминальной субкультуре, позволяет выявить объективные признаки, свидетельствующие о принадлежности лица к числу «воров в законе». Неслучайно в науке «вором в законе» называется человек, в отношении ко-

торого выполнена формальная процедура так называемого «коронования» [5, с. 432].

В связи с изложенным отметим, что криминальная субкультура, которая характеризуется целым комплексом правил, определенным порядком наделения статусом «вора в законе» и его реализации самим лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, а также другими участниками преступного мира, позволяет следственным органам выявлять факты, свидетельствующие о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Важно заметить, что «воровской закон» традиционно запрещает вору скрывать свой статус, в том числе и от сотрудников правоохранительных органов, поэтому выявление и доказательственное подтверждение обстоятельств, подлежащих доказыванию по таким уголовным делам, не было сопряжено с соответствующими трудностями для следователя и оперативных сотрудников. В то же время известно, насколько быстро преступный мир реагирует на изменение уголовной политики в государстве. После дополнения УК РФ ст. 210.1 «воровской закон» подвергся удобным для преступников корректировкам. По замечанию А.В. Агаркова и А.А. Шиков, теперь неписаные нормы поведения разрешают отрицать наличие статуса «вора в законе» и делать даже более громкие заявления [6, с. 81]. В связи с этим в современных условиях развития криминальной субкультуры следователи в большей степени, чем ранее, сталкиваются с противодействием расследованию преступлений.

Необходимо отметить, что наличие у лица высокого криминального статуса уже обусловлено его участием в преступной деятельности. Поэтому факт занятия высшего положения в преступной иерархии может быть установлен при расследовании таких преступных деяний, как организация преступного сообщества или участие в нем (ст. 210 УК РФ), незаконные сбыт, хранение, перевозка огнестрельного оружия и боеприпасов (ст. 222 УК РФ), незаконный оборот наркотиков (ст. 228–228.4, ст. 229.1 УК РФ и др.), кража (ст. 158 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), наконеч, убийство (ст. 105 УК РФ) и многие другие, которые могут быть реализованы в рамках организованной преступности.

Кроме того, источником сведений о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии может выступать информация из

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

администрации следственного изолятора либо исправительного учреждения, где содержится такое лицо. Например, в криминальной субкультуре существует такой ритуал, как «воровской прогон».

В научной литературе выделяют и другие источники информации о факте занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Например, по мнению И.А. Ретюнских, такая информация может быть получена оперативным путем с помощью фото- и видеофиксации (могут быть задокументированы встречи криминальных авторитетов, где участвовал фигурант), а также в результате прослушивания телефонных переговоров [7, с. 143].

Так, по одному из изученных уголовных дел А., отбывая наказание по приговору Никулинского районного суда г. Москвы, был этапирован в ФКУ Т УФСИН России по Саратовской области, где среди содержащихся лиц распространена информация, путем направления записки («прогона»), подготовленной от имени «вора в законе» С., о наличии у А. криминального статуса «вор в законе».

В последующем в течение года А., отбывая наказание в местах и учреждениях принудительной изоляции от общества, расположенных на территории Саратовской области, распределял сферы влияния в уголовно-преступной среде, присваивая высшие криминальные статусы своим доверенным лицам, а также иными способами выполнял организационно-распорядительные и дисциплинарные функции в уголовно-преступной среде.

Согласно негласным правилам криминальной идеологии лица, совершившие поступки, причинившие вред репутации лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, в том числе связанные с оказанием содействия правоохранительным органам, подлежат преследованию вплоть до физической расправы. Несмотря на это, благодаря надлежащему взаимодействию следователя с оперативными службами УФСИН России по Саратовской области, ГУФСИН России по Нижегородской области, УФСИН России по Кировской области, УУР ГУ МВД России по Саратовской области, установлены и допрошены свидетели занятия обвиняемым А. высшего положения в преступной иерархии, а также обеспечена безопасность участников уголовного судопроизводства. Данные о личности допрашиваемых лиц сохранены в тайне в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Кроме того, следователем осмотрены предоставленные оперативными сотрудниками фотографии и видеозаписи личных досмотров А. при его прибытии в исправительные учреждения Кировской и Саратовской областей. Заключение криминалистической экспертизы установлен факт нанесения А. на свое тело татуировок в целях подтверждения и демонстрации своего высшего преступного статуса.

В ходе осмотра мобильного телефона, изъятых из тайника в ФКУ Т УФСИН России по Саратовской области, в его памяти обнаружены и скопированы на диск аудиофайлы. Согласно заключению эксперта, в зафиксированных разговорах имеются голос и речь А. Лингвистической экспертизой установлено, что участники беседы обсуждают наличие «воровского» статуса и положения «воров в законе» у других лиц.

Иными доказательствами, послужившими основанием для предъявления А. обвинения по ст. 210.1 УК РФ, явились:

– протокол осмотра видеозаписи, в ходе которой зафиксирован факт прибытия А. в СИЗО-1 УФСИН России по Саратовской области, где его как «вора в законе» приветствовали заключенные, издавая стук различными предметами о металлические двери камер;

– протокол осмотра видеозаписи, на которой запечатлена беседа А. и двух сотрудников полиции. Согласно заключению психолого-лингвистической экспертизы, анализ разговора на видеозаписи позволяет сделать вывод, что А. относит себя к группе «воры в законе».

Центральное место в процессе расследования уголовного дела занимают процессуальные средства, с помощью которых может быть установлен комплекс обстоятельств, которые свидетельствуют о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Так, процессуальными средствами получения криминалистически значимой информации на стадии доследственной проверки может быть получение объяснений от лица, в отношении которого проводится проверка. Учитывая общий запрет на сокрытие «вором в законе» своего криминального статуса именно в результате получения объяснения, следователь устанавливает интересующий его факт. В рамках получения объяснений необходимо тщательно исследовать вопрос об «официальном» криминальном статусе лица, о его роли в преступном мире, конкретных функциях, которые он исполняет в своем статусе и др. Также до возбуждения уголовного

дела могут быть опрошены сотрудники правоохранительных органов, занимающихся оперативной разработкой криминального авторитета, в качестве очевидцев (свидетелей).

Объективным обстоятельством, которое может свидетельствовать о наличии у лица высокого криминального статуса, является в том числе обнаружение на теле такого лица татуировок, относящихся к типу тюремных. Поэтому в стадии возбуждения уголовного дела информация о наличии конкретных татуировок может дать вполне достаточные сведения о принадлежности лица криминальной субкультуре.

Анализ норм УПК РФ и практики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, при котором освидетельствование может предоставить ценную криминалистически значимую информацию, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, согласимся с мнением В.А. Семенцова, который полагает обоснованным производство освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела в отношении лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, а также свидетеля [8, с. 27]. Развивая указанную позицию, отметим, что в процессе проверки сообщения о преступлении, до того, как будет возбуждено уголовное дело, освидетельствуемое лицо может выступать в качестве участника процесса. В данном случае речь идет о лице, предположительно являющемся «вором в законе». Несовершенство формулировки ст. 179 УПК РФ, которая причисляет к лицам, в отношении которых может быть произведено освидетельствование, только подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, видится в том, что в УПК РФ в принципе отсутствует концепция процессуального статуса лиц, являющихся участниками досудебного производства до возбуждения уголовного дела. Поэтому в случае с освидетельствованием необходимо расширительно толковать положения ч. 1 ст. 179 УПК РФ во взаимосвязи с нормой ч. 1 ст. 144 УПК РФ, имея в виду, что освидетельствуемым лицом может быть участник процесса, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Во-вторых, применение принуждения в рамках освидетельствования лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, должно признаваться возможным и допустимым в целях решения задач стадии возбуждения уголовного дела.

Отметим, что вообще вопрос о допустимости принуждения при производстве освиде-

тельствования относится к числу дискуссионных в науке. Одни ученые считают недопустимым применять процессуальное принуждение при освидетельствовании до возбуждения уголовного дела без письменного согласия освидетельствуемых лиц [9, с. 98–113]. Другие полагают, что до возбуждения уголовного дела принудительно может быть освидетельствовано лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении [10, с. 27–28].

На наш взгляд, в случае с расследованием занятия высшего положения в преступной иерархии споры о возможности применения мер принуждения излишни. Необходимо исходить из того, что лицо, которое является постоянным участником преступного мира, отличается рядом психологических и идеологических особенностей, которые демонстрируют его приверженность криминальной идеологии и отрицание ценности общественных благ, защищаемых уголовным законом. Активное противодействие расследованию, которое будет выражено в постоянной конфликтной ситуации между освидетельствуемым и следователем, обуславливает вынужденный характер применения к освидетельствуемому лицу мер принуждения.

Другой вопрос – пределы принуждения, которое допустимо применять к лицу, предположительно занимающему высшую степень в преступной иерархии. Возможность применения физической силы при производстве освидетельствования также является проблемой современной науки и практики. Одни авторы считают недопустимым применение силы к освидетельствуемому лицу, поскольку такое лицо может характеризоваться нестабильностью психического состояния [11, с. 119–122]. Другие ученые, наоборот, настаивают на законодательном наделении следователя непосредственным правом на применение физического принуждения [12, с. 44–48].

Не отрицая важность соблюдения гуманистических принципов уголовного судопроизводства, все же полагаем, что специфика освидетельствуемого лица в случае с расследованием преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, вынуждает следователя особым образом подходить к выбору методов, применяемых при производстве освидетельствования. В любом случае поведения следователя не должно выходить за рамки требований ст. 9 УПК РФ.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Важную роль в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии играет допрос подозреваемого. Учитывая непосредственную принадлежность подозреваемого к преступному миру и криминальной идеологии, которая не признает авторитет правоохранительных органов и закона, допрос подозреваемого, как правило, проводится в условиях конфликтной ситуации и активного противодействия расследованию.

Поскольку правила криминальной субкультуры меняются исходя из фактических условий реализации уголовной политики, несмотря на общий запрет скрывать криминальный статус «вора в законе», подозреваемый вполне может не признавать вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а также отрицать высокий статус в криминальном мире, давая ложные показания.

Поэтому так важно в процессе допроса постоянно анализировать показания подозреваемого, чтобы в подходящее время внезапно предъявить изобличающие доказательства (например, документы или объяснения, свидетельствующие о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии). В любом случае при допросе подозреваемого выясняются следующие обстоятельства: имеет ли он статус «вора в законе»; проходил ли процедуру коронации; пользуется ли авторитетом среди участников криминального мира; содержался ли ранее под стражей или отбывал ли наказание в местах лишения свободы; обращались ли к нему осужденные или содержащиеся под стражей за помощью или разрешением конфликта между собой; занимался ли он сбором «общака»; соблюдает ли преступные традиции на свободе; какие функции выполняет в преступном мире; руководит ли действиями криминальных структур; имеет ли на теле татуировки и что они означают и др.

Помимо этого, на первоначальном этапе расследования проводятся допросы свидетелей, которые также отличаются рядом особенностей. Специфика тактики допроса свидетеля зависит от статуса допрашиваемого лица. Если допросу подвергается сотрудник оперативно-розыскных органов, органов исполнения наказания, то следственное действие проводится в условиях бесконфликтной ситуации, отсутствует противодействие расследованию. В таком случае следователю необходимо правильно сформулировать вопросы, которые он будет задавать допрашиваемому.

Отдельные ценные сведения можно получить при допросе свидетелей – лиц, отбывающих наказание в исправительной колонии совместно с подозреваемым. В то же время, как отмечают А.М. Моисеев и С.В. Кондратюк, в своих показаниях допрашиваемые, как правило, заявляют с высокой долей категоричности, что подозреваемый не занимает статус положенца в преступной иерархии и не выполняет каких-либо функций статусного лидера на территории исправительного учреждения [13, с. 54–64]. Тактической задачей следователя при этом является формулирование таких вопросов, при ответе на которые свидетель будет испытывать затруднения касательно структуры и форм преступной иерархии и т. п. При сопоставлении информации, предоставленной допрашиваемым, можно сделать некоторые выводы о достоверности или недостоверности каких-либо сведений.

Таким образом, необходимо констатировать, что предложенные нами рекомендации позволят обеспечить качественное расследование занятия высшего положения в преступной иерархии и будут способствовать повышению эффективности борьбы с организованной преступностью.

Список источников

1. Хмыров А.А. Теория доказывания: учебник. Краснодар, 2006.
2. Ушакова К.С. Определение предмета доказывания по уголовному делу // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. № 11-3. Т. 4.
3. Соркин В.С., Чернявская Д.А. О содержательном значении предмета доказывания по уголовному делу // Уголовное право в

References

1. Khmyrov A.A. Theory of proof: textbook. Krasnodar, 2006.
2. Ushakova K.S. Definition of the subject of proof in a criminal case // Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University». 2019. № 11-3. T. 4.
3. Sorokin V.S., Chernyavskaya D.A. On the substantive meaning of the subject of proof in a criminal case // Criminal law in a developing society: problems

развивающемся обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей / под ред. А.А. Гребеньковой. Курск, 2018.

4. Ретюнских И.А., Федосеева Е.Л. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям, предусмотренным ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4(32).

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рарога. М., 2022.

6. Агарков А.В., Шиков А.А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров преступной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. № 1(57).

7. Ретюнских И.А. Особенности проверки сообщения о занятии высшего положения в преступной иерархии // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205).

8. Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

9. Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлениях // Lex Russica. 2018. № 7.

10. Пилюшин И.П. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2012. № 1(28).

11. Крисюк М.А. Принудительная экспертиза: отдельные проблемы // Закон и порядок в фокусе научных исследований: сб. научных трудов. Хабаровск, 2022.

12. Молунова Н.И. Виды физического принуждения, обеспечивающие производство следственных действий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3(61).

13. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Проблемы установления функционально-статусных характеристик лица, занявшего высшее положение в преступной иерархии // Правда и закон. 2022. № 4(22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lozovsky Denis Nikolaevich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

and prospects: collection of scientific articles / edited by A.A. Grebenkova. Kursk, 2018.

4. Retyunskikh I.A., Fedoseeva E.L. Circumstances subject to proof for crimes under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (32).

5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / edited by A. I. Rarog. Moscow, 2022.

6. Agarkov A. V., Shikov A. A. Operational-search documentation of the activities of leaders of the criminal environment and members of the extremist organization «AUE» // Penitentiary Science. 2022. № 1 (57).

7. Retyunskikh I. A. Features of checking a message about occupying a high position in a criminal hierarchy // Law and State: Theory and Practice. 2022. № 1 (205).

8. Semenov V. A. Conceptual Foundations of the System of Investigative Actions in Pre-Trial Proceedings: author's abstract. dis. ... Grand PhD in Law. Sciences. Ekaterinburg, 2006.

9. Martynenko S. B. On the evolution of criminal procedure regulation of preliminary verification of crime reports // Lex Russica. 2018. № 7.

10. Pilyushin I.P. Production of an examination before initiation of a criminal case // Legislation and practice. 2012. № 1 (28).

11. Krisyuk M.A. Compulsory examination: individual problems // Law and order in the focus of scientific research: collection of scientific papers. Khabarovsk, 2022.

12. Molunova N.I. Types of physical coercion ensuring the production of investigative actions // Legal science and law enforcement practice. 2022. № 3 (61).

13. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Problems of establishing the functional and status characteristics of a person who has occupied the highest position in the criminal hierarchy // Pravda i zakon. 2022. № 4(22).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИМЕНЕНИЮ ДОПИНГА В СПОРТЕ

Мирошниченко Анна Юрьевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, siniza007@mail.ru

Короленко Ирина Ивановна

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, korolenko.irina2013@mail.ru

Введение: с древних времен спорт всегда был неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Но в современных реалиях спорт является не только развлечением, которое объединяет человечество и государства, он стал инструментом в рамках политической борьбы на международной арене. Возможности организма атлетов, их физиология – все это составляет внутреннюю сторону спортивных соревнований. И именно это составляющая стала довольно серьезной проблемой в международном спортивном сообществе, поскольку указанные возможности организма человека могут управляться с помощью фармакологии извне.

Материалы и методы: основой научной статьи явились положения международного антидопингового законодательства и законодательства отдельных государств в рассматриваемой сфере. Научная статья базируется на общенаучном диалектическом методе познания объективной действительности, а также на специальных методах исследования. Обоснованность выводов, содержащихся в работе, достигается за счет комплексного применения диалектического, логического, исторического, системно-структурного методов.

Результаты исследования: изучив вопрос противодействия допинга в спорте на международном уровне и на уровне отдельных государств, авторы пришли к выводу, что указанные проблемы в первую очередь связаны с тем, что антидопинговое законодательство в отдельных государствах либо недостаточно эффективно, либо отсутствует полностью.

Выводы и заключения: на сегодняшний день как на международном, так и на национальных уровнях остаются неразрешенными вопросы, которые связаны с использованием запрещенных допинговых препаратов (средств) в спорте. Основным международным документом, регламентирующим рассматриваемые проблемы, связанные с нарушением нормативных предписаний о допинге, является Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА, нормы которого не обладают прямым действием, но имплементированы в национальные правовые системы. Проанализировав антидопинговое законодательство отдельных государств, авторы пришли к выводу, что национальное правовое регулирование рассматриваемых проблем отдельных государств может иметь свои особенности и отличаться от международных предписаний.

Ключевые слова: допинг, спорт, спортивное законодательство, антидопинговое законодательство, ответственность, уголовная ответственность.

Для цитирования: Мирошниченко А. Ю. Короленко И. И. Международно-правовое противодействие применению допинга в спорте / А. Ю. Мирошниченко, И. И. Короленко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 158–163.

Original paper

INTERNATIONAL LEGAL COUNTERACTION TO DOPING IN SPORTS

Miroshnichenko Anna Yurievna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Korolenko Irina Ivanovna

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: since ancient times, sport has always been an integral part of human life. But in modern realities, sport is not only entertainment that unites humanity and states, it has become a tool in the framework of political struggle in the international arena. The capabilities of the athletes' bodies, their physiology - all this makes up the internal side of sports competitions. And it is this component that has become a rather serious problem in the international sports community, since these capabilities of the human body can be controlled with the help of pharmacology from the outside.

Materials and methods: the scientific article is based on the provisions of international anti-doping legislation and the legislation of individual states in the area under consideration. The scientific article is based on the general scientific dialectical method of cognition of objective reality, as well as on special research methods. The validity of the conclusions contained in the work is achieved through the integrated use of dialectical, logical, historical, systemic-structural methods.

Results of the study: having studied the issue of combating doping in sports at the international level and at the level of individual states, the authors came to the conclusion that these problems are primarily related to the fact that anti-doping legislation in individual states is either insufficiently effective or completely absent.

Findings and conclusions: to date, both at the international and national levels, issues related to the use of prohibited doping drugs (means) in sports remain unresolved. The main international document regulating the issues under consideration related to the violation of regulatory requirements on doping is the WADA World Anti-Doping Code, the norms of which do not have direct effect, but are implemented in national legal systems. Having analyzed the anti-doping legislation of individual states, the authors came to the conclusion that national legal regulation of the issues under consideration in individual states may have their own characteristics and differ from international regulations.

Keywords: doping, sport, sports legislation, anti-doping legislation, responsibility, criminal liability.

For citation: Miroshnichenko A. Yu., Korolenko I. I. International legal counteraction to doping in sports / A. Yu. Miroshnichenko, I. I. Korolenko // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal*. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 158–163.

Вопросы борьбы с допингом были и остаются актуальными и на современном этапе развития мирового сообщества, в первую очередь на уровне профессионального спорта. При этом происходит постоянное совершенствование видов, форм, количественных характеристик допинга. Кроме того, применение допинга спортсменами напрямую связано с развитием и совершенствованием национальных фармацевтических компаний. Помимо того, что допинг влияет на здоровье спортсменов, причиняя колоссальный вред последним, допинг искажает показатели реальных спортивных результатов и в конечном итоге обесценивает само понятие «спорт». Также в свете сложившейся геополитической ситуации в мире допинг стал активно использоваться и в политических играх на различных уровнях соревнований.

В правовой литературе выделяют признаки современного состояния рассматриваемой сферы. Первым признаком выделяют масштабную распространенность проблем допинга в спорте, поскольку данные проблемы намного масштабнее проблемы уже внесенных под запрет отдельных допинговых препаратов. Следующий признак связывают с тем, что еще не достигнут уровень правосознания, который бы характеризовался нетерпимостью к примене-

нию допинга спортсменами. М.В. Дегтярев отмечает маргинальное, пограничное отношение и позиционирование допинга [4, с. 23]. Естественно, в качестве признака необходимо отметить интенсивность и скорость появления новых технологий воспроизводства и использования допинговых препаратов. И последний признак, специфический для рассматриваемой сферы, – это интерсекциональность, т. е. пересеканность и даже частичное совпадение допинговых препаратов, которые запрещены, и законных, и масштабно применяемых в медицинских целях.

На сегодняшний день можно отметить ряд нерешенных вопросов в борьбе с допингом в правовом поле. Рассматриваемая проблема довольно актуальна с позиций права как на международном спортивном уровне, так и на уровне отдельных государств, т. к. легальная система наказаний за применение допинга на указных уровнях либо недостаточно эффективна, либо вовсе отсутствует в отдельных странах, поскольку законодательство этих государств не предусматривает наказание за употребление допинговых препаратов.

В 1963 г. в Страсбурге на сессии Совета Европы было определено, что допинг – это введение в организм человека любым путем вещества, чуждого этому организму, какой-либо

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

физиологической субстанции в ненормальном количестве или какого-либо вещества неестественным путем для того, чтобы искусственно и нечестно повысить результат спортсмена во время выступления на соревнованиях [4, с. 23]. Чуть позже, в 1972 г., похожее определение за некоторыми исключениями было представлено в Медицинском кодексе Международного олимпийского комитета 1971 г. [13].

На сегодняшний день, в век высоких медицинских технологий, определение, указанное выше, по нашему мнению, очень далеко от современных реалий и является неполным, требует дополнения и уточнения. Хотя и современные определения допинга уже не успевают за развитием нечестных подходов к достижению высоких спортивных результатов [11].

Всемирное антидопинговое агентство (далее – ВАДА) выполняет функции методологического и координирующего центра, направляет работу национальных антидопинговых организаций. При этом основными антидопинговыми организациями отдельных государств и международными федерациями разрабатываются нормы, которые должны соответствовать ключевым предписаниям Кодекса ВАДА. Также последние приводят механизмы реализации норм Кодекса в действие с учетом специфики государств или определенных видов спорта.

Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА (далее – Кодекс ВАДА) – это основной документ, регулирующий на сегодняшний момент вопросы, связанные с привлечением к ответственности за нарушение антидопинговых предписаний на уровне международного спорта [1]. В 2009, 2015, 2018, 2021 и 2022 гг. были внесены поправки в Кодекс.

Кодексом ВАДА и другими документами агентства введена Всемирная антидопинговая программа. По мнению М.В. Тимец, указанная программа «имеет три уровня, где документы первого и второго уровня носят императивный (обязательный) характер для всех антидопинговых и спортивных организаций, а документы третьего уровня носят рекомендательный характер» [12, с. 42]. Первый уровень – это Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА 2015 г. [1]. Второй уровень – это международные стандарты. И третий уровень – это деятельность и требования ВАДА.

Изучив опыт антидопингового законодательства разных стран, авторы пришли к выводу, что национальное правовое регулирование рассматриваемых проблем отдельных государств может

иметь свои особенности и отличаться от международных предписаний. Однако необходимо отметить, что Конвенция ЮНЕСКО 2005 г. предписывала наличие такой специфики. Конвенция отмечала, что в процессе координационной деятельности по борьбе с допингом в спорте как в рамках национального, так и в рамках международного уровня государства-участники обязаны придерживаться принципов и положений, прописанных в Конвенции. Но при выполнении предписаний рассматриваемой Конвенции государства-участники могли брать на себя обязательства принимать надлежащие меры. Соответствующие меры могли охватывать меры в сфере законодательства и нормативно-правового регулирования, а также политики, административной практики [2].

Конвенция практически стала международной правовой основой антидопинговой деятельности, которая ранее была фактически абсолютно неэффективной. До этого момента большинство нормативных документов, связанных с противодействием допинговых средств и препаратов в спорте, обладали основным существенным недостатком: они не обладали общеобязательным характером для представителей мирового спортивного сообщества. И на сегодня можно отметить, что государства, ратифицировавшие конвенцию ЮНЕСКО и включившие ее в свое национальное законодательство (а это больше 190 государств), подкрепили ответственность за использования допинговых средств (препаратов) в спорте применением принудительной силы [6, с. 19].

Следует отметить, что до принятия Конвенции ЮНЕСКО 2005 г. привлечение к ответственности тренера, вспомогательного и медицинского персонала было довольно сложной задачей. Максимум указанные лица могли быть привлечены к уголовной ответственности за незаконное производство, распространение, изготовление или сбыт наркотических веществ, психотропных средств и их прекурсоров. При этом в большинстве случаев применение допинговых средств (препаратов) спортсменами всегда взаимосвязано с теми, кто этому способствовал. Вся цепочка и рассматриваемый процесс очень хорошо раскрыты в скандальном фильме Первого немецкого канала ARD 2014 г., в рамках которого спортивный журналист Хайо Зеппельтон провел свое независимое расследование [5].

Ключевую функцию в признании соответствия государства предписаниям Кодекса ВАДА выполняет правительство данного государства. Именно правительство должно оказывать всевозможное содействие антидопинговым организациям, лабораториям, оказывать финансовую поддержку антидопинговым мероприятиям и т. д. ВАДА в свою очередь регулярно контролирует соответствие государств нормам Всемирного антидопингового кодекса.

К сожалению, проблемы применения допинга в спорте не обошли и российский спорт. Притом что в Российской Федерации сложилась определенная совокупность антидопинговых норм (правил), однако антидопинговое законодательство в нашем государстве еще довольно далеко от идеала. И, как следствие, по нашему мнению, полезно было бы проанализировать зарубежный опыт по вопросам противодействия допингу.

Высшей судебной инстанцией при рассмотрении споров в области спорта является расположенный в Лозанне Международный спортивный арбитражный суд. Данный суд является специализированным третейским судом, принимающим решения, имеющие обязательную силу для всех без исключения участников спортивных соревнований международного уровня. Решения Международного спортивного арбитражного суда обжалованию не подлежат [10, с. 19].

Рассмотрим становление и развитие антидопингового законодательства на примере отдельных государств. Антидопинговые инструменты довольно успешно используются в отдельных государствах, которые входят в романо-германскую правовую семью, например, в Греции, Италии, Франции и др. Так, во Франции применение допинговых препаратов изначально подпадало под уголовную ответственность. Закон 1989 г. содержал уже более свободное определение понятия допинга, но при этом рассматриваемое понятие было расширено и разграничивало допинг людей и животных. Федерациями в борьбе с допингом широко использовался репрессивный государственный аппарат [14]. Уголовная ответственность во Франции наступает, например, за фальсификацию (искажение) или уничтожение информации, относящейся к допинг-контролю; за владение и распространение допинговых субстанций (методов) и т. п. [9, с. 29].

Проанализировав перечень противоправных деяний, нарушающих правила о допинге во Франции и в Российской Федерации, мы пришли к выводу, что в нашем государстве этот перечень гораздо уже [3]. В Греции применение допинга также является незаконным, наказуемым деянием. Законодатели рассматриваемого государства подошли к проблемам допинговых средств (методов) в спорте двояко и рассматривают нарушения правил о допинге в виде нарушений уголовно-дисциплинарных морального порядка. В целом законодательство рассматриваемого государства в отношении применения допинговых препаратов довольно специфично и предусматривает наказание и для лиц, применяющих допинг в отношении спортсменов, и для атлетов [8, с. 37]. В Италии за нарушения антидопинговых предписаний предусмотрено наказание в виде штрафов, в отдельных случаях для нарушителей предусмотрено наказание в виде лишения свободы до двух лет.

Проанализировав антидопинговое законодательство зарубежных стран, А.Р. Кутуев выделил три основных подхода к ответственности за противоправное поведение в области соблюдения антидопинговых правил [7, с. 14]. Первый подход связан с ответственностью за деяния, которые связаны с оборотом допинговых препаратов (методов), склонением к применению, применение в отношении спортсменов, а также за употребление допинга. Второй подход объединяет деяния, которые связаны с оборотом, склонением к применению, применение в отношении атлетов допинговых субстанций (методов). И, наконец, третий подход включает только ряд деяний, которые связаны с допингом в спорте, склонением к применению, применение в отношении спортсмена запрещенных в области физкультуры и спорта субстанций (методов).

В рамках своего исследования А.Р. Кутуев выделил ключевые тенденции генезиса уголовной ответственности за нарушение антидопинговых норм: наличие единого подхода, в соответствии с которым преступления в области спорта являются посягательствами на конкретные отношения в рассматриваемой области. Следующая тенденция связана с существованием дифференциации уголовной ответственности за допинговые препараты (метода), которая зависит от разновидности последних [7, с. 14]. И последнюю общую тенденцию автор связывает с установлением более

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

строгой ответственности за рассматриваемые преступления, если последние совершены в отношении несовершеннолетних; совершены представителями (должностными лицами) спортивных федераций (Олимпийского комитета); преступления причинили вред здоровью спортсменов (возникла угроза причинению такого вреда); деяния, нарушающие антидопинговые нормы, были выполнены в сложных (организованных) формах.

Таким образом, проблемы, связанные с использованием допинга в спорте, до конца не разрешены с позиций права как на международном, так и на национальных уровнях. Кодекс ВАДА является основным международным документом, который регламентирует

ет вопросы, связанные с нарушением правил о допинге в спорте. Нормы Кодекса не обладают прямым действием, но поскольку они имплементированы в национальные правовые системы, рассматриваемый документ является эффективным инструментом, который регулирует ответственность за нарушение антидопинговых норм в мировом спортивном сообществе.

Изучив опыт антидопингового законодательства разных стран, авторы пришли к выводу, что национальное правовое регулирование рассматриваемых проблем отдельных государств может иметь свои особенности и отличаться от международных предписаний.

Список источников

1. Всемирный антидопинговый кодекс (утв. на Всемирной конференции по борьбе с допингом в спорте в Йоханнесбурге 15 ноября 2013 г.). Вступил в силу 1 января 2015 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Международная Конвенция «О борьбе с допингом в спорте» (принята на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г., включая поправки, принятые государствами – участниками Конвенции, а также Конференцией сторон Международной Конвенции «О борьбе с допингом в спорте» (Документ утратил силу). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

3. Амиров И.М., Беляев А.А. Антидопинговое законодательство в России и за рубежом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antidopingovoe-zakonodatelstvo-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Дегтярев М.В. Государственное управление и государственная политика в сфере противодействия допингу в спорте // Государственная служба. 2019. № 3. Т. 21.

5. Зешпельт Х. Секретные акты допинга. Как Россия творит своих чемпионов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eBwdoNq4DQM> (дата обращения: 15.05.2024).

6. Курдюкова С.В., Воротник А.Н. Международно-правовые аспекты ответственности за использование допинга в спорте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 4.

References

1. World Anti-Doping Code (approved at the World Conference against Doping in Sport in Johannesburg on November 15, 2013). Entered into force on January 1, 2015. Access from the legal system «ConsultantPlus».

2. International Convention against Doping in Sport (adopted at the 33rd session of the UNESCO General Conference on 19 October 2005, including amendments adopted by the States Parties to the Convention, as well as the Conference of the Parties to the International Convention against Doping in Sport (the Document has ceased to be in force). Access from the legal system «ConsultantPlus»

3. Amirov I.M., Belyaev A.A. Anti-doping legislation in Russia and abroad. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antidopingovoe-zakonodatelstvo-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer> (date of access: 15.05.2024).

4. Degtyarev M.V. Public administration and public policy in the field of combating doping in sport // Public service. 2019. № 3. Т. 21.

5. Zeppelt H. Secret Acts of Doping. How Russia Creates Its Champions. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eBwdoNq4DQM> (date of access: 15.05.2024).

6. Kurdyukova S.V., Vorotnik A.N. International Legal Aspects of Liability for Doping in Sports // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2020. № 4.

7. Kutuyev A.R. Criminal Liability for the Inducement, Distribution and Use of Substances and (or) Methods Prohibited for Use in Sports: Abstract of a PhD Thesis. Moscow, 2019.

7. Кутуев А.Р. Уголовная ответственность за склонение, распространение и применение субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

8. Панагиотопулос Д. Уголовная ответственность за допинг по законодательству Греции // Спор: экономика, право, управление. 2011. № 4.

9. Папаниколау Д. Борьба с допингом во Франции // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 4.

10. Родченков Г. От Афин и до Пекина: борьба с допингом в спорте // Легкая атлетика. 2008. № 10.

11. Самсоненко Т.А., Багдасарян С.Д., Петрова С.В. [и др]. Правовое регулирование борьбы с допингом на международном и национальном уровнях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-borby-s-dopingom-na-ezhdunarodnom-i-natsionalnom-urovnyah/viewer> (дата обращения: 15.05.2024).

12. Тимец М.В. Всемирное антидопинговое агентство: структура и основные направления деятельности // Спорт: экономика, право, управление. 2005. № 4.

13. Чеботарев А.В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/10/23/1529549769/%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%91%D0%B2.pdf> (дата обращения: 17.05.2024).

14. Чедземов О.Р. Право о допинге в спорте. URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037091> (дата обращения: 14.07.2024).

8. Panagiotopoulos D. Criminal Liability for Doping under Greek Law // Dispute: Economics, Law, Management. 2011. № 4.

9. Papanikolaou D. The fight against doping in France // Sport: economics, law, management. 2011. № 4.

10. Rodchenkov G. From Athens to Beijing: the fight against doping in sports // Track and Field. 2008. № 10.

11. Samsonenko T.A., Baghdasaryan S.D., Petrova S.V. [et al.]. Legal regulation of the fight against doping at the international and national levels. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-borby-s-dopingom-na-ezhdunarodnom-i-natsionalnom-urovnyah/viewer> (date of access: 15.05.2024).

12. Timets M.V. World Anti-Doping Agency: structure and main areas of activity // Sport: economics, law, management. 2005. № 4.

13. Chebotarev AV Legal liability for violation of anti-doping rules in Russia: problems and prospects. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/10/23/1529549769/%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%91%D0%B2.pdf> (date of access: 17.05.2024).

14. Chedzhemov OR Law on doping in sports. URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017037091> (date of access: 14.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мирошниченко Анна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Короленко Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Miroshnichenko Anna Yuryevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., 344015 Rostov-on-Don Russian Federation.

Korolenko Irina Ivanovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State Economic University (RINH). 69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ
ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДОКУМЕНТАХ
ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Пахомов Сергей Валерьевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
svprakhomov@inbox.ru

Зиновьева Нина Сергеевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, 3286176@mail.ru

Введение: возникновение криминалистически значимой информации о преступлениях, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса, зависит от объекта, ее отражающего. К таковым относятся объекты материального мира, в частности, документы финансово-хозяйственной деятельности организации, регистрационные и организационно-правовые документы, средства производства, продукция и т. д. Другим источником отражения криминалистически значимой информации являются люди, обладающие непосредственными знаниями относительно преступного события и иных сведений, имеющих к событию опосредованное отношение. При этом, учитывая целый ряд специфических особенностей, присущих преступлениям, совершаемым в сфере АПК, можно выделить ряд закономерностей, связанных с возникновением и отражением криминалистически значимой информации о таких преступлениях. Познание этих закономерностей является одной из важных задач криминалистического исследования.

Материалы и методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и экстраполяция. При подготовке статьи использовались данные судебно-следственной практики.

Результаты исследования: заключаются в обосновании теоретических положений, касающихся некоторых аспектов возникновения и отражения криминалистически значимой информации о преступлении, совершаемом в сфере агропромышленного комплекса; осуществлена систематизация бухгалтерских документов, используемых в механизме совершения указанных преступлений как типовых объектов отражения криминалистически значимой информации.

Выводы и заключения: документальные источники криминалистически значимой информации следует оценивать с точки зрения их доказательственного потенциала, а также с позиции ориентирующего значения. Характер документов, обрацаемых в агропромышленной деятельности, их непосредственное предназначение предопределяют способы искажения данных, позволяющих использовать их в качестве средств совершения преступлений. Среди массива различных документов особо выделяются документы бухгалтерского учета и отчетности, которые чаще всего становятся объектом подлога, при этом виды подлога и способы их внесения прямо зависят от вида преступления, совершаемого в исследуемой сфере. Именно эта особенность и предопределяет вывод о существовании прямых закономерностей.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, закономерности отражения информации, преступления в сфере агропромышленного комплекса, подлог документов.

Для цитирования: Пахомов С. В., Зиновьева Н. С. Закономерности отражения криминалистически значимой информации в документах финансово-хозяйственной деятельности агропромышленных организаций / С. В. Пахомов, Н. С. Зиновьева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 164–171.

PATTERNS OF REFLECTION OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN DOCUMENTS OF FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF AGRO-INDUSTRIAL ORGANIZATIONS

Pakhomov Sergey Valerievich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Zinovieva Nina Sergeevna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the emergence of forensically significant information about crimes committed in the agro-industrial complex depends on the object that reflects it. These include objects of the material world, in particular, documents on the financial and economic activities of the organization, registration and organizational and legal documents, means of production, products, etc. Another source of reflection of forensically significant information are people who have direct knowledge of the criminal event and other information that is indirectly related to the event. At the same time, taking into account a number of specific features inherent in crimes committed in the agro-industrial complex, it is possible to identify a number of patterns associated with the emergence and reflection of forensically significant information about such crimes. Understanding these patterns is one of the important tasks of forensic research.*

Materials and methods: *analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction and extrapolation. In preparing the article, data from forensic investigative practice were used.*

Results of the study: *consist in substantiating theoretical provisions concerning some aspects of the emergence and reflection of forensically significant information about a crime committed in the sphere of the agro-industrial complex; systematization of accounting documents used in the mechanism of committing the said crimes as typical objects of reflection of forensically significant information was carried out.*

Findings and conclusions: *documentary sources of forensically significant information should be assessed from the point of view of their evidentiary potential, as well as from the position of orienting value. The nature of documents circulated in agro-industrial activities, their direct purpose predetermine the methods of data distortion, allowing them to be used as means of committing crimes. Among the array of various documents, accounting and reporting documents stand out in particular, which most often become the object of forgery, while the types of forgery and the methods of their introduction directly depend on the type of crime committed in the studied area. It is this feature that predetermines the conclusion about the existence of direct patterns.*

Keywords: *forensically significant information, patterns of information reflection, crimes in the agricultural sector, document forgery.*

For citation: *Pakhomov S. V., Zinovieva N. S. Patterns of reflection of forensically significant information in documents of financial and economic activities of agro-industrial organizations / S. V. Pakhomov, N. S. Zinovieva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 164–171.*

Расследование преступления опосредует возникновение непрерывного потока информации, обуславливающего формирование разноразмерной информационной структуры, складывающейся в зависимости от степени релевантности информации в процессе доказывания по уголовному делу.

Возникновение информации о преступлении, его механизме и иных обстоятельствах преступного события происходит с момента начала возникновения механизма преступления и продолжает развиваться на протяжении всего времени его существования. Поскольку одним из ключевых свойств инфор-

мации является свойство ее отражения, то между образованием (возникновением) информации и ее отражением возникают устойчивые и повторяющиеся связи, называемые закономерностями. Таким образом, как процесс возникновения информации, так и ее отражение в окружающей среде закономерны, а значит, выступают объектом криминалистического познания [1, с. 118–119].

С методологической точки зрения познание ситуационно обусловленных закономерностей возникновения и отражения информации определенного вида необходимо для разработки научно обоснованных криминалистических

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

рекомендаций относительно типичных для таких ситуаций действий субъекта расследования в процессе доказывания. Таким образом, познание вышеуказанных закономерностей оказывает непосредственное влияние на возникновение и другой группы (вида) закономерностей – закономерности доказывания [1, с. 128–129].

Закономерности возникновения и отражения информации следует рассматривать как процесс (возникновение информации) и как результат (отражение информации). Отражение информации приобретает материально выраженные формы, проявляющиеся в изменениях объектов-носителей такой информации, называемыми источниками информации. Как указывают А.В. Колдин и О.А. Крестовников, «...научные основы определения источников криминалистической информации следует искать в теории отражения, видящей в любом материальном предмете свойство, по существу, общее с ощущением – свойство отражения, а также философских аспектах современной кибернетики, рассматривающей вопросы передачи, хранения и использования информации как применительно к техническим системам, так и к биологически активным системам (психика, мышление человека)» [2, с. 17–18]. Следовательно, источником криминалистически значимой информации выступают люди или предметы (объекты материальной отражающей среды), содержащие информацию о расследуемом событии. Признак данных объектов выражается в его функции – служить источником сведений о фактах, подлежащих установлению по делу [2, с. 18].

Сказанное дает основание говорить о том, что значение криминалистически значимой информации в контексте вышеуказанной функции имеет прямую зависимость от особенностей объекта ее отражения и доказательственного потенциала самой информации. Чем объективнее информация отражает сведения об обстоятельствах преступного события, обусловленных предметом доказывания, устанавливаемых следователем в ходе расследования, тем выше степень ее значимости в системе информационных потоков.

С учетом этого обстоятельства криминалистически значимую информацию можно рассматривать с позиции двух взаимосвязан-

ных информационных систем: «1) система доказательственной информации, в которую входят фактические данные, полученные в ходе производства следственных и иных процессуальных действий; 2) система непроцессуальной или ориентирующей (оперативно-розыскной) информации, в которую входит информация, полученная до возбуждения уголовного дела либо в ходе расследования, но без соблюдения норм уголовно-процессуального закона» [3, с. 162].

Здесь следует отметить тот факт, что приведенная классификация криминалистически значимой информации может быть дополнена не только характеристиками источника происхождения такой информации, но и особенностями способов ее получения субъектом расследования, которые зависят от внешнего или внутреннего происхождения информации. Изучение следователем обстановки преступления и обстоятельств данного преступления предопределяет возникновение внешнего потока информации, тогда как содержащиеся в памяти следователя знания, навыки, понятия и пр., приобретенные в процессе профессиональной подготовки и практической деятельности, образуют внутренний поток информации [4, с. 95].

Таким образом, возникновение криминалистически значимой информации есть процесс, основанный на объективных закономерностях ее отражения вовне (в окружающей действительности) и способностью воспринимать, интерпретировать и использовать информацию «вне зависимости от ее рода, вида и источников происхождения» [5, с. 76] в целях решения криминалистических задач субъектом расследования.

Характер криминалистически значимой информации, а также особенности ее использования следователем в процессе расследования преступлений зависят от вида преступного деяния, обуславливающего механизм его совершения и закономерности отражения информации о нем.

При этом взаимосвязь механизма преступления и его отражения образует закономерности, в большей степени носящие вероятностно-статистический характер, обусловленные воздействием множества случайных факторов. Типичным примером тому служит структура и содержание криминалистических

характеристик преступлений разных видов, групп.

Такие статистические закономерности есть результат взаимодействия некоторого числа элементов (элементов КХП), которые в совокупности формируют картину преступного события в целом. При этом сам по себе элемент, включенный в общую отражающую систему, детерминирует другой элемент достаточно условно, на уровне вероятности, поэтому взаимосвязь этих элементов образуется на основе закономерностей массовых случайных явлений.

Эта особенность позволяет говорить о том, что в отсутствии системы жесткой детерминации значение характеристик некоторых объектов (в нашем случае элементов КХП) изменяется, т. е. в различных обстоятельствах преступного события характеристики одних и тех же элементов меняют свои значения и, следовательно, меняют взаимопределяющее значение одного элемента криминалистической характеристики на другой. Но при этом верно и то, что относительное число характеристик, определяющих содержание криминалистически значимых элементов, довольно устойчиво.

Такое методологическое представление есть основание для познания закономерностей возникновения информации в контексте влияния множественности факторов статистических законов, которые проявляют некое устойчивое, необходимое и повторяющееся.

Сказанное в полной мере относится к исследованию закономерностей возникновения криминалистически значимой информации в ходе совершения преступлений в сфере агропромышленного комплекса, которые обусловлены влиянием некоторых факторов: отраслевым характером вида агропромышленной деятельности и его организационно-правовой формой; связанными с первым правилами ведения налогового, бухгалтерского и иных видов учета и отчетности в организации; системой контроля, осуществляемой как внутри агропромышленной организации (со стороны руководителя организации, общего собрания акционеров, контрольного органа

сельскохозяйственного кооператива и пр.), так и из вне со стороны надзорно-контрольных органов и др.

С учетом специфики преступлений, совершаемых в сфере АПК, того, что в механизме их совершения используются документы бухгалтерского учета, вполне очевидно, что последние относятся к типичным источникам отражения криминалистически значимой информации. При этом от характера совершаемого преступления зависят и виды подлогов, и виды документов бухгалтерского учета, в которые внесены подлоги. Изучение судебно-следственной практики позволило определить наиболее типовые виды таких документов и цели, которые преследуются для обращения подложных документов.

1) *первичные документы бухгалтерского учета*,¹ обращение которых в деятельности агропромышленной организации получили распространение:

– договоры, счета, товарная накладная, расчетные ведомости, акты приемки-передачи и др. (группа первичных документов, отражающих конкретные хозяйственные операции и образующие основу текущего учета);

– кассовые документы, к которым принадлежат приходные/расходные кассовые ордера и кассовая книга, платежные поручения и платежные требования (группа сводных обобщающих документов, которые составляются на основе первичных); для КФХ или ИП – книга учета доходов и расходов.

На основании первичных документов происходит разнесение данных по учетным регистрам, поэтому без наличия первичных документов учета внесение данных в регистры неправомерно. Первичные документы бухгалтерского учета агропромышленной организации, содержащие недостоверные сведения, используются для придания вида законных финансово-хозяйственных операций о якобы имевших место сделках между организацией и покупателем, об объемах оказанных услуг или реализованной продукции, о перечислении денежных средств на расчетные счета организаций или физических лиц, фактически не связанных с агропромышленной

¹ Первичные документы бухгалтерского учета – это документальное подтверждение осуществленных сделок, связанных с хозяйственной деятельностью субъекта и принесших определенный экономический результат. URL: <http://znatokdeneg.ru/terminologiya/chto-takoe-pervichnye-dokumenty-buhgalterskogo-ucheta-vidy.html> (дата обращения: 23.04.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

организацией, и др. Следует отметить, что внесение подлогов в первичные документы, такие как договоры, товарно-транспортные накладные, приемопередаточные акты, платежные требования, необязательно осуществляются по инициативе руководителей организаций, внесение искаженных данных часто производится материально-ответственными лицами, бухгалтерами, менеджерами, юристами организации.

Так, И.Н. Кавлюгина, являясь главным бухгалтером ООО СХП «Юреево», занимающегося разведением молочного крупного рогатого скота, производством сырого молока, в рабочее время через служебный компьютер, принадлежащий ООО СХП «Юреево», используя логин и пароль доступа в систему, а также сим-карту ПАО «Мегафон», на абонентский номер которого из банка в виде СМС-сообщений поступали пароли для перечисления денежных средств с расчетного счета ООО СХП «Юреево» на иные счета, осуществила вход в систему «Сбербанк Бизнес Онлайн» (далее – СББОЛ), где вошла в личный кабинет СББОЛ, перешла в раздел «Продукты и услуги», выбрала подраздел «Зарплатный проект», открыла вкладку «Выплаты», выбрала опцию «Новая выплата» и произвела редактирование реестра. Далее И.Н. Кавлюгина перешла в раздел «Выбрать из справочника» и в открывшемся окне «Сбербанк Бизнес Онлайн», содержащем список сотрудников ООО СХП «Юреево», в качестве получателя денежных средств выбрала себя – И.Н. Кавлюгину².

2) *документы бухгалтерской и налоговой отчетности*, в частности, бухгалтерский баланс, отчет о прибылях и убытках, приложение к бухгалтерскому балансу, налоговая декларация. Внесение искажений или недостоверных сведений в документы отчетности осуществляются с целью уклонения от исполнения налоговых обязательств и обязательств перед кредиторами. Отклонения проявляют-

ся вследствие преднамеренного внесения в учетные регистры ложной информации посредством занижения экономических показателей об объектах, занижения объемов реализации продукции, выполняемых работ, оказанных услуг; занижения показателей фонда оплаты труда, численности работников организации, оформления фиктивных документов о возврате товаров, об оплате консультационных услуг, связанных с производственными процессами, неоприходования выручки и др. [6, с. 28].

Так, Тарасов в целях уклонения от уплаты налогов, достоверно зная, что согласно п. 2 ст. 346.5 НК РФ к расходам, на которые налогоплательщики ЕСХН уменьшают полученные ими доходы при исчислении ЕСХН, не отнесены расходы на оплату услуг по предоставлению работников (персонала) сторонней организацией, что перечень расходов, учитываемых при составлении налоговой декларации Общества по ЕСХН является закрытым и не подлежит расширительному толкованию, а согласно п. 1 ст. 346.7 НК РФ налоговым периодом для ЕСХН признается календарный год, решил включить в налоговые декларации Общества по ЕСХН за 2013, 2014 гг. заведомо ложные сведения о размерах произведенных расходов, учитываемых при исчислении ЕСХН, влияющих на размер налоговой базы, правильное исчисление и уплату указанного налога, уменьшающих сумму доходов за налоговый период, путем неправомерного отнесения к указанным расходам оплаченных услуг по предоставлению работников (персонала) Обществу сторонней организацией по указанным выше договорам, а также учета расходов, понесенных Обществом за другой налоговый период – в 2012 г., необоснованно отразив указанные расходы в строке «020» налоговых деклараций по ЕСХН за 2013, 2014 гг. «Сумма расходов за налоговый период, учитываемых при определении налоговой базы по единому сельскохозяйственному налогу».³

² Приговор Промышленный районного суда г. Самары № 1-544/2019 1-8/2020 от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-544/2019 в отношении И.Н. Кавлюгиной, обвиняемой в совершении восьми преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ и одного преступления предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SmmUsqoCd4d7/> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда № 1-120/2019 1-120/2020 от 17 апреля 2020 г. по делу № 1-120/2019 в отношении Тарасова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HJqdnFXPD5dH/> (дата обращения: 25.04.2024).

Однако фальсификация баланса используется и в противоположных целях – формирование ложного представления о высоком уровне финансовых результатов организации для получения целевых кредитов или реализации инвестиционных проектов либо введения в заблуждение акционеров или пайщиков о реальном финансовом состоянии организации с последующим приведением организации к несостоятельности (банкротству).

Организационно-правовые документы также выступают в качестве типичных средств совершения преступлений. К числу документов указанной категории в агропромышленных организациях, действующих в виде обществ, кооперативов или хозяйств, отнесены: протокол собрания, учредительный договор, приказ о назначении директора и главного бухгалтера, устав, реестр акционеров, трудовой договор. Посредством внесения части недостоверных сведений в данные документы либо изготовления полностью недостоверных по содержанию документов искажаются объективные данные об участниках организации, о распределении долей среди них, о закреплении административно-распорядительных полномочий, порядке принятия решений, разрешения споров между участниками, порядка распределения прибыли и др.

Искажение данных сведений осуществляется в отношении объектов недвижимости, конкретных субъектов агропромышленных отношений, денежных средств и материальных ценностей организации. Подготовка подложных документов осуществляется путем введения в заблуждение руководителем организации или должностными лицами (юристом, главным бухгалтером, кадровым работником) участников организации, имеющих право принятия организационных решений, либо вообще без уведомления таковых о вносимых изменениях путем исключения из реестра акционеров или наоборот неправомерного включения в реестр третьих лиц, изготовления подложных протоколов общего собрания; внесения изменений в положения уставного договора или устава и их последую-

щей регистрации в государственных органах; изготовления подложных приказов об увольнении работников организации или о принятии на работу и др.

Так, например, А.В. Ульянов, являясь председателем сельскохозяйственного производственного кооператива «Шигали» (далее – СХПК «Шигали»), установил, что на территории Чувашской Республики действует республиканская целевая программа дополнительной поддержки занятости населения с целью возмещения затрат (компенсаций) понесенными организациями на оплату труда трудоустроенных. Осознавая фактическое отсутствие у СХПК «Шигали» работников, находящихся под угрозой увольнения, и что кооператив не имеет финансовых затруднений, А.В. Ульянов дал незаконное указание инспектору отдела кадров О.Ф. Быстровой, не знавшей о его преступном плане, о подготовке приказа об увольнении якобы ранее принятых на общественные работы 14 человек, которые фактически являлись штатными работниками кооператива и не были уведомлены о каких-либо решениях относительно их увольнений. Таким образом он создал видимость наличия вакантных рабочих мест для временного трудоустройства на определенные виды работ по республиканской программе. В дальнейшем А.В. Ульянов дал незаконное указание О.Ф. Быстровой о необходимости заключения трудовых договоров с вышеуказанными лицами и их временном трудоустройстве на якобы имеющиеся вакантные рабочие места. Сведения о трудоустройстве вышеуказанных лиц с необходимым пакетом документов, содержащих недостоверные сведения, передавались в региональный центр занятости населения, в связи с чем СХПК «Шигали» получал компенсации за якобы произведенные оплаты труда временных работников, а суммы компенсационных выплат присваивались и использовались по усмотрению Ульяновым.⁴

Приведенные характеристики документов указывают на особенности отражения криминалистически значимой информации в них.

⁴ Приговор Урмарского районного суда Чувашской Республики № 1-1/2017 1-1/2018 1-15/2016 от 21 июня 2018 г. по делу № 1-1/2017 по обвинению А.В. Ульянова в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 159. 2, ч. 3 ст. 159.2, п. «а» ч. 2 ст. 116, ч. 1 ст. 312 УК РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.04.2024).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Однако особенность сохранения признаков противоправности деяний и их отражение в документах зависит в том числе и от способа внесения подлогов в данные документы. А именно от того, использовалась ли в преступных целях компьютерная техника и специализированное программное обеспечение, позволяющие формировать реестры данных о тех или иных обстоятельствах хозяйственной и финансовой деятельности агропромышленного предприятия.

Поэтому компьютерная техника с соответствующим программным обеспечением также относится к средствам совершения преступлений в исследуемой сфере. Как мы отмечали, чаще всего искажение сведений находит отражение в документах первичного бухгалтерского учета, при этом по смыслу ч. 5, 6 ст. 9 Закона от 6.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» данные, обрабатываемые средствами автоматизированных систем, фактически имеют одинаковую юридическую силу с аналогичными документами, изготовленными на бумажных носителях. И поскольку ведение бухгалтерского учета в электронном виде упрощает процедуру учета и отчетности, то на предприятиях агропромышленного комплекса активно используются специализированные программы бухгалтерского учета. При этом конкретных регламентов применения определенной программы нет, каждое предприятие вправе выбрать ту, которая удовлетворяет его потребностям. Поэтому одни программы могут обладать ограниченным функционалом и использоваться на одном компьютере, другие функционируют в условиях сетевого пользовательского доступа.

В данном случае речь идет о лицензионных программных продуктах ведущих фирм-разработчиков, предлагающих IT-продукцию государственным и коммерческим организациям. В качестве основных бухгалтерских компьютерных программ следует отметить: «1С: Предприятие», «Парус», «Галлактика», «БЭСТ», «Аккорд» и др. Перечисленные программные продукты включают в себя различные

сервисы, индивидуальный интерфейс и соответствующие лицензионные условия. В данном случае субъекты хозяйственной деятельности используют тот арсенал программных решений, который предложен разработчиками. Это важный аспект с точки зрения понимания процессов формирования и хранения информации, в том числе и той, которая имеет криминалистическое значение [7, с. 120].

Вместе с тем коммерческие предприятия в своей деятельности используют программные продукты, которые разрабатываются для решения определенных задач конкретной организации. В основу таких программ заложены регламенты, которые утверждаются руководителем предприятия, а для их создания привлекаются специалисты в области программирования, работающие либо в штате предприятия, либо в иных организациях или в качестве самозанятых субъектов. К примеру, на некоторых предприятиях, осуществляющих хранение и переработку зерна, допускается ведение учета зерна и продуктов его переработки в соответствии с внутривладельческими регламентами. И несмотря на то, что на большинстве подобных предприятий введены автоматизированные учетные процессы, алгоритмы, заложенные в программы, часто не соответствуют правилам и нормам количественно-качественного учета. Программные коды данных программ для пользователей закрыты, поэтому проверить табличные формулы и расчетные положения невозможно. Также нельзя оценить и правильность передачи учетных данных от одной отраслевой формы к другой. Такие программные модули не позволяют отследить движение зерна по технологическим линиям, а технологические операции, проводимые с зерном, не подтверждаются документами первичного учета. Все эти пробелы позволяют создавать излишки зерновой продукции. Техническая поддержка таких программ, внесение в них изменений и расширений осуществляется ситуативно и не всегда своевременно [7, с. 122].

Список источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997.

References

1. Belkin R.S. Course of forensic science in 3 volumes. Volume 1: General theory of forensic science. Moscow, 1997.

2. Колдин А.В. Источники криминалистической информации. М., 2007.

3. Хижняк Д.С. Источники получения криминалистически значимой информации о совершенных транснациональных преступлениях // Вестник Саратовской юридической академии. 2012. № 4(87).

4. Антонов А.Е. Источники криминалистически значимой информации, используемые при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3.

5. Натура Д.А. К вопросу о классификации криминалистически значимой информации // Социум и власть. 2013. № 3.

6. Полисюк Г.Б. Бухгалтерская (финансовая) отчетность: проблема выявления искажения информации // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 46(301).

7. Пахомов С.В. Криминалистическое значение компьютерной информации в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические. Вып. 2. 2020.

2. Kol'din A.V. Sources of forensic information. Moscow, 2007.

3. Khizhnyak D.S. Sources of obtaining forensically significant information on committed transnational crimes // Bulletin of the Saratov Law Academy. 2012. № 4 (87).

4. Antonov A.E. Sources of forensically significant information used in the investigation of crimes committed on railway transport // Problems of law enforcement activity. 2017. № 3.

5. Natura D.A. On the issue of classification of forensically significant information // Society and power. 2013. № 3.

6. Polisyuk G.B. Accounting (financial) reporting: the problem of identifying distortion of information // Economic analysis: theory and practice. 2012. № 46 (301).

7. Pakhomov S.V. Forensic significance of computer information in the detection and investigation of crimes committed in the agro-industrial complex // Bulletin of Tula State University. Economic and legal. Issue 2. 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пахомов Сергей Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе). Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Зиновьева Нина Сергеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pakhomov Sergey Valerievich, Grand PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head (for research). Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Zinovieva Nina Sergeevna, PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Procedure. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТАХ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ЗА ПЕРИОД С 2019 ПО 2023 ГОД**

Рудов Михаил Викторович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
mis6431@yandex.ru

Сорокун Николай Сергеевич

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
nik-sorokun@yandex.ru

Введение: в статье анализируются показатели преступности несовершеннолетних, а также данные о лицах, осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте в России, Южном федеральном округе, Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае за период с 2019 по 2023 г.

Материалы и методы: изучались статистические данные обо всех видах преступлений, ответственность за которые установлена нормами отдельных глав УК РФ. Показатели преступности и судимости несовершеннолетних анализировались как с применением абсолютных, так и относительных количественных показателей. Во взаимосвязи с группировкой преступлений по главам УК РФ исследовалось число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и количество осужденных несовершеннолетних за период с 2019 по 2023 г. Помимо этого, анализировались показатели преступности несовершеннолетних с использованием таких показателей, как коэффициент преступности. Кроме того, показатели судимости несовершеннолетних за отдельные виды преступлений рассматривались в динамике, и использованием такого показателя, как относительный прирост. Помимо этого, анализ в этой сфере осуществлялся с учетом распределения показателей судимости несовершеннолетних по возрастным группам.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило оценить состояние преступности несовершеннолетних как с позиции качественных, так и количественных показателей. В свою очередь, это позволило выявить как общие, так и специфические тенденции, которые сформировались за период с 2019 по 2023 г. в сфере преступности несовершеннолетних.

Выводы и заключения: проведенное исследование в качестве наиболее общего вывода позволяет заключить, что в целом в России и в Южном федеральном округе и отдельных субъектах, входящих в его состав, наметилась позитивная тенденция по снижению уровня преступности несовершеннолетних, как в абсолютных показателях, так и в показателях коэффициента преступности. Анализ качественных показателей преступности несовершеннолетних, а также данных о судимости несовершеннолетних свидетельствует о стабильности структуры преступности несовершеннолетних. За рассматриваемый период по распространенности первые три места занимают преступления, посягающие на собственность, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также посяательства на жизнь и здоровье.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, показатели судимости несовершеннолетних, абсолютный и относительный прирост преступности несовершеннолетних, коэффициент преступности несовершеннолетних, младшая и старшая возрастная группа несовершеннолетних.

Для цитирования: Рудов М. В., Сорокун Н. С. Криминологические особенности преступности несовершеннолетних в России и отдельных субъектах Южного федерального округа за период с 2019 по 2023 год / М. В. Рудов, Н. С. Сорокун // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 172–179.

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND CERTAIN SUBJECTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT FOR THE PERIOD FROM 2019 TO 2023

Rudov Mikhail Viktorovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sorokun Nikolay Sergeevich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article analyzes juvenile crime indicators, as well as data on persons convicted of committing crimes as a minor in Russia, the Southern Federal District, Rostov, Volgograd regions and Krasnodar Territory for the period from 2019 to 2023.

Materials and methods: statistical data on all types of crimes, responsibility for which is established by the norms of individual chapters of the Criminal Code of the Russian Federation, was studied. Indicators of crime and criminal records of minors were analyzed using both absolute and relative quantitative indicators. In conjunction with the grouping of crimes by chapters of the Criminal Code of the Russian Federation, the number of crimes committed by minors and the number of convicted minors for the period from 2019 to 2023 were studied. In addition, indicators of juvenile crime were analyzed using such indicators as the crime rate. In addition, juvenile conviction rates for certain types of crimes were examined over time, using an indicator such as relative growth. In addition, the analysis in this area was carried out taking into account the distribution of juvenile criminal records by age group.

Results of the study: the study made it possible to assess the state of juvenile delinquency both from the standpoint of qualitative and quantitative indicators. In turn, this made it possible to identify both general and specific trends that emerged over the period from 2019 to 2023 in the field of juvenile delinquency.

Findings and conclusions: the study conducted as the most general conclusion allows us to conclude that in general in Russia and in the Southern Federal District and individual constituent entities of its composition, there has been a positive trend towards reducing the level of juvenile crime, both in absolute terms and in crime rate indicators. Analysis of qualitative indicators of juvenile delinquency, as well as data on juvenile criminal records, indicates the stability of the structure of juvenile delinquency. During the period under review, the first three places in terms of prevalence are occupied by crimes encroaching on property, related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as attacks on life and health.

Keywords: juvenile delinquency, juvenile criminal record rates, absolute and relative increase in juvenile delinquency, juvenile delinquency rate, younger and older age groups of minors.

For citation: Rudov M. V., Sorokun N. S. Criminological features of juvenile delinquency in Russia and certain subjects of the Southern Federal District for the period from 2019 to 2023 / M. V. Rudov, N. S. Sorokun // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 172–179.

Безнадзорность и правонарушающее поведение несовершеннолетних традиционно рассматривалось и рассматривается как крайне серьезная социальная проблема, не имеющая, к сожалению, простых решений. Данная проблема актуальна как в целом для России, так и для ее отдельных регионов.

В показателях преступности несовершеннолетних, как в общем по стране, Южном федеральном округе (далее – ЮФО), так и в Ростовской и Волгоградской областях, а также в Краснодарском крае, за последнее десятилетие наметились определенные позитивные сдвиги. Это можно проследить на основе динамики абсолютных и относительных

показателей преступности несовершеннолетних (табл. 1).

В криминологической литературе, на основе анализа официальных статистических данных, также отмечается, что с 2016 по 2022 г. формируется устойчивый тренд на снижение уровня регистрируемых преступлений, совершенных несовершеннолетними. Исследователями отмечено, что за указанный период произошло уменьшение количества отраженных в официальной статистике преступлений, совершенных несовершеннолетними практически наполовину, с 55 993 преступлений до 29 126 преступлений, т. е. на 47,98 % [1, с. 201–203].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Таблица 1

Преступления, совершенные несовершеннолетними или при их участии в России, в Южном федеральном округе, Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском крае в период с 2019 по 2023 г.					
Год	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	41548	37771 (-9%)	31865 (-19%)	30469 (-5%)	27325 (-12%)
Южный федеральный округ	3876	3612 (-7%)	3182 (-12%)	3080 (-3%)	2554 (-21%)
Ростовская область	1175	848 (-28%)	838 (-1%)	732 (-13%)	544 (-26%)
Волгоградская область	856	873 (-2%)	592 (-32%)	699 (+18%)	542 (-22%)
Краснодарский край	1004	936 (-7%)	869 (-7%)	789 (-9%)	742 (-6%)

Эту тенденцию подтверждают и статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России. Так, в целом по России в 2014 г. было зарегистрировано 59,5 тыс. преступлений, совершенных непосредственно несовершеннолетними или при их участии. Тогда как в 2023 г. было зафиксировано 27,3 тыс. таких преступлений. Таким образом, с 2014 по 2023 г. произошло более чем двукратное снижение уровня преступности несовершеннолетних – на 54,1 % [2]. В связи с этим, соответственно, снижалось количество выявленных и поставленных на профилактический учет лиц в возрасте до 18 лет.

Такие же тенденции прослеживаются, если оценить динамику такого относительно количественного показателя преступности, как ее коэффициент, рассчитанный на общее количество несовершеннолетних обоого пола, проживающих в России, Южном федераль-

ном округе, Ростовской и Волгоградской областях и Краснодарском крае (табл. 2).

Необходимо отметить, что одним из факторов, определяющих положительную динамику, уменьшение коэффициента преступности несовершеннолетних за период с 2019 по 2023 г., является то, что в указанный период в целом увеличивалось население обоого пола в возрасте от 14 до 18 лет как в России, так и в ЮФО, Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае.

Об этом со всей наглядностью свидетельствуют данные Росстата за период с 2019 по 2023 г. (табл. 3).

Особенностью коэффициента преступности является то, что он относится к интегративным, обобщающим показателям, позволяющим оценить соотношение общего количества зарегистрированных преступлений к численности населения. Фактически это

Таблица 2

Показатели коэффициента преступности несовершеннолетними или при их участии в России, в Южном федеральном округе, Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском крае в период с 2019 по 2023 г.					
Год	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	719,2136	636,75	531,8297	496,7698	430,1345
Южный федеральный округ	608,7104	549,36	472,7844	443,8699	351,3991
Ростовская область	746,6907	522,76	507,0613	437,3674	315,3861
Волгоградская область	895,1634	888,09	592,8775	678,8583	528,4248
Краснодарский край	442,8135	400,09	366,3266	324,9535	289,4661

Таблица 3

Численность несовершеннолетних обоого пола в возрасте от 14 до 18 лет, проживавших в России, Южном федеральном округе, Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае за период с 2019 по 2023 г.					
Год	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	5776865	5931809	5991580	6133424	6352664
Южный федеральный округ	636756	657490	673034	693897	726809
Ростовская область	157361	162215	165266	167365	172487
Волгоградская область	95625	98301	99852	102967	102569
Краснодарский край	226732	233948	237220	242804	256334

показатель «криминальной зараженности населения». Этот показатель, помимо прочего, позволяет оценить уровни преступности в разных регионах в разные годы. Оценивая данные, представленные в таблице 2, можно заключить, что из трех субъектов, входящих в состав ЮФО (Ростовская, Волгоградская области и Краснодарский край), наиболее благополучно выглядит последний.

В свою очередь, из трех рассматриваемых субъектов наиболее неблагоприятные тенденции фигурируют в Волгоградской области. Хотя, конечно, если оценивать и абсолютные показатели преступности несовершеннолетних и коэффициент преступности, то вполне очевидно, что субъекты профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, как в целом в России, так и в ЮФО, а также и в Ростовской, Волгоградской областях и Краснодарском крае предпринимают серьезные шаги в этой сфере. Помимо этого, на уровни рассматриваемых показателей в значительной мере, как бы то ни было, влияет общий рост благополучия российского общества.

Как в целом в России, так и в Южном федеральном округе, и в частности в Ростовской, Волгоградских областях и Краснодарском крае, наблюдается стабильное снижение уровня преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Обусловлено это и усилиями, которые прилагаются в сфере борьбы и предупреждения преступности несовершеннолетних.

Обращаясь к рассмотрению конкретных показателей преступности несовершеннолетних по видам совершаемых преступлений, следует отметить, что структура преступности несовершеннолетних в России за период с

2019 по 2023 г. сохраняет определенную устойчивость. Отдельные сегменты преступности несовершеннолетних, как по отдельности, так и в своем соотношении, демонстрируют достаточно постоянные показатели (табл. 4).

Если в целом оценивать преступность несовершеннолетних за период с 2019 по 2023 г., можно заключить, что на первом месте по количеству осужденных находятся преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ. За эти преступления осуждено 56 740 несовершеннолетних преступников [3].

На втором месте находятся преступления, предусмотренные гл. 25 УК РФ. За совершение этих преступлений в течение названного промежутка времени осуждено 7 124 несовершеннолетних.

На третьем месте фигурируют преступления против жизни и здоровья. За рассматриваемый пятилетний период в России за эти преступления было осуждено 4 820 лиц в возрасте от 14 до 18 лет.

Четвертое место занимают преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности. К уголовной ответственности за эти преступления было привлечено 1 424 несовершеннолетних правонарушителя.

На пятом месте представлены преступления против порядка управления – 937 осужденных.

Шестое, седьмое, восьмое, девятое и десятое места занимают преступления, предусмотренные гл. 24, 27, 22, 19, 29 УК РФ. За совершение указанных преступлений обвинительный приговор вынесен соответственно в отношении 771, 721, 268, 263, 93 несовершеннолетних правонарушителей.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Таблица 4

Виды преступлений, за совершение которых были осуждены несовершеннолетние в России за период с 2019 по 2023 г.					
Виды преступлений	2019	2020	2021	2022	2023
Всего по гл. 16 УК РФ	1 245	889 (- 40%)	940 (5%)	873 (-8%)	873 (0%)
Всего по гл. 17 УК РФ	6	11 (45%)	13 (15%)	13 (0%)	16 (19%)
Всего по гл. 18 УК РФ	275	254 (-9%)	290 (12%)	314 (8%)	291 (8%)
Всего по гл. 19 УК РФ	71	75 (5%)	52 (-30%)	39 (-25%)	26 (-33%)
Всего по гл. 20 УК РФ	1	0 (-100%)	1 (100%)	2 (50%)	0 (-100%)
Всего по гл. 21 УК РФ	13 199	11 557 (-12%)	11 490 (-6%)	10 832 (-6%)	9662 (-11%)
Всего по гл. 22 УК РФ	54	64 (19%)	67 (5%)	52 (-22%)	31 (-40%)
Всего по гл. 23 УК РФ	0	0	0	0	0
Всего по главе 24 УК РФ	154	143 (-7%)	134 (-6%)	157 (17%)	183 (17%)
Всего по гл. 25 УК РФ	1 450	1 353 (-7%)	1 476 (9%)	1 539 (4%)	1306 (-15%)
Всего по гл. 26 УК РФ	17	7 (-58%)	13 (86%)	16 (23%)	10 (-38%)
Всего по гл. 27 УК РФ	128	123 (-4%)	159 (29%)	154 (-3%)	157 (2%)
Всего по гл. 28 УК РФ	2	0 (-100%)	4 (100%)	1 (-75%)	0 (-100%)
Всего по гл. 29 УК РФ	12	12 (0%)	16 (33%)	22 (38%)	31 (41%)
Всего по гл. 30 УК РФ	3	3 (0%)	3 (0%)	8 (160%)	4 (-50%)
Всего по гл. 31 УК РФ	13	19 (46%)	15 (-21%)	16 (7%)	19 (19%)
Всего по гл. 32 УК РФ	228	192 (-16%)	188 (-2%)	174 (-7%)	155 (-11%)
Всего по гл. 33 УК РФ	0	0	2 (100%)	2 (0%)	5 (150%)

Динамика преступлений, за совершение которых за период с 2019 по 2023 г. были осуждены несовершеннолетние, в целом демонстрирует отрицательный прирост практически во всех своих сегментах. Однако более детальный анализ позволяет выявить и ряд довольно тревожных тенденций в этой сфере. Так, за анализируемый пятилетний период в общей структуре преступности несовершеннолетних в России фигурируют отдельные группы преступлений, демонстрирующие из года в год постоянный и стабильный рост.

К таковым, что вселяет особую тревогу, относятся преступления, предусмотренные гл. 29 и 17 УК РФ. Количество несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, входящих в первую из названных групп, по сравнению с предыдущим перио-

дом в 2021 г. выросло на 33 %, в 2022 г. – на 38 %, 2023 г. – на 41 %. Если в качестве базы взять показатели судимости несовершеннолетних за 2019 г., то в 2023 г. прирост в этой группе осужденных составил 58 %.

Стабильный положительный прирост представлен и в сфере привлечения к уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, предусмотренных гл. 17 УК РФ. В сопоставлении с предыдущим периодом за совершение преступлений против свободы, чести и достоинства личности в 2020 г. количество несовершеннолетних осужденных выросло на 45 %, в 2021 г. – на 15 %, в 2023 г. – на 19 %. В сравнении с 2019 г. количество несовершеннолетних, осужденных за совершение этих преступлений, увеличилось на 170 %.

Абсолютные и относительные статистические показатели, отражающие количество несовершеннолетних, осужденных в России за период с 2019 по 2023 г., позволяют заключить, что только в сфере привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности на протяжении всего изучаемого периода наблюдается стабильное снижение показателей судимости.

Во всех других сферах на фоне общей тенденции снижения уровня преступности несовершеннолетних и судимости последних показатели поочередно демонстрируют как рост, так и снижение. Причем если за базу взять показатели судимости несовершеннолетних в 2019 г., начинают отчетливо проявлять себя и негативные тенденции, отражающие изменения в комплексе актуальных причин и условий, детерминирующих преступность несовершеннолетних.

В частности, названные тренды достаточно ярко себя манифестируют в таких показателях, как относительный прирост судимости несовершеннолетних за отдельные преступления в 2023 г. по сравнению с данными 2019 г.

По сравнению с показателями судимости несовершеннолетних за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, зафиксированными в 2019 г., прирост соответствующих показателей в 2023 г. составил 6 %. Кроме того, данные о судимости несовершеннолетних, представленные в таблице 4, наглядно свидетельствуют, что за три последних года наблюдался стабильный рост количества несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за половые преступления. В сегменте преступлений против общественной безопасности по сравнению с 2019 г. прирост судимости несовершеннолетних в 2023 г. составил 19 %. Прирост судимости несовершеннолетних за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в 2023 г. по сравнению с 2019 г. составил 23 %.

Негативные тенденции также прослеживаются в сфере привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства, а также на интересы правосудия. Количество несовершеннолетних, осужденных за указанные преступные деяния в 2023 г., по сравнению с 2019 г. выросло соответственно на 58 и 46 %.

Рассмотренные выше показатели преступности и судимости несовершеннолетних наглядно свидетельствуют о том, что безнадзорность, правонарушения и преступность несовершеннолетних оставалась и будет оставаться одной из важнейших социальных проблем нашей страны.

На эту проблему пристальное внимание обращено в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г. (далее – Концепция), в которой отмечено, что в этой сфере наряду с позитивными сдвигами отмечаются и очень серьезные проблемы [4].

В Концепции отмечается, что в настоящее время остро стоит проблема повторной и рецидивной преступности несовершеннолетних. Помимо этого, в последнее время отмечается проблема повышения криминальной активности несовершеннолетних младшей возрастной группы 14-15 лет.

Данные, объективно подтверждающие наличие этой проблемы, представлены в таблице ниже [3].

Из представленных в таблице 5 данных о количестве осужденных несовершеннолетних в России за период с 2019 по 2023 г. следует, что имеет место рост криминальной активности несовершеннолетних младшей возрастной группы 14-15 лет в сфере совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. По данной группе преступлений в 2021 г. прирост составил 9 %, в 2022 г. – 18 %.

Следует отметить, что по данной группе преступлений в 2019, 2022 и 2023 гг. количество осужденных несовершеннолетних, относящихся к младшей возрастной группе, превышало количество осужденных несовершеннолетних, относящихся к старшей возрастной группе. В 2019, 2022 и 2023 гг. это превышение составило соответственно 11, 16 и 19 человек. Помимо этого, если брать за базу количество осужденных за эти виды преступлений несовершеннолетних в возрасте от 14 до 15 лет в 2019 г., то можно заключить, что в 2023 г. прирост осужденных за эти преступления составил 8 %. На наш взгляд, приведенные данные вполне отчетливо указывают на формирование негативного тренда в этом компоненте преступности несовершеннолетних.

Наряду с этим видом преступлений еще более негативные тенденции за рассматриваемый

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Таблица 5

Виды преступлений, за совершение которых были осуждены несовершеннолетние в России за период с 2019 по 2023 г.					
Виды преступлений	2019	2020	2021	2022	2023
Всего по гл. 16 УК РФ	1 245	889 (- 40%)	940 (5%)	873 (-8%)	873 (0%)
Всего по гл. 17 УК РФ	6	11 (45%)	13 (15%)	13 (0%)	16 (19%)
Всего по гл. 18 УК РФ	275	254 (-9%)	290 (12%)	314 (8%)	291 (8%)
Всего по гл. 19 УК РФ	71	75 (5%)	52 (-30%)	39 (-25%)	26 (-33%)
Всего по гл. 20 УК РФ	1	0 (-100%)	1 (100%)	2 (50%)	0 (-100%)
Всего по гл. 21 УК РФ	13 199	11 557 (-12%)	11 490 (-6%)	10 832 (-6%)	9662 (-11%)
Всего по гл. 22 УК РФ	54	64 (19%)	67 (5%)	52 (-22%)	31 (-40%)
Всего по гл. 23 УК РФ	0	0	0	0	0
Всего по главе 24 УК РФ	154	143 (-7%)	134 (-6%)	157 (17%)	183 (17%)
Всего по гл. 25 УК РФ	1 450	1 353 (-7%)	1 476 (9%)	1 539 (4%)	1306 (-15%)
Всего по гл. 26 УК РФ	17	7 (-58%)	13 (86%)	16 (23%)	10 (-38%)
Всего по гл. 27 УК РФ	128	123 (-4%)	159 (29%)	154 (-3%)	157 (2%)
Всего по гл. 28 УК РФ	2	0 (-100%)	4 (100%)	1 (-75%)	0 (-100%)
Всего по гл. 29 УК РФ	12	12 (0%)	16 (33%)	22 (38%)	31 (41%)
Всего по гл. 30 УК РФ	3	3 (0%)	3 (0%)	8 (160%)	4 (-50%)
Всего по гл. 31 УК РФ	13	19 (46%)	15 (-21%)	16 (7%)	19 (19%)
Всего по гл. 32 УК РФ	228	192 (-16%)	188 (-2%)	174 (-7%)	155 (-11%)
Всего по гл. 33 УК РФ	0	0	2 (100%)	2 (0%)	5 (150%)

период складываются в сфере совершения несовершеннолетними младшей возрастной группы преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок. Так, за период с 2019 по 2023 г. прирост количества несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ, соответственно составлял 13 %, 5 %, 9 %, 46 %.

В 2023 г. прирост осужденных несовершеннолетних младшей возрастной группы за совершение названных преступлений, по сравнению с показателями 2019 г. составил 58 %.

Кроме того, наряду с указанными негативными тенденциями, формирующимися собственно в сфере преступности несовершеннолетних, российское общество сталкивается и с новыми формами антисоциального и

девиантного поведения несовершеннолетних, несомненно создающими фон, «питательную среду» для будущих преступлений. В частности, в Концепции отмечаются такие опасные формы девиантного поведения несовершеннолетних, как запугивание, третирование одноклассников, сопряженное, помимо прочего (что еще больше усугубляет психическую травму жертвы), с размещением в сети Интернет видеозаписей актов психического и физического насилия над жертвой.

В связи с развитием возможностей телекоммуникационной сети получают развитие акты диффамации, оскорбления и клеветы, осуществляемые несовершеннолетними с использованием социальных сетей.

Список источников

1. Лукьянова А.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2023. № 41.
2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (дата обращения: 21.05.2024).
3. URL: <http://www.cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 22.05.2024).
4. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 24.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудов Михаил Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Сорокун Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rudov Mikhail Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Sorokun Nikolay Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Представленный анализ показателей преступности несовершеннолетних указывает на необходимость постоянного развития и совершенствования мер, направленных на профилактику преступности несовершеннолетних. В планировании таких мер должны принимать участие все субъекты, входящие в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Разработка мероприятий и перечня средств, которые предполагается использовать для указанных целей, должна соответствовать особенностям структуры преступности несовершеннолетних и гибко реагировать на тенденции, которые формируются в ее отдельных сегментах.

References

1. Lukyanova A.V. The current state of juvenile delinquency. A young scientist. International Scientific Journal. 2023. № 41.
2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47525142/> (date of access: 21.05.2024).
3. URL: <http://www.cdep.ru/?id=5> (date of access: 22.05.2024).
4. On approval of the Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2025: decree of the Government of the Russian Federation dated 22.03.2017 № 520-r (ed. dated 18.03.2021). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 24.05.2024).

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Фетищева Лидия Михайловна

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Российская Федерация, lidiafetisheva@mail.ru

Шараева Яна Анатольевна

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, yana-sharaeva@mail.ru

Солонникова Нина Валерьевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, nina5846526@mail.ru

***Ведение:** статья посвящена противодействию совершению коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы. В содержании рассмотрены правовые положения противодействия коррупции, понятие коррупции и личность сотрудника, совершающего данные преступления. Авторы приводят практические примеры привлечения сотрудников УИС к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений. В статье рассмотрены статистические данные и сделаны выводы о влиянии на формирование коррупционного поведения сотрудника УИС различных факторов, как внутренних, так и внешних.*

***Материалы и методы:** в процессе исследования авторами использованы общенаучные и частнонаучные методы получения новых знаний: сравнительно-правовой, системный, социологический, статистический.*

***Результаты исследования:** борьба с коррупционными преступлениями в уголовно-исполнительной системе на современном этапе должна концентрироваться на профилактике указанных деяний, подготовке методических рекомендаций по предупреждению коррупционных преступлений и формированию антикоррупционной идеологии, предполагающей выработку в индивидуальном и массовом сознании несовместимости осуществления профессиональной деятельности и совершения коррупционных поступков.*

***Выводы и заключения:** изложенные материалы могут быть использованы при разработке методических рекомендаций по профессиональной подготовке сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы России.*

***Ключевые слова:** коррупция, уголовно-исполнительная система, сотрудник УИС, осужденный, ФСИН России, личность сотрудника.*

***Для цитирования:** Фетищева Л. М., Шараева Я. А., Солонникова Н. В. Правовое положение и проблемы противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Л. М. Фетищева, Я. А. Шараева, Н. В. Солонникова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 180–186.*

Original paper

**THE LEGAL SITUATION AND PROBLEMS OF COUNTERING CORRUPTION
CRIMES COMMITTED IN INSTITUTIONS AND BODIES
OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM**

Fetishcheva Lidiya Mikhailovna

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russian Federation

Sharaeva Yana Anatolyevna

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Solomnikova Nina Valeryevna

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to combating corruption crimes committed by employees of the penal system. The content examines the legal provisions for combating corruption, the concept of corruption and the personality of the employee committing these crimes. The authors provide practical examples of bringing penal system employees to criminal liability for committing these crimes. The article examines statistical data and draws conclusions about the influence of various factors, both internal and external, on the formation of corrupt behavior of a penal system employee.

Materials and methods: in the course of the study, the authors used general scientific and specific scientific methods of obtaining new knowledge: comparative legal, systemic, sociological, statistical.

Results of the study: the fight against corruption crimes in the penal system at the present stage should focus on the prevention of these acts, the preparation of methodological recommendations for the prevention of corruption crimes and the formation of an anti-corruption ideology that involves the development in the individual and mass consciousness of the incompatibility of professional activity and the commission of corrupt acts.

Findings and conclusions: the presented materials can be used in the development of methodological recommendations for the professional training of employees of the institutions of the penal system of Russia.

Keywords: corruption, penal system, employee of the penal system, convict, FSIN of Russia, employee personality.

For citation: Fetishcheva L. M., Sharaeva Ya. A., Solonnikova N. V. The Legal Situation and Problems of countering corruption crimes committed in institutions and bodies of the penal enforcement system / L. M. Fetishcheva, Ya. A. Sharaeva, N. V. Solonnikova // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 180–186.

В настоящее время коррупция охватывает все возможные сферы жизнедеятельности общества – здравоохранение, образование, безопасность дорожного движения, строительство, государственные заказы и закупки. Коррупция в этих сферах стала похожа на сформировавшийся бизнес. Незаконные действия, связанные с коррупцией, оказывают воздействие на множество областей жизни граждан: увеличение теневой экономики, уменьшение налоговых поступлений, возникновение дефицита в бюджете. Через коррупцию лишь некоторые граждане могут достичь доходов выше среднего уровня, в то время как остальные страдают от потерь [1, с. 366]. Коррупция широко распространена в различных секторах государства и общества, включая оборону и безопасность, разрушает государственные институты и подрывает развитие экономической системы России.

По данным Википедии, по индексу восприятия коррупции Россия находится на 141-м месте [2], т. е. коррупция в стране ощущается на достаточно высоком уровне. Несмотря на это правоохранительные органы ведут активную борьбу с коррупционными преступлениями во всех сферах деятельности и организациях страны.

Если обратиться к статистическим данным, то мы можем отследить только данные, опубликованные на сайте судебного департамента при Верховном Суде РФ [3]. В связи со специальной военной операцией и использованием иностранными партнерами сведений о привлечении сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в негативных целях,

направленных на ухудшения общественного мнения работы правоохранительных органов, информация о привлечении сотрудников была удалена с сайтов ФСИН России. Поэтому в данной статье авторы осветили общие данные привлечения к уголовной ответственности за коррупционные преступления. Итак, за 2023 г. суды общей юрисдикции вынесли 22 014 обвинительных приговоров за преступления коррупционной направленности. Рост таких преступлений по сравнению с 2022 г. составляет 7,3 %.

Рассмотрим понятие и правовую основу противодействия коррупции. Учитывая, что коррупция всегда была проблемой для общества и государства, начиная со времен Древнего Египта и до нашего времени, данное определение с латинского языка звучит как *согшпегге*, что означает растлевать, т. е. – подкуп и продажность должностных лиц. Несомненно, это опасное социальное явление, и, как указывает А.И. Долгова, «коррупция выражена в существовании многочисленных фактов подкупа, продажности государственных и иных служащих» [4, с. 7]. В то же время отмечается, что существует проблема смешивания злоупотребления полномочиями и подкупа.

По мнению А.В. Онуфриенко, коррупцией можно назвать любое использование должностными лицами власти для осуществления экономических функций или полномочий, затрагивающих интересы государства, коммерческих организаций, иных организаций, общества или отдельных граждан в целях получения выгоды для себя или третьих лиц [5, с. 14].

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Артемяева полагает, что «коррупция не образует единого состава преступления, а действия, относящиеся к коррупции, обычно признаются различными самостоятельными преступлениями, которые могут выражаться в получении взятки, злоупотреблении должностными полномочиями, их превышении» [6, с. 1–5].

Важно соблюдать Конституцию РФ, международные, федеральные законы и подзаконные нормативные акты, изданные российскими государственными органами. Основным нормативным документом в России, определяющим основные положения противодействия коррупции, является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273). Этот закон определяет понятие коррупции, превентивные меры, ограничения и запреты для должностных лиц, а также порядок совершения действий и проведения проверок, связанных с коррупционными правонарушениями.

Коррупция может проявляться в различных формах, например, в виде взяток, родственных связей, лоббирования интересов и т. д. Она имеет разрушительные последствия для общества, такие как нарушение законности, искажение рыночной конкуренции, рост социального неравенства, ухудшение качества общественных услуг и доверия к государственным институтам.

Для борьбы с коррупцией необходимо разработать и реализовать комплекс мер, включающий в себя изменения законодательства, укрепление институтов гражданского общества, повышение прозрачности и открытости государственных органов, обучение граждан антикоррупционным навыкам и т. д. Важно также воспитывать у граждан нулевую терпимость к коррупции и формировать этические принципы и ценности, исключающие принятие неправомερных решений и действий.

Законодательством определены основные виды коррупции, однако точное понимание их сути и содержания требует обращения к Уголовному кодексу РФ. Кроме того, следует отметить, что коррупционные преступления имеют много общих черт, таких как нарушение установленных правил и норм, стремление к личной выгоде за счет общества, нарушение принципов честности и законности. Таким образом, понимание коррупции как социальной проблемы и преступления требует комплексного подхода, включающего как законодательную базу, так и криминологические и социологические исследования.

Помимо этого, в августе 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным был подписан указ о

Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. [7]. В частности, этот план включает в себя улучшение механизмов отчетности чиновников о своих доходах и расходах, а также анализирует практику принятия подарков и предложений, способствующих коррупции. Также обсуждаются меры по предотвращению нерационального использования средств, выделенных на борьбу с эпидемиями.

К сожалению, проявления коррупции имеют место и в деятельности, и в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). «УИС занимает важное место в государственном механизме, осуществляя пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка, <...> при помощи специфических юридических и организационных средств и методов» [8, с. 209–2019]. В связи с этим Федеральная служба исполнения наказания (далее – ФСИН России) создала план противодействия коррупции, который действует с 2021 г. [9]. Из данного плана следует, что мероприятия Плана противодействия коррупции ФСИН России на 2021–2024 гг. направлены на решение следующих основных задач в области профилактики и противодействия коррупции:

1. Совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, и обеспечение неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения.

2. Повышение эффективности предотвращения и урегулирования конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе, обеспечение единообразной правоприменительной практики и неотвратимости ответственности.

3. Совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

4. Совершенствование механизмов контроля за расходами и направление в установленном порядке соответствующих материалов в органы прокуратуры Российской Федерации с целью обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [10], а также обеспечение полноты и прозрачности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

5. Проведение анализа действующего законодательства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции с целью его систематизации, актуализации, а также устранения пробелов и противоречий.

В то же время мероприятия, запланированные Планом противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2024 гг., осуществляются в пределах бюджетных ассигнований, выделяемых на содержание уголовно-исполнительной системы:

- совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере противодействия коррупции;

- мероприятия, направленные на противодействие коррупции при реализации контрольно-надзорных функций, а также на проведение оценок коррупционных рисков. Проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ;

- повышение эффективности деятельности подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

- повышение эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Обеспечение соблюдения работниками УИС запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции;

- повышение эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями;

- повышение эффективности противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд;

- осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;

- взаимодействие учреждений и органов УИС с институтами гражданского общества и гражданами, создание эффективной системы обратной связи, обеспечение доступности информации о деятельности учреждений и органов УИС;

- усиление влияния этических и нравственных норм на соблюдение работниками УИС запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

- повышение эффективности образовательных и иных мероприятий учреждений и органов УИС, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов;

- применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в области противодействия коррупции;

- применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий, и др.

Это все связано с тем, что преступное поведение сотрудников УИС является одной из наиболее ключевых проблем в деятельности УИС России. По сути дела, эти люди должны бороться с нарушителями закона, но иногда они сами становятся участниками преступлений, что может привести к опасностям для работы государственных служб. Важно отметить, что борьба с такими преступлениями является приоритетным направлением не только на уровне учреждений, но и на государственном уровне в целом.

Приведем пример возможных масштабов коррупционных преступлений в УИС. Например, в мае 2023 г. Одинцовский городской суд Московской области вынес решение по уголовному делу о коррупции в отношении бывшего заместителя директора ФСИН В. Максименко. Его обвинили в том, что он способствовал заключению контракта на огромную сумму – 3,6 млрд рублей, за что получил взятку в виде услуг, что причинило ущерб в размере около 330 млн рублей. В результате приговора В. Максименко был приговорен к 9 годам лишения свободы в колонии строгого режима, а также к лишению звания генерал-лейтенанта и ордена Дружбы. Дополнительно ему придется возместить государству сумму ущерба, упомянутую в приговоре, – 330 млн рублей [11].

Исходя из данного примера, мы видим, что характеристики коррупционных проявлений среди различных видов преступлений коррупционной направленности делятся на так называемую бытовую (низовую) коррупцию и системную (высшую) коррупцию, из которых в большей степени распространена и чуть менее латентна низовая коррупция.

Кроме того, субъектами коррупции могут быть предприниматели, работники частных компаний, политики, чиновники и другие лица, занимающие влиятельные или ответственные должности. Коррупция распространена на всех уровнях общества и может принимать различные формы – от взяточничества и мздоимства до злоупотребления властью и финансовыми махинациями. Противодействие коррупции является важной задачей для общества и государства и требует совместных усилий всех заинтересованных сторон.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо уделить больше внимания развитию системы воспитательной работы, провести работу по

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

обучению сотрудников профессиональному и нравственному поведению, укрепить роль наставников и менторов в процессе адаптации новых сотрудников. Также налагается необходимость усилить контроль за служебной дисциплиной и реализовать эффективные меры по предотвращению правонарушений и преступлений среди персонала учреждения. Важно создать систему мотивации и поощрения работников за исполнением своих обязанностей на должном уровне, а также разработать и внедрить программы профилактики и реабилитации в случае нарушений.

Таким образом, коррупция в УИС представляет собой опасное явление, которое проявляется в злонамеренном использовании сотрудниками УИС своего служебного положения с целью незаконного приобретения материальных и моральных выгод любыми возможными способами.

Можно выделить три типа личности относительно их устойчивости к коррупционному поведению. Первый тип – это люди, которые обладают высокой психологической стабильностью к этому виду поведения. Они отличаются четкими моральными и правовыми установками, любят свою жизнь и профессию, а также ответственны за свои поступки.

Второй тип – средней устойчивости к коррупции. Такие люди имеют средний интерес к материальным благам, не стремятся к роскоши, но не имеют четких моральных установок. Они отличаются неопределенным самоотношением и недостаточным уровнем самооценки. Их поведение может быть влиянием коллективных стереотипов.

Третий тип – это люди с низкой устойчивостью к коррупционному поведению, они стремятся к материальным благам и роскоши, не имеют четких моральных установок, отличаются дестабилизированным эмоциональным состоянием и не принимают ответственности за свои поступки. Они склонны к импульсивному поведению и поведению под влиянием внешних обстоятельств.

Однако регулярное общение с криминогенной средой влияет отрицательно на уровень образованности, на способность сохранять стабильность в стрессовых ситуациях, что формирует искаженное представление о ценностях и смысле жизни. Это, в свою очередь, является причиной развития преступного и коррупционного поведения у сотрудников.

Профессиональная деформация появляется у сотрудников пенитенциарной службы в процессе выполнения ими служебных обязанностей и проявляется через совершение про-

тивовправных действий коррупционного характера. Возникает уверенность в правильности собственных поступков, игнорирование ошибок как нарушений служебных обязанностей. Нередко такая профессиональная деформация сопровождается изменениями в личности, ведущими к правовому нигилизму, а также к формированию чувства безнаказанности и бесконтрольности за свои деяния, что способствует распространению коррупции среди сотрудников пенитенциарной службы.

Приведем пример совершения коррупционного преступления сотрудником УИС. В период с 5 июня по 8 июня 2020 г. старший сержант внутренней службы В.Д.А., младший инспектор 2 категории отдела охраны ФКУ ИК-8 УФСИН по Оренбургской области, с целью личного обогащения получил от осужденного Б., отбывающего наказание в ФКУ ИК-8 УФСИН, через бывшего сотрудника учреждения А.Е.Г., выступающего в качестве посредника во взяточничестве, взятку в размере 15 000 за пронос на режимную территорию ФКУ ИК-8 УФСИН по Оренбургской области запрещенных предметов (средств мобильной связи), а также за их последующую передачу осужденному Б., т. е. за совершение заведомо незаконных действий в интересах дающего, распорядившись полученными денежными средствами по своему усмотрению.

8 июня 2020 г. в 09:02, действуя во исполнение своего преступного замысла, В.Д.А. пронес на КПП по пропуску автотранспорта запрещенные предметы: три сотовых телефона, три зарядных устройства, три стереогарнитуры и две микросхемы, которые намеревался передать осужденному Б., однако преступный замысел он до конца довести не смог, поскольку непосредственно в момент совершения преступных действий был задержан сотрудниками отдела собственной безопасности УФСИН [12].

Еще одной причиной совершения преступлений коррупционной направленности в УИС является то, что осужденные склоняют сотрудников к противоправным деяниям для улучшения своего положения в местах лишения свободы, например, для послабления режима содержания. Дача взятки служащему ФСИН может гарантировать осужденному условно-досрочное освобождение или привилегии в тюремном режиме. Обычно коррупция совершается рядовым составом, т. к. они имеют наиболее тесный контакт с заключенными и могут легче заработать на послаблении режима.

Так, в период с 13-го по 14 октября 2023 г. прапорщик внутренней службы М.В.А., занимая

должность техника отдела ИТО, связи и вооружения ФКУ ИК-5 УФСИН по Оренбургской области, действовал умышленно, незаконно, вопреки интересам службы, из корыстных побуждений, имея в силу служебных полномочий беспрепятственный доступ. В действиях М.В.А. усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.2 УК РФ [13].

Исходя из вышеизложенного, отметим, что наиболее подвержены риску коррупционных проявлений руководство исправительных учреждений – 39,0 %, сотрудники отдела безопасности – 28,3 %, сотрудники оперативного отдела – 19,3 % [14, с. 5]. В результате авторы пришли к следующим выводам:

1. Коррупцию следует рассматривать как социальное и общественное явление с многоструктурным и многоуровневым содержанием, охватывающее разнородный спектр социально вредных практик.

2. Ресурсный потенциал для борьбы с коррупцией не одинаков. Необходимо учитывать не только предмет и степень принятия антикоррупционных правовых актов и их правовые последствия, но и предусмотренные тем

или иным законом методы правового регулирования, поскольку они должны соответствовать установленным источникам права и предмету законодательства.

3. Характер коррупции с юридической точки зрения означает, что современная коррупция не является базовым явлением уголовного права, которое может быть признано отдельным преступлением по некоторым нормам Уголовного кодекса РФ.

4. Коррупция среди сотрудников УИС – это достаточно распространенное явление в наше время. Причина кроется в низкой правовой культуре должностных лиц УИС, их субъективных интересах и наличии влиятельных людей, которых можно использовать в корыстных целях.

5. На формирование коррупционного поведения сотрудника УИС влияют в основном следующие индивидуально-психологические особенности: уровень поведения, тип реагирования, методы принятия решений и уровень удовлетворенности жизнью, работой и личным статусом.

Список источников

1. Зуева Д.М., Леошкевич Е.В. Коррупционные преступления: понятие, признаки, виды // Семьдесят пятая Международная студенческая научная конференция ГУАП (18–22 апреля 2022 г.): сб. докл.: в 4 ч. Ч. 4: Экономические и юридические науки. СПб., 2022.

2. Список стран по индексу восприятия коррупции. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 17.06.2024).

3. О судебной статистике по коррупционным преступлениям за 2023 г. URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (дата обращения: 21.06.2024).

4. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долгова. М., 2017.

5. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

References

1. Zueva D.M., Leoshkevich E.V. Corruption crimes: concept, features, types // Seventy-fifth International Student Scientific Conference of GUAP (April 18–22, 2022): collection of reports: in 4 parts. Part 4: Economic and legal sciences. St. Petersburg, 2022.

2. List of countries by corruption perception index. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD_%D0%BF%D0%BE_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%83_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8 (date of access 17.06.2024).

3. On judicial statistics on corruption crimes for 2023. URL: <https://corrupt.pnzreg.ru/news/obshchestvo/458872/> (date of access: 21.06.2024).

4. Corruption: state of counteraction and directions for optimization of the fight / edited by A.I. Dolgov. Moscow, 2017.

5. Onufrienko A.V. System of crimes of a corruption orientation: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 2015.

6. Artemyeva M.V. Corruption and corruption crimes // Legal science. 2018. № 1.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

6. Артемьева М.В. Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. 2018. № 1.

7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг.: указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Миронов Р.Г., Щербakov А.В. Современное состояние функционирования уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2019. № 2.

9. План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2024 гг. (утв. ФСИН России 17.09.2021). (Опубликован не был.)

10. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Российская газета. 2012. № 280.

11. Приговоры по уголовным делам по коррупции в РФ в 2023 г. (апрель–сентябрь). URL: <https://komiss-korrup.ru/> (дата обращения: 17.06.2024).

12. Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом России. URL: <https://sledcom.ru/cases> (дата обращения: 17.06.2024).

13. Отчет Управления УФСИН по Оренбургской области за 2023 г. (Документ не был опубликован.)

14. Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю. Современное состояние и тенденции коррупционных правонарушений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Столыпинский вестник. 2021. № 1.

7. On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024: Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 № 478. Access from the legal system «ConsultantPlus».

8. Mironov R.G., Shcherbakov A.V. Current state of functioning of the penal system // Man: crime and punishment. 2019. № 2.

9. Anti-Corruption Plan of the Federal Penitentiary Service for 2021–2024 (approved by the Federal Penitentiary Service of Russia on September 17, 2021). (Not published.)

10. On control over the compliance of expenses of persons holding government positions and other persons with their income: federal. Law of 03.12.2012 № 230-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2012. № 280.

11. Sentences in criminal cases on corruption in the Russian Federation in 2023 (April–September). URL: <https://komiss-korrup.ru/> (date of access: 17.06.2024).

12. Archive of criminal cases on crimes investigated by the Investigative Committee of Russia. URL: <https://sledcom.ru/cases> (date of access: 17.06.2024).

13. Report of the Federal Penitentiary Service Administration for the Orenburg Region for 2023 (The document was not published.)

14. Kovalev O.G., Gaponov A.Yu. Current state and trends of corruption offenses in institutions and bodies of the penal system // Stolypin Bulletin. 2021. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фетищева Лидия Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Пермский институт ФСИН России. 614012, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.

Шараева Яна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Солонникова Нина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fetishcheva Lidiya Mikhailovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 125, Karpinsky St., Perm 614012 Russian Federation.

Sharaeva Yana Anatolyevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Procedure. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Solonnikova Nina Valeryevna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

СИСТЕМА БЛОКЧЕЙН: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чихрадзе Анна Михайловна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
anna.chikhradze@mail.ru

Введение: качественное изменение преступности, способов совершения преступлений обуславливает практическую необходимость в непрерывной модернизации способов обнаружения, фиксации, изъятия соответствующей криминалистически значимой информации в рамках расследования. Преступления, совершенные с использованием криптовалют, занимают в указанном контексте особое место, поскольку особенности их совершения предполагают исследование особого источника отражения их следов – блокчейн-технологии, криминалистическое исследование которой имеет свои специфические особенности.

Материалы и методы: материальную базу статьи составили современные научные исследования, посвященные уголовно-правовой и криминалистической характеристике криптопреступлений, материалы судебной практики. В процессе написания статьи применялись методы системного анализа, синтеза, моделирования, сравнения.

Результаты исследования: могут быть использованы при подготовке учебного материала для обучающихся по дисциплине «Криминалистика», «Методика расследования отдельных видов преступлений».

Выводы и заключения: проведенное исследование показало практическую необходимость обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации из системы блокчейн при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют. Аргументирована целесообразность исследования и анализа блокчейн-технологии посредством специальных программных продуктов, а также предложены перспективные направления совершенствования их функционала.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн-технология, криптокошелек, транзакции, идентификация владельца, прозрачный блокчейн.

Для цитирования: Чихрадзе А. М. Система блокчейн: криминалистический аспект / А. М. Чихрадзе // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 187–192.

Original paper

BLOCKCHAIN SYSTEM: FORENSIC ASPECT

Chikhradze Anna Mikhailovna

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: a qualitative change in crime and the methods of committing crimes determines the practical need for continuous modernization of the methods of detection, recording, and seizure of relevant forensically significant information during an investigation. Crimes committed using cryptocurrencies occupy a special place in this context, since the peculiarities of their commission involve the study of a special source of reflection of their traces - blockchain technology, the forensic study of which has its own specific features.

Materials and methods: the material base of the article consists of modern scientific research devoted to the criminal-legal and forensic characteristics of cryptocrimes, materials of judicial practice. In the process of writing the article, the methods of system analysis, synthesis, modeling, and comparison were used.

Results of the study: can be used in the preparation of educational material for students in the discipline «Forensic Science», «Methodology for investigating certain types of crimes».

Findings and conclusions: the study showed the practical need to detect, record and seize forensically significant information from the blockchain system when investigating crimes committed using cryptocurrencies. The expediency of research and analysis of blockchain technology by means of special software products is substantiated, and promising directions for improving their functionality are proposed.

Keywords: cryptocurrency, blockchain technology, crypto wallet, transactions, owner identification, transparent blockchain.

For citation: Chikhradze A. M. Blockchain system: forensic aspect / A. M. Chikhradze // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 187–192.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Современные информационные и компьютерные технологии, проникшие практически во все сферы жизни нашего общества, являются объектом исследования различных областей научного познания. Науки уголовно-правового цикла не являются исключением, поскольку повсеместное использование подобного рода технологий обусловили не только облегченный и быстрый доступ, обмен информации, но и появление новых видов преступных деяний, а также способов их совершения и, соответственно, практической необходимости модернизации технико-криминалистических средств для их расследования, а также тактических рекомендаций и методик их расследования.

В последние годы авторы уделяют значительное внимание правовой природе и особенностям расследования преступлений в сфере компьютерных технологий и информации, при этом отмечая, что на сегодняшний день они явно вышли за рамки гл. 28 УК РФ, являясь предметом, средством либо способом совершения ряда иных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Сегодня значительный научный и практический интерес представляет такой вид компьютерных преступлений, в механизме совершения которых наличествует использование криптовалют. Исследованию их правовой природы, а также особенностей расследования свои работы посвятили такие российские ученые, как В.А. Ализаде, Т.А. Бадзгардзе, А. И. Бастрыкин, А.Ю. Головин, Е.В. Головина, М.М. Долгиева, Е.Р. Россинская, В.А. Перов, А.Э. Побегайло, А.Н. Попов, К.И. Сотников, Е.С. Шевченко и др. Тем не менее отмеченное для исследования направление представляет особую актуальность и в настоящее время, что вызвано не только неоднозначным правовым положением криптовалюты и ее использования в Российской Федерации, но также рядом иных трудностей, обусловленных особенностями применения технико-криминалистических средств при обнаружении, извлечении и фиксации доказательств из системы блокчейн в ходе расследования указанного вида преступлений.

Как отмечалось ранее, преступления в сфере информационно-коммуникационной среды давно вышли за рамки так называемых традиционных компьютерных преступлений, в частности те, которые совершаются с ис-

пользованием блокчейн-технологии и криптовалюты. Только за 2023 г. количество незаконных операций с использованием криптовалюты увеличилось в два раза¹. Таким образом, учитывая значительные темпы роста таких преступлений, правоприменительная практика обязана оперативно реагировать на подобные вызовы, дать им надлежащую правовую оценку. Концептуальные же основы для этого должны содержаться в уголовном праве – в части правовой квалификации, в криминалистике – в части деятельностного подхода к их расследованию. Указанный подход, как отмечает А.Ю. Головин, включает в себя:

- криминалистическую характеристику криптопреступлений как особого вида преступной деятельности в целом, отдельных видов криптопреступлений, элементов криминалистической характеристики;

- особенности технико-криминалистического выявления, фиксации, изъятия и исследования следов преступлений;

- отказ от формального подхода к повышению квалификации и получению необходимых для расследования криптопреступлений навыков профессиональной подготовки сотрудников, принимающих участие в раскрытии и расследовании криптопреступлений [1, с. 120–121].

Таким образом, целью представленной научной статьи является анализ системы блокчейн-технологии с точки зрения криминалистики в ключе современных возможностей обнаружения и сбора доказательственной информации, а также направлений повышения эффективности указанного процесса.

Для того чтобы достигнуть поставленной цели, считаем целесообразным выделить основные особенности функционирования блокчейн-технологии. Так, принципы ее работы впервые были изложены в 2008 г. Сатоши Накамото в статье «Биткоин – одноранговая электронная денежная система» [2]. Автор (-ы)² в указанной статье предложил (-и) авторскую концепцию совершения электронных финансовых операций, основанную на принципах децентрализации и одновременного формирования информации о транзакциях в блоки и цепочки; открытости и использования криптографии и цифровых подписей для идентификации личности. Также специфической и, пожалуй, в криминалистическом

¹ Встреча с главой Росфинмониторинга Юрием Чиханчиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72874> (дата обращения: 05.08.2024).

² Нет достоверных сведений о том, кем является Сатоши Накамото, а также о том, один это человек либо группа лиц.

смысле главной чертой системы блокчейн является то, что существует потенциальная возможность отследить собственника криптовалюты с момента ее создания, поскольку эта технология предполагает регистрацию каждой подобной «сделки» и последующим внесением отметок в транзакционный блок (цепочку) при помощи последовательного шифрования данных о каждой очередной транзакции [3, с. 185].

Несмотря на подобную «открытость» системы блокчейн, она является достаточно привлекательной платформой для совершения преступлений, поскольку общедоступными являются только лишь данные кошелька, и не всегда представляется возможным установить сведения о его владельце в силу существования так называемых анонимных криптовалют.

Сложность в расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалют, заключается и в том, что правовой статус криптовалюты в Российской Федерации не однозначен. На законодательном уровне правовое положение криптовалюты как цифровой валюты установлено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, она не признана денежным средством либо его суррогатом, и использовать ее именно в качестве платежного средства запрещено законом. В то же время лица вправе ею владеть на праве собственности. Такой подход был сформулирован в 2018 г. в сфере гражданско-правовых отношений по делу И.И. Царькова, которое было первым в российской судебной практике, когда криптовалюта была включена в имущественную массу в процессе о банкротстве [4].

Анализ современной уголовно-правовой судебной практики показывает, что в уголовных делах прослеживается преобладающий подход относительно правового статуса криптовалюты не как платежного средства, а как имущества либо способа совершения иных преступлений. Так, в деле № 1-134/19 Октябрьский районный суд Тамбова признал Николая Минаева виновным в мошенничестве (ст. 159 УК). Согласно приговору, осужденный пообещал Игорю Комарову купить у него криптовалюту за 20 000 руб. Минаев отправил на номер потерпевшего СМС-со-

общение, которое было похоже на подтверждение перевода от Сбербанка. Комаров поверил, что деньги пришли, и перевел 0,03 BTC на криптокошелек Минаеву³.

Кроме хищений разных видов, среди преступлений, совершенных посредством блокчейн-технологии, как отмечает В.А. Перов, можно выделить:

– во-первых, группу преступлений, сопряженных с подкупом (противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, взятка, коммерческий подкуп, подкуп в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд);

– во-вторых, легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;

– в-третьих, преступления, связанные с финансированием незаконной деятельности;

– в-четвертых, иные преступления против личности, общественной безопасности (например, оборот наркотических средств, оружия) [5, с. 12, 130].

Как можно увидеть, спектр преступлений, совершаемых посредством использования криптовалюты, достаточно обширен. Как отмечает А.И. Бастрькин, рассуждая о проблемах, с которыми сталкиваются правоприменители в сфере выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, указанная деятельность сопряжена с рядом трудностей различной природы происхождения (правовыми, организационными, системными, кадровыми), хотя Следственным комитетом и принимаются системные меры, в том числе связанные с внедрением технических комплексов и средств, межведомственных автоматизированных поисковых систем, региональных разработок, направленных на выявление, предупреждение и пресечение преступлений в сфере ИКТ [6, с. 90].

К числу подобных трудностей можно также отнести значительный объем источников и самой анализируемой информации. Как отмечают А.Н. Савенков и Е.Р. Россинская, уже сейчас криминалисты при расследовании и сопровождении расследования уголовных дел анализируют большой объем информации,

³ Приговор № 1-134/2019 от 15 февраля 2019 г. по делу № 1-134/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YvXp7Upq9TJT/?ysclid=lyjrylib8t460704391> (дата обращения: 16.10.2020).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

полученный из различных источников: данные биллинга мобильных операторов, данные системы «Поток», данные государственных систем (налоговой, государственного реестра и др.), информацию, полученную от интернет-провайдеров и из социальных сетей [7, с. 100–110]. Относительно криптопреступлений в указанный перечень необходимо добавить систему блокчейн, поскольку именно в ней содержатся сведения обо всех транзакциях.

Необходимо отметить, что, уточняя перечень трудностей, с которыми связано обнаружение электронно-цифровых следов при расследовании преступлений с использованием криптовалюты, сюда необходимо также включить функционирование множества систем блокчейн-технологий с разной степенью доступа к информации о транзакциях, а также дифференцирование криптовалютных активов на публичные и анонимные (т. е. сведения не только о ее владельце, но и о самой произведенной транзакции имеют повышенную конфиденциальность, что значительно усложняет обнаружение и фиксацию криминалистически значимой информации в ходе расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют без специального программного обеспечения).

В свете подобного положения вещей, полагаем, одним из направлений повышения эффективности выявления и расследования преступлений, совершаемых посредством криптовалюты, является направление совершенствования и механизации сбора, фиксации, изъятия, исследования и сохранения информации из системы блокчейн с помощью технических возможностей искусственных интеллектуальных систем (далее – ИИ).

В США разработаны и успешно функционируют два специальных программных инструмента, позволяющих отслеживать динамику движения криптоактивов и выявлять сделки, требующие последующей проверки их законности. Указанные программы активно взаимодействуют с государственными органами и, анализируя данные системы блокчейн, отслеживают путь средств и связывают их с конкретными лицами.

В 2021 г. Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации (далее – Росфинмониторинг) представила программное обеспечение под названием «Прозрачный блокчейн», созданное на базе ИИ. Указанная программа содержит два модуля – учебный и государственный. Основной задачей, которая стоит перед учебным

модулем программы, является обучение пользователей правилам и условиям мониторинга и анализа транзакций с криптовалютой в ключе осуществления расследований преступлений. Стоит отметить, что наличие такого блока является несомненным плюсом, поскольку, как отмечает А.И. Бастрыкин, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий требуют от следователей, сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, серьезных специальных познаний [6, с. 90].

Государственный модуль программного обеспечения является специализированным, создан в целях сбора и анализа информации об транзакциях; учета активов и лиц, ими владеющих; проведения риск-мониторинга лиц, использующих операции с криптовалютой; осуществления финансовых расследований [8].

Таким образом, в криминалистическом аспекте программное обеспечение «Прозрачный блокчейн» призвано решить следующие задачи: отслеживать цепочки перемещений цифровых финансовых активов; осуществлять мониторинг поведения участников криптовалютного рынка с целью их идентификации; вести базу данных криптовалютных кошельков, связанных с осуществлением противоправной деятельности и финансированием терроризма; составлять профили участников крипторынка и оценивать их роль в экономической деятельности; выявлять вероятность их участия в противоправной деятельности.

Стоит отметить, что практическая реализация указанных выше задач сводится к типовому традиционному анализу значительного объема информации, не реализуя в полной мере всего функционала программного обеспечения на базе ИИ, который можно использовать при расследовании преступлений. В связи с этим видится актуальной модернизация указанного программного обеспечения по направлению создания универсального ИИ (согласно п. 9 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [9]) в целях разрешения ряда идентификационных и диагностических криминалистических задач, возникающих как на этапе доследственной проверки, так и в ходе расследования преступлений, совершенных посредством использования криптовалюты.

К идентификационным задачам следует отнести верификацию владельца криптоактивов не только через анализ транзакций и кластеризацию адресов, но и с помощью метода OSINT⁴.

⁴ OSINT (Open Source Intelligence) – поиск и анализ информации из открытых источников.

Машинное установление взаимосвязи между транзакциями и номерами кошельков с криптографическими подписями позволяет выявлять не только аномалии и паттерны, свидетельствующие о возможном совершении преступления, но и идентифицировать владельца, в том числе и в случае упоминания номера криптокошелька в открытых источниках (сайтах, мессенджерах, каналах социальных сетей и др.). То есть указанная задача является одной из основных направлений, поскольку использование ИИ позволяет анализировать значительные объемы информации в максимально сжатые сроки по сравнению с подобным анализом, производимым сотрудником соответствующего структурного подразделения.

К диагностическим задачам необходимо отнести:

1) автоматизацию отслеживания сложных финансовых транзакций через смарт-контракты в системе блокчейн, в том числе посредством инструментов блокчейн-форензики. Смарт-контракт в данном случае – это разработанный алгоритм работы программы. Так, например, необходима проверка большого количества мелких сделок, совершенных между одними и теми же кошельками в течение заранее определенного времени, что может свидетельствовать о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем. Инструменты блокчейн-форензики позволят провести всеобъемлющую проверку. Стоит отметить, именно они используются при сборе доказательственной информации по делам о криптопреступлениях в ряде зарубежных стран, и отмечается их эффективность;

2) появление интеллектуальных агентов на базе ИИ, позволяющих по запросу должностного лица компетентного органа автоматически сгенерировать необходимые данные. Стоит отметить, что такие агенты могут интегрироваться с блокчейн-платформами и инструментами анализа данных, такими как Chainalysis.

Появление подобных интеллектуальных агентов с разных сторон положительно повлияет на поиск, фиксацию, изъятие, систематизацию для дальнейшего анализа компетентными лицами доказательственной информации:

– во-первых, механизация указанного процесса с использованием ранее предложенных инструментов и вариантов смарт-контрактов позволит провести системный анализ значительного количества информации;

– во-вторых, подобная манипуляция не требует от компетентного лица специальных углубленных знаний и навыков для работы в системе блокчейн;

– в-третьих, задачей интеллектуального агента является не только поиск, но и надлежащие фиксация и изъятие виртуального следа совершенного общественно-опасного деяния. В ключе этого предложения хотелось бы отметить, что такой технологический ход не заменяет роли следователя, однако позволяет поднять эффективность его работы с той точки зрения, что ИИ под его полным контролем повысит оперативность и эффективность формирования и извлечения необходимых доказательств.

Таким образом, следует отметить следующие аспекты, связанные с особенностями функционирования системы блокчейн, а также особенностей поиска и фиксации в ней криминалистически значимой информации.

1. Блокчейн-технология, являясь привлекательной платформой для лиц, использующих ее в противоправных целях, в то же время является децентрализованным источником криминалистически значимой информации о совершенных ими транзакциях с криптовалютными активами.

2. Подобная трансформация – компьютеризация преступности влечет за собой необходимость совершенствования не только ряда тактических аспектов производства отдельных следственных действий, а также методик расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, но и модернизации технико-криминалистических средств, позволяющих обнаружить и зафиксировать криминалистически значимую информацию, в том числе и в специфической информационной среде – системе блокчейн.

3. Повышенный уровень конфиденциальности некоторых блокчейн-систем и, соответственно, анонимность ряда криптовалют диктуют практическую целесообразность использования специального программного обеспечения для обнаружения и фиксации необходимой криминалистически значимой информации. Так, отечественным решением указанной проблемы является программа «Прозрачный блокчейн», которая посредством системного анализа данных блокчейн-технологии способна осуществлять отслеживание цепочки транзакций для последующей идентификации владельцев криптоактивов; кластеризацию, визуализацию криптовалютных операций; выявлять подозрительные паттерны, классифицировать их и отмечать криптокошельки, которые были задействованы в подозрительных сделках (с точки зрения права).

4. С точки зрения модернизации функционала вышеуказанного программного обеспечения видится целесообразным комплексный подход при анализе информации – совмещение

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

метода OSINT, анализа систем блокчейн, а также инструментов блокчейн-форензики. Также представляется целесообразным внедрение интеллектуальных агентов на базе ИИ,

задачей которого будет систематизация и визуализация полученных результатов поиска криминалистически значимой информации из всех доступных источников.

Список источников

1. Головин А.Ю., Головина Е.В. Задачи криминалистики в сфере противодействия криптопреступности // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: материалы Международной научно-практ. конф. (10–11 июня 2024 г.) / сост.: А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгардзе. СПб., 2024.

2. Биткоин – одноранговая электронная денежная система. URL: <https://crypto.ru/satoshi-nakamoto-statya-o-bitcoin/> (дата обращения: 05.08.2024).

3. Зиновьева Н.С. Возможности блокчейн-технологии в раскрытии и расследовании преступлений в интернет-пространстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3(86).

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukgz7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf (дата обращения: 16.10.2020).

5. Перов В.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

6. Бастрыкин А.И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник российской правовой академии. 2022. № 4.

7. Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5.

8. Программа для ЭВМ «Прозрачный блокчейн. Государственный модуль». URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul> (дата обращения: 05.08.2024).

9. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/natsionalnaia-strategiia-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta/?ysclid=lzngndi4c2555741898> (дата обращения: 05.08.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чихрадзе Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилытова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chikhradze Anna Mikhailovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutova St., Saint Petersburg 198206 Russian Federation.

References

1. Golovin A.Yu., Golovina E.V. Tasks of forensic science in the field of combating cryptocrime // St. Petersburg International Forensic Forum: Proc. of the International Scientific and Practical. Conf. (June 10-11, 2024) / compiled by: A.R. Akiev, T.A. Badzgaradze. Saint-Petersburg, 2024.

2. Bitcoin is a peer-to-peer electronic monetary system. URL: <https://crypto.ru/satoshi-nakamoto-statya-o-bitcoin/> (date of access: 05.08.2024).

3. Zinovieva N.S. Possibilities of blockchain technology in solving and investigating crimes in the Internet space // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (86).

4. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 15.05.2018 № 09AP-16416/2018 in case № А40-124668/2017. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukgz7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf (date of access: 16.10.2020).

5. Perov V.A. Qualification of crimes committed using cryptocurrency: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2023.

6. Bastyrykin A.I. Identification and investigation of crimes committed using information and communication technologies // Bulletin of the Russian Law Academy. 2022. № 4.

7. Savenkov A.N., Rossinskaya E.R. Vector of Development of Forensic Science in the Context of Global Digitalization // State and Law. 2023. № 5.

8. Computer program «Transparent blockchain. State module». URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/informational-systems/pb-gos-modul> (date of access: 05.08.2024).

9. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/natsionalnaia-strategiia-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta/?ysclid=lzngndi4c2555741898> (date of access: 05.08.2024).

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Философия права. 2024. № 3 (110). С. 193–198.
Philosophiia prava. 2024. № 3 (110). Pp. 193–198.

Научная статья
УДК 32.019.51

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Геращенко Игорь Германович

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация, gerashigor@rambler.ru

Геращенко Алена Игоревна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, alena_gerashchenko@mail.ru

Введение: в статье исследуются методологические проблемы, связанные с укреплением традиционных духовно-нравственных ценностей на уровне государственной российской политики. Актуальность данного исследования определяется наличием духовного вакуума у определенной части российских граждан; размыванием традиционных ценностей под воздействием либерально-рыночной идеологии; изменением самих духовных ценностей в результате очередной технологической революции.

Материалы и методы: в ходе исследования использовался системный метод, сравнительно-исторический метод. Изучение современного состояния традиционных духовных ценностей потребовало применения метода исторической реконструкции, когда анализируются предшествующие отечественные концепции традиционных ценностей с целью их преемственности в современных условиях.

Результаты исследования: традиционные российские духовно-нравственные ценности прошли долгий путь исторического развития. Они были связаны не только с православной культурой, в рамках которой эти ценности развивались на протяжении многих веков. В советский период возник новый этап в их формировании. В настоящее время существует ряд объективных противоречий, например в системе образования, которые требуют своего разрешения. К этим противоречиям относятся: соотношение традиционного российского образования и Болонской системы, вовлеченность России в мировой процесс и традиции отечественного образования, рыночный спрос на профессионализм и необходимость гармоничного развития личности и др.

Выводы и заключения: в результате исследования установлено, что противоречивость современной государственной политики по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей связана, с одной стороны, с сохранением православных и советских исторических и культурных традиций, с другой стороны, с развитием информационных технологий и необходимостью конкурировать на международной арене. Это противоречие требует своего продуманного и системного решения.

Ключевые слова: государственная политика, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, методология, противоречия образовательного процесса, православные традиции, информационное общество, технологическая революция.

Для цитирования: Геращенко И. Г., Геращенко А. И. Государственная политика по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей (методологический аспект) / И. Г. Геращенко, А. И. Геращенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 193–198.

Original paper

STATE POLICY ON STRENGTHENING TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES (METHODOLOGICAL ASPECT)

Gerashchenko Igor Germanovich

Volgograd Institute of Management - branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Gerashchenko Alena Igorevna

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Introduction: the article examines methodological problems associated with the strengthening of traditional spiritual and moral values at the level of Russian state policy. The relevance of this study is determined by the presence of a spiritual vacuum among a certain part of Russian citizens; erosion of traditional values under the influence of liberal market ideology; changes in spiritual values themselves as a result of the next technological revolution.

Materials and methods: during the study, a systematic method and a comparative historical method were used. The study of the current state of traditional spiritual values required the use of the method of historical reconstruction, when previous domestic concepts of traditional values are analyzed with a view to their continuity in modern conditions.

Results of the study: traditional Russian spiritual and moral values have come a long way in historical development. They were associated not only with Orthodox culture, within which these values developed over many centuries. During the Soviet period, a new stage in their formation arose. Currently, there are a number of objective contradictions, for example in the education system, that require resolution. These contradictions include: the relationship between traditional Russian education and the Bologna system, Russia's involvement in the global process and traditions of domestic education, market demand for professionalism and the need for harmonious personal development, etc.

Findings and conclusions: as a result of the study, it was established that the inconsistency of modern government policy to strengthen traditional spiritual and moral values is associated, on the one hand, with the preservation of Orthodox and Soviet historical and cultural traditions, on the other hand, with the development of information technology and the need to compete in the international arena. This contradiction requires a thoughtful and systematic solution.

Key words: public policy, traditional values, spiritual and moral values, methodology, contradictions of the educational process, Orthodox traditions, information society, technological revolution.

For citation: Gerashchenko I. G., Gerashchenko A. I. State policy on strengthening traditional spiritual and moral values (methodological aspect) / I. G. Gerashchenko, A. I. Gerashchenko // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 193–198.

Кардинальные изменения, происходящие в стране и в мире, ставят перед современной российской системой образования важные проблемы. Формирование традиционных духовно-нравственных ценностей является одной из приоритетных задач не только государственной политики, но и педагогической практики. Неслучайно 9 ноября 2022 г. был подписан Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1].

Актуальность статьи, таким образом, определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, длительный период постсоветского развития под воздействием либерально-рыночной идеологии привел к размыванию таких традиционных понятий, как Родина, патриотизм, долг, честь, справедливость, дружба, семья. Во-вторых, возникший духовный вакуум стал наполняться чуждым для российских граждан содержанием, что особенно негативно сказалось на подрастающем поколении. В-третьих, сами традиционные ценности претерпевают определенные изменения, связанные с модернизацией информационного общества, идущего по пути все большего использования современных технологических инноваций. Все это требует

системного методологического анализа, без которого формирование традиционных духовно-нравственных ценностей в образовательном процессе будет сопряжено со значительными трудностями.

Концепция традиционных ценностей в российской философии и педагогике имеет давние традиции. Многие века она развивалась в тесном единстве с православием. К выдающимся теоретикам российских традиционных ценностей относятся: Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, С.Л. Франк и многие другие.

К примеру, В.С. Соловьев разработал собственную оригинальную концепцию традиционных нравственных ценностей. В своем фундаментальном труде «Оправдание добра. Нравственная философия» он выделил три основные нравственные ценности: чувство стыда (господство над материальной чувственностью), чувство жалости (солидарность с живыми существами) и чувство благочестия (подчинение сверхчеловеческому началу) [2, с. 51–52]. Остальные традиционные понятия нравственности, по мысли Соловьева, выводятся из этих трех. Например, совесть он рассматривает как видоизменение стыда в отчетливой и обобщенной форме.

Изучая традиционно-нравственную организацию общества, В.С. Соловьев выделяет следующие необходимые составляющие такой организации: почитание предков (через которое происходит единение всего общества в историческом аспекте), брак и семья (объединяющие мужа и жену с их родителями и детьми), нравственная необходимость государства, единство человечества через религию и церковь [2, с. 75–77]. Данный подход вполне сочетается с современными представлениями о традиционных духовно-нравственных ценностях. В российской культуре разработана целостная концепция традиционализма, которая должна быть использована в современном образовании.

В советский период традиционные ценности не прекратили своего развития. Они наполнились новым содержанием, которое в большинстве случаев не перечеркивало исконных русских традиций. Об этом свидетельствует, в частности, изучение в советской школе русской классической литературы. Исключение составило отношение к православной религии как альтернативной идеологии коммунизма. Но в советском воспитании использовались близкие идеологические подходы, которые не противоречили традиционным духовным ценностям. Напротив, нравственному развитию молодежи придавалось первоочередное значение.

В настоящее время в качестве государственной политики принята концепция по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это становится приоритетной задачей образования на всех уровнях, начиная от детского сада и заканчивая высшим и последипломным образованием. Однако здесь имеется целый ряд объективных и субъективных противоречий, которые вносят свои коррективы в процесс формирования традиционных ценностей.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что после распада СССР образовался своеобразный духовный вакуум, который постепенно заполнялся западными ценностями. Особенно это затронуло молодых людей, которые не получили советского воспитания. Идеи западного глобализма противоречили традиционным российским ценностям, но необходимо было реформировать отечественную экономику по рыночному образцу. Это накладывало свой отпечаток на духовность людей, поскольку рынок, как известно, развивает индивидуализм, конкуренцию, эгоизм, потребительство, массовую культуру, т. е. те социальные качества, которые несовместимы с традиционными ценностями.

Это отразилось и на системе образования. Особенно показательным в данном случае является высшее образование, где использовалась Болонская система. Она также находилась в противоречивом отношении не только с советской вузовской системой, но и с традиционными российскими ценностями. Следует отметить, что элементы Болонской системы сохраняются и в современном отечественном образовании.

В качестве примера можно привести преподавание курса «Логика». В царской России и в советское время преподавалась классическая формальная логика, разработанная еще Аристотелем. Она соответствовала здравому смыслу и поэтому была понятна большинству студентов. В современных вузовских программах речь идет о западном варианте логики, разработанном в XX в. в рамках постпозитивизма. Этот курс логики в силу своей чрезмерной формализации непонятен не только для многих студентов, но и вызывает затруднения даже у преподавателей этой дисциплины. На Западе данный вариант логики получил распространение потому, что он применяется в экономике – опять-таки сугубо американском направлении экономической теории. Но в России экономика подвергается заслуженной критике, поскольку он является отражением либерально-рыночной экономики. Думается, что традиционным ценностям в большей степени отвечает традиционная логика и экономическая теория.

В научной литературе выделяется целая система противоречий при реализации традиционных духовно-нравственных ценностей в высшем образовании. К ним относятся противоречия между:

- вовлеченностью российского государства в мировой процесс и необходимостью придерживаться традиций отечественной высшей школы;
- принципами Болонской системы и традиционной спецификой российского образования;
- реформированием отечественного высшего образования и недостаточной разработанностью механизмов такого реформирования;
- многообразием отношений вузов России и слабой внутренней мобильностью преподавателей и студентов;
- возрастающим рыночным спросом на узкоквалифицированного специалиста и необходимостью формирования гармоничной духовно-нравственной личности;
- требованиями российского общества в образованных людях и невозможностью удовлетворить эти потребности для всех желающих;

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

– должным и реальным статусом преподавателя;

– необходимостью формирования традиционных духовно-нравственных ценностей и деперсонализацией учебного процесса в результате развития современных информационных технологий [3, с. 17–18].

Процесс формирования традиционных духовно-нравственных ценностей предполагает не только учет их исторического развития на российской почве, что крайне важно, но и вовлеченность этих ценностей в мировой контекст. В связи с этим перед образованием стоит сложная задача оптимального сочетания наработок мировой культуры и национальных особенностей. Каждая страна идет в этом направлении своим путем. Интересный опыт наработан в КНР, где древнейшая китайская культура органически вплетается в реалии постиндустриального общества. Бурное развитие информационных технологий не отрицает конфуцианской религии и морали. Здесь мы имеем пример разумного сочетания современных рыночных отношений, которые не являются либеральными по своей сути, с традиционными китайскими ценностями, имеющими тысячелетнюю историю.

Еще одним вариантом оптимального соотношения традиционных ценностей и рыночного модернизма является Индия. В этой стране традиционные ценности сохраняются даже в большей степени, чем в Китае. Религии индуизма и буддизма находятся в противоречивых отношениях с этикой предпринимательства. Буддизм ориентирует на достижение самоуспокоенности и нирваны, а рыночная мораль требует от человека максимальной активности и деловитости. Тем не менее государственная политика современной Индии направлена не только на развитие рыночных отношений, без которых страна не сможет прокормить свое огромное население, но и на бережное сохранение всех своих национальных традиций [4, с. 56–57].

В российских условиях традиционные духовные ценности тесно связаны с православием, в рамках которого, собственно, и было создано такое уникальное явление, как русская культура. Православная религия, в отличие от протестантизма, имеет мало общего с рыночной экономикой, поскольку исторически была связана с русской общиной, где приветствовалась не конкуренция и индивидуализм, а взаимопомощь и совместный труд. Именно поэтому капитализм в царской России стал развиваться только во второй половине XIX в. Фактически рыночные отноше-

ния стали активно формироваться только после 1990 г., причем они носили агрессивный характер, связанный с первоначальным накоплением. Господство либерального рынка продолжалось до 2014 г., когда начали происходить события, ставшие поворотной точкой во взаимоотношениях России и Запада.

За 25 лет либерально-рыночного воспитания подросло поколение молодых людей, которые формировались в этой среде. Это не могло не наложить отпечаток на их отношение к традиционным духовным ценностям. Поэтому вполне закономерной стала необходимость разработки государственной программы по укреплению, сохранению и развитию традиционных духовно-нравственных ценностей. При этом следует учитывать, что такое возрождение не произойдет слишком быстро, поскольку рыночные отношения, от которых никуда не денешься, будут воспроизводить конкурентную среду, которая плохо сочетается с православной духовностью.

Четвертая технологическая революция, происходящая в настоящее время, связана с коренными преобразованиями не только в информационной, но и в духовной сфере. Это не может не отразиться на формировании, укреплении и развитии традиционных ценностей. Новые информационные технологии, ориентированные на активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни, сопряжены с увеличением потоков информации и стандартизацией духовных процессов. Существует реальная опасность деперсонализации учебно-воспитательного процесса, когда искусственный разум будет заменять собой живое человеческое общение [5, с. 102–103].

С одной стороны, без новейших информационных технологий современное образование обойтись не может. С другой стороны, возможно еще большее увеличение стандартизации учебного процесса, которая облегчает учет и контроль, но усложняет индивидуальный подход к учащемуся и тем самым может препятствовать формированию традиционных духовно-нравственных ценностей. Значительную часть своего свободного времени молодежь проводит в Интернете, где существует большое количество сайтов, не имеющих абсолютно никакого отношения к традиционным ценностям. Нейтрализовать такое влияние крайне сложно, поскольку молодежь ориентируется чаще всего на развлекательную информацию. Ее воздействие оказывается нередко более сильным, чем уроки, лекции или семинарские занятия.

В настоящее время активно внедряется в учебный процесс проектная деятельность, направленная на привлечение школьников и студентов к совместным воспитательным мероприятиям вне стен учебного заведения [6, с. 375–376]. Такая образовательная политика должна способствовать объединению молодых людей и приобщению их к отечественным традициям. Но здесь могут возникать и определенные сложности. Воспитательные проекты нередко реализуются за счет учебного процесса, поскольку собрать учащихся в их свободное время бывает проблематично. Тем самым снижается образовательный эффект, который не менее важен, чем воспитательный.

Еще одной проблемой является наличие необходимого количества и качества кадров, профессионально занимающихся формированием традиционных духовно-нравственных ценностей у молодежи. Это, прежде всего, учителя и преподаватели средних, средних специальных и высших учебных заведений. Наиболее близки к выполнению данных задач преподаватели гуманитарных предметов. Если в школах количество таких специалистов не изменилось, то в вузах их стало значительно меньше. Это связано с существенным уменьшением учебной нагрузки у преподавателей гуманитарных кафедр.

Сложилась такая ситуация, когда упор в образовательном процессе делается на приоритетное развитие профессиональных компетенций будущего специалиста, и это справедливо, поскольку выпускник вуза должен быть хорошим работником в своей сфере.

Однако в результате страдает фундаментальная подготовка, поскольку количество учебных часов на нее постепенно снижается [7, с. 122–123]. На такие предметы, как «Философия», «Культурология», «Педагогика», «Политология», «Социология» в большинстве вузов отводится минимальное количество часов. Несколько увеличилась нагрузка на преподавание русского языка, истории и психологии, но в целом количество преподавателей гуманитарных дисциплин сократилось по сравнению с прошлыми годами. Имеется определенный дефицит кадров, которые бы профессионально занимались формированием традиционных духовно-нравственных ценностей на различных уровнях учебно-воспитательного процесса.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что концепция российских традиционных духовно-нравственных ценностей имеет солидную культурно-историческую и методологическую базу. На разных этапах развития страны эта концепция развивалась и дополнялась. В настоящее время государственная политика направлена на сохранение и укрепление данных ценностей, что объясняется неоднозначным развитием информационного общества и четвертой технологической революцией. Первостепенная роль здесь отводится образованию, начиная от семейного воспитания и заканчивая вузом и непрерывной системой обучения. Традиционные духовные ценности призваны объединить российское общество в условиях вызовов современности.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 02.04.2024).
2. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1988.
3. Аркова Т.И. Духовно-нравственные ценности вузовского образования современного российского общества (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2017.
4. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М., 2012.
5. Сибл Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху. М., 2021.

References

1. On approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (date of access: 02.04.2024).
2. Soloviev V.S. Justification for good. Moral philosophy. Op. in 2 volumes. T. 1. Moscow, 1988.
3. Arkova T.I. Spiritual and moral values of university education in modern Russian society (socio-philosophical analysis): dis. ... PhD in Philosophy. Moscow, 2017.
4. Schumacher E.F. Small is beautiful. An economy where people matter. Moscow, 2012.
5. Sibl T. Digital transformation. How to survive and succeed in a new era. Moscow, 2021.
6. Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. Universities in Russia: how it works. Moscow, 2021.

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

6. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М., 2021.

7. Геращенко И.Г., Геращенко Н.В. Педагогическое творчество: методологический и социокультурный подход // Инновации в образовании. 2016. № 10.

7. Gerashchenko I.G., Gerashchenko N.V. Pedagogical creativity: methodological and sociocultural approach // Innovations in education. 2016. № 10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Геращенко Игорь Германович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии. Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Геращенко Алена Игоревна, преподаватель Департамента права цифровых технологий и биоприватности факультета права. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 109028, Российская Федерация, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gerashchenko Igor Germanovich, Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology. Volgograd Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 8, Gagarina St., Volgograd. 400066 Russian Federation.

Gerashchenko Alena Igorevna, Lecturer of the Department of Digital and Bioprivacy Law of the Faculty of Law. National Research University Higher School of Economics. 3, Bolshoi Trekhsvyatitsky pereulok, Moscow 109028 Russian Federation.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ
ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЧАСТЬ 1. ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ**

Контарев Анатолий Александрович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
anatolykontarew@rambler.ru

Введение: статья посвящена анализу особенностей положения иностранных высококвалифицированных специалистов в Российской Федерации. Автор обобщает опыт привлечения данной категории трудовых мигрантов США, ФРГ и КНР, указывая на его обусловленность их историческими особенностями науки и образования, уровня развития технологий, экономики, концептуализированных в подходах миграционной политики. В статье высказывается предположение о том, что имплементация положительных черт международного опыта в данной сфере должна опираться на собственный подход к решению проблемы, отражающий современную специфику демографического развития России, ее правовой системы, потребностей производства в высококвалифицированных кадрах, уровня развития соответствующих отраслей науки, возможности системы высшего образования эффективно решать проблемы воспроизводства высококвалифицированных кадров.

Материалы и методы: в контексте анализа правового положения иностранных высококвалифицированных специалистов в Российской Федерации используются системный, дескриптивный, компаративный, исторический подходы; автор обращается к использованию элементов юридической логики, метода контент-анализа.

Результаты исследования: установлено, что понятие иностранного высококвалифицированного специалиста, формулируемого Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», расширяет понятие «высококвалифицированный специалист», признаки которого закреплены Общероссийским классификатором занятий, Профессиональным стандартом РФ, рассматривающим в качестве основной квалификационной характеристики высшее образование и/или наличие ученой степени, что позволяет такому специалисту производить сложные операции, трудовые приемы, выполнение которых обеспечено специальными знаниями и умениями. Это означает, что уровень квалификации части иностранных трудовых мигрантов, характеризующихся как высококвалифицированные специалисты, с которыми заключен трудовой договор с работодателем, может не соответствовать уровню требований российского профессионального стандарта, что ставит их в более выгодные условия, по сравнению с российскими высококвалифицированными специалистами.

Выводы и заключение: иностранный высококвалифицированный специалист – иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, позволяющие осуществлять сложные операции, трудовые приемы, выполнение которых обеспечено специальными знаниями и умениями, подтвержденными высшим образованием и ученой степенью.

Ключевые слова: трудовая миграция, специалист высокой квалификации, иностранный высококвалифицированный специалист, иностранный трудящийся мигрант, миграционная политика Российской Федерации, миграционное право.

Для цитирования: Контарев А. А. К вопросу о правовом положении иностранных высококвалифицированных специалистов в российской федерации. Часть 1. Опыт определения понятия / А. А. Контарев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 199–206.

Original paper

**ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN HIGHLY
QUALIFIED SPECIALISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION.
PART 1. EXPERIENCE IN DEFINING THE CONCEPT**

Kontarev Anatoly Aleksandrovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Introduction: the article is devoted to the analysis of the peculiarities of the situation of foreign highly qualified specialists in the Russian Federation. The author summarizes the experience of attracting this category of labor migrants from the USA, Germany and China, pointing out its determinacy by their historical peculiarities of science and education, the level of development of technologies, economy, conceptualized in the approaches of migration policy. The article suggests that the implementation of the positive features of international experience in this area should be based on its own approach to solving the problem, reflecting the modern specifics of the demographic development of Russia, its legal system, the needs of production for highly qualified personnel, the level of development of the relevant branches of science, the ability of the higher education system to effectively solve the problems of reproduction of highly qualified personnel.

Materials and methods: in the context of the analysis of the legal status of foreign highly qualified specialists in the Russian Federation, the systemic, descriptive, comparative, historical approaches are used; the author turns to the use of elements of legal logic, the method of content analysis.

Results of the study: it was established that the concept of a foreign highly qualified specialist, formulated by the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation», expands the concept of a «highly qualified specialist», the characteristics of which are enshrined in the All-Russian Classifier of Occupations, the Professional Standard of the Russian Federation, which considers higher education and/or an academic degree as the main qualification characteristic, which allows such a specialist to perform complex operations, work techniques, the implementation of which is ensured by special knowledge and skills. This means that the level of qualification of some foreign labor migrants, characterized as highly qualified specialists, with whom an employment contract with an employer has been concluded, may not correspond to the level of requirements of the Russian professional standard, which puts them in more favorable conditions, compared with Russian highly qualified specialists.

Findings and conclusions: a foreign highly qualified specialist is a foreign citizen who has work experience, skills or achievements in a specific field of activity that allow them to perform complex operations, work techniques, the performance of which is ensured by special knowledge and skills confirmed by higher education and an academic degree.

Keywords: labor migration, highly qualified specialist, foreign highly qualified specialist, foreign migrant worker, migration policy of the Russian Federation, migration law.

For citation: Kontarev A. A. On the issue of the legal status of foreign highly qualified specialists in the Russian Federation. Part 1. Experience in defining the concept / A. A. Kontarev // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 199–206.

Иностранные высококвалифицированные специалисты являются важным фактором экономического развития многих современных не только развивающихся, но и развитых стран, столкнувшихся с двойственной проблемой. С одной стороны, необходимость привлечения в экономику данной категории трудовых мигрантов объясняется потребностью развития наиболее наукоемких секторов производства, применением IT-технологий, искусственного интеллекта, робототехники, развития управленческой инфраструктуры, также как и необходимостью удовлетворения потребности образования, науки в специалистах, обладающих передовым уровнем специальных навыков, знаний и умений. С другой стороны, эта необходимость (как правило, в экономически развитых странах Запада) является следствием проблем естественного воспроизводства населения, когда поддержание темпов экономического роста требует использования миграционных ресурсов.

Если обратиться к истории, то можно увидеть, что начало формирования политики в сфере привлечения иностранной рабочей

силы с высокой квалификацией в странах запада приходится на 1960-е гг. прошлого века и совпадает со временем экономического роста, формированием общества постиндустриального типа, когда существенно возросла потребность в работниках высокого профессионального уровня. Это объясняется не только и не столько ростом масштабов производства, сколько его возрастающей наукоемкостью, инновационностью, обеспеченных особой ролью передовых знаний и технологий. Наибольшую актуальность данная проблема приобрела в 90-е гг. прошлого века, острота которой сохраняется и в наши дни.

Лидерами в данной сфере, несомненно, являются США, которые ввели в контекст своей миграционной политики данный приоритет, обеспечив благоприятные условия для высококвалифицированных работников, выразившиеся не только в размере заработной платы не ниже граждан, занятых в соответствующих отраслях и занимавших аналогичные должности, но и в приоритете получения вида на жительство. Это породило известный феномен «скупки умов» по всему

миру, что, очевидно, негативно сказалось на экономиках других стран.

Аналогичным примером является миграционная политика ФРГ и иных государств Европейского союза, для которых привлечение миграционного ресурса в экономику стало нормой в послевоенные годы, а в период бурного экономического роста приобрело форму приоритета по профессиональному признаку. Начиная с 1960-х гг. законодательство ФРГ ориентировало работодателей на прием иностранных высококвалифицированных специалистов, не являющихся гражданами ЕС, т. к. система образования в странах Евросоюза не давала возможности получить работников с необходимыми для перспективных отраслей экономики профессиональными компетенциями.

Показательным примером является и миграционная политика КНР. Если особенностью потребности в высококвалифицированных иностранцах стран экономически развитого Запада являются проблемы с естественным воспроизводством населения, то необходимость привлечения в экономику Китая таких иностранцев состоит исключительно в отставании их системы образования от экономических потребностей развивающегося общества. Она не только не может произвести нужное количество специалистов высокой квалификации, но и обеспечить необходимый для инновационного развития экономики уровень компетенций выпускников учебных заведений. Это объясняет режим благоприятствования для высококвалифицированных иностранцев, привлекаемых в экономику, систему образования и науки Китая. Разработанные и принятые правительством в целях решения проблемы программы дают положительные результаты. Можно назвать три из них – «Тысяча талантов» (2008), «Сто талантов» (2012) и «Зеленая карта» (2004). Первые две предполагают беспрецедентно льготные условия пребывания в стране докторов наук, профессоров и выдающихся талантов на льготных условиях осуществления трудовой деятельности в сфере образования, науки и производства. Принятая в 2004 г. «Зеленая карта», создающая упрощенный режим получения гражданства, ориентирована на тех высококвалифицированных иностранных работников, которые могут обеспечить «внешение особого вклада в области, где это крайне востребовано» [1, с. 121].

Как отмечают исследователи, признаком эпохи является то, что «возрастает конкурентная борьба между государствами за высококвалифицированных специалистов. Сегодня раз-

витые и развивающиеся страны заинтересованы в привлечении молодых предприимчивых иностранных профессионалов, способных принести с собой знания, технологии, инвестиции, опыт международного сотрудничества. Для таких иностранных граждан принимающие страны создают привлекательные условия для проживания и работы» [2, с. 122–131].

В России данная проблема сегодня стоит особенно остро. Дефицит высококвалифицированных кадров стал ощущаться к концу нулевых годов, когда было осознано, что темпы экономического роста, модернизации экономики не могут быть обеспечены лишь восполнением недостающей высококвалифицированной рабочей силы. Это объясняется не только чисто демографическими причинами или снижением уровня качества среднего и высшего профессионального образования за последние 30 лет экономического кризиса страны. Причиной является и отток из России высококвалифицированных кадров. Так, только в 1990-е гг. за рубеж (как правило, в страны экономически развитого Запада) выехало около 100 тыс. граждан со степенью кандидата и доктора наук, и более 250 тыс., имеющих высшее образование [3]. Соответственно, уже к концу нулевых годов потребность страны в высококвалифицированных специалистах составила около 70 % от совокупной потребности в иностранной рабочей силы.

Тогда впервые было указано на отсутствие эффективных механизмов воспроизводства высококвалифицированных кадров. Президент РФ констатировал, что «в подавляющем большинстве регионов механизмы привлечения квалифицированных кадров, к сожалению, пока не созданы, имеются в виду и наши кадры, российские, и иностранные кадры. Конечно, нам нужны иностранные специалисты, особенно специалисты с высокой квалификацией, и не только в центре Российской Федерации...» [4].

Очевидно, с этого момента следует отсчитывать время формирования государственной политики, направленной на создание правовых условий обеспечения потребностей Российской Федерации в высококвалифицированных кадрах. Этот процесс продолжается и сегодня. Высокие темпы модернизации российской экономики вступают в противоречие с количеством и качеством специалистов высокой квалификации, недостаточными для современной инновационной экономики. В настоящее время данную проблему усугубляют беспрецедентные санкции, объявленные недружественными странами после начала

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

специальной военной операции на Украине. Развитие экономики на собственной научной и технологической основе требует незамедлительного решения данной проблемы. Тем более что ощутимые потери произошли и в результате оттока за рубеж иностранных компаний, значительной части их специалистов.

Следует подчеркнуть, что как привлечение в экономику иностранных граждан в целом, так и иностранных граждан с высокой квалификацией, специалистов высокого уровня, является вспомогательным средством решения проблем экономического развития страны. Миграционная политика по привлечению иностранных специалистов высокой квалификации есть дополнительное условие удовлетворения спроса на них. Поэтому решающее значение имеет формирование необходимой образовательной и научно-технологической инфраструктуры воспроизводства, количественного и качественного роста таких кадров на местах, в регионах, ориентированное, прежде всего на региональные потребности. Но, к сожалению, в России в современных условиях данная проблема не имеет решения, в силу особенностей ее демографического развития. Так, по некоторым оценкам, существующий отрицательный демографический баланс требует на протяжении 80 лет ежегодного привлечения в российскую экономику 380 тыс. трудовых мигрантов. Если же это требование не будет выполнено, их необходимое количество должно увеличиться на 1 100 000 человек [5]. Из этого следует, что привлечение иностранных специалистов высокой квалификации является долгосрочным приоритетом миграционной политики.

Создание привлекательных условий проживания и осуществления трудовой деятельности иностранных граждан в Российской Федерации юридически оформлено как обусловленный нормой закона порядок их въезда в страну и выезда из нее, проживания и пребывания на ее территории. Такой порядок создает международное и внутреннее законодательство Российской Федерации. Каждый трудящийся мигрант находится под защитой государства, обладая соответствующим статусом, совокупностью прав и обязанностей, позволяющих ему защищать свои законные интересы, вступая в правоотношения с государственными и негосударственными субъектами. Иностранцев высококвалифицированных специалистов следует рассматривать как особую категорию трудовых мигрантов, т. к. их статус обладает дополнительными, в сравнении с другим трудовым мигрантам, признаками.

Вопрос о юридических признаках иностранного высококвалифицированного специалиста есть вопрос о его статусе и механизмах регулирования отношений в данной сфере. То есть, когда речь идет о более благоприятных для этой категории трудовых мигрантов условиях проживания и осуществления трудовой деятельности, подразумевается некоторый перечень прав, не присущих остальной части иностранных трудовых мигрантов – социальные блага, которыми они не обладают. Однако эти права возникают в обмен на исполнение обязанности подтверждения высокой квалификации, знаний, навыков, профессиональных компетенций. Для того чтобы правовой статус иностранного высококвалифицированного специалиста (трудящегося мигранта) имел юридическую определенность, позволяющую государству осуществлять контроль и надзор, обеспечивающие его права и свободы, самому мигранту пользоваться своими правами, необходимо его легальное определение. Такое определение приводит перечень юридически наиболее значимых признаков данной категории мигрантов, оно играет систематизирующую роль в отношении нормативного массива, регулирующего данную сферу отношений. Основной задачей легального определения является выделение предмета регулирования. Другими словами, когда речь идет об определении понятия «иностранец высококвалифицированный специалист» следует раскрыть юридический смысл этого понятия, отражающего особенности его правового положения в данной стране.

Следует отметить, что миграционное законодательство современных стран не имеет опыта подобных определений. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ дает такое определение в целях закона, о чем подробно пойдет речь в другой части настоящей статьи. Но понятие иностранного высококвалифицированного специалиста может быть сформулировано посредством обобщения признаков данной категории трудящихся мигрантов, закрепленных нормативно-правовым полем. Так, один из авторов, обобщая ряд признаков этой категории мигрантов, закрепленных международными актами, указывает, что: высококвалифицированные (интеллектуальные) мигранты – «это значимая категория трудовых мигрантов, которая определяется индивидуальными требованиями принимающей страны к таким признакам и представляет

приоритетную важность для принимающей страны в силу множества факторов: повышения демографических показателей, формирования национального рынка труда, синергии инновационного развития экономики, реализации правовой свободы знания, решения стратегических политических задач и прочих предпосылок приема высококвалифицированных (интеллектуальных) мигрантов» [6, с. 11–31]. Такое доктринальное определение может иметь методологическое значение для понимания существенных признаков этих мигрантов, совокупности их прав и обязанностей и, соответственно, позволяет идентифицировать особенности подходов миграционной политики принимающих стран.

Существенным обстоятельством является ценностная основа миграционной политики принимающих стран, определяющая ее цели и задачи, из которых вытекает правовое положение мигрантов. Как правило, порядок привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов строится на приоритете защиты внутреннего рынка труда. Так, например, согласно Закону об иммиграции, принятому США в 1965 г., работодатель может принять на работу иностранного гражданина лишь в том случае, если на эту должность, с соответствующим уровнем заработной платы, не претендует американский гражданин [7]. Трудовая виза, согласно законодательству, дает возможность пребывать в стране в течение шести лет, после чего в случае ходатайства работодателя возможно получение *Green Card*, дающей право на постоянное проживание. В отношении высококвалифицированных специалистов действует правило, согласно которому заработная плата данной категории трудовых мигрантов не может быть ниже среднего уровня в данной отрасли по соответствующей должности. Эти нормы вступают в силу с момента оформления визы, дающей возможность законно пребывать в стране и осуществлять трудовую деятельность. Смысл преференций в отношении высококвалифицированной иммиграции состоит в предоставляемых законом гарантиях не-дискриминации в оплате труда по признаку государственной принадлежности мигранта, в установлении минимальной заработной платы, исходя из среднего по отрасли и соответствующей должности.

Визовый режим в отношении высококвалифицированных мигрантов и определение минимальной оплаты труда можно рассматривать в качестве главного механизма обеспечения благоприятных условий, гарантирующих

приток этой категории мигрантов. Здесь важно количество одобренных виз по видам профессии. По некоторым оценкам, в 2019 г. количество одобренных виз специалистам в сфере IT-технологий составило 66 % [6]. Это говорит о преференциях миграционной политики США. Любопытно и то, что доля специалистов с выдающимися способностями, выдающихся профессоров, международных руководителей, менеджеров, лиц с учеными степенями, известных деятелей искусства, культуры, а также специалистов с высшим образованием на привлечение иностранных работников от общей ежегодной квоты (в 2019 г. 103 860 человек) составляет 81,3 %.

Миграционная политика ФРГ дает несколько иной пример. Целенаправленное создание приоритетов для высококвалифицированных иностранных специалистов относится к концу прошлого века, в том смысле, что с этого времени миграционная политика стала ориентировать на благоприятствующий прием специалистов в конкретной области, в которой произошло существенное отставание. Речь, конечно, идет о специалистах в сфере IT-технологий. Государственная программа для этой категории специалистов известна как «Зеленая карта». Чтобы стать участником этой программы, иностранец должен иметь высшее образование по соответствующей специальности либо подтвержденные высокого уровня профессиональные компетенции в данной сфере. Помимо этого, необходимым условием являлся договор с работодателем в данной отрасли. Эта программа, несмотря на стремление решить проблему нехватки высококвалифицированных кадров в сфере информационных технологий, создавала гарантии немецким гражданам по трудоустройству. Так, на данную должность мог претендовать иностранец лишь в том случае, если на нее не претендовал немец.

Начиная с 2005 г., когда был принят закон ФРГ «Об иммиграции», происходят изменения. Они состоят в переносе приоритета на всех иностранцев с высшим образованием. Однако норма о преференции для немцев остается. Дальнейшая эволюция порядка в данной сфере связана с разработкой основ иммиграционной политики ЕС и так называемой «Голубой картой». Упростив миграционные правила для высококвалифицированных работников, данная программа определила понятие высококвалифицированного специалиста как лица с высшим образованием, эквивалентом которому может быть пятилетний стаж работы на соответствующей

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

должности. Принципиальное значение имеет норма, устанавливающая минимум заработной платы, которая может в полтора раза превышать средний уровень зарплаты, существующий в данной стране. Так как эти нормы были рекомендованы всем странам ЕС, законодательство ФРГ изменилось соответствующим образом. Более того, была отменена норма об обязательном знании немецкого языка, создана процедура признания дипломов о высшем образовании иностранных государств, исчез приоритет немцев при поступлении на работу. Теперь иностранец и немец могут претендовать на занятие соответствующей должности на условиях равенства. Согласно закону ФРГ о высококвалифицированных мигрантах государство предъявляет два основных требования к ним – наличие документов, подтверждающих его квалификацию (высшее образование), и договор с работодателем [8]. Правила пребывания в ФРГ иностранных трудящихся высокой квалификации, прибывших в страну для трудовой деятельности, закреплены Порядком трудоустройства иностранцев [9].

Германия является лидером среди стран ЕС по количеству привлечения в экономику иностранных высококвалифицированных специалистов. Так, отмечается неуклонный рост прибытия этой категории мигрантов, которое уже в 2017 г. составило 84,7 % от совокупности мигрантов, прибывших в страны ЕС. При этом доля высококвалифицированных специалистов из России среди основных стран-доноров (Индия, Китай, Украина, Турция, США) составила 14,7 % (1 888 человек) [10, с. 146–153].

Большой интерес представляет миграционная политика Китая, изучение которой может быть полезно для совершенствования миграционной политики России в данной сфере. Прежде всего, необходимо указать на отсутствие определения иностранной высококвалифицированной рабочей силы (иностранного высококвалифицированного специалиста) в законодательстве Китая. Тем не менее признаки данного понятия можно извлечь из основных нормативных документов, регулирующих привлечение иностранной рабочей силы. Главным из них являются Правила администрирования трудоустройства иностранцев в Китае. Иностранцы, желающие работать в Китае, должны оформить визу Z (виза для иностранных трудящихся мигрантов) [11], они получают вид на жительство от 90 дней до пяти лет [12]. При этом срок трудового договора с иностранцем не должен превышать пяти лет.

Как было указано выше, создание благоприятствующего для привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов режима в Китае связано с программами «Зеленая карта», «Тысяча талантов» и «Сто талантов». Первая из этих программ ориентирована на долгосрочных мигрантов, ее участниками могли стать те иностранцы, которые непрерывно в течение четырех лет занимали в Китае высокие управленческие или профессорские должности, а также непрерывно проживали в стране в течение трех лет. «Тысяча талантов» включает несколько категорий иностранных специалистов: инновационные таланты (с долгосрочным пребыванием), инновационные таланты (с краткосрочным пребыванием), иностранные предприниматели, молодые таланты, иностранные эксперты, выдающиеся таланты и команды. Для каждой из этих категорий предусмотрена своя система льготных условий, критерии, при соответствии которым можно стать участником программы. Помимо благоприятствующего режима пребывания в стране, оформления вида на постоянное проживание, льготы включают государственные субсидии и государственную поддержку участия в национальных научных и технологических проектах. Наибольшими преференциями обладает категория выдающихся талантов. В отличие от других категорий к ним не применяется возрастное ограничение. Но участник программы должен непрерывно проживать в стране на условиях постоянной занятости. Речь идет о нобелевских лауреатах, лауреатах других особо престижных международных премий, академиков научных и инженерных академий высокоразвитых в экономическом и технологическом отношении стран, ученых с мировой известностью, работающих в университетах и научных центрах мира.

Что касается программы «Сто талантов», то она ориентирована исключительно на привлечение в страну выдающихся научных и технических талантов, а также молодых особо перспективных ученых. Принятая в 2012 г., она призвана развить соответствующие положения проекта «Тысяча талантов», принятого четыре годами раньше. Очевидно, главным условием, благоприятствующим приезду для работы в Китае талантливых, выдающихся специалистов в сфере науки, образования и технологии, является финансовая поддержка государством их деятельности. Однако далеко не все иностранцы высокой квалификации, желающие работать в Китае, удовлетворяют требованиям приведенных программ. Это не значит, что льготные

финансовые условия не распространяются на других иностранцев с высокой профессиональной квалификацией. Так, заработная плата такой категории мигрантов существенно превышает размеры средней заработной платы по стране. Например, минимальный размер оплаты труда иностранного IT-специалиста составляет 12 тыс. юаней [13], что является чрезвычайно высоким показателем на фоне средней заработной платы китайского гражданина в этой же сфере – 9 тыс. юаней [14].

Таким образом, обобщение законодательного опыта позволяет констатировать, что иностранные высококвалифицированные специалисты – это работники, обладающие высоким уровнем профессиональных компетенций, подтвержденных документами о профессиональном образовании либо опытом работы в соответствующей сфере. При этом правовые условия для этой категории мигрантов зависят от особенностей миграционной политики принимающей страны, определяемых потребностями экономического и технологического развития, совершенствования системы профессионального образования и науки, обеспечивающих уровень инновационного развития. Особый статус этих мигрантов обеспечен визовым режимом, более благоприятными условиями их пребывания на территории страны, как правило, выраженном в порядке получения вида на жительство, часто условиями оплаты труда, которые могут быть более привлекательными, нежели у граждан принимающей страны. Анализ указанного опыта показывает, что так называемые интеллектуальные мигранты, как правило, получают особый статус на основе дополнительных государственных программ, регулирующих приток иностранных специалистов в соответствующие сферы экономики,

образования и науки. Эти программы дополняют общий порядок трудовой миграции, реализуя цели и задачи государственной политики в этой сфере. Так, опыт КНР показывает, что не все иностранцы, имеющие высшее образование и осуществляющие трудовую деятельность в принимающей стране могут быть отнесены к категории «иностранцы высококвалифицированные специалисты», но лишь те, кто соответствует критериям приведенных выше программ. То есть такие иностранцы, помимо того, что должны быть носителями определенных профессиональных компетенций, обязаны работать (иметь договор с работодателем) в соответствующей сфере, определенной данной программой.

Для Российской Федерации обобщение этого опыта имеет особое значение, учитывая крайне небогатый опыт привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов. Однако, очевидно, что он должен быть переработан в контексте особенностей российской экономики, науки и образования. Так, чрезвычайно важным представляется не только обеспечение притока иностранных специалистов высокой квалификации, но защита интересов собственных граждан, претендующих на те же должности. Отсюда принцип равенства, получивший правовую институционализацию в странах ЕС, выглядит привлекательным, отвечающим интересам российского общества. Другим примером, вызывающим несомненный интерес, является миграционная политика Китая по привлечению иностранных талантов, созданию системы стимулирующих факторов. Привлекает внимание разделение иностранных высококвалифицированных специалистов на разные категории, с разной системой стимулирующих факторов, в зависимости от качественных особенностей их квалификации.

Список источников

1. Обзор практик привлечения и использования иностранной рабочей силы в Республике Корея, Японии и Китае. М., 2021.
2. Белова Л.Г. Состояние и перспективы привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов в российскую экономику в современных условиях // Экономические системы. 2024. № 1(24). Т. 17.
3. В мире нет precedентов массового возвращения ученых. URL: http://www.comments/2010/02/16_x_3324635.shtml (дата обращения: 06.08.2024).
4. Медведев Д.А. Таможенный союз является абсолютным приоритетом для страны.

References

1. Review of practices for attracting and using foreign labor in the Republic of Korea, Japan and China. Moscow, 2021.
2. Belova L.G. Status and prospects for attracting foreign highly qualified specialists to the Russian economy in modern conditions // Economic systems. 2024. № 1 (24). Vol. 17.
3. There are no precedents for the mass return of scientists in the world. URL: http://www.comments/2010/02/16_x_3324635.shtml (date of access: 06.08.2024).
4. Medvedev D.A. The Customs Union is an absolute priority for the country. URL: <https://vz.ru/news/2010/7/3/415567.html> (date of access: 06.08.2024).

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

URL: <https://vz.ru/news/2010/7/3/415567.html> (дата обращения 06.08.2024).

5. Демографы назвали число мигрантов для стабилизации населения России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c> (дата обращения: 28.07.2024).

6. Ермолаев И.А., Логинов Е.А., Мадумарова А.Р. и др. Сравнительный анализ подходов РФ, США и ФРГ к привлечению высококвалифицированных мигрантов (2010–2016) // Конфликтология / Nota Bene. 2022. № 1.

7. Immigration and Nationality Act of 1965 US. URL: <https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act> (дата обращения: 28.07.2024).

8. Fachkräfteeinwanderungsgesetz (FKEG) ab dem 01. März. 2020.

9. Verordnung über die Beschäftigung von Ausländerinnen und Ausländern. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/beschv_2013/index.html (дата обращения: 21.08.2024).

10. Рубинская Э.Д. Высококвалифицированные специалисты как ключевой фактор конкурентоспособности стран: мировой опыт привлечения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1.

11. Rules for the Administration of Employment of Foreigners in China. URL: www.gov.cn (дата обращения: 12.08.2024).

12. Положение об управлении въездом и выездом иностранцев. URL: <http://cs.mfa.gov.cn/wgrlh/lhqz/lhqzjjs/t1095035.shtml> (дата обращения: 12.08.2024).

13. Средняя зарплата в Китае. URL: <https://xn-elcahffngcif9bjk1b7a3e8dh.xn-p1ai/novosti/zarplaty-v-kitae#z-v-kitae-5> (дата обращения: 07.07.2024).

14. Попкова Е. Средняя и минимальная заработная плата в Китае. URL: <https://migrantvisa.ru/zarplata/srednjaja-zarplata-v-kitae/> (дата обращения: 07.07.2024).

5. Demographers named the number of migrants to stabilize the population of Russia. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c> (date of access: 28.07.2024).

6. Ermolaev I.A., Loginov E.A., Madumarova A.R. et al. Comparative analysis of the approaches of the Russian Federation, USA and Germany to attracting highly qualified migrants (2010–2016) // Conflictology / Nota Bene. 2022. № 1.

7. Immigration and Nationality Act of 1965 US. URL: <https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act> (date of access: 28.07.2024).

8. Federal Law on Employment of Foreigners (FKEG) / from March 1, 2020.

9. Application for the Employment of Foreigners and Abortionists. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/beschv_2013/index.html (date of access: 21.08.2024).

10. Rubinskaya E.D. Highly Qualified Specialists as a Key Factor in the Competitiveness of Countries: Global Experience of Attracting Them // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2020. № 1.

11. Rules for the Administration of Employment of Foreigners in China. URL: www.gov.cn (date of access: 12.08.2024).

12. Regulations on the Management of Entry and Exit of Foreigners. URL: <http://cs.mfa.gov.cn/wgrlh/lhqz/lhqzjjs/t1095035.shtml> (date of access: 12.08.2024).

13. Average salary in China. URL: <https://xn-elcahffngcif9bjk1b7a3e8dh.xn-p1ai/novosti/zarplaty-v-kitae#z-v-kitae-5> (date of access: 07.07.2024).

14. Popkova E. Average and minimum wages in China. URL: <https://migrantvisa.ru/zarplata/srednjaja-zarplata-v-kitae/> (date of access: 07.07.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конгарев Анатолий Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID: 0009-0008-7493-9922

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kontarev Anatoly Alexandrovich, Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

ОНТОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Григоров Евгений Валентинович

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация, grigorov@mail.ru

Введение: в процессе осмысления России как страны-цивилизации возникает необходимость пересмотра многих положений гуманитарной науки, установившихся как следствие однополярной международной системы, основанной на западной традиции правопонимания. Особенное значение имеет исследование в этом ключе онтологической проблематики.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались общенаучные теоретические и эмпирические методы познания: метод систематизации, сравнительного анализа, исторической реконструкции, восхождение от абстрактного к конкретному, научное наблюдение в форме исторического описания, научное сравнение в форме компаративного метода.

Результаты исследования: анализируя онтологические основания позитивного и международного права, мы фиксируем, что принцип верховенства права и правовое государство базируются на силе государственного принуждения; в процессе исторического развития европейских стран правовая система утрачивает связь с религиозными и моральными нормами, в то время как международное «право» не может существовать за рамками моральной сферы, поскольку основано на свободном соглашении сторон; выявляется онтологическое различие права и международного «права».

Выводы и заключения: международное «право», имеющее отличную от внутригосударственного права природу, не должно усваивать признаки внутригосударственного права, которые способствуют формированию, оторванному от реальности, виртуальному обществу и заселению нашей планеты безытийным юридическим человеком.

Ключевые слова: онтология, международное «право», позитивное право, правовая система, государство, юридический человек, принуждение, мораль, традиция.

Для цитирования: Григоров Е. В. Онтология международного права / Е. В. Григоров // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 207–213.

Original paper

THE ONTOLOGY OF INTERNATIONAL LAW

Grigorov Evgeny Valentinovich

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation.

Introduction: in the process of understanding Russia as a country-civilization, there is a need to revise many provisions of the humanities established as a consequence of the unipolar international system based on the Western tradition of legal understanding. Of particular importance is the study of ontological issues in this vein.

Materials and methods: in the course of the study, general scientific theoretical and empirical methods of cognition were used: the method of systematization, comparative analysis, historical reconstruction, ascent from the abstract to the concrete, scientific observation in the form of historical description, scientific comparison in the form of a comparative method.

Results of the study: analyzing the ontological foundations of positive and international law, we record that the principle of the rule of law and the rule of law are based on the force of state coercion; in the process of historical development of European countries, the legal system loses its connection with religious and moral norms, while international «law» cannot exist outside the moral sphere, since it is based on the free agreement of the parties; the ontological difference between law and international «law» is revealed.

Findings and conclusions: international «law», which has a nature different from domestic law, should not adopt the characteristics of domestic law, which contribute to the formation of a virtual society divorced from reality and the settlement of our planet by a non-existent legal person.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Keywords: ontology, international «law», positive law, legal system, state, legal person, coercion, morality, tradition.

For citation: Grigorov E. V. The ontology of international law / E. V. Grigorov // *Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110).* – Pp. 207–213.

Центральной темой самопознания русских, начиная со «Слова о законе и благодати» Митрополита Илариона [4], было осознание себя как православного русского народа, осененного Божественной благодатью. В XVII в. начинается сближение России с Европой, и эта тема получает новое звучание – противопоставление самобытности России и ее возможного общеевропейского пути. Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения 1767 г.» вслед за традиционным обращением к русскому народу утверждает: «Россия есть Европейская держава» [11, с. 3]. С того времени спор сторонников и противников европейского пути России не стихает, «мерами вспыхивает и мерами угасает». Однако начавшаяся 24 февраля 2022 г. специальная военная операция на территории бывшей УССР ставит точку в этом более чем двухсотлетнем споре: Россия – страна-цивилизация, центр Русского мира. Радикальность размежевания между Россией и Западом подтверждается, с одной стороны, нежеланием европейцев признавать русских равными себе, вылившимся в оголтелую русофобию, с другой стороны, решительным неприятием русским народом «новых западных ценностей», носящих явный антихристианский характер.

В основе противостояния России и условного Запада лежат не сиюминутные политические и даже не экономические причины, а нечто более глобальное, имеющее мировоззренческий, а возможно, и онтологический характер. В связи с этим насущной необходимостью становится анализ социальной действительности через призму отказа от европейских «безусловных истин», которые были некритически усвоены нами в эпоху «западного пленения».

Одной из таких истин, без сомнения, является идея верховенства права, из которой следует необходимость построения правового государства и правового регулирования межгосударственных отношений. В данной статье мы исследуем онтологическое измерение международного и внутригосударственного права.

Усложнение социальной структуры, происходящее в процессе исторического развития, влекло за собой увеличение разнообразия способов регулирования общественных

отношений. Часть этих способов происходит из природной сущности человека, часть является рациональным изобретением, часть возникает стихийно, часть устанавливается волей социального субъекта. Люди руководствуются в общественной жизни страстями и инстинктами, разумом и логикой, религиозными и моральными требованиями, традициями и ритуалами, правовыми нормами и принципами. Между этими требованиями, нормами и принципами постоянно возникают противоречия, которые человек снимает посредством свободного выбора. В то же время причины, по которым люди следуют правилам различной природы, существенно различаются. Религиозные нормы базируются на любви к Богу и ближнему, моральные – на представлении о добре и зле, традиция – на уважении к предкам и чувстве единения с ними, право – на насилии, принуждении и страхе наказания.

Право никогда не было единственным, а тем более лучшим способом регулирования общественных отношений. Однако в силу простоты мотивации выполнения правовых требований оно оказалось наиболее эффективным. Создатели европейских правовых концепций раннего Нового времени еще пытались найти опору права в Божественной воле, естественных законах и разуме, но по мере секуляризации и материализации мира потери им трансцендентного измерения право становилось все более независимым от других способов регуляции общественных отношений. В XIX в. в природе права остался только механизм принуждения, что привело к формированию наиболее последовательной для рационального европейского мышления командной теории права Джона Остина [5; 10] и «триумфальному шествию» юридического позитивизма по странам Запада. Поскольку «право – это совокупность команд, призванных принудительно контролировать поведение человека в обществе» [2, с. 285], постольку «первый» (классический) юридический позитивизм утверждал, что в основе права лежит приказ, подкрепленный угрозами [14, с. 24]. Критика данной теории, по которой любой грабитель является законодателем, оказалась неубедительной для тех, кому она предназначалась, так как искала аргументы во внеправовых сферах, против

чего как раз и выступали сторонники критикуемого подхода.

Итак, не вдаваясь в подробный анализ разных типов и оттенков правопонимания в европейской традиции, мы получаем упрощенную, но в то же время показательную схему, в которой естественно-правовой подход сменяется юридическим позитивизмом, а тот, в свою очередь, требует возврата некоторых элементов первого. Последнее необходимо, во-первых, для решения «проблемы грабителя» [14, с. 27], во-вторых, для осмысления статуса закона в нацистском государстве: «Во время Нюрнбергского процесса над нацистскими главарями и впоследствии на судебном процессе над Эйхманом в Израиле необходимо было принять во внимание заявления обвиняемых, ответственных за массовые уничтожения людей в концлагерях, что они действовали в соответствии с законодательством своей страны. Существует ли высший закон, по которому эти действия могут подлежать наказанию, независимо от того, каковы законы страны обвиняемого? Очевидно, что подход с позиций естественного права мог указать выход в подобной ситуации» [7, с. 89].

В рамках данной схемы принципиальны два утверждения: 1. Процесс освобождения права от неюридических признаков – естественен для европейского правового мышления, находится в логике его парадигмы. 2. В ХХI в. проблемы грабителя и правовой системы нацистского государства были сняты с повестки, и произошло второе и окончательное отмежевание позитивного права от морали.

Право для родоначальников правовой мысли Нового времени – Джона Локка, Гуго Гроция и даже Никколо Макиавелли – было тесно связано с Божественной волей. Позитивное право обязательно согласовывалось с естественным, которое в свою очередь вытекало из воли Бога. «Сказанное нами в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить – чего, однако же, нельзя сделать, не совершая тягчайшего преступления, – что Бога нет или что он не печется о делах человеческих» (выделено автором. – Е. Г.), – пишет Г. Гроций [3, с. 46–47].

Именно этот отрывок и стал началом отпадения права от живой действительности, чего верующий в Бога Гроций, конечно, не мог предвидеть. Однако провозгласив рационализм как основной способ познания мира, он и другие авторы раннего Нового времени отдали европейскую историю во власть тоталитарного рассудка, основным методом которого является разделение, анализ. Сначала

«все было отделено от всего» – политика от морали и религии, мораль от религии, право от политики, позитивное право от естественного. Затем из этих отдельных сфер была выбрана самая рациональная, а значит, и самая примитивная и управляемая сфера – сфера позитивного права, которая подменила собой все право в целом, и далее эта искусственная сфера была гипостазирована, ей была придано онтологическое измерение, полностью оторванное от истинных корней мира.

Все обращения к внеправовым методам регулирования общества, таким как традиция, религия, мораль, разум, даже естественное право, считаются в современном либеральном мире пережитком, тем, что необходимо преодолеть для полнейшего торжества позитивного права. Обращение к ним в европейской цивилизации рассматривается как вынужденный шаг назад, отклонение от главного принципа верховенства права. Какое может быть верховенство, если право, к примеру, нужно удостоверить моралью или традицией?

В процессе реализации концепции этатистского (государство – это суверен, который отдает приказ) юридического позитивизма на практике создается так называемое правовое поле и формулируется «самый главный» принцип – принцип верховенства права, возникает новый вид государства – правовое государство, а затем и новый тип цивилизации – «цивилизация права». В этой концепции субъектами права выступают индивиды, которые произвольно устанавливают позитивное право и сами же ему подчиняются. По мере абсолютизации позитивного права право теряет объективные корни в бытии. Правовая реальность превращается в условную реальность и, соответственно, «цивилизация права» – это формальная, механическая цивилизация.

В правовой системе важнее форма, а не содержание. Например, нарушение процедуры судопроизводства приводит к отмене решения суда, даже если оно объективно верное, нарушение сроков предоставления документов является основанием отказа от рассмотрения дела по существу, криминализация и декриминализация меняют сущность деяния и т. п.

Формальная правовая система становится самодостаточной и автономной, она порождает множество нормативных правовых актов, связанных только с ней самой, вытекающих из логики ее развития, регулирующих и структурирующих только ее саму, ее формальная истина часто противоречит реальности.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Именно в такую формальную пустоту и обезличенность развилась к XXI в. европейская правовая цивилизация с ее отождествлением позитивного права и права вообще и главным принципом верховенства права. Универсальный характер пустого, дистиллированного формального права определяет, в свою очередь, обезличенность глобального общества управляемого мировым правительством, этим идеалом современного либерализма.

В этой правовой (виртуальной) системе действует юридический человек как носитель ее свойств [13]. И. Кант, один из самых известных создателей теории правового государства, отождествляет юридического человека и человека вообще, утверждая, что последний не может существовать вне правового поля. Этот юридический человек так же формален, как и сама правовая система, он полностью конструируется ей самой в ее рамках. Юридический человек определяется правовой системой, которая сама является актом его произвола. В правовой системе равенство перед законом ликвидирует все особенности человека, и юридический человек максимально обезличен, ему предоставляется несколько типовых правовых ролей, которые он играет, приняв в свою «пустоту» их существенные признаки. Является человек, например, мужчиной или женщиной, определяется не биологией, а правовым документом, в котором указан его пол. Так, биологический мужчина, став женщиной в правовом поле, начинает играть роль женщины, приобретая ее правовые характеристики, и, например, направляется судом в женскую тюрьму.

Человек юридический – это упрощенный человек, управляемый только страхом и насильем, к нему бесполезно взывать с позиций морали или традиции, его сущность вытекает из сущности права, которое имеет насильственный характер. Человек юридический – это низменный человек, это рассудочное животное, человек-машина, человек-автомат.

Животному, загнанному в правовое поле, и свобода воли не нужна. Выполнение закона объявляется разумным, а значит, безальтернативным, а невыполнение наказывается. Выбора нет, да и выбирать не нужно. Возможно лишь единственное направление, единственный способ жизни. Принятию данного факта способствует то, что заменяет разум юридическому человеку и называется «развитым правосознанием».

Стоит ли говорить, что мир намного сложнее правовой системы, а цельный человек – человека юридического. Человек становится

человеком только при полной развитости всех своих измерений – религиозного (вера), этического, разумного (логос, а не ratio), эстетического, эмоционального, волевого, политического, правового, мистического (связь с Абсолютом).

Бытие не пустое горизонтальное пространство, оно имеет сложную иерархию уровней, вертикальное измерение, и к большинству уровней право вообще неприменимо. В этом бытии человек обживает какую-то часть, которая и есть для него мир – *обжитое*. Любой же выделенный рассудком слой бытия в своей абстрактности и пустоте становится непригодным для жизни человека – *необживаемым*. В необживаемом человек как целое существовать не может, необживаемое искажает человека, извращает его. Человек юридический и есть один из вариантов такого искаженного человека, которого изменила одна из форм необживаемого, в виде «цивилизации права».

Таким образом, система права превращается в саму-в-себе сущность, содержащую максимально безбытийного юридического человека, правового субъекта, зависящего от чистого произвола законодателя. Сила права и причина его «победы» над другими регуляторами заключается в его принудительности, его рационализме, его простоте. Держится правовая система на принуждении и насильии, источником которого является государство (суверен), поэтому имеет общеобязательный характер и тем самым претендует на роль главного регулятора общественных отношений, который к тому же стремится стать единственным.

Поскольку жить без моральных принципов западный человек только учится, «развитое правосознание» вынужденно возводит принцип принуждения в область морали. Следование правовой норме объявляется моральным принципом, но эта «вторичная» морализация права нейтральна к истинной морали, исходящей из представлений о Добре и Зле. В рамках этой «правовой» морали Зло, став законом, превращается в добро, а Добро, противоречащее закону, – во зло. Объявляется, что среди признаков права не должно быть ничего кроме нормативности, общеобязательности, системности, формальной определенности, государственного принуждения.

Такая идея права распространилась и в область международных отношений, хотя совершенно очевидно, что без аналога государства, без суверена, транслирующего свою волю всем странам, международное право, именно как право, существовать не может. Однако, следуя логике развития цивилизации права, принципу верховенства права, на роль такого суверена

претендуют как отдельные государства (сейчас США), так и международные институты, стремящиеся стать надгосударственными.

Международное право основано не на принуждении, а, напротив, – на принципе добровольности, в нем не предусмотрен суверен с его аппаратом насилия¹. Гуго Гроций разрабатывал концепцию международного права как необходимую альтернативу войне, т. е. произволу сильного. Для Гроция право, «которое определяет отношения между многими народами или их правителями и которое имеет источником самую природу или установлено законами Божескими, или же введено нравами или молчаливым соглашением (т. е. традицией. – Е. Г.)» [3, с. 44], тесно связано и с внутригосударственным правом, также вытекающим из естественных законов, но в дальнейшем позитивное внутригосударственное право порвало с религиозными и моральными основаниями и стало утверждаться только силой государства. Выступая против идеи несовместимости войны и права², Г. Гроций опирался на мораль *христианских* народов, на правовой опыт *выдающихся* народов, что в современных международных декларациях превратилось в апелляцию к народам *цивилизованным*³. Это значит, что право народов так и осталось в рамках морального контекста.

Таким образом, право может быть обращено к любому, даже самому безнравственному человеку, поскольку принуждает к исполнению норм силой, а международное право – только к цивилизованным нациям, способным свободно соблюдать договоры. Международное «право»⁴ основывается не на насилии, а на совести.

В международных отношениях из двух способов решения конфликтных ситуаций – война и право – именно война, как средство, опирающееся на силу, соответствует позитивному внутригосударственному праву, также опирающемуся на силу, а международное «право»

является формой принятого на себя морального обязательства. С этой точки зрения трактат Г. Гроция «О праве войны и мира» нужно читать как этический, а не правовой текст.

Идея позитивного (виртуального) права – это в то же время идея возможности конструирования любого мира вне времени и пространства, вне национальных особенностей и т. п. Право, как произвол, рожденный в сознании суверена, есть основа утопического мира, суверен выражает свою волю, и если у него достаточно силы, может не согласовывать ее с реальностью. В современном мире суверенитетом обладает государство, которое и устанавливает право как систему выражающих его волю норм [12, с. 147].

Международное «право» не заперто в сознании суверена, где может принимать любые формы, оно требует объединения двух волей, которое превращается в общую волю. Для международного «права» кроме субъекта-«Я» нужен субъект-«Другой». Международное «право» базируется на необходимости согласовывать позиции, а это невозможно без общих ценностей, без признания друг друга реальностью. Онтологически международное «право» восходит к отношению между двумя равными субъектами, без такого отношения нет и самих субъектов международного «права», они возникают в момент появления отношения.

Общая воля и отношение между субъектами – это и есть бытие международного «права», в отличие от внутригосударственного права, которое замкнуто в сознании суверена, что можно назвать формальным правовым солипсизмом. Такое право может быть безадресным. Если европейскую правовую систему внедрить в африканское общество, то кому она будет адресована? Европейских индивидов там нет, а конкретный африканец к такому регулированию не приспособлен, поэтому адресатом здесь выступает «атомарный африканец», которого в природе не существует. Таким образом, для права как воли

¹ Студенты, изучившие основы права (особенно уголовного или административного), сложно воспринимают то, что возможно существование и действие норм права без принуждения. Международное право – это как раз такая отрасль права, где *санкции международно-правовых норм* отражены, как правило, в международных обычаях и носят абсолютно *добровольный и неопределенный характер* (выделено автором. – Е.Г.) [9].

² Однако не только простой народ держится того мнения, что война совершенно несовместима с правом, но даже у мужей ученых и благоразумных нередко прорываются изречения, благоприятствующие такому мнению [3, с. 44].

³ Статья 38. 1. Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: с) общие принципы права, признанные *цивилизованными* нациями. Статут Международного суда ООН. URL: <https://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴ Поэтому мы будем ставить слово «право» в кавычки, когда речь идет о международных нормах.

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

суверена не нужны те, на кого это право должно распространяться.

Международное «право» возникает как альтернатива насилию, праву войны и внутригосударственному праву, поскольку и оно базируется на насилии [6, с. 426–427]. Онтологическая различность международного и внутригосударственного права не раскрывается сразу, поскольку сначала и то и другое строится на естественном праве, на морали, на религии, на традициях, но затем внутригосударственное право, как не нуждающееся в Другом, становится самодостаточной абстрактной сферой и избавляется от всего «ненужного», реализуя принцип верховенства права. Международное «право» по этому пути пойти не может, договор требует общих моральных норм, в нем нет верховенства права, нельзя получить дистиллированное право, с дистиллированным принуждением.

Договор, лежащий в основе международного «права», заключается только на основе общих ценностей, по крайней мере стороны должны считать обман при выполнении договора недостойным поведением, что требует моральной оценки действий. Принцип *Pacta sunt servanda* (договоры должны выполняться) носит моральный, а не правовой характер.

Добровольность международного договора, реализующая моральное отношение к миру, и принцип верховенства формального права не согласуются, однако это не мешает попыткам распространения этого принципа на международное «право». «Правила», которыми США пытаются заменить международное «право» и есть приказы, подкрепленные угрозами, которые превращаются в законы, как только мир принимает США за суверена.

Современная система международных отношений включает в себя не только взаимодействия между государствами и народами, ее субъектами стали надгосударственная бюрократия, межгосударственные институты, банки, суды, транснациональные корпорации, региональные, отраслевые, профессиональные, военные, культурные, политические объединения и союзы. Во всех этих структурах отношения изначально регулируются нормативными правовыми актами, поэтому в

международную сферу проникают элементы классического права, перемешиваясь (в разных пропорциях) с договорным международным «правом». Международные институты не апеллируют больше к нравственному чувству сторон, добиваясь добровольного согласия на заключения договора, они прямо принуждают к принятию «единственно правильного» решения. Политика санкций должна превратить международное «право» в подобие и аналог права внутригосударственного. Г. Гроций пытался уйти от насилия (войны) к морали (праву народов), современный Запад ускоренными темпами прошел обратный путь, от международного «права» (мораль) к праву (правилам и насилию).

В современном мире Россия продолжает настаивать на необходимости соблюдения договоров по моральным причинам. Президент Российской Федерации В.В. Путин не раз заявлял о том, что российские власти рассчитывают на *порядочность* «партнеров», на их способность держать слово. Однако западная элита такое поведение считает слабостью. Именно в российской дипломатической традиции мы видим стремление выстраивать отношения с другими странами на принципах честности и открытости. Мы знаем исторические примеры, когда России удавалось склонить другие страны к поддержке такой позиции. Одним из таких событий является принятие «Акта Священного союза» 14 сентября 1815 г., определившего архитектуру международных отношений первой половины XIX в., который требовал руководствоваться в международных отношениях заповедями христианской веры, любви, правды и мира [1].

Но как только сила российского государства ослабевала, западные элиты возвращались к взглядам Н. Макиавелли, советовавшего не соблюдать договоры, если они утратили свою полезность [8, с. 52]. Сегодня России в очередной раз приходится отстаивать философские постулаты на поле боя, однако требуется и фундаментальное переосмысление философско-правовых концептов, без которого построить послевоенный справедливый мир будет невозможно.

Список источников

1. «Акт Священного союза» 14 (26) сентября 1815 г. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.martens04_1878_099a (дата обращения: 03.05.2024).

References

1. «Act of the Holy Alliance» of September 14 (26), 1815. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.martens04_1878_099a (date of access: 03.05.2024).

2. Берус В.В., Григоров Е.В., Ушаков П.В. Философия. Философская культура в правоведении: учебное пособие / под ред. В.В. Беруса. 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул, 2009.
3. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт, с изд. 1956 г. М., 1994.
4. Иларион. Слова о законе и благодати // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 1.
5. Иванов А.Е. Концепция суверена в теории Дж. Остина // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 5.
6. Канетти Э. Человек нашего столетия: пер. с нем. / сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; коммент. Р.Г. Каралашвили. М., 1990.
7. Ллойд Деннис. Идея права / пер. с англ.: М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева; науч. ред.: Ю.М. Юмашев. 5-е изд. М., 2009.
8. Макиавелли Н. Государь: пер. с итал. М., 1990.
9. Меньшенина Н.Н. Международное право: учеб. пособие. Екатеринбург, 2016.
10. Михайлов А.М. К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Д. Остина) // Право и политика. 2020. № 11.
11. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения. 1767. М., 2015.
12. Правоведение: учебник / под ред. В.А. Козбаненко. 3-е изд. М., 2006.
13. Сланов О.Т. «Человек юридический» в философско-правовом измерении // Философия права. 2008. № 1.
14. Харт Г.Л.А. Понятие права: пер. с англ. / под ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб., 2007.
2. Berus V.V., Grigorov E.V., Ushakov P.V. Philosophy. Philosophical Culture in Jurisprudence: a tutorial / edited by V.V. Berus. 2nd ed., revised and enlarged. Barnaul, 2009.
3. Grotius G. On the Law of War and Peace: reprint, from the 1956 ed. Moscow, 1994.
4. Hilarion. Words on Law and Grace // Library of Literature of Ancient Rus'. St. Petersburg, 1997. T. 1.
5. Ivanov A.E. The concept of the sovereign in the theory of J. Austin // Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law. 2023. № 5.
6. Canetti E. Man of our century: trans. with him. / comp. and ed. preface N.S. Pavlova; comment R.G. Karalashvili. Moscow, 1990.
7. Lloyd Dennis. The idea of law / trans. from English: M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumasheva; scientific ed.: Yu.M. Yumashev. 5th ed. Moscow, 2009.
8. Machiavelli N. Sovereign: trans. from Italian Moscow, 1990.
9. Menshenina N.N. International law: textbook allowance. Ekaterinburg, 2016.
10. Mikhailov A.M. On the issue of philosophical and methodological foundations of English legal positivism of the 19th century (legal teachings of J. Bentham and D. Austin) // Law and Politics. 2020. № 11.
11. Order of Catherine II to the Commission on drafting a new code. 1767. Moscow, 2015.
12. Jurisprudence: textbook / edited by V.A. Kozbanenko. 3rd ed. Moscow, 2006.
13. Slanov O.T. «Legal Man» in the philosophical and legal dimension // Philosophy of Law. 2008. № 1.
14. Hart G.L.A. Concept of Law: trans. from English / edited by E.V. Afanasin, S.V. Moiseev. St. Petersburg, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григоров Евгений Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и философии. Барнаулский юридический институт МВД России. 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigorov Evgeny Valentinovich, PhD in Historical sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 49, Chkalova St., Barnaul 656038 Russian Federation.

**ВРЕМЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВУЕТ: ОЦЕНКИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЗАПАДА
(И.В. КИРЕЕВСКИЙ, В.Ф. ЭРН, А.С. ПАНАРИН)**

Рожковский Виталий Борисович

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
v-rozkovski@mail.ru

Введение: концепт «время славянофильствует» (введенный в начале XX века В.Ф. Эрном) включает, с одной стороны, обоснование актуального потенциала универсальных христианских духовных ценностей в культурном и социальном бытии России на протяжении последних столетий. С другой стороны, он касается обоснования совершающегося в XIX – начале XXI века духовного кризиса в культурно-цивилизационном развитии Запада, связанного с отрицанием онтологических основ европейской христианской традиции, а также неизбежного грядущего пересмотра основ его духовно-культурного бытия.

Материалы и методы: в статье проведен сравнительный анализ взглядов русских религиозных мыслителей XIX – начала XXI века в отношении культурно-цивилизационного развития России и Запада.

Результаты исследования: сравнительный анализ оценок И.В. Киреевского, В.Ф. Эрн и А.С. Панарина в отношении культурно-цивилизационного развития России и Запада, хотя и данных в контексте различных исторических вызовов, показывает, что они выражают единый концепт, который может служить действенным ориентиром для понимания современных социально-политических процессов.

Выводы и заключения: концепт «время славянофильствует» позволяет провести целый ряд актуальных культурно-цивилизационных, духовно-ценностных, социально-политических коннотаций и параллелей, и в особенности в отношении сосуществования России и Запада в последние годы, приобретшего характер военно-политического противостояния и внесшего новые разделения в Европе. Исторический вызов западной цивилизации, как и славянским народам, свершается в отношении отстаивания или отрицания ими христианских ценностей и всего духовно-культурного наследия с ними связанного, а также в отношении их к России как государству-цивилизации, активно отстаивающей универсальный характер таких ценностей.

Ключевые слова: время славянофильствует, духовный опыт православия, историческое самосознание России, обновленная Антанта, украинство, И.В. Киреевский, В.Ф. Эрн, А.С. Панарин.

Для цитирования: Рожковский В. Б. Время славянофильствует: оценки культурно-цивилизационного развития России и Запада (И.В. Киреевский, В.Ф. Эрн, А.С. Панарин) / В. Б. Рожковский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3 (110). – С. 214–219.

Original paper

**SLAVOPHILE TIME: ASSESSMENTS OF THE CULTURAL
AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE WEST
(I.V. KIREEVSKY, V.F. ERN, A.S. PANARIN)**

Rozhkovsky Vitaly Borisovich

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the concept of «Slavophile time» (introduced at the beginning of the 20th century by V.F. Ern) includes, on the one hand, the justification of the current potential of universal Christian spiritual values in the cultural and social existence of Russia over the past centuries. On the other hand, it concerns the justification of the spiritual crisis in the cultural and civilizational development of the West that is taking place in the 19th - early 21st centuries, associated with the denial of the ontological foundations of the European Christian tradition, as well as the inevitable coming revision of the foundations of its spiritual and cultural existence.

Materials and methods: the article provides a comparative analysis of the views of Russian religious thinkers of the 19th - early 21st centuries regarding the cultural and civilizational development of Russia and the West.

Results of the study: a comparative analysis of the assessments of I.V. Kireevsky, V.F. Ern and A.S. Panarin's analysis of the cultural and civilizational development of Russia and the West, although given in the context of various historical challenges, shows that they express a single concept that can serve as an effective guide for understanding modern socio-political processes.

Findings and conclusions: the concept of «Slavophile time» allows us to draw a number of relevant cultural and civilizational, spiritual and value-based, socio-political connotations and parallels, and especially in relation to the coexistence of Russia and the West in recent years, which has acquired the character of a military-political confrontation and brought new divisions in Europe. The historical challenge to Western civilization, as well as to the Slavic peoples, is carried out in relation to their upholding or denial of Christian values and the entire spiritual and cultural heritage associated with them, as well as in their attitude to Russia as a state-civilization that actively defends the universal nature of such values.

Keywords: time is Slavophile, spiritual experience of Orthodoxy, historical self-awareness of Russia, renewed Entente, Ukrainianism, I.V. Kireevsky, V.F. Ern, A.S. Panarin.

For citation: Rozhkovsky V. B. Slavophile time: assessments of the cultural and civilizational development of Russia and the West (I.V. Kireevsky, V.F. Ern, A.S. Panarin) / V. B. Rozhkovsky // *Philosophiya Prava* : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 3 (110). – Pp. 214–219.

Выражение «время славянофильствует» принадлежит Владимиру Францевичу Эрну. По сути, оно представляет собой концепт, выдвинутый русским мыслителем в 1915 г. в ряде публичных лекций во время Первой мировой войны. В этом концепте была в емкой форме дана характеристика современного ему социально-политического времени. Объясняя его, В.Ф. Эрн подчеркивал, что именно само время, исторические события приобретают такой смысл, который интуитивно угадывали в развитии судеб России и Запада «славянофилы» еще в XIX веке, теперь же он сделался более явным в контексте духовных «разоблачений и откровений, принесенных ураганом войны» [1, с. 372].

В концепте В.Ф. Эрна, как и в ведущих интуициях славянофилов, различимы две основные стороны, два ценностно-смысловых обертона. Один обращен к внутренней логике исторического бытия России. Другой – к судьбе Европы.

Во-первых, в нем отражена проблема, словами В.Ф. Эрна, «внутреннего самосознания и интимного самочувствия» России [1, с. 384], как особого мира, особой цивилизации, сохраняющей духовный потенциал православного христианства. В этом плане В.Ф. Эрн поддерживал святоотеческую «повестку» славянофилов, в частности И.В. Киреевского (а также А.С. Хомякова и др.), предлагавшего измерять как духовный опыт отдельного человека, так и исторический опыт России критерием полноты выражения патристического идеала цельного духа, хранимого в жизни Русской право-

славной церкви. Именно И.В. Киреевский впервые среди образованной части российского общества (после Петровских преобразований) глубоко воспринял церковный духовный опыт через общение со знаменитыми старцами Оптиной Пустыни и чтение трудов отцов Церкви. Благодаря чему сумел в сопряжении с патристической традицией вывести основания и ориентиры «верующего мышления» на уровне не только определенного религиозно-мистического опыта, но и за границами «духовного богомыслия» [2, с. 116] – на уровне философского самосознания. Такое мышление, являясь выражением живой связи рационально-познавательной деятельности с общим духовно-нравственным состоянием человека, явилось также важнейшим свойством самобытного исторического самосознания России, свидетельствующим на протяжении столетий о сохранении христианских идеалов и ценностей. Утраченное в результате западных секулярных реформ Петра I в образованной части российского общества, оно должно было вновь найти «сочувствие в образованной публике» [2, с. 115], культурной и политической элите, с надеждой писал И.В. Киреевский в 1845 г., и стать тем самым основой будущего духовного и культурного возрождения России.

Вслед за И.В. Киреевским отдельные яркие представители русской мысли, такие как Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев и др., прошли личный путь к духовному и интеллектуальному перерождению в православной традиции, оставив сочинения, в которых ставился вполне «славянофильский»

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

диагноз духовно-нравственному состоянию российского общества. К сожалению, идеи славянофилов в лице политической и интеллектуальной элиты середины XIX – начала XX века не были приняты в достаточной мере. По-видимому, это произошло потому, что, с одной стороны, намечалось возрождение в российском обществе интереса к духовному опыту православия и религиозному мышлению, а с другой стороны, в общественном сознании сохранялись приобретенные ранее секулярные европейские черты, и, более того, делался все более популярным атеизм и материализм. Отметим, что и социально-религиозный поиск этого периода, вдохновленный социально-философскими идеями В.С. Соловьева, получивший в начале XX века развитие в произведениях лидеров религиозного движения в среде интеллигенции (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.), не был вполне адекватен идеям славянофилов, поскольку В.С. Соловьев неосторожно переносил в религиозную область социальные идеалы и различного происхождения философские идеи, которые на самом деле были сомнительны с точки зрения христианского вероучения.

В.Ф. Эрн отмечал, что «время славянофильствует» не в том смысле, чтобы произошло в российском обществе массовое обращение к трудам славянофилов, а в том, что сами исторические события сделали востребованным обращение к духовной традиции православия, но в иных обстоятельствах, чем события первой половины XIX столетия. Так, В.Ф. Эрн отмечал возрождение религиозной энергии народа, проявившейся в активизации и напряжении его духовной жизни в ходе Первой мировой войны. Но подобно тому, как славянофилы в своем философском мировоззрении противостояли либерализму и материализму западников, в представлении В.Ф. Эрна в его время происходило столкновение двух общественно-политических позиций, отражающих противоположные философские взгляды в различных областях – в антропологии, и в гносеологии, и в социальной философии, и в историософии, и в философии политики и права. Причем западничество обнаруживало свою разрушительную для будущего России сущность в стремлении обойти военно-политический конфликт с Западом

(в лице Германии) и отказаться находить в происходящих событиях религиозный смысл. «Время славянофильствует» у В.Ф. Эрна в том смысле, что именно Россия берет на себя историческую миссию, «вселенское дело» возврата к Богу, миссию защитника социальной справедливости и христианских ценностей. В.Ф. Эрн, не доживший до грозы русской революции 1917 г., не мог видеть, что испытание, постигшее Россию в годы Первой мировой войны, приобретет новые, не вполне предугаданные им смыслы.

Об этих смыслах русской революции и радикальных общественно-политических трансформаций отечества говорили в его время и позднее русские религиозные мыслители, такие как Н.А. Бердяев, протоиерей С. Булгаков, И.А. Ильин, А.Ф. Лосев и ряд других. Линия славянофильства продолжилась и в среде представителей церковной иерархии и православных богословов, объявивших актуальность возврата к святоотеческому духовному опыту (прозвучал девиз «Вперед, к святым отцам!»), как основе возрождения православной духовной традиции. «Безрелигиозность» мировоззрения и человекобожничество в опыте тогдашних поколений обличались в качестве тупиков духовного развития. Русские мыслители были практически единодушны в том, что историческая ситуация оказалась, по своей сути, ситуацией кенотического (жертвенного) очищения и перерождения российского общества.

Вместе с крушением СССР и сломом советских идеологем в общественном сознании произошло возрождение Русской православной церкви и обращение части интеллигенции к наследию русских религиозных философов. Целый ряд отечественных мыслителей 80-90-х гг. прошлого века прошли через религиозно-мировоззренческое преобразование своих взглядов. А.С. Панарин, подобно славянофилам и русским религиозным мыслителям XX века, уже в конце XX – начале XXI века выражал надежду на духовное перерождение общества и осуществление духовной миссии России, которая для него состояла в осознании себя современной Россией субъектом великой духовной Традиции – «православной цивилизацией» [3]. Именно такое осознание должно было стать в его стратегических оценках экзистенциальным ответом на вызов бездуховного мира, созданного

логикой развития западной цивилизации. Однако лишь в 2000-е гг. в политической элите российского государства стало происходить действительное преодоление соблазна либеральной идеологии и соответствующих ценностей и политических нарративов и возвращение к тем идеалам и ориентирам развития России, о которых говорили славянофилы и поддерживали последующие русские мыслители. Органической частью этого процесса стало закрепление в качестве основы социально-политической стратегии развития России традиционных духовных ценностей.

С началом в феврале 2022 г. специальной военной операции (далее – СВО) на Украине Россия оказалась в ситуации, в некоторой мере схожей с ситуацией Российской империи в годы Первой мировой войны. В общественном сознании оказался востребован духовный подвиг бойцов СВО, священников, учителей, различных добровольческих групп и волонтеров... – всех тех, кто в той или иной форме аккумулируют перед лицом внешних угроз духовную энергию народа. Жертвенная стойкость народа в противостоянии России Западу, несущему в лице своих элит не только военно-политическую, но и духовно-цивилизационную угрозу, явилась свидетельством жизнеспособности исторически свойственных обществу христианских духовных ценностей – правдолюбия, жертвенности, сострадания, милосердия и др.

Во-вторых, в концепте В.Ф. Эрн заложена оценка современного ему развития Европы. По В.Ф. Эрну, в событиях Первой мировой войны произошло разделение Европы на враждующие блоки не только в военно-политическом, но и в духовно-культурном отношении. Разделение Европы явилось следствием духовно-ценностного самоопределения народов и сил, действующих «от имени» европейской цивилизации. По мысли В.Ф. Эрн с одной стороны, «богоубийственные энергии Запада стали сгущаться в Германии» [1, с. 376]. В это время Германия со своими милитаристскими притязаниями явилась выражением ницшеанской «воли к власти» и являла в лице своих элит «пафос человекобожеского сознания» [1, с. 390]. В.Ф. Эрн в своей работе «От Канта к Круппу» убедительно показал духовно-интеллектуальное развитие «богоубийственных энергий» Запада, вплоть до приня-

тия идеи культурного и научно-технического прогресса без связи с христианскими духовными ценностями и «форсирования» достижения господства над другими народами и культурами. С другой стороны, в Европе, в лице, прежде всего, Франции, Великобритании, и благодаря их сотрудничеству с Россией, «в свете пережитого “онтологического” опыта войны» должен был произойти пересмотр собственного духовного бытия, чтобы были найдены «новые пути дальнейшего культурного и духовного развития» [1, с. 383].

Данная идея «разделения Европы» В.Ф. Эрн соответствовала традиционной двойственной славянофильской оценке Запада как цивилизации, в которой развиваются антихристианские силы, бездуховный рационализм и материализм, и одновременно пространстве «святых чудес» (А.С. Хомяков), насколько в европейских народах генетически сохраняется связь с христианскими ценностями. В.Ф. Эрн надеялся, что сам опыт Первой мировой войны подтолкнет Запад выбрать для дальнейшего культурно-цивилизационного развития христианские духовные ценности и отвергнуть материализм и атеизм как свои неадекватные исторические манифестации. Русский мыслитель находил некоторые положительные изменения, связанные, в частности, с возрождением религиозности во Франции в начале XX века, в намечающемся духовном единении с Россией. Однако дальнейшие события прошлого столетия показали нарастание разрыва человека европейской культуры и социума с христианской традицией. Между тем отрицание христианской доминанты в культуре и духовности, о котором как о величайшей назревающей опасности для Европы говорили славянофилы в XIX веке и которое находил воплотившимся в лице Германии во время событий Первой мировой войны В.Ф. Эрн, получило всемерную поддержку в политических и правовых практиках западных элит в наше уже время.

Знаковые параллели можно провести между политическими процессами в Европе начала XX века (о которых говорил В.Ф. Эрн) и нашим временем. В особенности можно наблюдать новое разделение Европы на различные политические блоки в контексте противостояния России. В апреле 2024 г. в газете The Daily Telegraph была опубликована

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

статья главы МИД Франции Стефана Сежурне и главы МИД Великобритании Дэвида Кэмерона, явившаяся, по сути, знаковым политическим манифестом. Данная статья была приурочена к 120-летию со дня образования Антанты. В свое время В.Ф. Эрн находил идею Антанты в реализации духовного единства России с настоящей, «онтологической» Европой против Европы «богоубийственных энергий», воплощенных в политике Германии. Однако ведущая идея западных дипломатов состояла не в этом, а в консолидации «обновленной Антанты», во главе с Францией и Великобританией, которая должна быть направлена на неизменную, абсолютную военную поддержку Украины в ее военном противостоянии с Россией. «Если Украина проиграет, мы все проиграем»; «мир будет судить нас, если мы потерпим неудачу» [4] – в данных суждениях, обращенных к другим странам Евросоюза, фактически отрицается любая альтернатива политическому, военному и культурно-цивилизационному противостоянию России.

Неслучайно А.С. Панарин более 20 лет назад отмечал, что «история XXI века обещает быть еще более трагедийной», чем история XX века. Попытка защитить американскую гегемонию вовлекла европейских сателлитов США (таких как Великобритания, Франция и Германия) в военно-политические авантюры, чуждые национальным интересам и историческим ценностям их народов. Действительно, не выступает ли США (в лице своих элит) теперь в качестве новой условной «Германии» мировых войн прошлого столетия? Ведь «американизированный либерализм», приобретший форму, как отмечал А.С. Панарин, «социал-дарвинистского тоталитаризма» в отношении других государств и народов [5], имеет в своей основе идеологию, противоположную христианскому мировоззрению. В основе «социал-дарвинистского тоталитаризма» находятся такие идеи, как идея приоритета права «сильного» государства (гегемона) на селекционный отбор других государств с точки зрения соответствия определенным ценностям и цивилизационному пути развития, и идея прогресса (прогрессизма), приобретающего форму отказа от всех традиционных ценностей и даже от ряда параметров человеческой природы, что приобретает в том числе и правовое закрепление.

В христианском сообществе и культуре действуют иные духовные приоритеты – от-

стаивание традиционных семейных ценностей, полноты духовной природы человека, включая способность религиозной веры, любовь и сострадание к ближнему, забота о слабых и лишенных социальной справедливости. Россия осознанно отстаивает христианский архетип культуры, защищая традиционные ценности и проводя антиколониальную политику, что неизбежно вызывает противодействие со стороны западных держав, придерживающихся принципов неокolonialизма. Россия противопоставляет тем западным элитам, которые присвоили себе право быть духовными и политическими вождями западного мира, но на самом деле выражают лишь новые смыслы и стадии ее самоотрицания, как цивилизации, по генезису и основаниям своим христианской.

Не все страны Европы целиком и безоговорочно поддерживают мнение об активном участии в военном противостоянии на стороне Украины. В странах Европы произошло не просто разделение в характере и степени радикальности политических дискурсов по поводу экзистенциальных угроз современному миропорядку. Случился глубокий разрыв, основание которого кроется в ценностном и культурно-цивилизационном несходстве разных культурных миров, а также действительности исторической памяти в том или ином народе относительно духовной ответственности за события Первой и Второй мировых войн.

Особого характера разделение в отношении западной цивилизации проходит в пространстве славянского мира. Концепт «время славянофильствует» обращен в особенной мере к славянским народам. На чьей стороне они окажутся – Белоруссия, Сербия, Венгрия а также и другие славянские народы и их элиты? Ключевое же испытание дается сейчас для народа, живущего на Украине. Данное испытание свершается там, где является отношение людей к православным нравственным ценностям, к общей истории, вере, языку, духовному достоинству людей. Прозападные украинские политические элиты в силу своей несамостоятельности не являются субъектом данного экзистенциального испытания. Сами украинцы должны прийти к пониманию необходимости духовного очищения и преодолеть, с одной стороны, тяготение к враждебному национализму, с другой – оболыщение либеральными европейскими ценностями.

Историческое прегрешение «украинства»,

сделавшее необходимым вмешательство России, состоялось в духовно-экзистенциальном плане в том, что в лице прозападных украинских элит произошло смешение онтологического достоинства веры и вопроса национально-территориальной специфики, что отразилось в развязанных ими гонениях на Русскую православную церковь, на русскоговорящих верующих, а вместе с тем и отрицание общего духовно-культурного и социального пространства православной ойкумены. Россия призвана была защитить огромную социальную общность как часть своего мира и вернуть украинцам сознание универсализма ценностей православного христианства.

Россия должна спасти себя и весь западно-христианский мир (консервативная часть которого во многом остается на стороне России), вывести его из тупика самоотрицания собственных духовных истоков, помочь пре-

одолеть всеразрушающий нигилизм и материализм. Но чтобы христианский мир стал в полной мере на сторону Русского мира, ему (как и России) необходимо еще пройти через современные процессы духовного пересмотра и изживания выявившегося зла. В настоящее время происходит формирование новой элиты российского общества. При этом важно создать в ней философски, идеологически выверенное и цельное самосознание. На фоне вызревших на Западе социально-политических противоречий и духовно-мировоззренческого кризиса в основе такого самосознания должна находиться обновленная славянофильская доктрина, которая не потеряла своей актуальности и состоит, прежде всего, в реализации потенциала духовного опыта христианской Традиции как воплощения определенного антропологического и социального идеала.

Список источников

1. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Сочинения. М., 1991.
2. Письма и дневник Ивана Васильевича Киреевского / Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Калуга, 2006.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
4. The world is safer for a renewed Entente: article by the Foreign Secretary and French Minister for Europe and Foreign Affairs / The Daily Telegraph. Published 8 April 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-world-is-safer-for-a-renewed-entente-article-by-the-foreign-secretary-and-french-minister-for-europe-and-foreign-affairs> (дата обращения: 14.04.2024).
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. URL: http://www.patriotica.ru/books/panar_strategy/index.html (дата обращения: 20.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рожковский Виталий Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
ORCID: 0000-0001-6423-4664

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rozhkovsky Vitaly Borisovich, Grand PhD in Philosophy, Associate professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

References

1. Ern V.F. Time is Slavophile. Works. Moscow, 1991.
2. Letters and diary of Ivan Vasilyevich Kireevsky / Kireevsky I.V., Kireevsky P.V. Complete works: in 4 volumes. Volume 3. Kaluga, 2006.
3. Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. Moscow, 2002.
4. The world is safer for a renewed Entente: article by the Foreign Secretary and French Minister for Europe and Foreign Affairs / The Daily Telegraph. Published 8 April 2024. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-world-is-safer-for-a-renewed-entente-article-by-the-foreign-secretary-and-french-minister-for-europe-and-foreign-affairs> (date of access: 14.04.2024).
5. Panarin A.S. Strategic instability of the 21st century. URL: http://www.patriotica.ru/books/panar_strategy/index.html (date of access: 20.05.2024).

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (авторами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021).

Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *.jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

6. Список источников должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ Р 7.0.76–2022 и размещен в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница (например, [3, с. 56]). Нельзя включать в списки литературы анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), приводить их следует непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках; нежелательно использовать публицистические и рекламные статьи, ссылки на русскоязычные интернет-ресурсы, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. (на них можно сослаться непосредственно в тексте статьи).

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!